

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЗАКАТ НА ВОСТОКЕ

**От начала к концу
Версальско-Вашингтонской системы**

Москва
2023

УДК 327.5
ББК 66.4(5)
З 18

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор:
Д.А. Милеев (ФГБУН ИВ РАН)

Рецензенты:
*А. М. Хазанов, д-р. ист. наук (ФГБУН ИВ РАН)
Р. Л. Казарьян, канд. полит. наук (ФГБУН ИВ РАН)*

З 18 Закат на Востоке. От начала к концу Версальско-Вашингтонской системы. Коллективная монография / Отв. ред. Д.А. Милеев; Ин-т востоковедения РАН – Москва: ИВ РАН, 2023. 508 с.

ISBN 978-5-907671-77-5

В монографии исследуется широкий круг проблем, связанных с созданием и функционированием межвоенной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Основное внимание уделено формированию особого характера вовлечения в нее стран Востока. В первой части анализируется роль западных акторов, с разных точек зрения исследуется вопрос результативности политики Японской империи. Большой интерес представляет блок глав, посвященный анализу политики великих держав в странах Азии. Авторами показана особая роль этноконфессиональных общин в межвоенной политике и развитие национально-освободительного самосознания народов Азии, предпосылки кризиса системы на Востоке. Во второй части отмечено изменение структуры международных отношений и роль в ней азиатских акторов, значение исторического опыта, накопленного в результате функционирования Версальско-Вашингтонской системы.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся историей международных отношений и мировой политики.

ISBN 978-5-907671-77-5

УДК 327.5
ББК 66.4(5)

© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные международные отношения развиваются на базе предшествующего опыта развития внешней политики и мировой системы. После окончания Первой мировой войны странами-победителями была сформирована новая система международных отношений, которая претендовала на выстраивание нового мирового порядка в глобальном масштабе. В клуб великих держав вошло азиатское государство – Японская империя. Новый мировой порядок должен был выстраиваться на основе декларируемых принципов решения всех вопросов путём многосторонних переговоров, стремления к отказу от войны, признания права народов на самоопределение и т.д. Сильный импульс развитию тезиса о примате морали в международных отношениях придала политика президента США В. Вильсона, который являлся сторонником либерального подхода к поведению на мировой арене. На историческую арену вышли новые акторы международных отношений, мировое революционное движение, получившее мощный стимул для дальнейшей деятельности, в революционной России в борьбе за власть победили силы, опиравшиеся на коммунистическую идеологию. Попытки изоляции Советской России в надежде на крах нового режима провалились. Роль СССР в межвоенный период значительно

выросла. Поддержка им национально-освободительного движения по всему миру и борьба с колониальной системой стали заметным фактором мировой политики этого периода.

Воздействие Версальско-Вашингтонской системы на формы и методы деятельности великих держав было значительным. Произошел сдвиг в дипломатических установках ключевых европейских стран, изменились их движущие мотивы в принятии тех или иных решений. При этом базовая структура межгосударственных отношений также претерпела изменения: от двусторонних сделок в форме военных союзов и политических интриг государства перешли к многосторонним рамкам сотрудничества, которые подчеркивали справедливость, открытость и гуманитарное правосудие. Эти концепции и видения легли в основу Лиги Наций. Вместе они означали стремление к созданию экономической организации, охватывающей весь мир, и установлению взаимозависимого международного экономического порядка. Формирующаяся система международных отношений предусматривала также поиски путей сдерживания применения силы: основную роль в предотвращении возможности возникновения войн должна была играть Лига Наций, объединяющая в рамках работы Совета Лиги великие державы. Можно было ожидать от этой межгосударственной структуры эффективного урегулирования конфликтов. Однако проблемы в реализации предлагаемой идеи «мирового правительства» начали проявляться практически с самого начала. Идейный вдохновитель новой организации президент США В. Вильсон не смог провести через Конгресс решение о ратификации статута Лиги Наций. Таким образом, место США за столом Совета Лиги оказалось пустым. Учитывая, что из числа великих держав были исключены проигравшая войну

Германия и вновь образованный СССР, неэффективность международных усилий не вызывает удивления. С одной стороны, популярность идей пацифизма в мире была очевидна, общественное мнение поддерживало гуманитарную политику. С другой стороны, конфликты и напряженность в международных отношениях никуда не исчезли. Конкуренция между великими державами за расширение сфер влияния привела к обострению противоречий в разных регионах мира. Важной составляющей новой системы должна была стать растущая мировая экономика, которая создавала бы условия взаимозависимости акторов, повышая их заинтересованность в сохранении мировой торговли. Великая Депрессия оказала разрушительное влияние на экономику государств. Мировой экономический кризис привел к замыканию в национальных границах экономик колониальных держав. Непропорциональные возможности в обеспечении стратегических ресурсов в тридцатые годы стимулировали акторов к внешней агрессии. Возникшие беспорядки и проблемы в поддержании порядка в колониальных империях позволяли рассчитывать обделенным игрокам на возможность использования внутренней неоднородности и слабости империй для перераспределения владений. Последнее предвоенное десятилетие проходило под знаком переориентации государственного строительства на военные рельсы. Усилия государств по сохранению стабильности в политике приводили к выбору тоталитарных методов управления обществом. На международном уровне шел процесс поиска надежных союзников, приводивший к блоковой группировке сил основных акторов перед началом мирового конфликта.

Формирование Версальско-Вашингтонской системы международных отношений должно было способствовать установлению стабильности в мировой политике. Разви-

тие событий на мировой арене показало, что она не справилась с основной задачей предотвращения войны.

Первая часть коллективной монографии посвящена анализу роли восточных стран в межвоенной системе международных отношений.

В первой главе рассматривается роль Японии в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений. Автор прослеживает динамику изменения отношения Токио к новому либеральному мировому порядку. Японские политики вначале приняли с осторожностью «новую политику», особенно их встревожила попытка Китая апеллировать к ней в «шаньдунском вопросе». В последующие годы японская дипломатия приложила усилия, с тем чтобы вписаться в новые правила и в их рамках обеспечивать решение вопросов национальной безопасности. Комплекс противоречий, проявившихся на рубеже двадцатых и тридцатых годов, привел к переходу Японии к фазе активных военных захватов и подготовке к новой большой войне. Лига Наций не смогла выполнить свою главную задачу механизма предотвращения войны. Япония предпочла выйти из этой международной организации вместо выполнения резолюции Лиги.

Во второй главе тема японской внешней политики продолжается: в фокусе внимания автора находится история развития отношений между Японией и Турцией в межвоенный период. В отечественной историографии тема мало изучена и представляет большой интерес. Развитие связей между двумя географически отдаленными акторами накладывало свой отпечаток на характер отношений. Важно также отметить, что обе державы относились к небелым акторам мировой политики, что определяло специфические пределы эволюции отношений. После поражения в Первой мировой войне Турции необходимо было макси-

мально аккуратно выстроить внешнюю политику таким образом, чтобы избежать риска вовлечения в конфликты, в которых интересы турецкого государства носили бы второстепенный характер.

Третья глава показывает, как Япония постепенно изменяла колониальную политику на Тайване после окончания Первой мировой войны. Это время на острове было связано с началом «просвещенного правления» колониальной администрации. Подобный подход перекликался с идеологическим посылом просвещенной части международного общественного мнения. Японские власти пытались общаться с местным населением в соответствии с «духом времени». Подобная картина трагически отличалась от обстановки, сложившейся на Корейском полуострове.

Автор четвертой главы исследует попытки лидеров панмонгольского движения получить международное признание проектировавшегося ими общемонгольского государства, в частности учитывая проходившую в 1919–1920 гг. Парижскую мирную конференцию. Панмонгольское движение в начале XX в., после коллапса Цинской и Российской империй, ставило своей целью создание единого государства различных монгольских народностей, объединенных общностью происхождения и этнокультурным ареалом. В этом движении участвовали представители некоторых из этих народностей из Внутренней Монголии, Барги (Хулунбуира) и Забайкалья. Съезд панмонголистов по организации объединенного Монгольского государства состоялся в 1919 г. в Чите, в Забайкалье, которое контролировалось в тот период войсками атамана Г.М. Семенова, которого поддерживала Япония. На основе документов и публикаций того времени анализируются положения протокола и декларации съезда, избравшего временное правительство панмонголистов, их попытки строительства

государства, вовлечения в движение других монгольских народностей, разногласия в их руководстве, связи с Г.М. Семеновым и Японией. Особое внимание уделено попыткам панмонголистов установить связи с западными державами, а также получить международное признание, ссылаясь на концепцию президента США В. Вильсона, провозглашавшего национальное самоопределение и защиту демократии важнейшим принципом нового миростроительства и заявлявшего о необходимости признания независимости новых европейских государств, ранее входивших в европейские империи. В связи с этим панмонголисты пытались отправить делегатов на Парижскую мирную конференцию держав-победительниц в Первой мировой войне. Однако все их попытки были безуспешны, поскольку конференция прежде всего отражала интересы западных держав и Японии в Восточной Азии. Отмечается, что «вильсонизм» внес важный вклад в дальнейшее развитие демократии, неотъемлемой чертой которой являются двойные стандарты.

Пятая глава на примере Сирии рассказывает об антиколониальной политике Соединенных Штатов в межвоенный период, усилиях по подрыву мандатной политики Франции на Ближнем Востоке. В середине 1920-х годов США стали прибегать к политико-идеологической поддержке народов тех стран, находившихся тогда под протекторатом британской или французской администраций. Составители американского меморандума уделяли внимание жестокости французов, проявленной при подавлении восстания в 1925 г. В документе говорилось о действиях мандатной администрации, направленных не только против интересов самих сирийцев, но и в ущерб другим зарубежным влияниям, и особенно американскому. Американская дипломатия, отягощенная «мессианским комплексом» на

Ближнем Востоке, стремилась прекратить варварский колониализм Соединенного Королевства и Франции и взять на себя «священный долг цивилизации» по управлению и заботе о территориях в регионе.

Шестая глава анализирует ключевые моменты сочетания традиционных силовых практик колониального администрирования со стороны британских властей и новых – для межвоенного периода – методов реформирования империи с учетом национальных движений, получивших развитие в Восточной Азии на протяжении 1920–1930-х годов. Автор приходит к выводу о сложном и противоречивом процессе трансформации Британской империи в Содружество в условиях отсутствия консенсуса среди представителей властной элиты Соединенного Королевства.

В седьмой главе выявляются вопросы колониального порядка на примере развития модели внутренней безопасности в Британской империи после Великой войны. Эпоха Интербеллума прошла под знаком конкурентной борьбы различных форм обеспечения безопасности колониального порядка, обусловленной ростом повстанческой активности в Британской империи после войны. Дискуссии по этому вопросу отражали теоретические и доктринальные противоречия, бюрократическое соперничество служб безопасности и споры военных и гражданских властей по поводу границ их ответственности в сохранении колониального порядка. В этой связи целесообразно подойти к изучению изменений в понимании параметров обеспечения колониального порядка в военной мысли Великобритании после войны сквозь призму исторической реконструкции дискуссий на эту тему в профессиональной среде. Не меньшее значение имеет выявление степени взаимовлияния основных положений этого спора в условиях бюджетных ограничений и новых вызовов британскому

колониальному правлению. Анализ цивилизационного подхода при оценке допустимых мер обеспечения колониального порядка, разногласий между военными и гражданскими властями из-за выбора военно-политического курса в конфликтах этого рода (той или иной модели обеспечения внутренней безопасности) позволяет по-новому поставить вопрос о роли армии в реализации британского имперского проекта на его завершающем этапе – с точки зрения институционального самовосприятия на фоне возрастающего значения военной силы и одновременно сокращения возможностей использования других рычагов влияния в сохранении власти метрополии на зависимых территориях. К настоящему времени имеется достаточно предметное представление о моделях внутренней безопасности, апробированных империями после войны. Однако, за редкими исключениями, специалисты по-прежнему не придают самостоятельного значения тому, что об этом думали сами военные, полицейские и сотрудники (контр) разведки. Как они представляли разделение труда в этом вопросе? Где проводили границы ответственности между военными и гражданскими властями в условиях повстанческой активности? Как менялась рамка осмысления герильи? Ответы на эти вопросы открывают новые познавательные возможности с точки зрения исторической реконструкции логики применения вооруженных сил в колониях в эпоху Интербеллума.

В восьмой главе исследуется место Турции во внешней политике Великобритании, Франции и Советского Союза в межвоенный период. Первая мировая война привела к необходимости для Турции выработки новых ориентиров. Главной целью турецкой внешней политики стало выживание республики в ее этнографических границах. После Лозаннской конференции 1923 г. бывшие противники Тур-

ции – Великобритания и Франция – приобрели статус ее соседей. В 1920–1930-х годах вопрос об этом стал главной проблемой во франко-турецких и британо-турецких отношениях. Одновременно Турция выстраивала новую систему взаимоотношений с Советским Союзом, однако подспудный страх Анкары перед советской угрозой отмечается во всех приведенных исследованиях. В основу кемалистской дипломатии был положен принцип балансирования: сочетание долгосрочных отношений с СССР с осторожной политикой в отношении западных держав. Турецкая дипломатия сочетала балансирование с возвращением остатков османских земель. К концу 1930-х годов республика завершила процесс легитимации своего международного статуса. Важная особенность турецкого национализма заключалась в его преимущественно внутренней направленности, что в отличие от иракского или сирийского аналогов уменьшало возможность внешних конфликтов. Реализм в политике Ататюрка проявлялся в том, что он не верил ни в постоянную дружбу, ни в постоянную враждебность. Примером тому было стремление установить дружественные отношения с Грецией, Италией и, особенно с Великобританией и Францией – бывшими врагами Турции в период Первой мировой войны. В главе акцентируется внимание на том, что Турция является одной из первых полуколониальных стран, которая завоевала национальную независимость и стремилась развивать дружественные отношения со всеми странами. Это заставило Великобританию и Францию воспринимать Турцию как заметного регионального актора. Советский Союз рассматривал Турцию как составной элемент межвоенной системы международных отношений; со своей стороны, Турция стремилась поддерживать политику дружественного нейтралитета. Это не избавило СССР и Турцию от

сохранения старых и обострения новых противоречий, в полной мере проявившихся в период Второй мировой войны.

В девятой главе затронута тема колониальной политики Веймарской республики. Потеря колоний по итогам Первой мировой войны не означала отказа Германии от колониального проекта как среди элиты, так и среди широких масс населения. На протяжении двадцатых годов XX в. существовало твердое убеждение в необходимости возвращения утраченных заморских владений. Колониальный ревизионизм являлся важным фактором как общественно-политической жизни, так и внешней политики Веймарской республики. В Министерство иностранных дел постоянно направлялись проекты за авторством бывших губернаторов колоний, в которых описывались различные способы борьбы за утраченные земли. Наибольшую активность в этом отношении проявляли бывший губернатор Того Э. Брюкнер и президент Немецкого колониального общества, бывший губернатор Камеруна и Германской Юго-Западной Африки, Т. Зайц. В своих записках они озвучивали идеи создания совместных концессий на подмандатных территориях, поддержки миграции избыточного населения Германии в бывшие заморские владения и настаивали на активизации как колониальной пропаганды внутри страны (в первую очередь среди молодежи), так и переговорного процесса с мандатариями по поводу допуска Веймарской республики к управлению бывшими колониями. Вопрос о колониях неоднократно поднимался во время встреч немецких политических деятелей с британскими и французскими коллегами, на конференциях в Локкарно (1925) и в Париже (1929), а также в Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций, где германские интересы в бывших заморских владениях в 1927–1933 гг. защищали

Л. Кастл и Ю. Руппель. Вместе с тем Германия сохраняла и даже наращивала экономическое присутствие в бывших колониях, а также проявляла заботу о немецких переселенцах, проживавших на данных территориях. С началом Великой депрессии на Вильгельмштрассе временно отказались от попыток возвращения утраченных колоний, однако сама надежда на их возвращение продолжала жить, что способствовало укреплению правых настроений в германском обществе.

Десятая глава рассказывает о месте Ирака во внешней политике СССР в 20-е годы XX в. СССР первоначально оказался за пределами Версальско-Вашингтонской системы, и советской дипломатии приходилось в сложных условиях решать поставленные задачи. Спецификой позиции СССР было сочетание идеологии мирового коммунистического движения и государственной политики. Идеологическая константа в политике большевиков в отношении Ирака хотя и играла преобладающую роль в процессе принятия решений, тем не менее она вполне спокойно «уживалась» с классическим внешнеполитическим прагматизмом. В основных проявлениях внешнеполитической активности СССР в отношении Ирака просматривается компромиссное соотношение идеологического и прагматического начал. Идея борьбы за независимость стала точкой пересечения взаимных интересов и платформой для сотрудничества большевиков и иракской национально-патриотической оппозиции, включавшей и сторонников концепции «панарабизма», и мусульманских религиозных деятелей.

Одиннадцатая глава посвящена восстаниям представителей различных этноконфессиональных групп, вспыхнувших в Ираке в 1930-е годы по итогам Первой мировой войны современное государство Ирак образовалось после

объединения трех османских провинций. С этнической и конфессиональной точек зрения эта страна обладает одним из наиболее разнородных обществ на Ближнем Востоке. В XX в. в Ираке обострились противоречия между этническими и конфессиональными группами и центральным правительством. Несмотря на то что в 1930 г. был подписан англо-иракский договор, который лег в основу отношений Ирака с Великобританией после обретения Ираком независимости в 1932 г., британцы сохранили свое влияние в стране. В целом 1930-е годы в Ираке стали десятилетием народных волнений и восстаний этноконфессиональных групп страны. В 1931 г. курды, недовольные своим социально-экономическим положением, восстали под предводительством шейха Ахмада Барзани. 1933 г. ознаменовался волнениями среди ассирийцев Ирака, обеспокоенных своей судьбой после отмены британского мандата, а также резней в Симеле и других населенных пунктах, совершенной иракской армией и курдскими формированиями. В итоге погибло от 3 до 6 тыс. ассирийцев. В 1935 г. восстали иракские езиды. Поводом для выступления послужило намерение правительства призвать их в армию. Следует отметить, что к моменту обретения независимости Ирак переживал перестройку общества, характеризующуюся ослаблением роли племенных шейхов. В XX в. шейхи племен постепенно теряли свое влияние, в то время как в городах формировалась новая элита. Ситуация накалилась в 1935 г., когда в Ираке вспыхнули восстания шиитских племен, поводом для которых послужило исключение некоторых шиитских шейхов из числа депутатов парламента. Позже были выдвинуты политические требования, направленные на расширение представительства шиитов во власти и улучшение их экономического и социального положения. Восстания шиитских племен также были подавлены.

Таким образом, 1930-е гг. в Ираке ознаменовались обострением этноконфессиональных проблем. Волнения и восстания различных этнических и религиозных групп стали показателем политической нестабильности в стране. Насильственное подавление подобных выступлений стало определять конфессиональную политику в Ираке на десятилетия вперед.

Двенадцатая глава посвящена одному из сложнейших вопросов на Парижской мирной конференции – проблеме Палестины. В период Первой мировой войны российская пресса активно обсуждала планы будущего Палестины, которые варьировались от полного протектората России до сохранения существующего статус-кво. Данное исследование локализовано материалами сибирской прессы, доступной для анализа в более полном объеме после запуска цифровых проектов «Хроники Приангарья» и «PRO Сибирь». Результаты анализа позволяют выделить два параллельно существующих процесса в 1914–1917 гг.: проект будущего Палестины еврейской и будущего Палестины христианской. На материалах сибирской прессы прослежена эволюция представления будущего Палестины: от идей нейтрализации и протектората над Святой землей Великобритании к реализации планов полной немецкой колонизации и до проектов создания еврейского государства. Автор приходит к выводам, что сибирские периодические издания в 1914–1917 гг., обсуждая будущее Святой земли, а также следуя за центральной прессой, создавали собственные проекты. Обсуждение палестинского вопроса в сибирском обществе шло параллельно с дипломатическим решением; общество посылало правительству сигнал и запрос на реализацию своих проектов. Самыми активными участниками этого процесса были региональные отделы ИППО, и прежде всего Томский отдел. Еврей-

ские общины Сибири также внимательно следили за развитием ситуации на Святой земле, что подробно отразила сибирская пресса. Большое число русских паломников и русская собственность в Палестине рассматривались в качестве важнейших политических факторов наращивания присутствия России на Святой земле. Рассмотренные в исследовании проекты наглядно показали, что главный вопрос для сибирских авторов стоял не столько в том, под чьим протекторатом окажется Палестина, а в том, кто будет контролировать святы места. Фактически речь шла об изменении status quo на святых местах за счет вытеснения греческого присутствия и замены его на русское.

Во второй части коллективной монографии исследуется влияние исторического опыта функционирования межвоенной системы на современные международные отношения.

В тринадцатой главе автор анализирует значение Вашингтонского морского соглашения 1922 г. для современной проблемы коллективного договора об ограничении стратегических вооружений. Это соглашение стало первым и последним примером многостороннего консенсуса, закрепившего в документе готовность ведущих стран ограничить стратегические силы, которыми на тот момент являлись прежде всего военно-морские силы. В главе ставится задача проанализировать, каким образом стороны пришли к заключению соглашения: кто был инициатором, чем обосновывалась позиция сторон, какие интересы они преследовали, на какие уступки и почему пошли. Этот подход используется для анализа фактов, которые привели США и СССР к ряду договоров об ограничении стратегических вооружений в ядерную эпоху. Автор приходит к выводу об универсальности факторов и условий, которые способствуют договоренностям о сокращении стратегиче-

ских вооружений или приводят к их разрушению. Стороны соглашаются на ограничения, когда новые технологии создают равную угрозу стратегической безопасности, но условия договоренностей оставляют надежду на асимметричные преимущества одной из сторон. Когда меры контроля делают это очевидным, договоренности оспариваются и разрушаются. Когда стратегические решения на следующем технологическом витке дают новые асимметричные преимущества в безопасности, условия прежних договоренностей пересматриваются.

Четырнадцатая глава пытается дать ответ на вопрос, являются ли курды жертвами политики западных держав. Целью исследования является выяснение соотношения внешнего и внутреннего фактора в динамике национального движения курдов с начала XX в. до 1975 г. (поражение восстания Барзани в Ираке). Формулируется базовое противоречие национального движения, а также выделено несколько различных измерений внешнего фактора национального движения курдов. Методами данного исследования являются исторический, описательный и сравнительный. При изложении и анализе материалов автор руководствовался принципами системности и историзма. Базовым объектом исследования является национальное движение иракских курдов с момента поражения Османской империи в Первой мировой войне (в 1918 г.). Делается вывод о том, что именно внешний фактор был доминирующим на протяжении большей части становления национального движения курдов. Он достиг своего апогея к началу 30-х годов, когда влияние мировых держав (Великобритании, Франции) ещё сохранялось, в то время как на политической карте региона появились независимые государства (Турецкая Республика в 1923 г., Королевство Ирак в 1932 г.). Новые государства также оказывали дав-

ление на национальное движение курдов, однако они не могли полностью преодолеть их стремления к свободе и независимости.

В заключении отмечается, что базовым противоречием национального движения курдов в Ираке стал конфликт между городскими светскими курдами (интеллигенцией, пролетариатом) и представителями традиционных курдских племён. Что касается внешнего фактора, то он может быть подразделён на: а) политику центрального правительства в отношении курдов в пределах Ирака; б) политику руководства Ирана и Турции в отношении курдов Ирака; в) политику мировых держав (Великобритании, США и СССР) в отношении движения Барзани.

Пятнадцатая глава посвящена исследованию Кипрского вопроса в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Автор приходит к выводу о том, что Лига Наций вовсе не отстаивала интересы всех народов, как это предполагалось при создании организации. Напротив, Лига представляла собой структуру, обеспечивавшую господство европейских держав, например Великобритании и Франции. Обострение ситуации на Кипре в межвоенный период является тому доказательством. Лига Наций даже не считала необходимым искать компромисс для устранения противоречий между греческой и турецкой общинами острова. Однако, несмотря на это, автор приходит к выводу о том, что позитивные аспекты в деятельности Лиги все-таки присутствовали. Основанием для такого утверждения служит следующее. В ходе исследования автору удалось выявить важное обстоятельство, суть которого состоит в том, что в практике Лиги Наций в зародышевом состоянии появились и были апробированы те формы деятельности, с использованием опыта которых позднее, уже в рамках другой глобальной международной организации,

сформировался столь важный и действенный механизм «тушения» конфликтов, как миротворческие силы ООН. Автор проследил ростки этой деятельности в практике Лиги Наций и пришел к заключению, что серия операций, предпринимавшихся под эгидой Лиги Наций в различных районах мира, особенно в тридцатые годы прошлого столетия, может быть интерпретирована как «прообраз» миротворческих сил ООН. В исследовании было показано, какую чрезвычайно важную положительную роль данный инструмент сыграл для сохранения мира на Кипре в виде Сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на острове. Таким образом, в рамках Лиги Наций появились компоненты миротворческой деятельности, ставшие «прообразом» полноценного института миротворческих сил уже в системе ООН. Кроме того, участие миротворческих сил ООН в кипрском урегулировании является доказательством эффективности деятельности приемницы Лиги Наций.

События, описанные в шестнадцатой главе, возвращают нас к современной повестке дня. В исследовании рассматриваются вопросы эволюции политических систем арабских стран Ближнего Востока после обретения ими национальной независимости и вплоть до начала «Арабской весны». Особое внимание уделено анализу особенностей формирования и развития политических институтов государства в Сирии, Египте и Саудовской Аравии. Дается оценка влияния внутренних и внешних факторов на развитие политической системы арабских стран. Изучено место и роль законодательных и исполнительных органов власти в системе государственного управления. Подчеркивается приоритет авторитарных методов управления и слабости принципа разделения властей в условиях экономической отсталости и конфликтогенного типа раз-

вития арабских стран в указанный период. Однако именно сильное государство и авторитарные методы управления смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики и обеспечить политическую стабильность после достижения арабскими странами политической независимости. Показана доминирующая роль армии и военных в политической жизни арабских государств. Исследуются причины провала светского проекта демократических реформ и подъема исламистских движений в условиях глобализации и растущего вмешательства Запада во внутренние дела региона. Сделан вывод о неготовности политических систем арабских стран противостоять вызовам «Арабской весны».

В заключительной главе автором исследуются вопросы эволюции отношений Ирана с государствами Ближнего Востока в условиях кризиса в САР. Основное внимание уделено динамике ирано-израильских отношений. Дается обзор основных этапов ирано-израильского противостояния после начала сирийских событий. Исследованы ключевые внутренние и внешние факторы влияния на характер ирано-израильских связей и особенности их развития. Кризис в САР активизировал конфликтный потенциал Ближнего Востока и обострил ирано-израильское противостояние. В 2021–2022 гг. ирано-израильское противоборство приняло новые формы, охватив другие страны Ближнего Востока. В начале 2023 г. вооруженный конфликт между Тель-Авивом и Тегераном вошел в критическую фазу и поставил Ближневосточный регион на грань новой войны. Предпринятые весной 2023 г. влиятельными региональными и международными державами меры дали импульс позитивным процессам в региональных отношениях, призванных снизить градус напряженности в ирано-израильском противостоянии. Однако события апреля 2023 г. по-

казали преждевременность надежд на снижение градуса конфронтации в ирано-израильских отношениях.

В Приложении приводятся материалы из корпуса документов, являвшихся основой создания и функционирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений в части, касающейся стран Востока.

Часть I
ВОСТОК В МЕЖВОЕННОЙ СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1

Япония в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений*

Приближавшееся окончание Первой мировой войны ставило важные вопросы перед японскими государственными деятелями. Наиболее животрепещущей проблемой была необходимость сохранить приобретенные военной силой позиции в Китае. С самого начала развития событий на Шаньдунском полуострове японская дипломатия предпринимала обеспечительные меры по закреплению за империей территорий, захваченных у Германии. Последовавшие события с предъявлением «21 требования» китайскому правительству и возникшая в связи с этим напряженность в отношениях с союзниками по Антанте только усиливали беспокойство Токио относительно судьбы трофеев военной поры после наступления мира. Японские дипломаты смогли достичь определенных результатов по формированию системы обязательств, учитывающих ее интересы на континенте. В 1916 г. между Россией и Японией был подписан секретный союзный договор, в котором стороны, «признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал владычеству какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии...», договаривались

* Автор главы: Д.А. Милеев, ORCID: 0000-0001-6450-7589.

о совместных действиях¹. Это стало важным достижением Токио, поскольку усиливало позиции Японии в Китае перед лицом возможных претензий². 1 марта 1917 г. было достигнуто японо-французское соглашение о поддержке японских притязаний в Китае и на Тихом океане в обмен на оказание содействия в вопросе о разрыве отношений между Пекином и Берлином³. Франция и Великобритания стали выступать за вовлечение Китая в войну против центральноевропейских держав. Политика Японии по вопросу участия Китая в войне прошла путь от противодействия до присоединения к общей позиции по стимулированию Китая в принятии решения о войне с Германией⁴.

4 ноября 1917 г. было подписано американо-японское соглашение, оформленное обменом нотами государственным секретарем США Р. Лансингом и послом Японии в США К. Исии⁵. В соответствии с текстом ноты правительство США признало, «что Япония имеет специальные интересы в Китае, в частности в той части, с которой граничат ее владения»⁶.

Японцы рассматривали это положение расширительно – как согласие США на обладание Японией не только Шаньдунской провинцией, но и всем Северным Китаем. Достигнутое соглашение между США и Японией было

¹ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Институт востоковедения РАН, 1927. С. 191–192.

² Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. В 3 т. Т. 2. Россия и союзники / Отв. ред. А. Чубарьян. М.: Международные отношения, 2020. С. 444.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). / Под общ. ред. Е. М. Жукова. М.: Госполитиздат, 1951. С. 236.

⁴ Панов А. Н., Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. С. 61.

⁵ Там же. С. 62–63.

⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). С. 240.

расценено в Токио как еще одна победа японской внешней политики⁷. Однако подобная оценка была некорректной. Американская дипломатия имела свою интерпретацию текста соглашения, делая акцент на том, что Токио признавал принцип «открытых дверей», территориальную целостность и независимость Китая, а термин «специальные интересы» распространялся на японские предприятия, а не на японское государство. В итоге соглашение Лансинга – Исии не привело к изменениям ни в политике Японии по отношению к Китаю, ни в политике Вашингтона по отношению к Токио⁸. В отношениях с Великобританией японская сторона могла рассчитывать на поддержку в рамках многолетнего англо-японского союза. Однако с приближением окончания войны внешнеполитическая обстановка вокруг чувствительных для Токио вопросов осложнилась. В России произошла революция, которая разрушила в итоге японо-русские союзные обязательства. Китайские дипломаты рассчитывали использовать участие страны в войне для пересмотра отношений с великими державами, прежде всего с Японией, в сторону большего равноправия.

Другой, связанной с первой, но имеющей более долгосрочное значение, проблемой было позиционирование Японии в новой системе международных отношений. Этот вопрос сформировался в ходе Первой мировой войны в процессе длительного противостояния враждебных лагерей, приведшей к расширению участников конфликта, что в конечном счете завершилось вступлением в войну США. Президент В. Вильсон имел собственное видение будущего мира, изложенное в его известных «14 пунктах», представлявших собой заявление о принципах установле-

⁷ Хата Икухико. Тайхэйё кокусай канкэй си. (История международных отношений на Тихом океане). Токио: Фукумура, 1972. С. 127–128.

⁸ Носов М. Г. Отношения между США и Японией: история взлетов и падений (1791–2020). М.: Весь мир, 2020. С. 112.

ния мира, которое должно было использоваться для мирных переговоров с целью прекращения Первой мировой войны⁹. Американский подход к послевоенному строительству мирового порядка предлагал новые принципы управления, базирующиеся на либеральных ценностях. Усталость от кровопролитной, истощающей все ресурсы долгой войны, накопившаяся в странах-участницах, способствовала росту популярности в мире провозглашенных идей о новой внешней политике, опирающейся на открытые соглашения, поддержку демократии и самоопределение народов; в мировой экономике – на свободу торговли. Японские правящие круги к подобному развитию событий были не готовы. Формируя делегацию на Парижскую мирную конференцию, в Токио не предвидели важность участия Японии в решении региональных европейских вопросов. Эта недооценка ситуации проявилась в том, что хотя Япония направила на конференцию большую делегацию, во главе её был поставлен бывший премьер-министр маркиз Сайондзи Кинмоти, роль которого была во многом символической и ограниченной из-за плохого состояния здоровья. Фактическим главой делегации был бывший министр иностранных дел барон Макино Нобуаки. Для японского стиля управления подобное положение дел не являлось из ряда вон выходящим: доверенные сотрудники выполняют основную работу и подготавливают решение, а глава берет на себя ответственность. Однако в рамках формата международной конференции в Париже делегация, возглавляемая недействующими лидерами государств, привела к тому, что Япония оказалась за пределами переговоров «большой четверки», состоявшей из президента США Вудро Вильсона, премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд

⁹ Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Supplement 1. The World War by United States. Editor: Joseph V. Fuller General, Editor: Tyler Dennett United States Government Printing Office Washington, 1933. P. 12–17.

Джорджа, премьер-министра Франции Жоржа Клемансо и премьер-министра Италии Витторио Эмануэле Орландо, хотя и попала в «большую пятерку» держав, определявших основное содержание работы конференции. Когда обсуждался вопрос о том, кто возглавит делегацию, один из влиятельных гэнро Ямагата и премьер-министр Хара сочли целесообразным иметь в качестве главного полномочного представителя на конференции кого-то, чья общественная популярность защитила бы правительство от ожидаемой негативной реакции, когда будут заключены мирные условия¹⁰. Маркиз Сайондзи полагал, что конференция будет иметь решающее значение для признания за Японией статуса мировой державы и расширения ее ответственности в международных делах¹¹.

В ходе работы Парижской конференции выявились два магистральных подхода: первый – решение судьбы побежденных государств в соответствии с традиционным методом *Realpolitik* и второй – либеральный курс В. Вильсона. Для Токио главным вопросом конференции были ее территориальные претензии в отношении бывших немецких колоний: на Шаньдунском полуострове с г. Циндао и тихоокеанских островов к северу от экватора (Маршалловых островов, Микронезии, Марианских островов и Каролинских островов). Китай, направляя свою делегацию, рассчитывал на возвращение Шаньдуна и ликвидацию договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе «21 требования»¹². Надежды китайских дипломатов были сразу разрушены европейскими политиками. Премьер-министр

¹⁰ Connors L. The Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-War Japanese Politics. London: Nissan Institute for Japanese Studies, University of Oxford, 1987. P. 63.

¹¹ Ibid.

¹² Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 2: 1917–1945 гг./Г. В. Ефимов, Е. М. Дубинский. М.: Мысль, 1973. С. 16.

Франции Клемансо заявил: «Мы сочувствуем этим пожеланиям Китая, но этот вопрос не имеет отношения к вопросу о прошедшей войне, поэтому он не будет обсуждаться на конференции»¹³.

Тем не менее китайская делегация развила бурную деятельность по отстаиванию суверенных прав по «шаньдунскому вопросу», возлагая свои надежды на поддержку со стороны президента В.Вильсона. Инициированная американским лидером дискуссия о либеральных началах в международных делах и поддержка международным общественным мнением принципов «моральной политики» осложняли положение японских представителей, которые в начале работы конференции присоединились к поддержке «14 пунктов». Теперь против них были обращены аргументы о необходимости отказаться от прав, полученных в Китае. Китайский представитель Веллингтон Ку в своей речи оперировал либеральными постулатами, защищая позицию Китая¹⁴. В кулуарах конференции была очевидна поддержка китайской позиции американской делегацией. В Японии увидели в этом поведении американской стороны стремление к сохранению статус-кво и сохранению доминирования Запада над остальными странами¹⁵.

В свою очередь, Япония выступила с предложением включить пункт о расовом равенстве в устав создававшейся Лиги Наций. Предложение Токио было чрезвычайно неудобно для политики других держав. Прежде всего под ударом оказывались дискриминационные ограничения в США и в британских доминионах в отношении представителей азиатских стран. В предыдущие годы в отношениях между

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 406.

¹⁵ Naoko Shimazu. Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. Routledge, 1998. P. 50.

Токио и Вашингтоном не один раз возникала тема ущемления прав японцев по признаку расы. Американская дипломатия в этих вопросах демонстрировала непреклонность, что начиная с 1907 г. способствовало развитию антиамериканской линии во внешней политике Японии. Фактически напряженность была такова, что президент Вильсон обсудил с Кабинетом министров мобилизацию вооруженных сил в Тихом океане в рамках подготовки к возможному конфликту против Японии¹⁶. Великобритания также была вынуждена учитывать сильные расистские настроения в собственных доминионах. Нетерпимость Австралии по этому вопросу была известна. Японское предложение о равенстве рас стало наиболее обсуждаемой темой в переговорном процессе во время мирной конференции в 1919 г. Как единственная небелая великая держава среди союзников Япония не обладала должным влиянием на Версальской мирной конференции, чтобы провести это решение через голосование. В результате по настоянию Великобритании и ее доминионов, а также США вопрос был отвергнут на Комиссии Лиги Наций. Для Японии этот исход обсуждения имел неоднозначные последствия. С одной стороны, провал предложения о расовом равенстве стал символом провала или слабости японской мирной дипломатии и дорого обошелся Министерству иностранных дел с точки зрения его репутации¹⁷. С другой стороны, Япония добивалась значимого пропагандистского успеха в глазах азиатских народов, зарекомендовав себя как борца за равноправие по расовому вопросу. Тем самым, упрочив образ единственной силы, способной бросить вызов «белым» великим державам, впервые возникший по итогам Русско-японской войны.

¹⁶ Naoko Shimazu. Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. P. 78.

¹⁷ Naoko Shimazu. Japan at the Paris Peace Conference of 1919: A Centennial Reflection//Japan Review. Summer 2019. Vol. 3. No.1. P. 10.

Япония накапливала идеологический капитал для реализации в перспективе плана по консолидации азиатских стран во главе с империей в борьбе с колониальными державами, который в будущем приобретет окончательное концептуальное оформление в «Великой Восточно-Азиатской Сфере Сопроцветания». Симптоматично, что в ходе обсуждения темы равенства в расовом вопросе его противники проявили желание не фиксировать свою позицию в официальном протоколе, и в конечном счете Великобритания отклонила предложение под предлогом отсутствия консенсуса¹⁸.

После провала инициативы Японии представители других великих держав уже не находили решительных аргументов для принятия позиции китайской стороны по «шаньдунскому вопросу». Европейские игроки согласились с передачей территорий еще в 1917 г., а американская делегация оказалась перед выбором – продолжать поддерживать Китай и оказаться перед перспективой срыва конференции, краха глобального проекта президента В. Вильсона по созданию Лиги Наций или уступить Токио.

Представитель Японии барон Н. Макино в категорической форме требовал юридического оформления в мирном договоре согласия Германии на передачу Шаньдуна Японии как завоеванной территории, снимая таким образом китайскую аргументацию принадлежности территории Китаю по условиям договора аренды. При этом, следуя указаниям Токио, японская делегация угрожала в случае нежелания «Совета десяти» удовлетворить эти требования отказаться от вступления в Лигу Наций и подписания мирного договора. Маркиз Сайондзи находился в тесном контакте с премьер-министром Франции Жоржем Клемансо, доводя до партнеров категоричность позиции Японии¹⁹.

¹⁸ Туз А. Указ. соч. С. 410.

¹⁹ Connors L. Op. cit. P. 74.

Находясь перед угрозой ухода японской делегации, президент В. Вильсон сделал выбор в пользу создания новой мировой системы во главе с Лигой Наций. Объясняя свое решение пойти на уступки Японии, Вильсон заявил: «Если бы Япония ушла с конференции, то мирная конференция была бы сорвана. Единственная надежда создать сплоченный мир – образовать Лигу Наций с Японией в Лиге и тогда попытаться обеспечить справедливое отношение к китайцам не только со стороны Японии, но и Америки, Англии, Франции, России – всех тех, у которых есть концессии в Китае. Если бы Япония покинула конференцию, имела бы опасность японо-русско-германского союза и возвращения к старой системе «баланса сил» в мире – еще в более широких масштабах, чем даже раньше»²⁰. Американский президент понимал, что достигнутый компромиссный вариант решения «шаньдунского вопроса» будет «непопулярным в Америке, что китайцы будут жестоко разочарованы, что жадные японцы будут чувствовать себя триумфаторами, что он будет обвинен в нарушении собственных принципов, но тем не менее он должен работать для мирового порядка и организации против анархии и возвращения к старому милитаризму»²¹. Китайская делегация выразила протест. Новости с конференции вызвали массовые студенческие протесты в Китае 4 мая, что позже приведет к возникновению общественного движения, известного как «Движение четвертого мая», а в дальнейшем вынудит китайскую делегацию отказаться подписать Версальский мирный договор. Этот шаг не носил антигерманской направленности, а был попыткой оказать давление на Японию, Великобританию

²⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 2: 1917–1945 гг. С. 20.

²¹ Там же.

и США²². В статье № 156 Версальского договора фиксируется отказ Германии в пользу Японии от всех прав и привилегий на территорию Цзяочжоу, от железных дорог, копей и подводных кабелей, которые Германия приобрела в силу договора с Китаем от 1898 г., и от всяких иных актов, касающихся провинции Шаньдун. Равным образом все германские права на железную дорогу от Циндао до Цзинаньфу переходят к Японии²³.

7 мая Верховный совет Антанты передал Японии мандат на принадлежавшие Германии тихоокеанские острова к северу от экватора. Хотя японцы рассчитывали, что эти острова будут переданы им не в опеку, а в собственность, в Токио согласились с этим. Япония получила под свой контроль три основные группы островов – Марианские, Маршалловы и Каролинские, – а также около 1400 мелких островов общей площадью в 800 кв. миль. Таким образом, все территориальные требования Японии были удовлетворены, и японская колониальная империя значительно расширилась²⁴.

По возвращении в страну маркиз Сайондзи подготовил отчет императору о результатах Версальской конференции, в котором отметил: «Результаты недавней конференции окажут глубокое влияние на позицию Японии в международной политике. Япония вошла в число пяти великих держав, и это начало нашего участия в европейской политике. Кроме того, поскольку мы занимаем важное место в Лиге

²² Martin B. Germany between China and Japan: German Far Eastern Policy of the Interwar Period // Bulletin of the Institute of Modern History Academia Sinica. 1978. No. 7. P. 594.

²³ Версальский мирный договор / Полный пер. с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. С. 62–63.

²⁴ Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. Факты. Документы. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 22.

Наций, мы получили право в будущем вообще участвовать в решении всех вопросов между Востоком и Западом»²⁵.

Итоги Версальской мирной конференции для Японской империи были многозначны. В целом японская делегация достигла поставленных целей. Длительные усилия, предпринимавшиеся с начала «реставрации Мэйдзи» по усилению международного влияния японского государства, увенчались успехом. Накануне начала Первой мировой войны Страна восходящего солнца выступала в роли региональной державы, от позиции которой зависят дела в Восточной Азии. После окончания конференции Япония закрепила за собой статус великой державы, разделяющей ответственность за судьбу мира.

Не менее важным результатом изменения внешнеполитического веса Японии было продолжение накопления напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. Проблемными вопросами в японо-американских делах были политика Японии в отношении Китая, ограничения на иммиграцию в США, дискриминация японцев в Калифорнии, военно-морское соперничество и возможная угроза американскому владычеству на Филиппинах.

Еще одним следствием конференции было осознание японским политическим классом, что достигнутые Японией позиции на мировой арене не гарантируют равноправного и доброжелательного сотрудничества с другими великими державами. Конкурентная борьба между ведущими мировыми игроками не теряла темпа. Японии нельзя было выпадать из обоймы держав.

Как отмечает исследовательница Х. Гото-Сибата, «...на Парижской мирной конференции японские интеллектуалы увидели, что сами стандарты могут измениться и, вероятно, будут меняться и дальше, что сделает практически

²⁵ Connors L. Op. cit. P. 71.

невозможным для стран второго и третьего рангов (включая Японию) соответствовать им. Если бы стандарты продолжали меняться, Япония никогда не смогла бы избавиться от своего знака неполноценности»²⁶.

Окончание Великой войны оказало кардинальное влияние на весь мир. Ведущие акторы начали выстраивать новый мировой порядок. Япония, являясь соучредителем Лиги Наций, должна была определиться относительно принципов внешней политики. Для нее это определение было неоднозначным. Японские политики привыкли ориентироваться на западную современную модель государственного строительства в общем и во внешней политике в частности. Пройдя первой среди азиатских стран путь глубокой модернизации, Япония вышла на уровень первых держав. Однако международная среда стала меняться под влиянием либерального подхода, пропагандировавшегося президентом США В. Вильсоном. В конечном счете все эти усилия были направлены на мирное урегулирование международных конфликтов. Суть происходящего лучше всего можно охарактеризовать как переход от империалистической схемы в международных отношениях к мирному сосуществованию. Ожидалось, что мир выйдет за рамки баланса сил, поддерживаемого наращиванием вооружений, и сформирует альтернативную межгосударственную структуру, подкрепленную всеобщим разоружением²⁷.

Среди прочих проблем внешней политики возник вопрос о продлении англо-японского союза, впервые образованного в 1902 г. С тех пор произошли кардиналь-

²⁶ Harumi Goto-Shibata. Internationalism and nationalism Anti-Western sentiments in Japanese foreign policy debates, 1918–22/ Nationalisms in Japan / Ed. by Naoko Shimazu. Routledge, 2006. P. 77.

²⁷ Fumitaka Kurosawa. Great Britain and Japanese Views Of The International Order in The Interwar Period // Britain and Japan in The Twentieth Century. One Hundred Years of Trade and Prejudice / Ed. by Ph. Towle and Nobuko M. Kosuge. 2007. P. 34.

ные изменения в положении Японии и Великобритании, которые драматически повлияли на «дух союза». Если ранее обе державы были заинтересованы в подкреплении своего присутствия в регионе за счет военной поддержки партнера, то теперь у британского Кабинета росло недоверие в отношении японской политики. В ситуации, сложившейся после 1919 г., нельзя было исключать возможность войны между Японией и Соединенными Штатами, и это представляло для Великобритании самый ужасный вариант развития событий. Дебаты в Лондоне были долгими и сложными и проводились на различных уровнях процесса принятия решений, начиная с комитетов Министерства иностранных дел, через Комитет имперской обороны и заканчивая Кабинетом министров. Этот вопрос стал важнейшим в обсуждениях на Имперской конференции летом 1921 г. Логика, лежавшая в основе заключения союза в 1902 г., была исчерпана с поражением Германии и установлением нового международного порядка на базе парижского соглашения, которое изменило мир²⁸. Позиция профильного департамента МИД Великобритании заключалась в том, что союз стал «неестественным и искусственным соглашением, основанным не на идентичности интересов и не на приверженности общим целям и идеалам»²⁹. По оценке английских дипломатов, союзное соглашение и статут Лиги Наций несовместимы, и следовательно, альянсу должен быть положен конец³⁰. На оценку необходимо-

²⁸ Милеев Д. А. Сравнительный анализ коалиционного поведения Японии в политических союзах XX–XXI вв. М.: ИВ РАН, 2023. С. 102.

²⁹ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Series I. Vol. XIV / Ed. by R. Butler. M. A. London: HMSO, 1966. P. 33.

³⁰ The History of Anglo-Japanese relations, 1600–2000 / Gen. ed.: Chihiro Hosoya and Ian Nish. Vol. 1: The political diplomatic dimension 1600–1930 / Ed. by Ian Nish, Yoichi Kibata. Basingstoke (Hants.). New York: Palgrave, 2002. P. 219.

сти для Великобритании союза влияло обостряющееся соперничество за положение в Китае, и британские политики учитывали враждебность китайского общества к Японии. Несомненное влияние на настроение британских политиков в отношении продления японо-английского союза оказала позиция Соединенных Штатов, негативно настроенных к Японии³¹. В ходе изнуряющих дебатов внутри английского правительства была сформулирована позиция, которая признавала необходимость сохранить альянс в измененной форме, чтобы привести его в соответствие со статутом Лиги Наций. Также была выработана рекомендация по вовлечению в это соглашение Соединенных Штатов. Именно с этой позицией Великобритания отправлялась на Вашингтонскую конференцию осенью 1921 г.³²

Япония постепенно приспосабливалась к новому мировому порядку. Руководство страны пыталось принять формирующуюся тенденцию в международных отношениях. Активными сторонниками новых подходов во внешней политике были премьер-министр Хара Такаси, барон Макино, полномочный представитель Японии на Парижской мирной конференции, и Сидэхара Кидзюро, полномочный представитель Японии на Вашингтонской конференции³³. Еще в декабре 1918 г. Макино отстаивал позиции «новой дипломатии», опирающиеся на принципы справедливости, открытости и уважения к гуманизму. По мнению барона, одним из положительных результатов мировой войны был уход «старой дипломатии» с характерными чертами: «экспансией», «агрессией» и «милитаризмом». Сидэхара

³¹ Nish I. H. *Alliance in Decline: a study in Anglo-Japanese relation, 1908–1923*. London: Athlone Press, 1972. P. 289.

³² The history of Anglo-Japanese relations. P. 220.

³³ Fumitaka Kurosawa. *Op. cit.* P. 34.

придерживался мнения, что эпоха «старой дипломатии» закончилась, а дипломатия новой эры, основанная на «принципе сосуществования» между нациями, должна стремиться к справедливости и миру. Сидэхара акцентировал внимание на важности экономических операций, основанных на «рациональных принципах»³⁴. Токио был заинтересован в продлении англо-японского союза в условиях сложной обстановки в сфере безопасности в регионе. На протяжении многих лет в аннексированной Корее возникали многочисленные проявления сопротивления корейского народа. К 1919 г. оно приобрело общенациональный характер, трансформировавшись в Движение 1 марта. В 1919 г. в Корее вспыхнуло восстание против Японии. Международная ситуация после 1919 г. оставалась напряженной. В Китае обстановка была еще более сложной. Постепенно разгоралась гражданская война, в которой за власть боролись воинские клики, националисты, и с каждым днем все более заметную роль стали играть коммунисты, поддержанные примером появления Советской России. Союзники по Антанте предприняли интервенцию на российский Дальний Восток и в Сибирь. Британское правительство не сомневалось, что японское присутствие там было необходимо, оно упорно лоббировало участие японских войск в экспедиции, особенно в Вашингтоне, где президент Вудро Вильсон отнюдь не был убежден в целесообразности японской интервенции. Американское правительство было главным образом обеспокоено последствиями размещения японских войск в Сибири с точки зрения общественного мнения американцев, поскольку оно было глубоко обеспокоено японской политикой, которая продолжала тенденции, рожденные «21 требованием» к Китаю. Обеспокоенность американцев объяснялась и тем, что японские войска могут

³⁴ Ibid.

быть размещены в регионе к востоку от озера Байкал³⁵. Япония была истощена интервенцией в Сибири, которая поглощала много ресурсов. Общая стоимость Сибирской интервенции в военных расходах оценивалась в более 600 млн иен, что составляло примерно две трети военных расходов с начала Первой мировой войны³⁶. Политика Вашингтона в отношении Японии была враждебной. США выступали за политику «открытых дверей» в регионах, подконтрольных Японии. Отдельной по важности проблемой была гонка вооружений в военно-морской сфере между Соединенными Штатами и Японией. Военно-морское соперничество было серьезным вызовом безопасности не только в двусторонних отношениях, но и в мировом масштабе. Необходимость поддерживать современный уровень оснащенности флота требовала от правительств огромных финансовых расходов, выделяемых из бюджета страны.

Великие державы были заинтересованы в разрешении накопившихся проблем в районе Тихого океана. В Вашингтоне состоялась международная конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока с участием основных заинтересованных сторон. Конференция проходила в 1921–1922 гг. В ее работе приняли участие США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Португалия, а также пять британских доминионов. Конференция была создана по инициативе США, которые рассчитывали добиться благоприятного для себя решения вопроса о морских вооружениях и закреплении нового соотношения сил в Китае и в бассейне Тихого океана³⁷.

³⁵ Naoko Shimazu. Japan at the Paris Peace Conference of 1919: A Centennial Reflection//Japan Review. Summer 2019. Vol. 3. No. 1. P. 11.

³⁶ Данскомб П. Японская интервенция в Сибири, 1918–1922. М.: Academic Studies Press, 2023. С. 293.

³⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). С. 339.

Подписание Договора четырех держав решило судьбу англо-японского союза. В соглашении, заключенном США, Великобританией, Францией и Японией, Высокие Договаривающиеся Стороны обязались взаимно уважать права на острова и островные владения в Тихом океане. В Договоре предусматривалась ликвидация англо-японского союза, на смену которому приходил выхолащенный альянс четырех держав³⁸. Подобный результат был победой американской дипломатии, которая «продавила» отказ от двустороннего союза. Против англо-японского союза высказывались и некоторые британские доминионы, которые опасались усиления Японии за счет Китая и других стран Дальнего Востока. Таким образом, соглашение юридически закрепляло статус-кво и временное равновесие четырех держав в Тихоокеанском регионе³⁹. Для Токио сложилась неблагоприятная ситуация, чреватая политической изоляцией Японии на международной арене.

На конференции был также заключен Договор пяти держав – документ, более известный как Вашингтонское морское соглашение 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией об ограничении морских вооружений. Соглашение устанавливало соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев в следующей пропорции: 5:5:3:1,75:1,75 (США, Англия, Япония, Франция, Италия соответственно)⁴⁰. Договор был заключен на срок до 31 декабря 1936 г.⁴¹ В Японии договор вызвал бурю возмущения среди патриотически настроенных кругов японских обывателей и офицеров Военно-морского флота. Опре-

³⁸ История дипломатии / Под ред. В. П. Потёмкина. Т. 3. Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.). М.: Соцэкгиз, 1945. С. 136.

³⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). С. 342.

⁴⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 133–134.

⁴¹ Там же. С. 142.

деленное условиями договора соотношение сил означало, что разрешенный размер флота Японии будет меньшим, чем у США и Великобритании. Для милитаристских политических сил возможность ограничения империи со стороны внешних акторов воспринималась как оскорбление достоинства страны. Японские представители государства и Вооруженных сил, стоявшие на прагматических позициях, понимали, что японский флот мог быть сосредоточен в одном океане, а соперники вынуждены держать свои силы в двух и более океанах для охраны своих национальных интересов. В этих условиях Япония могла обоснованно рассчитывать на победу в Тихом океане в случае противостояния с Военно-морскими силами других государств. Возможность держать под контролем расходы на военную сферу позволяла перенаправить средства на развитие экономики страны, находившейся в плохом состоянии в результате послевоенного кризиса.

Третий договор, подписанный всеми участниками конференции, касался обеспечения гарантий территориальной целостности Китая, уважения его суверенитета, а также провозглашал принцип «открытых дверей и равных возможностей» по отношению к Китаю в области торговой и предпринимательской деятельности и обязывал не прибегать к использованию внутренней обстановки в Китае с целью получения специальных прав и привилегий, которые могут нанести ущерб правам и интересам иных государств – участников договора⁴². Китай рассматривался участниками Договора девяти держав как общий объект эксплуатации. В Китае восторжествовал американский принцип «открытых дверей». Договор девяти держав подорвал притязания Японии на монопольный контроль Поднебесной. 4 февраля 1922 г. Япония была вынуждена подписать

⁴² Там же. С. 145.

китайско-японское соглашение об эвакуации японских войск из провинции Шаньдун, а также о возвращении Китаю железной дороги Циндао – Цзинань и территории Цзяочжоу. Глава японской делегации дал обязательство, что японское правительство не будет требовать от китайского правительства выполнения пятой группы «21го требования» Японии. Однако требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньжурии Япония отклонила⁴³. Для Токио участие в Вашингтонской конференции было крупным политическим поражением, в результате чего Япония утратила значительную часть достижений Парижской мирной конференции. В 1922 г. японская дипломатия оказалась без дееспособных союзников, с потерей политических позиций на Азиатском континенте, прежде всего в Китае, и с ограничениями по развитию национальной военно-морской мощи, способной проецировать силу в глобальном масштабе. Горечь внешнеполитического поражения скрашивалась перспективой для японского бизнеса встроиться в международную торговлю на принципах свободной конкуренции. Уход из Китая мог снизить антияпонские настроения среди китайского населения и прекратить бойкот японских товаров на китайском рынке. Вопросы обеспечения безопасности империи можно было надеяться решить через деятельность Лиги Наций.

Внутренняя политика Японии в 20-е годы XX в. проходила через новый этап реформирования. К власти стали приходить партийные Кабинеты. Прежняя схема формирования Кабинета министров по рекомендации гэнро из членов высшей государственной бюрократии была разбавлена практикой выбора главы Кабинета министров из представителей парламентских партий. Правящие круги Японии, осознавая происходящие изменения в обществе

⁴³ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). С. 349–350.

и в мире, пошли по пути адаптации власти к переменам. Сигналы социальной напряженности были заметны еще накануне войны. В ходе избирательных кампаний происходили стычки между активистами политических движений; инфляция военной поры на основные продукты питания спровоцировала «рисовые бунты». В начале 20-х годов XX в. началось расширение избирательного права, четче проявились тенденции по демократизации внутренней политики. В духе времени многие японские лидеры, начиная с премьер-министра Хара Такаси, были достаточно уверены в себе, чтобы принять «мировые тенденции» и пытаться расширить национальные интересы Японии, но в то же время приспосабливаться к новой международной структуре с центром в Лиге Наций⁴⁴. В результате Вашингтонской конференции приобрела окончательные очертания Версальско-Вашингтонская система международных отношений, которая задумывалась своими создателями как система, способная разрешить международные противоречия и не допустить возникновения новой мировой войны. Во времена нахождения на посту главы МИД в 20-е годы XX в. Сидэхара основными составляющими его внешней политики являлись международное сотрудничество, экономическая дипломатия и невмешательство во внутренние дела Китая. Развитие международного сотрудничества предполагалось в рамках деятельности Лиги Наций. В практике японского внешнеполитического ведомства международное сотрудничество подменялось налаживанием контактов с США и Великобританией. Сидэхара высказался в том смысле, что Япония «будет поддерживать и развивать высокий дух, воплощенный как явно, так и неявно в Парижской мирной конференции, а также в до-

⁴⁴ Ikuhiko Hata. Continental expansion, 1905–1941 // The Cambridge History of Japan. Vol. 6: The Twentieth Century / Ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University, 2008. P. 284.

говорах и резолюциях, принятых на Вашингтонской конференции»⁴⁵. В противоположность либеральному крылу японского политического класса представители консервативного направления японской элиты оценивали мир после Первой мировой войны как продиктованный британцами и американцами, стремящимися воспрепятствовать росту и экспансии догоняющих держав, таких как Япония. Для министра армии Угаки Кадзусигэ и его идеологических соратников даже Лига Наций была уловкой для поддержания статус-кво, который был удобен Великобритании и Соединенным Штатам. В то же время, однако, Угаки остро осознавал слабое положение Японии и понимал, что в данный момент невозможно противостоять мощной англо-американской коалиции. Поэтому Япония, исходя из соображений целесообразности, должна избегать прямой конфронтации с этими державами, превосходящими ее по мощи. Таким образом, сотрудничество в рамках Лиги Наций было признано практической необходимостью⁴⁶.

На протяжении 20-х годов XX в. Япония пыталась реализовывать политику, в целом соответствующую либеральным принципам Версальско-Вашингтонской системы. Япония примирилась с ограничением на вооружение и приступила к «либеральному интернационализму», который «меньше зависел от континентальной экспансии, чем от глобальной торговли и участия в новых международных рамках мира»⁴⁷. Дипломатия Сидэхара отражала готовность к достижению общего понимания, способность к компромиссу, космополитическое мировоззрение и основополагающий универсалистский и пацифистский настрой, благодаря ко-

⁴⁵ Fumitaka Kurosawa. *Op. cit.* P. 35.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Frederick R. Dickinson. *World War I and the Triumph of a New Japan, 1919–1930*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2013. P. 8.

торому Страна восходящего солнца могла добиться международного уважения и процветания⁴⁸. В 1925 г. Япония признает и установит дипломатические отношения с СССР. Курс Сидэхара в континентальной политике ориентировался на создание стабильного и единого правительства в Китае, которое создало бы условия для продвижения японских экономических интересов и расширения рынков, а политика вмешательства вызвала бы националистическую враждебность и антияпонские действия, в том числе бойкот⁴⁹. 1928 г. стал рубежным в отношениях между Великобританией, Китаем и Японией. Вторая шаньдунская экспедиция правительства, китайская линия внешней политики генерала Танака привели к обострению китайско-японских отношений и выявили отсутствие взаимоподдержки между Великобританией и Японией⁵⁰.

Япония приняла участие в разработке и подписании международного соглашения о мире 1928 г., в котором государства-участники обещали не использовать войну для разрешения «споров или конфликтов любого характера или какого бы происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними»⁵¹. Однако эффект от реализации роли ответственного члена международного сообщества переставал отвечать интересам представителей японского политического класса. Политика в Китае все в большей степени начинала возвращаться к прежним методам на фоне утраты японского контроля над приоритетными областями

⁴⁸ Schlichtmann K. *Japan in the World: Shidehara Kijuro, Pacifism and the Abolition of War*. Vol. II. Lanham: Lexington Books, 2009. P. 17–18.

⁴⁹ Schlichtmann K. *Op. cit.* Vol. II. P. 284–285.

⁵⁰ Goto-Shibata H. *Japan and Britain in Shanghai, 1925–31*. Basingstoke: Macmillan, St Martin's Press, 1995. P. 144.

⁵¹ Kellogg-Briand Pact 1928. Treaty between the United States and other Powers providing for the renunciation of war as an instrument of national policy. Signed at Paris, August 27, 1928 – [Электронный ресурс:] URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kbpact.asp (дата обращения: 23.07.2023).

Поднебесной, особенно после покушения на маршала Чжан Цзолиня, устроенного японскими военными.

Введение всеобщего избирательного права среди мужчин в 1928 г. привело к усилению влияния центристских и консервативных сил в публичной политике страны. Сказались превентивные меры по контролю за политическим полем Японии. Цензура печати и принятие закона об «опасных мыслях» обеспечили стабильность власти. Накопление проблем в экономике – финансовый кризис, выдавливание более развитыми экономиками японских фирм с международных рынков, ресурсная зависимость – заставляли обращать внимание на другие методы обеспечения доходности внешнеторговой деятельности. Начало Великой депрессии поставило крест на попытках Японии проводить ограниченную политику экспансии. В рамках исторической инерции Япония приняла участие в работе Лондонской военно-морской конференции в 1930 г., на которой обсуждалась проблема разоружения ВМС стран-участниц и пересмотра договоров Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. По итогам трех месяцев заседаний было достигнуто общее соглашение о регулировании подводной войны и о пятилетнем моратории на строительство основных боевых кораблей. Ограничение на строительство авианосцев, предусмотренное Вашингтонским договором пяти держав, было продлено. 22 апреля Соединенные Штаты, Великобритания и Япония подписали договор, ограничивающий тоннаж тяжелых крейсеров в соотношении 10:10:6, а тоннаж легких сил 10:10:7. Франция и Италия, выступавшие соответственно против концепции соотношений и принятия любого неравенства, отказались подписать документ, что в итоге японской делегации удалось достичь компромисса с США и Великобританией.

Япония получила возможность несколько улучшить свое положение в военно-морской сфере.

Затянувшийся мировой экономический кризис с каждым годом усугублял экономическое положение Японии. Глобальный мировой рынок разрушался, нарушались связи «спрос-предложение», государства вводили ограничение на торговлю, ужесточали контроль за золотовалютными операциями. Страна восходящего солнца переживала период демографического бума. Население страны выросло с 76,987 млн чел. в 1920 г. до 90,396 млн чел. в 1930 г.⁵² Это молодое население нуждалось в ясном представлении о перспективах своего жизненного преуспевания в последующие десятилетия. Взгляды молодых японцев устремлялись на государство, которое должно было обеспечить стабильность и определенность в обществе. В Японии была высокая безработица, кризис с/х производства, снижение доходов дзайбачу – все это формировало запрос на изменение прежней внешней политики и переход к активной внешней экспансии для обеспечения жизненного пространства для империи.

«Маньчжурским инцидентом», инициированным средними командирами Квантунской армии, начался новый период в истории Японии. Токио не смог найти в правящей элите страны достаточной поддержки, чтобы ограничить масштабы войсковой операции⁵³. В прежний период военные конфликты приносили стране выгоду, обеспечивая экономическое развитие за счет приобретения военных трофеев, повышали уровень сплоченности и стабильности общества. На фоне преодоления комплекса неполноценности перед Западом в японском обществе быстро росли

⁵² Мещеряков А. Н. Безымянная Япония. Демографическое, историческое и человеческое измерение. М.: Лингвистика, 2023. С. 266.

⁵³ Милеев Д. А. Сравнительный анализ коалиционного поведения Японии в политических союзах XX–XXI вв. С. 120.

национализм и ксенофобия⁵⁴. Япония должна была получить ресурсную базу на Азиатском континенте, которая обеспечила бы стратегическую устойчивость империи и могла бы пережить будущую, вероятно длительную, войну на истощение, создав ресурсоемкую промышленную базу в Маньчжурии⁵⁵.

Реакцией американской администрации стало провозглашение «доктрины Стимсона»: «Американское правительство считает своей обязанностью довести до сведения правительств Японской Империи и Китайской Республики, что оно не может допустить законность любого положения *de facto*, и оно также не намерено признавать какой бы то ни было договор или соглашение между правительствами, или их агентами, которые бы могли нанести ущерб правам США или правам их граждан в Китае, включая те, которые относятся к вопросам суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности Китайской Республики; касающиеся международной политики в отношении Китая, известной под названием «политики открытых дверей»»⁵⁶. Переоценить значение этих событий трудно, поскольку с этого момента начала развиваться будущая война на Дальнем Востоке. Китай подал жалобу на японскую агрессию в Маньчжурии в Лигу Наций. Организация создала специальную комиссию во главе с лордом Литтоном для расследования обстоятельств «Маньчжурского инцидента». Спустя длительный период времени работы комиссии Литтона в 1933 г. на рассмотре-

⁵⁴ Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009. С. 155.

⁵⁵ Mulder N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven – London: Yale University Press, 2022. P. 250.

⁵⁶ Системная история международных отношений. В 4 т. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000. С. 147.

ние Лиги Наций был представлен итоговый доклад. Лигой Наций была принята резолюция, признавшая незаконными действия Японии в Маньчжурии, подтвердившая суверенитет Китая над Маньчжурией, призывавшая эвакуировать оттуда японские войска. Резолюция обязывала членов Лиги Наций не признавать де-юре и де-факто Маньчжоу-Го⁵⁷.

Тайный совет назначил комитет для рассмотрения вопроса о выходе Японии из Лиги Наций. В рекомендации комитета было зафиксировано: «Из-за нашего полного несогласия с Лигой Наций в отношении миротворческой политики – особенно в отношении Востока – нет причин продолжать сотрудничество с Лигой»⁵⁸.

27 марта 1933 г. министр иностранных дел Японии Утида направил генеральному секретарю Лиги Наций телеграмму о выходе из нее Японии⁵⁹.

В императорском рескрипте о выходе Японии из Лиги Наций император обещал, что «в своей политике будет руководствоваться своими целями и убеждениями, это не означает, что мы погрузимся лишь в дела Восточной Азии и порвем наши дружественные отношения с другими державами»⁶⁰. Токио привык к роли столицы державы, имеющей глобальные интересы и ведущей дела с государствами по всему миру.

Япония начала активно бороться за создание своей сферы интересов. Подобная политика создавала опасность

⁵⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 441.

⁵⁸ Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938. University of Hawaii Press, 2007. P. 174.

⁵⁹ Сборник документов по международной политике и международному праву / Под ред. К. В. Антонова. Вып. 6. Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги Наций. 1 января 1933 года. 1 января 1934 года. М.: Изд. Нар. комиссариата по иностранным делам, 1934. С. 174.

⁶⁰ История войны на Тихом океане. В 5 т. / Пер. с яп.; под общ. ред. Усами Сэй-дзиро [и др.]; под ред. Б. В. Поспелова. М.: Иностранная литература, 1957–1958. Т. 1. Японо-китайская война. С. 369.

развязывания регионального конфликта с вероятным переходом в мировую войну. Начальник штаба ВМС адмирал Кандзи Като стал оказывать на императора давление с целью расширения географической сферы национальной обороны: «Безопасность родины требует противостояния американским военно-морским силам, развернутым в западной части Тихого океана, а не в водах ближе к дому, как это было в политике 1923 года»⁶¹. Обострение международной обстановки инициировало в октябре 1934 г. трехсторонние переговоры между США, Великобританией и Японией по вопросу ограничения морской гонки вооружений. В ходе переговоров японская сторона выдвинула ряд требований, абсолютно неприемлемых для Великобритании и США⁶². Переговоры быстро зашли в тупик, и 29 декабря 1934 г. японское правительство официально разослало ноту, в которой заявляло о денонсации всех ранее подписанных соглашений по морским вооружениям⁶³. 18 апреля 1934 г. Министерство иностранных дел Японии выпустило важную декларацию о том, что Восточная Азия находится в сфере влияния Японии, и предупредило другие великие державы не помогать Китаю в его борьбе с Японией. По сути, Япония создала свою собственную версию «доктрины Монро» для Восточной Азии⁶⁴. Япония фактически оказалась в международной изоляции.

Следующим шагом, выводящим на качественно новый уровень подготовку Японии к войне, было принятие правительством «Основных принципов национальной политики». Документ был принят Советом пяти мини-

⁶¹ Fleury J. Sénat. Japan's Empire Disaster. Westwood: Westwood Books Publishing, 2021. P. 261.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. London – New York: W. W. Norton & Company, 2001. P. 176.

стров (премьер-министр, военный и морской министры, министры иностранных дел и финансов) 7 августа 1936 г. и определял генеральную линию национальной политики. В документе обозначались принципы внешней политики: «достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и сопроцветания», «мероприятия по усилению государственной обороны», в частности «ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве»⁶⁵. В решении Совета пяти министров была предпринята попытка умерить самостоятельность армии: «в целях обеспечения успешной дипломатической деятельности военные круги должны избегать открытых действий и оказывать ей помощь тайно»⁶⁶. Решение столь масштабных задач требовало поиска сил, которые могли бы облегчить положение Японии на мировой арене. В сложившейся международной обстановке единственным потенциально полезным партнером могла стать нацистская Германия. Переговоры о союзе завершились 25 ноября 1936 г. в Берлине подписанием послами Мусьякодзи и Риббентропом Антикоминтерновского пакта⁶⁷. Соглашение по содержанию было достаточно аморфным, но его значение заключалось в том, что оно создало основу для более предметных переговоров

⁶⁵ История войны на Тихом океане. Т. II. Японо-китайская война. С. 340–343.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Милеев Д. А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 73–87.

о военно-политическом союзе. Антикоминтерновская и антисоветская направленность соглашения способствовала снижению опасений со стороны других великих держав о сущности появившегося союза, обеспечив спокойный начальный период в формировании альянса. В 1937 г. Япония начинает японо-китайскую войну, однако официально эти события будут называться японской стороной «китайским инцидентом». Несмотря на кровавый характер войны, Япония не встретила действенных мер по прекращению конфликта со стороны международного сообщества. Потопление 12 декабря 1937 г. японской авиацией американской речной канонерской лодки «Рапау», стоявшей на якоре на р. Янцзы, было урегулировано после принесенных японским правительством Соединенным Штатам извинений и выплаты денежной компенсации. Напряжение между Японией и Соединенными Штатами было ослаблено и не привело к серьезным последствиям в краткосрочной перспективе. Однако, как отмечает контр-адмирал Томиока Садатоси, «...частое ущемление законных британских и американских интересов и ошибочные бомбардировки, случавшиеся в последующие годы во время китайских операций, внесли ощутимый вклад в усиление вражды между Японией, Великобританией и Соединенными Штатами»⁶⁸. Отношения с США ухудшались. Борьба за лидерство и контроль над Азиатско-Тихоокеанским регионом обострялась с каждым годом. В 1939 г. аннулирование американской стороной американо-японского договора о торговле и мореплавании стало важным рубежом в двусторонних отношениях. По послевоенной оценке Томиока Садатоси, «...аннулирование имело серьезные

⁶⁸ Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны: монография / Пер. с англ. Ю. М. Свойского. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 34.

последствия для Японии. Это был первый шаг к разрыву между двумя странами»⁶⁹.

В контактах с Великобританией Токио смог сохранить необходимый подход, с тем чтобы в 1939 г. представителями двух сторон подписать соглашение о Китае. В соглашении Арита–Крейги Великобритания «признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные действия в широком масштабе, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им, или выгодные их противникам. Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей...»⁷⁰. Это был последний успех японской дипломатии в отношении с великими державами, взявшими на себя ответственность за безопасность и благополучие мира при создании Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Лондон предпочел защиту собственных позиций в Китае на оккупированных Японией территориях интересам защиты принципов международной системы. Начавшаяся Вторая мировая война вынесла окончательный приговор дееспособности межвоенной системы международных отношений, сформированной великими державами, неспособными преодолеть противоречия ради интересов международного сообщества в случае, если надо было

⁶⁹ Там же. С. 52.

⁷⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. В 2 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 1. С. 146.

поступиться своими узконациональными сиюминутными интересами.

Литература

Версальский мирный договор / Полный пер. с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. XXXI. 198 с.

Данскомб П. Японская интервенция в Сибири, 1918–1922. М.: Academic Studies Press, 2023. 374 с.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. В 2 т. М.: Политиздат, 1981. 302 с.; 415 с.

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Институт востоковедения, 1927. 218 с.

История дипломатии / Под ред. В. П. Потёмкина. В 3 т. М.: Соцэкгиз, 1941–1945. 566 с.; 423 с.; 883 с.

История войны на Тихом океане. В 5 т. / Пер. с яп.; под общ. ред. Усами Сэйдзиро [и др.]; под ред. Б. В. Пospelова. М.: Иностранная литература, 1957–1958. 415 с.; 410 с.; 438 с.; 357 с.; 507 с.

Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 478 с.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / Под общ. ред. Е. М. Жукова. М.: Госполитиздат, 1951. 791 с.

Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 2. 1917–1945 гг. / Г. В. Ефимов, Е. М. Дубинский. М.: Мысль, 1973. 293 с.

Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009. 591 с.

Мещеряков А. Н. Безымянная Япония. Демографическое, историческое и человеческое измерение. М.: Лингвистика, 2023. 384 с.

Милеев Д. А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 240 с.

Милеев Д. А. Сравнительный анализ коалиционного поведения Японии в политических союзах XX–XXI вв. М.: ИВ РАН, 2023. 448 с.

Носов М. Г. Отношения между США и Японией: история взлетов и падений (1791–2020). М.: Весь Мир, 2020. 412 с.

Панов А. Н., Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.

Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 2. Россия и союзники / Отв. ред. А. О. Чубарьян. В 3 т. Москва: Международные отношения, 2020. 608 с.

Сборник документов по международной политике и международному праву / Под ред. К. В. Антонова. Вып. 6: Пакт четырех. Разоружение. Манчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги Наций. 1 января 1933 года. 1 января 1934 года. М.: Изд. Нар. комиссариата по иностранным делам, 1934. 233 с.

Системная история международных отношений. В 4 т. 1918–1991 / Под ред. А. Д. Богатунова. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.; 718 с.; 598 с.

Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны: монография / Пер. с англ. Ю. М. Свой-

ского. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 416 с.

Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 640 с.

Хата Икухико Тайхэйё кокусай канкэй си. (История международных отношений на Тихом океане). Токио: Фукумура, 1972. 328 с. на яп. яз.

Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938. University of Hawaii Press, 2007. 312 p.

Connors L. The Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-War Japanese Politics. London: Nissan Institute for Japanese Studies, University of Oxford, 1987. 272 p.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Series I. Vol. XIV / Ed. by R. Butler. M. A. London: HMSO, 1966. 645 p.

Dickinson F. R. World War I and the Triumph of a New Japan, 1919–1930. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2013. 221 p.

Fleury J. Sénat. Japan's Empire Disaster. Westwood: Westwood Books Publishing, 2021. 540 p.

Fumitaka Kurosawa. Great Britain and Japanese Views of the International Order in The Interwar Period // Britain and Japan in The Twentieth Century. One Hundred Years of Trade and Prejudice / Ed. by Ph. Towle and Nobuko M. Kosuge, 2007. P. 33–45.

Goto-Shibata H. Japan and Britain in Shanghai, 1925–1931. Basingstoke: Macmillan, St Martin's Press, 1995. 196 p.

Harumi Goto-Shibata. Internationalism and nationalism Anti-Western sentiments in Japanese foreign policy debates, 1918–22/ Nationalisms in Japan / Edited by Naoko Shimazu. Routledge, 2006. P. 66–84.

Ikuhiko Hata. Continental expansion, 1905–1941 // The Cambridge History of Japan. Vol. 6. The Twentieth Century / Ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University, 2008. P. 271–314.

Martin B. Germany between China and Japan: German Far Eastern Policy of the Interwar Period // Bulletin of the Institute of Modern History Academia Sinica. 1978. No. 7. P. 593–610.

Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. London – New York: W. W. Norton & Company, 2001. 555 p.

Mulder N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven – London: Yale University Press, 2022. 614 p.

Naoko Shimazu. Japan at the Paris Peace Conference of 1919: A Centennial Reflection//Japan Review. Summer 2019. Vol. 3 No. 1. P. 8–11.

Naoko Shimazu. Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. Routledge, 1998. 268 p.

Nish I. H. Alliance in Decline: a study in Anglo-Japanese relation, 1908–1923. London: Athlone Press, 1972. 424 p.

Schlichtmann K. Japan in the World: Shidehara Kijuro, Pacifism and the Abolition of War. In 2 vols. Lanham: Lexington Books, 2009. 371; 403 p.

The History of Anglo-Japanese relations, 1600–2000 / Gen. ed.: Chihiro Hosoya and Ian Nish. Vol. 1. The political diplomatic dimension 1600–1930 / Ed. by Ian Nish, Yoichi Kibata. Basingstoke (Hants.). New York: Palgrave, 2002. XIII, 282 p.

Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Supplement 1. The World War by United States Editor: Joseph V. Fuller General, Editor: Tyler Dennett United States Government Printing Office. Washington, 1933. 1012 p.

Глава 2

Япония и Турция в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений

После окончания Первой мировой войны сформировалась новая система международных отношений – Версальско-Вашингтонская. Как отмечает коллектив авторов в работе «Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков», «вся ткань современных международных отношений пронизана вопросами, которые в полный рост встали именно после Первой мировой войны, предопределив вектор развития мира в сторону создания полицентричного мира, с включением в единую, глобальную систему разных подсистем международных отношений»¹.

Ключевыми документами этой сложной системы стали Версальский, Сен-Жерменский, Трианонский, Нейиский, а также Севрский и Лозаннский договоры. Российский исследователь М. С. Кабардин в этой связи подчеркивает, что «<...> закончилась фаза становления новой модели международных отношений. Возникли центры силы, которым

* Автор главы: О. А. Ледовская, ORCID: 0000-0002-4161-3132.

¹ Хахалкина Е. В., Вагнер А. В., Ербахаев О. Л., Кулинич П. А., Лукова Е. Е. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 104–107.

удалось выработать сравнительно устойчивую систему взаимоотношений между собой»².

В полной мере это относилось к Японии и Турции, которые в Первой мировой войне участвовали в противоположных лагерях, правда не в действительности, а исключительно «на бумаге»³. И только по окончании войны, в ходе работы Лозаннской конференции 1922–1923 гг., они сумели установить полномасштабные дипломатические отношения.

В этот период Япония придавала большое значение своему участию в послевоенном устройстве мира. На Версальской (Парижской) конференции 1919 г. японские представители участвовали в подготовке договора о мире, который страны-победительницы предполагали предложить турецкой стороне «от победителей для побежденных»⁴.

В этой связи следует отметить, что в ходе постепенного политического мирного урегулирования возникли противоречия не только вокруг побежденных, но и среди победителей⁵.

Вопрос, касающийся раздела Турции, неоднократно обсуждался на Парижской мирной конференции. Однако он переплетался с неразрешенными вопросами репараций и территорий Западной Европы. Раздел Турции рассматривался в разных комбинациях; державы Антанты старались удовлетворить в первую очередь свои интересы и долго не находили компромисса. В ходе работы конференции были созданы подкомиссии для подготовки мирного договора с Турцией, впоследствии получившего название Севр-

² Кабардин М. С. О роли Версальско-Вашингтонской системы в становлении нового порядка в мире: начало, развитие и прекращение Версальско-Вашингтонской системы // Молодой ученый. 2014. № 11 (70). С. 280.

³ Подробно об этом см.: Ледовская О. А. Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнерству в XXI веке. М.: ИВРАН, 2022. С. 101–104.

⁴ Osman Olcay. Towards the Sevres Treaty. Ankara, 1981. P. 44.

⁵ Подробно об этом см. Ледовская О. А. Указ. соч. С. 106.

ского мирного договора, подписанного Японией 10 августа 1920 г. Договор официально оформлял раздел арабских и европейских владений Османской империи, оставляя Турции только Северную и Центральную Анатолию. В Турции договор был воспринят как несправедливый и «колониальный». Договор не вступил в силу, поскольку в итоге не был ратифицирован ни турецкой стороной, ни странами Антанты (за исключением Италии). Севрский договор между странами-победительницами и Турцией явился, по мнению аналитиков, «одним из наиболее карательных мирных договоров и одним из самых дерзких и нарочитых разделов военной добычи в истории»⁶.

Одержав победу в ходе англо-греческой интервенции в 1922 г. и умело использовав начавшийся сразу после подписания Севрского мирного договора раскол по турецкому вопросу между союзными государствами, входившими в Антанту⁷, правительство М. Кемаля (Ататюрка) в конечном счёте добилось на Лозаннской конференции 1922–1923 г. официальной отмены Севрского мирного договора.

Для Японии участие в Лозаннской мирной конференции 1922–1923 гг. явилось важным шагом для обретения статуса мировой державы⁸. В общих чертах главная цель японской делегации на конференции состояла в том, чтобы содействовать мирному урегулированию на Ближнем Востоке, установлению нормальных, основанных на системе договоренностей, международных отношений в регионе

⁶ Севрский мирный договор. Описание. Стороны подписания. История и интересные факты. URL: <https://fb.ru/article/351768/sevrskiy-mirnyi-dogovor-opisanie-storoniy-podpisaniya-istoriya-i-interesnyie-faktyi> (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ Подробно об этом см.: Лондонская конференция 1921 г., Франко-турецкое соглашение 1921 г. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/772/ (дата обращения: 03.05.2023).

⁸ Подробно о позиции Японии на Лозаннской конференции см.: Ледовская О. А. Указ. соч. С. 109–118.

при максимально возможном соблюдении интересов Японии. При этом следует подчеркнуть, что интересы Японии в отдельных аспектах совпадали с интересами союзников, а в других – с интересами турок. Японскую делегацию интересовали только экономические вопросы, морская торговля и капитуляции. Япония выступала за свободное международное судоходство даже в территориальных водах и за политику «открытых дверей» на основе принципа равенства сторон. 17 июля 1923 г. представитель Японии на Лозаннской конференции Отиай Кэнтаро выступил со следующим заявлением: «Следовало бы объяснить, почему японская делегация воздерживается от подписания протокола, касающегося определенных привилегий в Турции. Эта позиция проистекает из того, что до сегодняшнего дня ни один японец не получил такие привилегии в Турции. Несомненно, Япония будет уважать приобретенные права граждан союзников, исходящие из таких прежних привилегий. Японская делегация также хотела бы подчеркнуть, что хотя, без сомнения, уважая суверенитет Турции, с экономической точки зрения она стремится также применять принципы «открытых дверей» и равенства в этой стране»⁹. Представитель Турции Исмет-паша выступил с ответным заявлением, в котором отметил, что Турция рассматривает возможность заключения договора о возрождении дружбы между турецким и японским народами, поэтому сотрудничество Турции и Японии в области экономики и права не должно отличаться от ее отношений с другими странами в том смысле, что они должны подчиняться договорам, соглашениям и конвенциям, заключенным между двумя странами. Он подчеркнул, что «не следует думать, что иные обязательства, кроме обязательств, основанных на таких документах, могут быть навязаны Турции. Помимо таких договорных обязательств

⁹ Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Ankara, 1991. P. 73.

Турция полностью свободна в отношении обстоятельств своего экономического присутствия»¹⁰.

Японский представитель Отиай Кэнтаро высоко оценил результаты конференции и подписание 24 июля 1923 г. Лозаннского договора, заявив, что «благодаря усилиям всех делегаций может наступить мир <...> Конференция вновь обеспечит мир на Востоке»¹¹.

Документы, подписанные Японией вместе с другими союзными державами и с Турцией, включали в себя: Мирный договор; конвенцию о режиме проливов; Фракийскую пограничную конвенцию; условия проживания и предпринимательской деятельности и юрисдикции; коммерческую конвенцию; декларацию, касающуюся амнистии; протокол, касающийся территории Караагача и островов Имброс и Тенедос (Эгейские острова); протокол, касающийся Договора, заключенного в Севре между основными державами и Грецией 10 августа 1920 г.; протокол подписания соглашения с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС); обмен письмами между Исмет-пашой и Отиаем об исключении расовой дискриминации в отношении иммиграции.

Среди 17 документов, подписанных на Лозаннской конференции, наиболее важными являются Лозаннский мирный договор 1923 г. и Конвенция о режиме проливов. В результате их подписания была сохранена территориальная целостность новой Турции (предотвращен раздел территории новообразованного турецкого государства). По экономическим вопросам Турция добилась отмены режима капитуляций; оставила за собой государственный контроль над иностранными концессиями в республике. Вопрос о внешнем долге Османской империи на Лозанн-

¹⁰ Ibid. P. 74.

¹¹ Ibid.

ской конференции и после неё (в Лозанне он не был решен окончательно) был решен компромиссно, но в более приемлемом для новой Турции виде, чем это предписывалось ей в проекте договора, составленном Антантой. В Лозанне была предотвращена попытка Великобритании и её союзников поставить Турцию в такие экономические условия, которые склонили бы её к бесплатной и полной раздаче всей и любой недвижимости, включая недра, за долги иностранному капиталу. Кроме того, Лозаннский мирный договор предопределил дальнейшую судьбу Черноморских проливов благодаря тому, что они оставались территорией Турции¹². Договор отменил экономические и политические привилегии иностранцев в Турции и международный финансовый контроль над Турцией. Турция соглашалась на выплату части Османского долга (внешнего долга Османской империи). Он распределялся между Турцией и теми державами, в пользу которых была отделена от Османской империи территория в результате войн 1912–1923 гг. Долг должен был погашаться в равных долях в течение 20 лет. В вопросе о проливах английская дипломатия добилась значительных уступок со стороны Турции: договор предусматривал свободу прохода через проливы в мирное и военное время торговых и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Дарданелл, уничтожение береговых укреплений. В Стамбуле учреждалась международная Комиссия проливов из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, Королевства СХС и Турции. В случае

¹² Впоследствии Турция и другие страны Черноморского бассейна получили возможность пересмотреть условия конвенции о Черноморских проливах на конференции в Монтрё в 1936 г.

присоединения США к Лозаннскому договору они получали право иметь в Комиссии своего представителя¹³.

Подписание этих документов означало не только установление мира между Турцией и союзными государствами, но также и возобновление официальных отношений уже между новым турецким государством и Японией.

Таким образом, Лозаннский договор отменил капитуляции, о которых обе страны так заинтересованно вели довоенные переговоры, касаясь установления официальных отношений, а коммерческая конвенция, как и конвенция о резиденции, бизнесе и юрисдикции, прилагаемые к Лозаннскому мирному договору, заложили взаимоприемлемую основу для развития двусторонних отношений.

Участие Японии в работе Лозаннской конференции продемонстрировало ее намерение участвовать в послевоенном устройстве мира на правах мировой державы. Японские делегаты активно участвовали в обсуждении вопросов, представлявших особый интерес для страны, проявляя дипломатический подход ко многим вопросам и не обостряя отношений с другими союзниками. Турецкая сторона отмечала позитивную и сбалансированную позицию японских представителей на Лозаннской конференции, несмотря на некоторые заявления японских делегатов, касавшихся аннулирования капитуляций. Гибкий подход японской стороны к нерешенным вопросам в двусторонних отношениях с Турцией позволил двум странам официально заключить дипломатические отношения. Это было взаимным желанием обеих сторон установить полномасштабные дружественные отношения после окончания войны.

¹³ Лозаннская конференция 1922–1923 // Дипломатический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 202–204.

В Турции подписание Лозаннского договора было оценено Мустафой Кемалем следующим образом: «В Лозанне... столетние старые противоречия были урегулированы... Это был, однако, наш долг нести ответственность перед миром... То, что мы требовали от Конференции, было не более чем подтверждением в надлежащем виде того, что мы уже получили... Наша самая большая сила и наша самая твердая точка опоры заключались в том, что мы осознали наш реальный суверенитет, фактически передали его в руки нации и доказали фактами, что мы способны его сохранить»¹⁴.

После ратификации Лозаннского договора Великое национальное собрание Турции утвердило новую конституцию, и 29 октября 1923 г. страна была провозглашена республикой. Мустафа Кемаль стал президентом, Исмет-паша – премьер-министром.

Новая Турецкая Республика и турецкая нация относились к Японии с симпатией. Заявление премьер-министра Турции Исмет-паши о «желании Турции установить дружественные отношения между турецким и японским народами» в ходе лозаннских переговоров было благожелательно встречено японской стороной.

По мнению ряда аналитиков, «...после ратификации Японией летом 1924 г. Лозаннского мирного договора страна стала мировой державой и имела два возможных пути развития. Во-первых, она могла отстаивать принципы справедливости и гуманизма. Или она могла придерживаться принципа силы, характерного для XIX века, и могла развиваться в противостоянии великим державам»¹⁵. «Япония выбрала оба пути: укрепляя свою мощь в Азии и на Тихом океане, она стремилась развивать дружественные отноше-

¹⁴ Arik Umut. Op. cit. P. 78.

¹⁵ Hyoe Murakami. Japan, The Years of Trial 1919–52. Tokyo: Kodansha International, 1983. P. 26.

ния с такими государствами, как Турция, которая успешно противостояла западным государствам и заняла авторитетное место под солнцем»¹⁶.

Необходимо подчеркнуть, что к этому времени Япония приобрела статус мировой державы, что повысило ее международный престиж. Экономика страны также получила мощный импульс, в результате которого страна превратилась в полностью индустриальное государство. «Договор пяти держав», подписанный в 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией о военноморском тоннаже, привел к известному соотношению 5:5:3:1:1. Договор определил минимальный приемлемый для всех уровень военных флотов, приостановил гонку морских вооружений. С превращением США и Японии в великие морские державы каждая из них стала доминирующей в прилегающих морях. Япония добилась военноморского превосходства в Тихом океане и полного контроля над подходами к Азии и из нее.

Рассматривая процессы, приведшие к пересмотру сформировавшейся с окончанием Первой мировой войны Версальско-Вашингтонской системы, необходимо дать характеристику основных направлений внешней политики Японии в 1930-е годы, прежде всего с точки зрения изменения геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе к началу Второй мировой войны. В соответствии с принятой внешнеполитической доктриной японские Вооруженные силы в сентябре 1931 г. начали планомерное завоевание Китая. К концу лета 1931 г. Квантунская армия была готова к продвижению в Маньчжурии. 19 сентября неизвестными была взорвана железная дорога около Мукдена. Воспользовавшись этим поводом, Квантунская армия продвинулась дальше и к началу 1932 г.

¹⁶ Arik Umut. Op. cit. P. 78.

оккупировала Южную Маньчжурию, включая города Мукден (Шэньян), Чунцин и Цилинь. 3 января 1932 г. США направили ноту протеста с осуждением действий японских Вооруженных сил против Китая. Однако за нотой не последовало никаких конкретных действий, что повлекло за собой дальнейшее развитие японской агрессии. В январе 1932 г. Квантунская армия, продолжив войну на территории Китая, в январе – марте 1932 г. завоевала всю Маньчжурию. 9 марта было провозглашено создание марионеточного государства Маньчжоу-Го, правителем которого при поддержке той же Квантунской армии стал Пу И (1906–1967), последний император из Маньчжурской династии Цин, свергнутый с престола в 1912 г.¹⁷

Как отмечает российский исследователь Д. А. Милеев, «...нападение на Маньчжурию в сентябре 1931 г. соответствовало интересам правящей элиты, позволило мобилизовать государство, направить энергию масс на внешние цели, расширить внешнеэкономическую деятельность концернов...»¹⁸. Вопрос об агрессии в Маньчжурии рассматривала Лига Наций. 29 февраля 1933 г. в Японию, Китай и Маньчжурию была направлена комиссия Лиги Наций, в результате доклада которой было принято предложение об организации международной администрации в Маньчжурии. 20 февраля японское правительство передало инструкции японскому представителю Мацуока Ёкосукэ о выходе страны из Лиги Наций в случае принятия подобного решения. 24 февраля в Лиге Наций состоялось голосование по этому вопросу: 42 голоса – за, против – 1 голос, принадлежавший японскому представителю (Сиам воздержался). После того, как была принята резолюция, признавшая незаконными действия

¹⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2. С. 88–89.

¹⁸ Милеев Д. А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 75.

Японии в Маньчжурии, Япония заявила о выходе из Лиги Наций. По заявлению Мацуока 27 марта 1933 г., «японское правительство вынуждено признать, что Япония и другие члены Лиги Наций придерживаются различных взглядов в отношении достижения мира на Дальнем Востоке»¹⁹.

Формирование японской агрессивной политики на Дальнем Востоке находилось в тесной связи с обострением внутривластной обстановки в стране, обострением противоречий внутри господствующего класса Японии, нашедшим выражение в противостоянии между военными и гражданскими представителями власти, а также между представителями армии и флота. В мае 1932 г. адмирал Сайто Макото сменил Инукаи Цуёси на посту премьер-министра. В июле 1934 г. ему на смену пришел адмирал Окада Кейсукэ. Предполагалось, что эти адмиралы приведут к равновесию в противостоянии генералам Садао Араки Садао и Хаяси Сэндзиро, занимавшим пост военного министра в разные годы. Затем пост премьер-министра занял Хирота Коки, которого характеризовали как «ревизиониста, экспансиониста и бюрократа». В феврале 1937 г. его сменил генерал Хаяси Сэндзиро, который занимал пост премьер-министра в течение четырех месяцев. Как считается, Хаяси был решительным сторонником движения объединения лиц тюркского происхождения Монголии, Маньчжурии и Японии. Этот подход идеально соответствовал образу Японии как страны, поддерживающей «пробуждение азиатских народов против колониальных держав». Однако интриги продолжались, и Хаяси вышел в отставку в мае 1937 г. При поддержке принца Сайондзи премьер-министром Японии стал Коноэ Фумимаро, однако вскоре попав под влияние армейских кругов, он покинул пост в январе 1939 г. Премьер-министром страны стал генерал Хиранума Ки-

¹⁹ Нуюе Murakami. Op. cit. P. 55.

тиро, который оказывал большое влияние на формирование внутренней и внешней политики Японии.

В эти же годы в Турции национализм был выдвинут в качестве знамени солидарности в рамках нации, но никогда не пропагандировался как флаг ирредентизма или империализма, чтобы объединить многочисленные и важные турецкие меньшинства, которые были оставлены за пределами Турецкой Республики после Лозанны. Единственной целью Турции в этой связи было стремление, чтобы с турками, живущими за ее пределами, обращались честно и справедливо.

Провозглашенный «турецкий национализм» не был враждебен по отношению к своим соседям, даже к тем, с которыми Турция боролась в течение многих лет. Настоящая цель заключалась в сотрудничестве во имя взаимной выгоды. 30 декабря 1930 г. Греция и Турция заключили Договор о дружбе, который урегулировал границы, а также проблемы с обменом населением. Было достигнуто согласие на военно-морское равенство в Восточном Средиземноморье и подтвержден статус-кво, в частности из-за опасения намерения Болгарии восстановить доступ к Эгейскому морю через Западную Фракию. (Договор, в переговорах о котором участвовал первый посол Турции в Японии Джевад Эзин до его назначения в Токио.) В 1930 г. были подписаны договоры о торговле и дружбе с Британией, Венгрией, Королевством СХС, Германией, Болгарией, Италией и другими странами, что ознаменовало недавнее вступление в «концерт наций». Договор о торговле и мореплавании с Японией был подписан в том же году в Анкаре. Все эти действия Турецкой Республики завершили ее вступление в Лигу Наций летом 1932 г., что было расценено в Турции как важное внешнеполитическое событие.

Как отмечает известный турколог Н. Г. Киреев, в 1930-е годы Турция предприняла в целом успешные шаги

по определению своего места в международной политике, основываясь на принципах Лозанны. Укрепление международных позиций в последние годы жизни Ататюрка позволили Турции предпринять ряд успешных миротворческих шагов на региональном уровне²⁰. В частности, развивая отношения с ее балканскими соседями, 4 февраля 1934 г. Турция подписала договор с Грецией, Югославией и Румынией (Балканский пакт), гарантировавший территориальную неприкосновенность и независимость и закреплявший механизмы разрешения споров среди стран, подписавших договор (Болгария не подписала договор из-за расхождений позиций по Македонии, Фракии и Добрудже, несмотря на улучшение отношений с Турцией). В 1937 г. Турция участвовала в заключении Саадабадского пакта с Афганистаном, Ираном и Ираком, призванного обеспечить мир и безопасность на Ближнем Востоке путём предоставления гарантий в дополнение к тем, которые предусмотрены Соглашением Лиги Наций.

Следующим внешнеполитическим шагом Турции явилось обращение к странам, участвовавшим в подписании соглашения в Лозанне, с предложением провести конференцию для обсуждения нового режима прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Необходимость данного шага объяснялась изменениями в международной обстановке. Из-за денонсации Германией Версальского договора в Европе нарастала напряжённость. Установление в Италии фашистского режима, а также итальянская агрессия в Эфиопии серьёзно осложнили ситуацию. Турция опасалась попыток Муссолини использовать доступ к проливам для распространения своей власти на весь Черноморский регион. В первую очередь агрессии со стороны Италии могла подвергнуться Анатолия. Турция стала зондировать воз-

²⁰ Подробнее см.: Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 225.

возможность пересмотра Лозаннской конвенции 1923 г. с целью ремилитаризации проливов. 11 апреля 1936 г. Турция обратилась к странам, подписавшим Лозаннский договор, с целью получить их согласие на фортификацию проливов и восстановление полного суверенитета в отношении проливов Босфора и Дарданелл. Нота, разосланная странам, содержала следующие положения:

1. В 1936 г. политическая ситуация в Европе, и в частности, в Средиземноморье, отличается от той, что была в 1923 г., и является гораздо более опасной.

2. Гарантии, проистекающие из Лозаннского договора и базирующиеся на уставе Лиги Наций, более не действуют в связи с тем, что Япония вышла из состава Лиги Наций 27 марта 1933 г., а Италия не следует резолюциям Лиги Наций в отношении Эфиопии.

3. Гарантии, проистекающие из Лозаннского договора, предусматривают исключительно «условия войны». Следует предусмотреть оговорки в отношении «угрозы войны». В обоих случаях Турции следует иметь право на законную самооборону.

4. В соответствии с меняющимися условиями в применении положения “*Rebus Sic Stantibus*” (неизменность обстоятельств) Турция предлагает созвать международную конференцию стран, подписавших Лозаннский договор, согласно их обязательствам по договору²¹.

Многие страны были заинтересованы в создании гарантий безопасности для стратегически важных проливов и приняли решение о проведении конференции для дости-

²¹ Seha L.Meray. International Law. Ajans-Turk. Ankara, 1959. Vol. 1. P. 330–335. Цит. по: Arik Ümut. Op. cit. P. 115.

жения нового соглашения (Италия не была представлена на переговорах). Конференция о режиме Черноморских проливов проходила 22 июня – 21 июля 1936 г. в г. Монтрё (Швейцария) с участием СССР, Турции, Великобритании, Франции, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Австралии и Японии. Англия выступала против участия в конференции Японии и Австралии, так как они не были черноморскими державами, однако Турция настояла на участии этих стран в работе конференции.

Президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк был сторонником проведения такой политики в отношении Японии, которая коренным образом отличалась от политики в отношении Франции и Великобритании, несмотря на постепенное сближение турецкой позиции с этими странами. Турция дистанцировалась от негативной реакции внутри и вне Лиги Наций в отношении дальневосточной политики Японии. Как известно, Турция настаивала на том, чтобы Япония, которая хотя и вышла из Лиги Наций, участвовала в конференции в Монтрё по режиму турецких проливов, так как Япония была одной из стран, подписавших Лозаннский договор и Конвенцию по проливам, несмотря на первоначальные возражения со стороны Великобритании.

Ниже приводится текст телеграммы, подписанной министром иностранных дел Турции Тевфиком Русту Арасом и отправленной в Турцию из Лондона, где шла подготовка к конференции в Монтрё в марте 1936 г.: «Я попросил премьер-министра Ирака Нури Саид-пашу, который находится в Лондоне, узнать у своих друзей в Министерстве иностранных дел, что думает Британия по вопросу о проливах. Их ответ был следующий: если бы у них было соглашение с турками по этому вопросу, они бы рассматривали возможность заключения с нами (турками) сделки. Таким образом британцы не должны предпринимать никаких дей-

ствий против позиции Турции. Сегодня случайно я встретился с главой ближневосточного департамента британского МИДа, который подтвердил, что именно он передал эту информацию Нури-паше. Я спросил его, какого рода процедуру он считает возможной инициировать для начала действий в этом направлении. Он сразу же ответил, что мы должны использовать статью 19 Соглашения Лиги Наций. Я заметил, что это будет иметь отрицательные последствия для наших друзей и напомнил ему, что среди стран, подписавших Лозаннский договор, была и Япония, которая вышла из Лиги Наций»²².

На конференции развернулась острая дискуссия, вызванная попыткой Великобритании ограничить под предлогом «равенства» черноморских и нечерноморских держав право прохода через проливы советских военных кораблей. Работа конференции осложнялась сговором турецкой делегации с делегацией Великобритании. Твёрдая позиция Советского Союза предотвратила срыв конференции и обеспечила принятие согласованных решений, на основе которых Турция получила право ремилитаризовать зону проливов. После месяца переговоров Конвенция была подписана 20 июля 1936 г. Большинство первоначальных турецких предложений были приняты странами-подписантами. В результате инициативы Турции, поддержанной СССР, в июне–июле 1936 г. на конференции в Монтрё была выработана новая международная конвенция о проливах, действующая и поныне. Конвенция сохраняет за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы как в мирное, так и в военное время. Правила же прохода военных кораблей не одинаковы для черноморских и нечерноморских держав. Черноморские державы могут проводить через про-

²² 50 Years in Turkish Foreign Policy, Montreux and Pre-War Years 1935–1939. Turkish Ministry of Foreign Affairs. P. 56. Цит. по: Arik Umut. Op.cit. P. 117.

ливы в мирное время свои военные корабли любого класса с предварительным уведомлением турецких властей. Для военных кораблей нечерноморских держав введены существенные ограничения по классу (проходят лишь мелкие надводные корабли) и по тоннажу. Общий тоннаж военных судов нечерноморских держав в Чёрном море не должен превышать 30 тыс. т (с возможностью повышения этого минимума до 45 тыс. т в случае увеличения военно-морских сил черноморских стран) со сроком пребывания не больше 21 суток. В случае участия Турции в войне, а также если Турция сочтёт, что она находится под непосредственной угрозой войны, ей предоставлено право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов; во время войны, в которой Турция не участвует, проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы. Предусмотренная Лозаннской конвенцией международная комиссия по проливам была ликвидирована, и её функции переданы турецкому правительству.

Во время переговоров Япония настаивала на том, чтобы не было различий в отношении прохода через проливы судов черноморских и нечерноморских держав, подписавших Лозаннский договор. Советский Союз не согласился с таким подходом. В конечном итоге условия были приняты в соответствии с турецкой позицией, которая не определяла разницу в мирное время, но лимитировала проход судов в северном направлении боевых кораблей нечерноморских стран в военное время.

От имени императора Японии свои подписи под Конвенцией поставили посол Японии Сато Наотакэ и министр Хотта Масааки. Они также заявили во время заключительной протокольной церемонии подписания, что «Конвенция позволяет Турции немедленно ремилитаризировать проливы, что она и делала *ad referendum* (впредь до последующе-

го утверждения)». Они также выразили общую оговорку: «Японские делегаты, подписавшие Конвенцию, заявляют от имени своего правительства, что положения настоящей Конвенции ни в коей степени не рассматривают изменение позиции Японии в качестве нечлена Лиги Наций ни в связи с Лигой Наций, ни в связи с договорами о взаимном сотрудничестве, заключенными в контексте названной выше Лиги, и в частности Япония сохраняет полную свободу в принятии решений в отношении Лиги и договоров в рамках Статей 19 и 25»²³.

В этой связи следует особо подчеркнуть положение статьи 19 Конвенции, в силу которой во время войны (если Турция будет занимать нейтральную позицию) проливы закрывались для кораблей воюющих стран, но им разрешалось, однако, вернуться на свои базы, если они оказывались вдали от них. Статья 20 предусматривала, что это положение действует и в том случае, если Турция является воюющей стороной. Положения Конвенции в Монтрё препятствовали допуску в Черное море кораблей нечерноморских (воюющих стран, а также устраняли опасность «закрытия» в Черном море флотов черноморских держав, чего настойчиво добивалась английская делегация. Конвенция была заключена на срок в 20 лет с автоматическим продлением при отсутствии денонсации за 2 года до истечения срока.

В дальнейшем конвенция Монтрё о проливах повлияла на ход Второй мировой войны. Она сильно ограничила возможность развёртывания боевых действий в Чёрном море для фашистской Германии и её союзников. Они были вынуждены вооружать свои торговые корабли и пытаться провести их через проливы. Это приводило к серьёзным дипломатическим трениям между Турцией и Германией.

²³ 50 Years in Turkish Foreign Policy, Montreaux and Pre-War Years 1935–1939. Turkish Ministry of Foreign Affairs. P. 56. Цит. по: Arik Umut. Op. cit. P. 114.

Неоднократные протесты со стороны Советского Союза и Великобритании подтолкнули Анкару к полному запрету перемещения любых подозрительных судов в проливах²⁴.

Таким образом, в то время, когда в Европе обострялась международная напряженность, Турция успешно окружила себя «поясом пактов, договоров и, что было более важно, ореолом доброй воли». Главным принципом турецкой внешней политики было мирное сосуществование, которое было образно представлено турецким президентом Кемалем Ататюрком: «Мир в стране, мир в мире. Это то, к чему мы стремимся»²⁵.

Конференция в Монтрё стала в 1930-е годы одним из многих примеров конструктивного, правового пересмотра послевоенных договоров, к числу которых относился и Лозаннский мирный договор. Несмотря на значительные расхождения между позициями, в частности, Советского Союза и Великобритании, делегации проявили стремление к сотрудничеству, в результате которого и было достигнуто соглашение. В Конвенции Монтрё удалось соблюсти баланс интересов, приемлемый для всех заинтересованных сторон. Поэтому Конвенция Монтрё действует и по сегодняшний день, определяя современный режим Черноморских проливов.

Литература

Кабардин М. С. О роли Версальско-Вашингтонской системы в становлении нового порядка в мире: начало, раз-

²⁴ Монтрё конференция /Дипломатический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 309–311; Проливы / Дипломатический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 580–581.

²⁵ Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. Ankara, 1991. P. 115.

витие и прекращение Версальско-Вашингтонской системы // Молодой ученый. 2014. № 11 (70). С. 279–281.

Киреев Н. Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 608 с.

Ледовская О. А. Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнерству в XXI веке. М.: ИВРАН, 2022. 292 с.

Лозаннская конференция 1922–1923 / Дипломатический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 202–204.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М.: 1973. Кн. 2. 292 с.

Милеев Д. А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 240 с.

Монтрё конференция / Дипломатический словарь. М., Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 309–311.

Проливы / Дипломатический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. II. С. 580–581.

Хахалкина Е. В., Вагнер А. В., Ербахаев О. Л., Кулинич П. А., Лукова Е. Е. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 104–107.

Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Second edition. Ankara., 1991. 311 p.

Murakami Hyoe. Japan, The Years of Trial 1919–52. Kodansha International, 1983. 246 p.

Osman Olcay. Towards the Sevres Treaty. Ankara. 1981. 240 p., Seha L Meray. International Law. Ajans-Turk. Ankara, 1959. Vol. 1.

Глава 3

Колониальная политика Японии на Тайване после окончания Первой мировой войны: начало «просвещенного правления»*

К концу XIX столетия, после проведения комплекса реформ в ходе «Реставрации Мэйдзи» (1868–1889), Япония постепенно превратилась в промышленное государство, которое не только превосходило по военному и экономическому развитию своих соседей, но и было готово проводить собственную колониальную политику в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Основной целью колониальной экспансии Японии было решить проблему с недостатком ресурсов и сырья в развивающейся промышленности¹ и стать полноправным членом клуба колониальных держав². Первым приобретением Японии были острова Рюкю, аннексированные в 1872 г., следующая экспедиция была проведена на Формозе в 1874 г.; в 1876 г. для Японии был открыт южный порт Кореи Пусан, а после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. – и вся Корея (формально ставшая независимым государством). Победа в Русско-японской войне продемонстрировала всему миру, что Япония достигла определенного уровня экономической

* Автор главы: В. А. Перминова, ORCID: 0000-0002-6626-7395

¹ Польшова К. Из Иокогамы. Задачи японской колонизации и Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 7. С. 302.

² Никкель. Современная Формоза // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. № 2. С. 82.

и военной мощи, но самое главное, показала, что желтая раса может одержать победу над белой³. Вслед за военным успехом 1905 г. последовала аннексия Кореи в 1910 г., оккупация Маньчжурии в 1931 г., вторжение в Китай в 1937 г. и, как завершение этапа территориальных захватов, попытка установить контроль над большей частью Восточной и Юго-Восточной Азии – участие во Второй мировой войне.

Используя собственную модель колониального освоения, Япония стремилась к созданию единого пространства Великой Восточной Азии под своим руководством. Управление, которое сочетало в себе элементы как английской, так и французской моделей, было реализовано в первую очередь на Тайване в 1895–1945 гг. Не обладая опытом колониального освоения новых территорий, Япония все же пыталась проводить «образцовую» политику на острове с тем, чтобы не только получать дополнительную прибыль, но и продемонстрировать западным странам свою способность и умение эффективно управлять подконтрольными территориями. Посредством установления тесных экономических связей с метрополией, культурной ассимиляции и японизации населения острова в течение полувека власти пытались постепенно превратить Тайвань из периферии в полноценную часть Японской империи.

Своеобразным водоразделом в колониальном управлении Тайванем стало окончание Первой мировой войны и период либерального движения в Японии в 1920-е годы («демократия Тайсё» – 1912–1926 гг.), когда местные власти отошли от жестких методов контроля за населением и приступили к реализации в колонии целого комплекса реформ, направив усилия на «усмирение» тайваньцев посредством культурно-просветительской политики и активной японизации. С на-

³ The Cambridge history of Japan. The twentieth century / Ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 6. P. 55–59.

значением в 1918 г. на должность премьер-министра Хара Такаси усилия правительства были сконцентрированы на реформировании всей колониальной власти как на Тайване, так и в Корее и на Сахалине. Результатом его политики стала частичная либерализация колониального режима и развитие образования в колониях. С 1919 г. на должность губернаторов Тайваня стали назначать гражданских лиц; первым губернатором на острове стал Дэн Кэндзио 田健治郎 (1919–1923). В период 1920-х – первой пол. 1930-х годов, получивший название «просвещенного правления», была проведена модернизация административного аппарата, законодательства колонии, образовательной системы и полиции.

Переосмысление центральным правительством основных методов колониального управления произошло не только с очередной сменой Кабинета, но и на фоне произошедших событий за пределами Японских островов. В первую очередь – это мощное антияпонское восстание в Корее весной 1919 г., которое выявило массу недостатков военных методов управления. Еще одним немаловажным фактором являлось распространение после окончания Первой мировой войны идеи национального самоопределения, появления которой в колониях опасались японские власти. Именно в этих условиях было принято решение о стремлении к максимальной интеграции Тайваня и Японии посредством законодательной унификации и усиления политики ассимиляции. Несмотря на то что власти декларировали уравнивание в правах японцев и тайваньцев и смягчение колониального режима, такая либерализация не предполагала предоставления местному населению каких-либо прав для самоуправления. Японцы, наоборот, стремились максимально привязать колонию к действующей системе управления в самой метрополии, навсегда оторвав Тайвань от матери-

ковой культуры, при этом не позволив жителям острова сформироваться в отдельное сообщество⁴.

Экономическое развитие

Экономическое управление Тайванем после окончания Первой мировой войны характеризуется главным образом переходом от монокультурной экономики к развитию ряда отраслей сельскохозяйственного производства – помимо экспорта сахара Тайвань должен был теперь в больших количествах поставлять Японии рис. Дисбаланс спроса и предложения на рынке риса в метрополии и, как следствие, резкий рост цен на рис явились причиной увеличения производства риса в колонии. Большие объемы производства и экспорта риса в Японию были обусловлены появлением на Тайване нового сорта риса – *хораи* (кит. – *пэнлай* 蓬萊米) и усовершенствованием условий его культивации. К 1922 г. тайваньский рис стал одним из важнейших статей экспорта, за указанный период его производство увеличилось почти в 1,5 раза. За период с 1919 по 1938 г. общий экспорт риса увеличился более чем в 5 раз. Такому резкому увеличению экспорта также способствовала низкая себестоимость риса благодаря увеличению площади орошаемых земель и дешевой рабочей силе; урожайность его была выше на 20%, а цена на рынке выше на 5–10%. Переход к культивации нового сорта риса, так же как и в случае с выращиванием яванского сорта сахарного тростника, был сопряжен с давлением правительства на население с целью привлечения крестьян к выращиванию конкретного сорта сельскохозяйственной культуры⁵. По мере увеличения экспорта риса увеличива-

⁴ The Cambridge history of Japan. P. 61–62.

⁵ Ши Мин. Тайвань жэнь сы бай нянь ши (400 лет тайваньской истории). San Jose CA: Пэндао вэньхуа гунсы, 1980. Т. 1–2. С. 374.

лась доля в нем *хоран* – к 1938 г. его доля составляла 84,3% в общем объеме экспорта риса⁶.

В период Первой мировой войны в Японии произошел дисбаланс между спросом и предложением на рынке сахарной продукции – с 1915 по 1920 г. цены на сахар выросли в 3,6 раза⁷. Такая ситуация крайне положительно сказалась на сахарной отрасли Тайваня. Увеличивающуюся прибыль от реализации сахарной продукции японцы направляли на модернизацию производства (на улучшение условий культивации тростника, увеличение тростниковых плантаций), пытаясь снизить себестоимость продукции на внутреннем рынке Тайваня, и одновременно с этим стремились к реализации в больших объемах сахарной продукции за рубежом.

Сахарная промышленность на Тайване отличалась тесной связью между всеми этапами производства – от выращивания тростника до его обработки и сбыта. В таких условиях особую важность приобретало централизованное управление в отрасли – разнообразия сахарной продукции и стабильного обеспечения не только сырьем, но и рынком сбыта можно было добиться только путем общей координации всех этапов производства⁸. Под контролем правительства и под управлением крупнейших японских компаний сахарная промышленность достигла огромных масштабов: более половины всего объявленного и оплаченного капитала акционерных обществ сахарной отрасли принадлежало сахаропромышленным компаниям; из всей площади пахот-

⁶ Ши Мин. Указ. соч. С. 375.

⁷ Там же. С. 360.

⁸ Дачжэн ши нянь тайвань ди ши ци тунцзи ганъяо (Статистический сборник № 17 (10-й год Тайсё)) / Тайвань цзунду гуаньфан дяочакэ (Отдел исследований Тайваньского генерал-губернаторства). Тайбэй: Тайвань иньшуа чжуши хуэйшэ (Тайваньское типографическое акционерное общество), 1923. С. 149.

ной земли Тайваня, занятой под тростник, в 800 тыс. ко⁹, 785 тыс. ко составляли «зону сбора» сырья для заводов; площадь земли, занятой под плантациями сахарного тростника, – 130 тыс. ко; 30% крестьянских хозяйств участвовали в выращивании сахарного тростника (так как культура тростника требует трехгодичного севооборота, то указанную площадь следует утроить, во столько же раз увеличится и количество хозяйств, выращивающих тростник)¹⁰. Динамику роста сахаропромышленных предприятий можно проследить по следующим показателям: количество компаний начиная с 1902 г. выросло с 1 завода (Тайваньская компания) до 48 зарегистрированных сахаропромышленных предприятий к 1928 г.¹¹ В 1920–1930-х годах под влиянием мирового кризиса на Тайване произошло объединение мелких и средних сахаропромышленных компаний, главным образом под началом таких крупных японских фирм, как Мицуи, Мицубиси и Фудзиями.

20-е годы XX в. явились периодом наибольшего притока японских инвестиций на Тайвань. Помимо фирм, которые были созданы в Японии еще до приобретения Тайваня и которые занимали управляющие позиции в тайваньской экономике, активную роль в экономической жизни острова стали играть фирмы, созданные японцами, проживающими на Тайване. Такие компании занимали нишу мелкого и среднего предпринимательства. Активизация деятельности японских предприятий внутри Тайваня привела к выходу этих фирм за пределы острова – на ближайшие зарубежные рынки. В данный период происходит значительное

⁹ Ко (японская единица измерения площади, применяемая только на Тайване) = 1 тё (японская мера площади) = 0,9 га.

¹⁰ Яутихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М.: Гос. социально-экон. изд-во, 1934. С. 59.

¹¹ Там же. С. 78–79.

проникновение Японии при посредничестве своей колонии в экономику Китая.

К концу 1920-х годов под действием мирового кризиса и падения цен на продукцию на Тайване произошло разукрупнение предприятий, причем главным образом тех, которые находились под руководством японцев – производства расширялись либо путем объединения нескольких японских фирм, либо путем поглощения тайваньских¹². Перевод компаний на новый уровень организации и принудительное закрытие предприятий старого образца привели к тому, что практически все фирмы на Тайване в том или ином виде перешли под управление японцев.

После окончания Первой мировой войны на международном рынке большим спросом пользовался уголь, поэтому особое развитие на Тайване получила горнодобывающая отрасль, в освоение которой быстро включились крупные японские компании, занимавшиеся производством и реализацией монопольной продукции.

В 1920-х годах благодаря активному развитию промышленного производства японские и тайваньские товары выходят на зарубежные рынки, так что Тайвань стал самостоятельно поставлять часть экспортной продукции потребителям вне Японской империи. В середине 1920-х годов внешнеторговый оборот Тайваня составлял 8,1% от общей суммы внешнеторгового оборота Японии (включая торговлю с колониями и за границу) и 1/3 всего внешнеторгового оборота Японии с колониями; около 40% импорта из колоний приходилось на долю Тайваня. В эти годы наблюдается увеличение производства не только сахара, но и риса, спирта, фруктов и камфары¹³.

¹² Чэнь Бишэн. Тайвань дифан ши (Местная история Тайваня). Пекин: Чжунго шэжухуэй кэсюэ чубаньшэ, 1982. С. 237–238.

¹³ Яутихара Тадао. Указ. соч. С. 106–107.

Во внешней торговле Тайваня вплоть до конца 1920-х годов превалировал импорт, однако в торговле с Японией на первом месте обычно стоял экспорт, который в течение всего периода оккупации значительно превышал общий импорт острова и сводил на нет пассивное сальдо внешней торговли Тайваня¹⁴. Отсюда следует, что Тайвань являлся для Японии не столько рынком сбыта ее товаров, сколько поставщиком сырья и пищевых продуктов. За время управления островом японцы смогли вытеснить всех торговых агентов, работавших там при китайских властях, тем самым перенаправив потоки прибылей в сторону Японии¹⁵. Постоянное увеличение экспорта и импорта Тайваня свидетельствует не только о развитии производственной базы острова, но и о стремительном развитии производственных способностей самой Японии и увеличении ее экспортных возможностей на мировом рынке, что было бы невозможно без привлечения ресурсов колоний.

Законодательное реформирование и социальная политика

С начала 1920-х годов началась активная японизация жителей Тайваня – власти стремились интегрировать колонию и метрополию не только в экономической, но и в культурной сфере. Японцы полагали, что им будет значительно

¹⁴ Сюй Хуайцзу, Хуан Шудзин. Тайвань суэйби (Очерки о Тайване). Шанхай: Шан-у иньшугуань (Commercial Press), 1936. С. 123.

¹⁵ Подробнее см.: Тайвань маои сы ши нянь бяо: чжаохэ ба нянь (Ежегодный отчет о торговой деятельности на Тайване. 8 г. эпохи Сёва. 1933) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1939; Тайвань маои сы ши нянь бяо: чжаохэ цзю нянь (Ежегодный отчет о торговой деятельности на Тайване. 9 г. эпохи Сёва. 1934) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1939; Тайвань маои нянь бяо: цзы минчжи эр ши цзю нянь чжи чжаохэ ши нянь (История торговли на Тайване за 40 лет. 29 г. эпохи Мэйдзи – 10 г. эпохи Сёва. 1896–1935) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1936.

проще осуществить «культурное перевоспитание» населения своей колонии, чем европейским державам, которые, будучи невосточными странами, осуществляют контроль над азиатами. Этнические, языковые и культурные сходства японцев и народов, населяющих их колонии, должны были позволить провести ассимиляцию в сжатые сроки. Воспитание японского образа мышления, принятие японского образа жизни и традиций стали основными задачами «культурного перевоспитания» жителей острова. Активное насаждение японского языка и распространение японской культуры были основными инструментами при проведении этой политики.

Реформы, проведенные при губернаторе Дэн Кэндзи-ро, являлись для того времени беспрецедентными мерами по либерализации и демократизации общества, на которые могли пойти колониальные власти. Тайваньцам были предоставлены новые возможности для получения образования и самореализации в профессиональной сфере, хотя, несомненно, все эти нововведения не отменяли принципиального подхода к управлению островом и, как показали дальнейшие события, оказались лишь временным послаблением колониального режима. Создание в 1921 г. законосовещательного совета предоставило местным жителям право участвовать в принятии решений, касающихся управления колонии, одновременно с этим японцы и тайваньцы были уравнены в правах на получение образования и могли проходить обучение совместно. Наибольшее распространение среди тайваньцев получило начальное и среднее образование. Жители колонии, как правило, приобретали технические специальности либо учились врачебному делу. С началом «просвещенного управления» на Тайване появились культурно-просветительские организации, в работе которых активное участие принимала тайваньская элита,

были открыты издательства для публикации прессы как на японском, так и на китайском языке.

Воплощением идеи интеграции всего пространства внутри империи стало принятие на Тайване в 1921 г. закона № 3, который ограничил полномочия генерал-губернатора. С этого момента японское законодательство в той мере, в которой это было возможно, распространялось на территории Тайваня, а новые законы могли приниматься только в случае, если таковых нет в законодательстве метрополии, либо в особых случаях¹⁶. Проекты новых законодательных норм колонии должны были утверждаться центральным правительством (а не парламентом и указом императора, как это было раньше) по представлению генерал-губернатора. Если закон № 31, действовавший ранее, лишь исключал в местном законодательстве те нормы, которые противоречили законам метрополии, то закон № 3 распространял само японское законодательство на территории колонии (за исключением «не подходящих» норм). Любые законы, принимаемые местной администрацией, как уже указывалось выше, должны были проходить особую процедуру внесения поправок и утверждения его в правительстве, таким образом приобретая форму особых указов. Однако губернаторы нередко прибегали к тому, что под предлогом «особого случая» самостоятельно принимали какое-либо постановление, а уже позднее фактически приносили этот закон на подпись в правительство¹⁷. Закон № 3 был принят бессрочно, что свидетельствовало об окончательном выборе властями модели законодательного регулирования на Тайване. Такое решение, конечно,

¹⁶ Эти «особые случаи», очевидно, были специально оговорены в новом законе для того, чтобы оставить губернатору право законодательной инициативы.

¹⁷ Тайвань жи чжи шици дэ фалюй гайгэ (Законодательное реформирование на Тайване в период японского управления) / Под. ред. Ван Тайшэна. Тайбэй: Лянь цзин, 1999. С. 84.

не могло принципиальным образом изменить политическую систему в колонии, однако его можно расценивать как реальную попытку приблизить законодательную базу Тайваня к японским нормам.

Либерализацию колониального режима в 1920-х годах тайваньское общество восприняло как возможность модернизации всей системы управления. Обновление программы по ассимиляции, развитие системы образования и открытие новых издательств представлялось местной элите как стремление властей учесть свои ошибки прошлых десятилетий и намерение перейти к более демократическому правлению по западному образцу. Иными словами, политика ассимиляции как инструмент уравнивания в правах жителей колонии и метрополии не вызвала отторжения у тайваньцев, а, наоборот, встретила поддержку и была воспринята даже с воодушевлением. Интеграция с метрополией виделась им серьезным препятствием произволу местных губернаторов, полномочия которых могло ограничить центральное правительство.

Под влиянием событий 4 мая 1919 г. тайваньскими студентами, обучавшимися в Японии, при поддержке одного из ярких представителей тайваньской элиты Линь Сяньтана (林獻堂) в январе 1920 г. в Токио было создано «Общество народного обновления» («Синьминьхуэй» 新民会), целью которого являлось распространение просвещенного образования и новой культуры. В числе задач, которые ставили перед собой сторонники «Синьминьхуэй», была отмена на Тайване закона № 63, наделявшего генерал-губернатора полномочиями единолично принимать законы в колонии. В следующем году Линь Сяньтан и его сподвижники Цзян Вэйшуй и Линь Яочунь создали в Тайбэе Культурную ассоциацию Тайваня (台灣文化協會) с целью побудить на-

циональное самосознание тайваньцев и ликвидировать дискриминацию в отношении местных жителей.

30 января 1921 г. 166 тайваньских студентов, обучающихся за рубежом, и 11 человек из местной интеллигенции направили в Японию первую петицию о создании парламента на Тайване. В тексте прошения тайваньцы признавали суверенитет Японии над Тайванем («Тайвань принадлежит Японской империи и является ее частью»), а необходимость создания парламента объясняли необходимостью управления Тайванем с учетом его исторических, культурных и географических особенностей¹⁸. Японские парламентарии под предлогом того, что такое нововведение противоречит конституции (Мэйдзи), не приняли этот проект. За несколько дней до этого Линь Сяньтан, представивший петицию на суд японских политиков, встречался с Хара Такаси, который категорически отверг коллективное предложение жителей колонии об учреждении местного законодательного органа¹⁹. Не одобрили это предложение и местные власти колонии. После подачи петиции Линь Сяньтан и его помощники (Линь Яочунь, Гань Дэчжун, Ли Чунли, Ван Сюэцин) в сентябре того же года были вызваны для встречи с губернатором Дэн Кэндзиро, который потребовал прекратить деятельность, направленную на «нарушение спокойствия». Никаких арестов не последовало, однако Тайваньский банк после этого случая взыскал с Линь Сяньтана более 200 тыс. иен. Позднее, зимой 1923 г., когда были подготовлены новые петиции, полиция арестовала некоторых участников движения, а в доме Линь Сяньтана был проведен обыск.

¹⁸ Цзиньдайхуа юй чжиминьди (Модернизация и колонии) / Под ред. Сюэ Хуаюань. Тайбэй: Голи тайвань дасюэ чубань чжунсинь, 2012. С. 312.

¹⁹ Matsuzaki Reo. Institutions by imposition colonial lessons for contemporary state-building: dissertation, PhD (Political Science). Massachusetts Institute of Technology, 2011. P. 62.

Большого развития дело против сторонников создания парламента, впрочем, не получило²⁰.

Движение за создание парламента на Тайване просуществовало 14 лет, вплоть до 1934 г., когда под давлением властей Линь Сяньтан был вынужден прекратить свою деятельность. За весь этот период было отправлено 15 петиций, общее количество подписавших ее людей – 12 818 человек. Первую петицию подписали в основном студенты (около 80%), однако впоследствии все больше людей со средним или только начальным образованием ставили свои подписи в документе. Среди подписавших были также и государственные чиновники (за все время подачи петиций таковых было 920 человек), в основном городская или сельская администрация. В частности, свою подпись поставил Ян Чжаоцзя, глава поселка Циншуй префектуры Тайчжун. После подачи петиции он сохранил за собой эту должность, не претерпев каких-либо ограничений в своей деятельности со стороны японских властей²¹.

Стремление тайваньцев получить право на создание законодательного органа было представлено местными властями как попытка к получению Тайванем независимости, хотя, как полагают некоторые китайские ученые, это было не совсем так. Чэнь Сяочун, сотрудник Сямэньского университета, считает, что таким образом местные жители лишь пытались получить дополнительные права в рамках существующей японской системы управления, не стремясь изменить ее кардинальным образом. Создание парламента не было попыткой установить независимое самоуправление

²⁰ Сю Вэйцзинь. Жибэнь тунхуа чжэнцэ дуй тайвань шэхуэй дэ цяншан – и уфэн линь ши цзяцзю вэй ли (Удар японской политики ассимиляции по тайваньскому обществу – на примере семьи Линь из района Уфэн) // Тайвань яньцзю цзикань. 2004. № 4. С. 73.

²¹ Чэнь Сяочун. Жи цзю шици тайвань миньцзю юньдун жогань взньти дэ фэньси (Анализ некоторых проблем национального движения на Тайване в период японского управления) // Тайвань яньцзю цзикань. 1993. № 2. С. 73.

без участия японских властей. Парламент, который подчинялся бы только Токио, должен был стать подобием префектурных законодательных органов, существовавших в самой Японии. Предполагалось, что решение проблем, связанных со спецификой Тайваня, должно было происходить силами местного законодательного органа, а не единолично губернатором²². Иными словами, предлагалось передать исключительные полномочия губернаторов (по законам № 63, 31, 3) парламенту Тайваня.

Очевидно, все эти доводы тогда не могли быть восприняты всерьёз в парламенте либо правительстве Японии. После активной борьбы с антияпонским сопротивлением в самом начале оккупации, подавления череды восстаний 1911–1915 гг., а также под впечатлением случившегося в Корею восстания в 1919 г. Тайвань все еще воспринимался как потенциальный очаг нестабильности, и любые попытки расширения прав местного населения воспринимались как начало движения за независимость.

Впрочем, нельзя сказать, что попытки создания местного законодательного органа были вовсе безуспешны. В 1921 г. был создан законосовещательный совет²³, в состав которого входили 25 человек – японцы и тайваньцы, приблизительно в равной пропорции. В 1935 г. прошли первые в истории Тайваня выборы, на которых избиралась половина состава законосовещательного совета. Остальные члены совета, участвовавшие в заседаниях, назначались губернатором, который являлся председателем совета, и состояли в основном из представителей бизнеса. Решения совета носили консультативный характер и не имели обязательную силу при проведении внутренней политики острова. Очевидно,

²² Чэнь Сяочун. Указ. соч. С. 73.

²³ Первый консультативный совет появился в 1906 г., однако он был распущен вскоре после своего создания.

такая структура не обладала какой-либо самостоятельностью, поэтому вряд ли могла устроить сторонников создания полноценного парламента.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что окончание Первой мировой войны и сложившаяся к тому моменту внутриэкономическая ситуация в Японии в значительной мере способствовали активизации производства на Тайване, главным образом культивации нового сорта риса и развитию сахарного производства. Период либерализации и демократизации в самой Японии, а также осознание правительством неэффективности исключительно силовых методов колониального управления привели к существенным послаблениям колониального режима на Тайване, реформированию законодательной системы, развитию образования и обновлению культурно-просветительской политики. Вместе с тем непродолжительного периода либерализации режима в 1920-е и начале 1930-х годов не хватило для полноценной модернизации острова, и начавшийся было процесс уравнивания в правах всех жителей вскоре сменился новым ужесточением режима, который уже был связан не столько со сложностью поддержания порядка на острове, сколько с потребностью метрополии в промышленных и людских ресурсах в период военных акций Японии, начавшихся в 1937 г. Империя нуждалась в верных подданных, которые могли бы в случае необходимости принять участие в боевых действиях и не перейти на сторону противника. Эту гарантию должны были предоставить власти колонии, которые сконцентрировали все усилия на «перевоспитании в японцев» своих «подопечных». Всегда воспринимая Тайвань как потенциальный очаг нестабильности и всех тайваньцев как потенциальных мятежников, администрация колонии должна была принимать превентивные меры и быть наготове в случае каких-либо антиправительственных выступлений.

Период «просвещенного правления» закончился на Тайване в 1936 г., в преддверии активных наступательных действий Японии в Китае, когда правительство вернулось к практике назначения на должность губернаторов военных, а не гражданских чиновников. Тайваньская экономика теперь должна была в первую очередь поддерживать и укреплять военный потенциал Японской империи, основным курсом развития Тайваня со второй половины 1930-х годов стала мобилизация ресурсов и финансовых средств острова.

Литература

Никкель. Современная Формоза // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. № 2.

Полынова К. Из Июкогамы. Задачи японской колонизации и Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 7.

Яутихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 164 с.

Дачжэн ши нянь тайвань ди ши ци тунцзи ганъяо (Статистический сборник № 17 (10-й год Тайсё)) / Тайвань цзунду гуаньфан дяочакэ (Отдел исследований Тайваньского генерал-губернаторства). Тайбэй: Тайвань иньшуа чжуши хуэйшэ (Тайваньское типографическое акционерное общество), 1923.

Сю Вэйцинь. Жибэнь тунхуа чжэнцэ дуй тайвань шэхуэй дэ цяншан – и уфэн линь ши цзяцзу вэй ли (Удар японской политики ассимиляции по тайваньскому обществу – на примере семьи Линь из района Уфэн) // Тайвань яньцзю цзикань. 2004. № 4.

Сюй Хуайцзу, Хуан Шуцзин. Тайвань суэйби (Очерки о Тайване). Шанхай: Шан-у иньшугуань (Commercial Press), 1936. 164 с.

Тайвань маои сы ши нянь бяо: чжаохэ ба нянь (Ежегодный отчет о торговой деятельности на Тайване. 8 г. эпохи Сёва. 1933) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1939. 713 с.

Тайвань маои сы ши нянь бяо: чжаохэ цзю нянь (Ежегодный отчет о торговой деятельности на Тайване. 9 г. эпохи Сёва. 1934) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1939. 747 с.

Тайвань маои нянь бяо: цзы минчжи эр ши цзю нянь чжи чжаохэ ши нянь (История торговли на Тайване за 40 лет. 29 г. эпохи Мэйдзи – 10 г. эпохи Сёва. 1896–1935) / Тайвань цзундуфу цайуцзюй (Министерство финансов генерал-губернаторства Тайваня). Тайбэй, 1936. 703 с.

Тайвань жи чжи шици дэ фалюй гайгэ (Законодательное реформирование на Тайване в период японского управления) / Под ред. Ван Тайшэна. Тайбэй: Лянь цзин, 1999.

Цзиньдайхуа юй чжиминьди (Модернизация и колонии) / Под ред. Сюэ Хуаюань. Тайбэй: Голи тайвань дасюэ чубань чжунсинь, 2012.

Чэнь Бишэн. Тайвань дифан ши (Местная история Тайваня). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1982.

Чэнь Сяочун. Жи цзю шици тайвань миньцзу юньдун жогань вэньти дэ фэньси (Анализ некоторых проблем национального движения на Тайване в период японского управления) // Тайвань яньцзю цзикань. 1993. № 2.

Ши Мин. Тайвань жэнь сы бай нянь ши. (400 лет тайваньской истории). Т. 1–2. San Jose CA: Пэндао вэньхуа гунсы, 1980.

Matsuzaki Reo. Institutions by imposition colonial lessons for contemporary state-building: dissertation, PhD (Political Science). Massachusetts Institute of Technology, 2011. 375 p.

The Cambridge history of Japan. The twentieth century / Ed. by P. Duus. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. 6. 826 p.

Глава 4

Панмонгольское движение и Парижская мирная конференция 1919–1920 гг.*

Термин «панмонголизм» появился в XIX в. Обычно с ним связывают панмонгольское движение в Бурятии и Монголии в начале XX в. и последующие проявления стремления монгольских народностей к единству в той или иной форме. Однако представление о таком единстве возникло гораздо раньше. Оно составило основу идеологии Чингис-хана, объединившего все монгольские племена. После распада Великой Монгольской империи идеи об этом единстве не исчезли. Монгольские народности, объединенные общностью происхождения и этнокультурным ареалом, всегда стремились к единству и реинтеграции, в основном апеллируя к заветам Чингис-хана. Однако вопрос о главенстве всегда был основным препятствием, что вело не к реинтеграции, а ко все большему раздроблению монгольских владений после распада Монгольской империи.

В начале XX в. сторонники создания единого Монгольского государства увидели новые возможности в связи с коллапсом Российской империи и маньчжурской империи Цин. В 1911 г. в столице Внешней Монголии была провозглашена независимость, причем почти все монгольские земли разрушающейся империи Цин заявили о поддержке

* Автор главы: С. Л. Кузьмин, ORCID: 0000-0001-9544-1359.

независимого Монгольского государства. Однако к 1916 г. монголам удалось достигнуть лишь особого статуса Барги и автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

В ноябре 1918 г. в Верхнеудинске прошел съезд бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии. Основной темой было объединение монгольских народностей. На съезде присутствовал даур Мэрсэ из Барги, представлявший тамошнюю студенческую ассоциацию, и еще двое баргинцев. Он заявил о возможности создания единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии на основании принципа самоопределения, декларированного в «14 пунктах» президента США Вудро Вильсона. К этому скептически отнесся бурятский национальный демократ Э.-Д. Ринчино, выдвинувший идею создания «федеративной республики Монголия на демократических принципах» (без одобрения со стороны международного сообщества). В итоге делегаты утвердили целью создание единого монгольского государства на демократических принципах¹.

Панмонгольские лозунги нашли выражение в манифесте от 18 февраля 1919 г., опубликованном бурят-монгольским деятелем Ц. Жамцарано. Декларировалось создание объединенного Бурят-Монгольского государства. Поддержку панмонгольскому движению оказал атаман Г. М. Семенов, проявили интерес поддерживавшие его японские военные.

25 февраля – 7 марта 1919 г. в Чите, контролировавшейся Семеновым, состоялся съезд панмонголистов. Надо отметить, что его участники называли себя не панмонголистами, а монголами, планируемое государство они на-

¹ Базаров Б. В., Цыбиков Б. Д., Очиров С. Б. (сост.). Эльбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ: 1998. С. 229; Цыбенков Б. Д. Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ // Тармахановские чтения-I: Российская революция 1917 г. Улан-Удэ: 2017. С. 34.

зывали не панмонгольским, а Монголией, объединенным Монгольским государством и т.п. В работе съезда участвовали 6 делегатов от бурят, 5 – от внутренних монголов и 4 – от баргинцев. Представители Внешней Монголии отказались участвовать, зная об отрицательном отношении к панмонгольскому движению Китая и представителей российских белых властей. Присутствовали Семенов, его помощник А. В. Волгин, переводчик М. А. Шадрин, от японцев – капитан Судзуэ, но он был там «лишь молчаливым свидетелем»².

Руководителем прибывших внутренних монголов был один из высших лам – Нэйсэ-гэгэн Мэндэбаяр, которому был поручен созыв съезда. Он рассылал приглашения князьям Барги, Внутренней и Внешней Монголии. Другими руководителями на съезде были командиры бывших монгольских повстанцев – «харачинов» Нэрэмпил-гун и Фушэнгэ. Съезд провозгласил создание независимого объединенного Монгольского государства. Обсуждались вопросы восстановления независимости и интеграции территорий, населенных монголами и тибетцами, вовлечение в движение Внешней Монголии, организация обороны, международные отношения, размежевание с немонгольскими народами путем взаимозачета земель и т.д.³.

Было постановлено, что до образования постоянного правительства нового государства будет действовать временное из четырех министерств. Местом пребывания временного правительства был выбран г. Хайлар – столица Барги. Но он был занят китайскими войсками, и панмонгольское правительство остановилось на ст. Даурия в Забайкалье, которую контролировал барон Р. Ф. Унгерн. Там

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Ф. Р-200, Оп. 1, Д. 478, Л. 72; С-кий А. Ф. Роль Японии в панмонгольском движении // Новый Восток, 1922, кн. 2, С. 595.

³ С-кий А. Ф. Указ. соч. С. 593–603.

стали формироваться войска панмонголистов. В панмонгольском правительстве состояли бурятские национальные демократы Ринчино и Вампилун. Они пропагандировали «свободу, равенство и братство», среди командного состава велись беседы революционного свойства. Не желая поддерживать панмонгольское правительство, монархист Унгерн говорил: «Буряты... устроили в Даурии совдеповщину»⁴.

В протоколе и декларации съезда⁵ было констатировано, что во времена Чингис-хана монголы составляли единое целое, но затем были разделены, а теперь настал удобный момент для создания нового государства из всех монгольских племен. В протоколе съезда, в частности говорилось: «Удостоверившись в том, что монголы разных аймаков прислали на съезд своих представителей из сочувствия к нему, представители от всех наших аймаков высказались в том смысле, что Монголия первоначально была отдельным государством, что впоследствии она, завязавшая родственные связи с Маньчжурией, хотя и присоединилась к последней в качестве гостыи, однако религию и власть сохранила за собою прежние; ныне по отношению к Китайской Республике она не находит ничего общего ни в обычаях, ни в интересах. Признав для нее счастьем то, что в настоящее время иные государства, встав на почву любви и братства, находят справедливым восстановить все прежние государства в их самостоятельных правах и собственных пределах и дать им спокойное и мирное житье, они [участники съезда – С.К.]»

⁴ Базаров и др., Указ. соч. С. 237.

⁵ Протокол съезда: Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 13–16; перевод декларации панмонгольского временного правительства, подготовленной к Парижской мирной конференции: АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 26–27 (рус. текст), Л. 28 (монг. текст). Проект этой декларации составили Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпил-гун (ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 116).

радуясь этому, к 5-му дню 2-го месяца вынесли следующие постановления...»⁶

Положение о том, что «иные государства» находят справедливым восстановление «прежних государств в их самостоятельных правах и собственных пределах» является аллюзией на концепцию самоопределения народов согласно «14 пунктам» В. Вильсона. По-видимому, источником этого было упомянутое выше выступление Мэрсэ в ноябре 1918 г. в Верхнеудинске.

Главой общемонгольского временного правительства был избран Нэйсэ-гэгэн. Он же стал управляющим военным отделом; помощником по военной части – Нэрэмпил-гун, главным советником по всем вопросам – Э.-Д. Ринчино, заведующим финансовым отделом – Б. В. Вампилун, заведующим иностранным отделом – Ц. Жамцарано. Последнего выбрали заочно; его функции стал выполнять Ц.-Е. Цыдыпов⁷. По другим данным, военным министром избрали Найман-вана, а до его согласия – Фушэнгэ, заместителем военного министра – баргута Багабоди, министром иностранных дел – Ц. Жамцарано, его заместителем – внутреннего монгола Нэрэмпила, министром внутренних дел – баргута Цэнд-гуна (Чэндэ). Его заместитель должен был быть избран от Халхи (Внешняя Монголия), последняя должна была избрать и министра финансов. В будущее войско Внутренняя Монголия должна была выставить 20 тыс. чел., Барга – 1 тыс., буряты – 3 тыс.⁸

На съезде Г. М. Семенов пообещал выделить панмонголистам 1 млн руб., предполагалось, что Япония будет

⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 13–16; ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 88–92.

⁷ Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ, 2002, С. 35.

⁸ С-кий А. Ф. Указ. соч. С. 594.

снабжать их оружием⁹. Семенов был избран советником 1-го класса при временном правительстве¹⁰, которое собиралось формировать войска из бурят, внутренних монголов и баргутов. Войска для охраны Бурят-Монголии сосредоточивались в районе ст. Даурия, Внутренней Монголии – у горы Сойолджи, Барги – в пределах ее территории¹¹.

На съезде произошел раскол: баргинец Линшэн (Фушан) и внутренний монгол Фушэнгэ поставили вопрос о восстановлении маньчжурской династии, «каковая должна даровать всяческие права Монголии», а Ринчино, поддержанный другими бурятами, заявил, что Монголия должна стать федеративно-демократической республикой¹².

По окончании съезда связанный с Г. М. Семеновым японский капитан Т. Куроки заявил командированным к нему Цыдыпову и Линшэну, что «очень доволен работой съезда и немедленно отправится в Токио для доклада. При этом обещал полное содействие Японии»¹³. Однако, по словам русского (белого) посла в Токио В. Н. Крупенского, «японский военный министр самым категорическим образом высказался передо мною в том смысле, что движение в пользу учреждения Монгольско-Бурятского государства не является делом серьезным и не будет иметь никаких результатов». Заместитель министра иностранных дел Японии сказал Крупенскому, что «всем японским, как военным, так и гражданским служащим сделано предписание держать-

⁹ Гирченко В. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.) Улан-Удэ: 1940, С. 51.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 73.

¹¹ С-кий А. Ф. Указ. соч. С. 594; Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан-Удэ: 1962. Ч. 3, С. 597.

¹² Базаров и др., Указ. соч. С. 231.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 72.

ся в стороне от движения, имеющего в виду образование монголо-бурятского государства»¹⁴.

Позже выяснилось, что расчеты на японскую поддержку основывались только на обещаниях Судзуэ, который вскоре был отозван¹⁵. Более того, советник японского посла в Пекине заявил делегации панмонголистов, прибывшей из Даурии: «Это не входит в политику японского правительства. Мое правительство вас не поддержит. Оставьте эту несбыточную идею, вернитесь домой и сидите смирно. А что касается обещаний поддержки в этом деле со стороны нашего военного командования, то оно, в военных целях, на свой риск, действует совершенно самостоятельно и безответственно»¹⁶.

Итак, с самого начала в панмонгольском движении и вокруг него возникли разногласия – между внутренними монголами, настроенными на реставрацию монархии, и бурятами, настроенными демократически; между японским правительством и частью японских военных; внутри Белого движения (см. ниже).

Панмонгольское временное правительство пыталось легитимировать себя через Парижскую мирную конференцию. В марте 1919 г. оно подготовило для нее декларацию. Проект декларации составляли Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпил-гун¹⁷. Русский перевод этой декларации следует привести целиком.

«Наше монгольское племя, кочуя в Азии с древнейших времен, составляло самостоятельное государство с полными правами. При Чингис-хане наше государство было

¹⁴ Там же. Л. 62–63.

¹⁵ Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор: 2004. С. 418.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 2923. С. Л. 30. Цит. по: Наумов И. В. Панмонгольское движение и атаман Г. М. Семенов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 167.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 116.

расширено и введен буддизм, что легко подтверждается. Впоследствии князья разных племен образовали аймаки и хошуны и властвовали вне Великой Стены. Когда возвысилось Маньчжурское государство, мы с ними вступили в родственные связи и заключили союз, подобный хозяину с гостями. Некоторые же вступили в состав восьми знамен, однако ни земель, ни власти не теряли и продолжали самоуправляться. Некоторые поддались России.

В 3-м году правления Сюань Тун 10-го маньчжурского хана сановники из китайцев овладели тронем неповинного императора-дитяти¹⁸ и, не вступая в соглашение ни с монголами, ни с тибетцами, произвольно заявили о согласии пяти национальностей и образовали республику из пяти национальностей. После того как был избран первым президентом китаец Юань Шикай, возникали неоднократно внутренние беспорядки, и не только народ бедствовал от этого, но и сам Юань Шикай объявил себя императором. Это послужило поводом к тому, что год за годом происходили военные действия, народ оказался в бедственном положении и юг отделился от севера.

Исходя из этого, видно, что Китайская Республика только имеет пустое наименование и что даже одна китайская национальность не смогла еще прийти к согласию между собой. В Монголии же они пользуются своею военною силою, делают поборы, какие хотят, и теперь не только обнаружались признаки того, что все храмы, построенные нашими предками, будут ими разрушены и что наша религия будет ими попорана, но кроме того имеется тенденция не давать монголам пользоваться теми правами и преимуществами, которыми пользуются китайцы, и когда с монголами происходит какое-нибудь несчастье, они не оказывают никакой помощи. Они установили порядок разрешения

¹⁸ Пу И.

государственных вопросов большинством голосов представителей в парламенте, вследствие чего при подавляющем преобладании китайских представителей в тех случаях, когда бывают пристрастные отношения к китайцам, несколько представителей от монгол, конечно, не в состоянии противодействовать. Поэтому никакие пожелания монгол не могут быть выявлены и все делается по воле одних китайцев, которые дают нас или военной силой, или при помощи различных ухищрений обманывают нас. Всего того, что приходится терпеть от них, нет возможности перечесать.

Монгольский аймак бурят, бывших в российском подданстве, тоже вследствие неоднобразия в религии и обычаях утратил свои права уже лет с 600, и теперь не имеет возможности отстоять свои экономические интересы, и каждый бурят ожидает уже давно того случая, когда будет возможность обеспечить себе спокойное проживание.

В настоящее время, с открытием Мирной конференции, президент Северо-Американских Соединенных Штатов, исходя из человеколюбивого чувства Всевышнего, заявил, что было бы справедливым предоставить возможность всем народностям, которые утратили свою религию и первоначальные права и отделились от своих по плоти и крови, соединиться вместе и образовать государство. Когда узнали о том, что каждый аймак может быть восстановлен, то все были обрадованы, и все монголы, пользуясь этим случаем, собрались вместе и на открытом съезде, согласясь выяснить первоначальную территорию Монголии, распространить религию, восстановить первоначальную Монголию и образовать отдельное полноправное государство, учредили временное правительство Монголии в входящем в нее Хулунбуйре. Что касается до монарха или президента, то было бы правильно избрать такового из наиболее крупного рода, но до настоящего времени в среде монгольских

князей не обнаружился такой человек, который бы выделялся своими нравственными доблестями и деловыми способностями. Поэтому вопрос этот остается пока открытым. Так как Святейший Нэйчи тойн хутухта, достигший совершенства в вере и милосердии и главенствующий в делах религии, будучи из рода Чингисова и знающий в общих чертах историю былых событий, оказался соответствующим общему желанию и потому избран в качестве первого министра временного правительства вновь образованного Монгольского государства, и вся власть государственная отдана ему.

Так как обрядность, обычаи и бытовые условия монгол своеобразны, потому трудно сразу примениться к новым порядкам, вследствие чего сохраняется прежняя власть для того, чтобы постепенно сделать переход. Что касается до военной и гражданской отраслей правления, то в этих отношениях будем следовать современным порядкам. Когда же установится постоянное правительство, тогда будут выработаны основные законы.

Согласясь на изложенном, все представители произнесли клятву и руку приложили.

Изложив причины, вызвавшие образование Монгольского государства, командировали [вставка от руки: NN]¹⁹ на мирную Конференцию.

Я, первый министр временного монгольского правительства, Нэйчи тойн хутухта Мэ²⁰, встав во главе нескольких миллионов монголов, нисколько не иду назад, а только, от всей искренности доводя до сведения общее желание, прошу всех великих держав монархов и президентов, а также представителей вникнуть во все претерпеваемые монголами бедствия и на основании вышесказанного президентом

¹⁹ По-видимому, полковника Бентковского.

²⁰ Мэндэбаяр.

Северо-Американских Соединенных Штатов отмежевать от Китая находящуюся вне Великой Стены вполне отчетливую первоначальную монгольскую территорию и учредить особое полноправное государство, чтобы не дать нам окончательно исчезнуть с лица земли и не претерпевать все нынешние несчастья.

Если монгольское дело на Конференции не будет решено, то мы все равно не будем сложа руки ждать того, чтобы наша самобытность была уничтожена и чтобы вследствие этого причинить бедствия на десятки тысяч поколений нашим потомкам, и будем напропалую вести войну для того, чтобы полностью получить первоначальные свои коренные земли.

Убедительнейше прося непременно решить это дело в смысле, нами просимом, мы одновременно с этим заявляем, что для нас было бы весьма желательным завязать со всеми государствами торговые сношения и мирные отношения.

Монгольского государства Желтоватого Овна года 2-го месяца <пропуск> дня»²¹.

1 марта российский (белый) МИД сообщил в канцелярию верховного уполномоченного Сибирского правительства во Владивостоке, что Семенов «будто бы обратился с просьбой к французам пропустить в Париж депутацию монголов для доклада Мирной Конференции» и, по слухам, туда же направляется барон Унгерн-Штернберг, «недавно уволенный Семеновым якобы по болезни»²². 2 марта 1919 г. начальник канцелярии верховного уполномоченного Сибирского правительства во Владивостоке телеграфировал,

²¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 26–27 (рус. перев.), 28 (монг. ориг., незаверенная копия); ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 118–122 (копия с копии рус. перевода).

²² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 45. Слухи о планах Унгерна были ошибочны.

что атаман Семенов просит французов пропустить на Парижскую конференцию монгольскую делегацию от создаваемого «монголо-бурято-тибетского» государства²³. И уже 6 марта российский (белый) МИД «письмом на имя представителей Англии и Франции заявило об отрицательном отношении Правительства к панмонгольскому движению»²⁴.

Японское правительство «решительно запротестовало» против прибытия делегации панмонголистов на Парижскую конференцию. В связи с этим капитан Т. Куроки был заменен майором Х. Куросавой²⁵. Хотя Куросава заявил Нэйсэ-гэгэну, что нет надобности посылать делегацию в Токио²⁶, она все-таки прибыла туда через Иокогаму 24 апреля «в составе одного русского, именующего себя Павлом Рашковичем, и двух монголов, один из которых подписывается Тусалакчи Гунсу²⁷, а другой – Бато-Дори»²⁸. Помимо них, как представитель общемонгольского государства, на Парижскую конференцию был отправлен полковник Бентковский с одним монголом²⁹. Об их командировании в упоминавшемся выше протоколе панмонгольского съезда в Чите говорилось: «Помимо посылки на мирную конференцию телеграммы в подтверждение посылки Бентковского с флагом, припечатанным монгольской печатью, от всей Монголии назначается 5 человек, которые должны

²³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1579. Л. 252.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 28.

²⁵ Там же. Л. 160.

²⁶ С-кий А. Ф. Указ. соч. С. 601.

²⁷ Монгольский титул туслагч-гун.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 141.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 172. Приказом № 36 походного атамана Дальневосточных войск Семенова от 22 октября 1919 г. подполковник Бентковский был назначен вице-директором дипломатического отдела штаба Семенова (Российский государственный военный архив, Ф. 39532, Д. 3, Л. 53; Д. 4, Л. 51).

составить доклад относительно оснований к образованию Монгольского государства и с докладом этим отправиться на мирную конференцию». Кроме того, панмонголисты безуспешно пытались добиться от Внешней Монголии номинации члена делегации от нее³⁰.

Чтобы делегаты панмонголистов попали на Парижскую конференцию, им были нужны французская и английская визы. Согласно телеграмме Крупенского министру иностранных дел от 24 апреля 1919 г., «Рашкович посетил Французского и Американского Послов, а завтра будет у Английского Поверенного в Делах. Он просил об отправке телеграммы, ему было отказано, но Послы сообщили о его посещении своим Правительствам. Разрешение просимой визы они считают маловероятным. Японский министр иностранных дел, с которым я беседовал по этому поводу, сказал мне, что о прибытии делегации в Японию он слышит в первый раз и отнесся к ней насмешливо, не придавая этой затее никакого серьезного значения»³¹.

Японское правительство официально держалось в стороне от панмонгольского движения, однако военные круги были заинтересованы в смуте в районах соприкосновения с Россией, чтобы оправдать бессрочное нахождение там японских войск и их влияния³². По данным на 4 июня 1919 г., японский военный министр и министр иностранных дел «отрицали не только какое бы то ни было участие Японского Правительства [в] пан-монгольской агитации, но даже и всякое сочувствие последней с его стороны. При этом оба они заверяли в том, что Японское Правительство не придает движению среди монгол никакого серьезного

³⁰ Leong S. Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926. Canberra: 1976. P. 81.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 141.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 2. Л. 63.

значения и считает это дело заранее обреченным на неуспех. Из бесед с японскими государственными деятелями В. Н. Крупенский считает возможным заключить, что, даже если отдельные японские агенты на местах и принимают какое-нибудь участие в агитации среди монголов, то, во всяком случае, Центральное Японское Правительство не сочувствует таким попыткам интриговать на местах»³³.

Делегаты панмонголистов послали через французское посольство в Японии письмо в переводе с монгольского на французский председателю совета министров Франции и председателю Парижской мирной конференции за подписями «управителя суверенного правительства Объединенной Монголии Богдо-Ничи-Тойн-хутухты Мэндэбаяра, советника при суверенном правительстве хошой-дзасака торгутов Китая Палта-вана³⁴, министра внутренних дел делегата Чэндэ-гуна, заместителя министра делегата Фушана³⁵, министра иностранных дел делегата Цыбена Жамцарано, заместителя министра делегата Нэрэмпил-гуна, военного министра хошой-дзасака найманов Китая Сужигт-Батор-вана, советника министра генерал-майора Фушэн-гэ³⁶, заместителя министра Багабоди, руководителя министерства финансов Баярту Вампилуна»; перевод заверили полномочный представитель правительства объединенной Монголии туслагч-гун делопроизводитель³⁷ и секретарь

³³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 222.

³⁴ «Vanne Paltori». Известно, что влиятельные монгольские князья Палта-ван и Найман-ван изъявили согласие участвовать в панмонгольском движении (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 89). Хошой-дзасак – монгольский феодальный чин.

³⁵ «Fouchingai». Однако есть сведения о том, что Фушан (Линшэн), которого собирались командировать в Токио с поручением «просить признания Монгольского государства и содействия этому на мирной конференции», отказывался от этого поручения (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 116.

³⁶ «Fouchingai».

³⁷ Указаны только титул и должность – монг. туслагч-гун зуйл-бат-хийгч («Souile-Bata-Keah-Chi»).

монгольской делегации³⁸ Бато-Дори³⁹. Ниже привожу свой перевод текста переданного письма с французского на русский.

«Господин Председатель Международной конференции, Правительство Объединенной Монголии обращает свои просьбы к Конференции принять своих полномочных представителей в Париже для объявления и отстаивания политических и экономических интересов Монголии.

Правительство, которое на деле объединило всю массу монголов, глубоко убеждено в том, что принципы, изложенные сейчас для определения прав народов в отношении их самостоятельности, полностью применимы к Монголии. Учитывая, что для проезда во Францию дипломатическим представителям необходимо получить визы Франции и Англии в паспорта, правительство Монголии просит Конференцию оказать содействие в этом для обеспечения беспрепятственного проезда представителей Монголии в Париж. Оно просит дать указания представителям Франции и Англии в Японии, где сейчас находятся члены делегации, которые пока не могут ехать дальше. Правительство Монголии убеждено, что ее семимиллионный народ, поставленный системой, которая уже доказала свою полную неспособность последующего свободного развития сил страны, в неприемлемые экономические и духовные условия, которые приводят расу к вымиранию, не может быть лишен своего права отправить представителей Монголии на Конференцию, чтобы заявить о своих неоспоримых правах на свободное существование.

Если Конференция не посчитает возможным оказать содействие прибытию представителей Правительства Монголии как таковых, представители народа должны быть

³⁸ Монг. хэрэг-толгойлогч «kherek-koutoullouktchi»

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 149–150 (франц. текст).

допущены до нее как частные лица, чтобы иметь возможность высказать требования монгольского народа, который искренне желает, чтобы его судьба была решена Конференцией, а не другими способами.

/Подписи/

18-е число третьего месяца года Желтоватого Овна»⁴⁰

Атаман Семенов попытался привлечь внимание США к панмонгольскому проекту через главу разведки американских экспедиционных сил Д. Барроуза, которому было сказано об итогах съезда панмонголистов для сообщения президенту В. Вильсону. Бурятские лидеры панмонголистов вручили Барроузу две телеграммы: для президента В. Вильсона и для Парижской мирной конференции. Эти телеграммы так и не были отправлены американцами⁴¹. Детали известны из следующего заявления, поступившего в газету «Эхо»:

«Я решительно отрицаю, чтобы послание, о котором говорится в статье, было когда-либо отправлено президенту Вильсону или кому бы то ни было подполковником Барроус или каким-либо иным американским офицером. Ниже я приведу выдержку из письма подполковника Барроус, присланного мне им из Японии по пути его следования в Соединенные Штаты:

Вчера посол Моррис получил письмо от посланника Рэйнч с уведомлением, что пекинские газеты полны комментариев с сообщением о том, что майор Барроус представил президенту Вильсону монгольский проект Семенова и с просьбой сообщить, что могло явиться поводом для подобного сообщения.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 147–148 (франц. текст). По европейскому календарю – 4 апреля 1919 г.

⁴¹ Linkhoveva T. The Buryat-Mongol national movement and Japanese interests in Siberia, 1917–1919 // Beyond Versailles. The 1919 Moment and a New Order in East Asia. Lanham – Boulder – New York – London: Lexington Books. 2021. P. 81–102.

Я вручил послу Моррису следующее сообщение для вручения посланнику Рэйнч:

Около месяца тому назад Семенов прислал мне две телеграммы, из коих одна была адресована президенту Лиги Народов; обе телеграммы испрашивали за Монголией признания прав на самоопределение. Я вернул эти телеграммы представителю Семенова во Владивостоке генералу Афанасьеву и позднее был осведомлен, что Семенов телеграфировал о задержании их отправки. Я не предпринимал никаких дальнейших действий в отношении этого дела, ограничившись докладом о нем моему начальству.

Так как сообщение о том, что один из офицеров вверенного мне командования передал постановление конференции в Чите президенту Вильсону, могло быть проверено путем обращения за справкой в настоящий штаб, я прошу Вас напечатать в Вашей газете, что приведенное ниже заявление, помещенное в номере от 29 мая, а именно, "результаты конференции были сообщены президенту Вильсону", не соответствует действительности.

Вм. С. Грэвс, генерал-майор США, команд[ующий] войсками»⁴².

Вместе с тем есть сведения, что президент Вильсон был проинформирован о проекте панмонголистов, но поддержки не оказал⁴³. Атаман Семенов говорил начальнику дипломатической канцелярии при Верховном уполномоченном на Дальнем Востоке В. О. фон Клемму (по донесению последнего на имя министра иностранных дел от 2 апреля 1919 г.), что стремление монголов к самоопределению «особенно усилилось под влиянием заявления Вильсона о са-

⁴² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 224.

⁴³ Manela, 2007, in Цит.по: Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении». М.: 2014. С. 146, 147.

моопределении народов... Посылку монголами депутации в Париж Атаман категорически отрицает. Он сам советовал им это сделать, но у них не нашлось для сего подходящих людей»⁴⁴. Последние ремарки выглядят как попытка Семёнова отмежеваться от провальной попытки панмонголистов послать делегацию в Париж.

Итак, японское правительство и США не поддержали панмонголистов, Франция и Англия не выдали запрошенные их делегатами документы, блокировав их приезд на конференцию; не появился там и Бентковский с сопровождающими. В чем причины этого?

Казалось бы, это можно трактовать как заботу о территориальной целостности России: ведь панмонголисты претендовали в том числе на бурятские территории. В связи с этим, белое Омское правительство выразило протест против их деятельности: А. В. Колчак направил американским властям во Владивостоке послание, где утверждал, что объединенная Монголия заложит основу для «желтого потопа» в Европе, назвал бурят «будущими пруссаками Дальнего Востока», выразил опасения, что к новому государству присоединятся казахи, калмыки и тибетцы, что еще больше нарушит баланс сил в регионе⁴⁵. Кроме того, Омское правительство было против нарушений договоров дореволюционной России с Китаем⁴⁶. Это правительство и российская (белая) миссия в Пекине опасались нарушения Китайско-Русско-Монгольского соглашения 1915 г. в Кяхте⁴⁷, которое фиксировало автономию Внешней Монголии,

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 109.

⁴⁵ Linkhueva, 2021, p. 81–102.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 8.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 2. Л. 61; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1579. Л. 13–19, 538.

не распространяя этот статус на остальные монгольские территории бывшей империи Цин.

США, Англия, Франция и Япония формально следовали принципу «территориальной целостности Китая» в границах всей бывшей империи Цин. Вскоре этот принцип воплотился в положение договора США, Франции, Англии, Японии и еще пяти держав на Вашингтонской конференции 1922 г. об уважении суверенитета и территориальной целостности Китая – республики, которую они считали преемницей всей этой империи (хотя Китай составлял лишь ее часть). Такой подход, однако, не распространялся на другие республики, возникшие на месте разрушенных империй.

Например, США, Англия и Франция признали независимость Польши и Финляндии, ранее входивших в состав Российской империи. В рамках вильсоновской концепции предусматривались также гарантии независимости балканских государств, суверенитет и автономное развитие народов, находившихся под властью Османской империи. Вильсон выступал и за независимость Чехословакии, ранее входившей в Австро-Венгерскую империю. Что касается колоний, то, декларируя соблюдение интересов их народов, стремившийся к глобальному насаждению демократии Вильсон уравнивал их интересы со «справедливыми требованиями» правительств метрополий.

Деятельность панмонголистов встревожила представителей Франции, Англии и США в связи с возможностью дестабилизации территории в сферах влияния этих держав. Кроме того, их не могло устроить, что новое государство будет находиться под влиянием Японии⁴⁸. Панмонгольское движение трактовалось в США, Англии и Франции не просто как связанное с Японией через атамана Семено-

⁴⁸ Linkhoeva T. Op.cit. P. 81–102.

ва, а как инициированное ею. Интересы Японии входили в противоречие с интересами США, которые по экономическим причинам старались ослабить ее позиции в Китае и на Дальнем Востоке. Англия и Франция зависели от американского капитала и старались избегать противоречий с США (через два года – в 1921 г. Англия вышла из союза с Японией, существовавшего с 1902 г.). Несмотря на наличие противоречий, державы-победительницы были заинтересованы в согласовании своих интересов на Парижской мирной конференции.

Таким образом, выступая против панмонгольского движения, США, Франция, Англия и Япония учитывали интересы не России, а лишь свои собственные.

Исследователи отмечают двойственный характер вильсоновской концепции, содержавшей множество оговорок. Во время Парижской мирной конференции даже глава американской миссии в Вене безуспешно направлял в Париж и Вашингтон просьбы раскрыть смысл туманной концепции самоопределения народов в понимании Вильсона. Сам Вильсон считал национальное самоопределение важнейшим принципом нового миропорядка, объединяя самоопределение с защитой демократии.

Однако демократия не является историческим выбором всех народов. Например, народы Монголии и Тибета стремились к сохранению их абсолютных монархий. Но, по Вильсону, распоряжаться своей судьбой могут только «здравомыслящие и достигшие своей зрелости» народы⁴⁹. Такие критерии являются чисто субъективными, открывающими простор для произвольных трактовок. Это можно рассматривать как иллюстрацию двойных стандартов, заложенных в концепции Вильсона. «Виль-

⁴⁹ Романов В. В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2008, № 4 (1), С. 30–38.

сонизм» внес важный вклад в дальнейшее развитие демократии, неотъемлемой чертой которой являются двойные стандарты.

Архивы

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи, Москва.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва.

РГВА – Российский государственный военный архив, Москва.

Литература

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: издательство БНЦ СО РАН. 2002. 67 с.

Базаров Б. В., Цибилов Б. Д., Очиров С. Б. (сост.). Эльбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ: Курумканская типография. 1998. 260 с.

Гирченко В. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.) Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство. 1940. 109 с.

Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор: Адмон. 2004. 560 с.

Наумов И. В. Панмонгольское движение и атаман Г. М. Семенов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012, № 2 (3), ч. 1. С. 165–168.

Романов В. В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008, № 4 (1). С. 30–38.

С-кий А. Ф. Роль Японии в панмонгольском движении // Новый Восток. 1922, кн. 2. С. 593–603.

Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении». М.: ИВ РАН, 2014. С. 135–155.

Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан-Удэ: Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР. 1962. Ч. 3.

Цыбенков Б. Д. Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ // Тармахановские чтения-I: Российская революция 1917 г. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. 2017. С. 32–37.

Leong S. Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1926. Canberra: Australian National University Press, 1976, 361 p.

Linkhoeva T. The Buryat-Mongol national movement and Japanese interests in Siberia, 1917–1919 // Beyond Versailles. The 1919 Moment and a New Order in East Asia (ed. by Minohara T., Dawley E.). Lanham – Boulder – New York – London: Lexington Books. 2021. P. 81–102.

Глава 5

Американский антиколониализм на марше: меморандум против мандатной политики Франции в Сирии*

Важным моментом в становлении Версальско-Вашингтонской системы международных отношений было особое положение некоторых стран по отношению к Лиге Наций. Особенно вопиющим было неучастие в этой международной организации Советского Союза и Соединенных Штатов – вопиющим уже в силу самих масштабов этих стран. Если СССР не мог стать ее членом по идеологическим причинам, то США – по собственным соображениям стратегического характера.

Несмотря на то что Лига Наций была образована в целом на основе принципов, сформулированных американским президентом В. Вильсоном, Конгресс не поддержал подписание договора на высшем уровне, то есть присоединение Соединенных Штатов к Лиге, инициированное президентом. Сам В. Вильсон предпринимал серьезные усилия, чтобы обеспечить своей стране возможность влиять на международную политику изнутри этой структуры, но не преуспел в том, чтобы убедить своих оппонентов на внутриамериканском политическом поле. Судя по всему, это был расчетливый политик-стратег, прагматик,

* Автор главы: А.В. Сарабьев, ORCID: 0000-0002-9796-2411.

весьма далекий от того идеализма, в котором его подозревали ведущие политики в Старом Свете. Видимо, еще на заре XX в. он почувствовал близкое наступление заката эры привычной колониальной политики и перехода к новой глобальной стратегии, основанной на «мягкой силе», экономической мощи и всеобъемлющей либеральной идеологии. Это и позволило ему обеспечить успешное начало переноса условного ядра мир-системы в Новый Свет, несмотря на мощную конкуренцию со старыми колониальными державами Европы.

Но для этой цели необходимо было подорвать влияние метрополий в их колониях, и после окончания «Великой», как ее тогда называли, мировой войны основными объектами дискредитации американцев стали британцы и французы. Внешне идеалистический дискурс политики Вильсона был последовательным, он не изменялся в своей основе даже под воздействием высокомерной критики и иронии со стороны европейских «партнеров»¹. Расчет американцев был точен: в изменившихся условиях на Востоке – после целой череды колониальных войн и революций (в Китае, Японии, Иране, Османской империи, в странах Африки), после успешного вовлечения в советскую орбиту огромных территорий в Средней Азии, Закавказье, Монголии – большим подспорьем могла оказаться пропаганда идей «национального освобождения» восточных территорий, подконтрольных англичанам и французам. Это давало возможность существенно ограничить как рынки сбыта их

¹ В своих воспоминаниях У. Черчилль (с 1905 г. – замминистра, а с февраля 1921 г. по октябрь 1922 г. – министр по делам колоний) писал: «Вильсон представлял себе мировую демократию по своему собственному образу и подобию... Если бы Вильсон был или простым идеалистом, или прожженным политиком, ему, может быть, и удалось бы добиться своего. Но он попытался сочетать в своем лице и то и другое, и это-то и было причиной его гибели. Благородная филантропия, которой он хотел облагодетельствовать Европу, резко обрывалась на берегах его собственной страны». URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/07.html>

товаров, так и приток капитала с этих территорий, а значит, подрывало сами капиталистические основы доминирования европейского ядра тогдашней мир-системы.

Так что американская политика в середине 1920-х годов стала прибегать к политико-идеологической поддержке национальных чаяний стран, находившихся тогда под протекторатом или мандатным управлением британской или французской администраций. В этой своей тактике они были близки к той тактике поддержки национально-освободительной борьбы, которой придерживался Коминтерн, – сколь бы парадоксальным это ни казалось. По большому счету, в этом и заключается общность левых идей вообще и леволиберальной идеологии, продвигавшейся со времен В. Вильсона.

Логично, что поскольку Лига Наций обеспечивала полную законность протектората/мандата над «отсталыми» территориями, то и вступление в нее США к тому времени уже не имело смысла. Вместо этого в ход была пущена жесткая критика колониальных методов управления и риторика поддержки местного населения в качестве дискредитации держав-конкурентов и скорейшего выхода этих территорий из-под их влияния.

Яркой иллюстрацией и весомым документальным подтверждением такой тактики выступает документ предположительно 1926 г. – очень профессионально и с привлечением огромного фактического материала составленный, отдельно изданный, широко растиражированный и достигший, видимо, всей той аудитории, на которую и был рассчитан². Это «Меморандум о применении Францией

² Документ прочно вошел в источниковую базу по новейшей истории Ближнего Востока – см., например: Библиография аль-вахда аль-арабийя 1908–1980. Аль-маджлид аль-авваль: аль-муаллифун; аль-кисм ас-сани: би-ль-инклизийя ва-ль-ифрансийя (Библиография арабского единства, 1908–1980. Т. 1. Авторы; ч. 2: на англ. и франц. яз. Бейрут: Марказ Дирасат аль-вахда аль-арабийя, 1983. С. 929.

обязательной системы Лиги Наций в Сирии», содержащий более двух авторских листов текста (26 страниц плюс карта, библиография), отпечатанный особой брошюрой³. По форме – это официальный документ, адресованный президенту США Кальвину Кулиджу, членам Конгресса и госсекретарю Фрэнку Келлогу, а также (копиями) «в Секретариат, Совет и Ассамблею Лиги Наций, правительствам и национальным законодательным органам государств, присоединившихся к Лиге Наций, судьям и заместителям судей Постоянной палаты международного правосудия и Постоянного арбитражного суда в Гааге».

Примечательно, что документ был составлен не от какой-либо правительственной организации или иных властных кругов, а от имени некоего «Сирийско-американского общества в США» (Syrian American Society). Подробных сведений об этом обществе обнаружить пока не удалось, но понятно, что оно представляло собой эмигрантскую организацию, как-то связанную с американскими политиками.

Глубокий исследователь миграций с Арабского Востока Аликса Нафф писал о такого рода локальных обществах, существовавших в разных штатах, в частности следующее: «Назвавшееся “Цветком Востока” в январе 1928 г. “Новое сирийское общество” в Уилкс-Барре, штат Пенсильвания, работало во имя “единства и взаимопонимания, возвышая само название сириец, поощряя получение высшего образования и побуждая сирийскую молодежь к стремлению подражать достижениям своих предков”, тогда как Сирийско-американский клуб в Тусоне подчеркивал внекон-

³ Memorandum on the Application of the Mandatory System of the League of Nations by France in Syria. Submitted by the Syrian American Society of the United States to the US President, Members of the Congress and Secretary of State. [1926]. 32 p.

фессиональность – “новое течение мысли среди молодого поколения”»⁴.

Организация с таким именно названием «Сирийско-американское общество», а точнее, его отделение в Лоуренсе, упоминалось в одном внутреннем американском документе от ноября 1926 г. – в списке выступлений секретаря офиса г. Лоуренса Управления по иммиграции и американизации штата Массачусетс⁵.

Судя по скромным масштабам политической значимости, Сирийско-американское общество США едва ли могло рассчитывать на такой резонанс своего Меморандума, который тот возымел в высокой политике, и на такой охват адресатов, что был заявлен. Едва ли также аналитики из простой иммигрантской организации были в состоянии составить столь цельный по стилю и содержанию документ, включавший массу данных из предыдущих докладов и оценок социологических опросов. Можно предположить, что Меморандум стал хорошо организованной акцией американской политики, направленной на расшатывание влияния британцев и французов на местах. Основной удар в рассматриваемом документе пришелся на французскую колониальную политику, по сути продолженную под видом мандатного управления Сирией и Ливаном. Причем авторы, даже не скрывая, всячески обосновывали симпатии местного населения к американцам на фоне справедливого гнева по отношению к колонизаторам-французам.

⁴ Naff A. *Becoming American: the early Arab immigrant experience*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985. P. 312.

⁵ The Commonwealth of Massachusetts. Annual report of the Division of Immigration and Americanization, for the year ending November 30, 1926. Department of Education. Public Document. No. 121. P. 13.

Ответственность США за защиту⁶ угнетаемых сирийцев обосновывалась, учитывая неучастие этой заокеанской страны в Лиге Наций: «Президент Вильсон вернулся из своей второй поездки в Париж побежденным человеком, и в следующем году народ Соединенных Штатов отвернулся от Лиги Наций в результате голосования семи миллионов человек. Таким образом, у следующей республиканской администрации не было особых причин заниматься судьбой Сирии. Соединенные Штаты были вне Лиги; однако Сирия стала субъектом Лиги. Таким образом были разорваны фактические связи, с помощью которых Америка могла бы оказывать по крайней мере благотворное влияние на Сирию, если даже и не была бы намерена взять на себя мандат в Сирии или оказать сирийскому народу ту “помощь”, которую они предпочли мандату любого иностранного правительства. Теперь возникает вопрос: освободил ли такой поворот событий американский народ и его правительство от всякой ответственности перед сирийским народом? На первый взгляд на этот вопрос можно ответить утвердительно; с моральной точки зрения на него следует ответить отрицательно»⁷.

Авторы были категоричны в смысле ответственности США, а иными словами – их обязанности вмешаться в судьбу сирийцев: «...Соединенные Штаты дали обещание сирийскому народу, что независимость будет за ним в случае поражения турок, как и правительства Франции, Великобритании и Италии. Этот факт неоспорим».

Структура документа отличалась стройностью, но обнажала, с одной стороны, компилятивный его характер, а с другой – явную линию на преемственность в поиске

⁶ В тексте: «Responsibility toward the Syrian people»... Не напоминает ли та стратегия нагнумевшую уже в 2000-е годы глобалистскую политологическую концепцию «Responsibility to Protect», R2P?

⁷ Memorandum. P. 26.

пути доминирования на Ближнем Востоке, которую начал президент Вильсон. Начинался Меморандум с утверждения дихотомии: якобы есть некие «правительства, полностью обладающие всеми атрибутами суверенитета», а есть «народы, которым отказано в этих благах». На протяжении всего текста эти стороны рассматриваются сквозь призму их противоположных интересов и угнетения первыми вторых. Симпатии американцев – на стороне угнетенных.

Вот какой гимн звучит в адрес сирийской земли и общества: «Сирийская цивилизация предшествовала любой другой известной нам цивилизации. Столица страны, Дамаск, считается старейшим городом, существующим сегодня. Он был там, где сейчас находится [и был известен, – А.С.] с незапамятных времен как великий центр торговли Востока, как место культуры и обучения, как священный город нескольких религий, как жемчужина городского развития, а иногда и как резиденция местных просвещенных и прогрессивных правительств. Сама Сирия когда-то была самой благословенной частью мира; ее богатство и искусство вошли в поговорку среди древних». Ясно, что те, кто считал сирийцев «слабым народом» и кто выжимал из Сирии и ее населения все соки, по мысли авторов, французы – осуждались. Их колониальным методам противопоставлялись идеи уважительного отношения и покровительственной помощи, которые в целом сформулировал В. Вильсон. Как раз вопреки этим идеям в Сирии якобы и был установлен французский мандат – для продолжения эксплуатации населения и выкачивания из страны ресурсов: «Сегодня Сирия – это не та земля, где эксплуататор может найти многое на поверхности. Большая часть ее населения состоит из пастухов, вынужденных кочевников. Но к востоку от Сирии лежат огромные залежи нефти и руды, обладание которыми теперь стало еще одним желанием империализма и международ-

ной политики; для осуществления его и для определенного контроля Франция и вселилась в Сирии под выдуманной формулировкой, имя которой Мандат»⁸.

Изложение проблемы выстроено хронологически: после вводной части (весьма лиричной) идет раздел о бедствиях сирийцев под властью турок-османов, затем цитируются письма шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими и Генри Мак-Магона, которые еще в 1915 г. обговаривали будущее сирийских территорий, где арабам было обещано независимое королевство. А затем на авансцене документа появляются Соединенные Штаты: «Теперь мы подходим к той роли, которую в этом деле играют Соединенные Штаты. Когда о существовании секретных договоров, касающихся целей войны союзных правительств, стало известно президенту Вудро Вильсону, он сделал заявление: “Поскольку Соединенные Штаты Америки не были связаны ни одним из рассматриваемых секретных договоров, они вполне готовы одобрить урегулирование на основе фактов”»⁹.

С этой целью – выявления соответствующих фактов – была создана 20 марта 1919 г. специальная комиссия, которую возглавили ученый Генри Кинг из Оберлинского колледжа и бизнесмен и дипломат Чарльз Крейн. К концу лета того же года они предоставили отчет о работе комиссии, который лег в основу аргументов американской делегации на Парижской мирной конференции. В Меморандуме говорилось, что специально приводятся «только те части доклада, которые имеют отношение к нынешней ситуации в той части Сирии, которая находится под мандатным управлением Франции».

Французские методы были названы милитаристскими, в красках описывались репрессии против местных деяте-

⁸ Memorandum. P. 4.

⁹ Memorandum. P. 8.

лей: «...части Малой Азии, оккупированные французскими и британскими войсками к концу мировой войны, были окончательно преобразованы во французские и британские мандаты. В Сирии французы установили военный абсолютизм, совершенно противоречащий как букве, так и духу статей 22 и 23 Устава [Лиги Наций]. Представление всех фактов о французском правлении в Сирии стало бы слишком большим предприятием в этом месте. Уверенные в своем положении в международном смысле и стремящиеся осуществить свой старый план, французы в июле 1920 г. изгнали короля Фейсала и положили конец сирийскому национальному правительству в Дамаске. Сделав это, французы предприняли действия против сирийской знати, поднявшей голос против этого властного акта, в том числе против таких лидеров, как д-р Шах Бандер, известный врач, который был заключен в тюрьму, и эмир Амин Арслан, Сулейман Бей Куман и десять других были депортированы на остров Корсика. Число сирийцев из высшего класса, изгнанных французами, на сегодняшний день составляет не менее 800 человек»¹⁰.

Особенное внимание уделялось жестокости французов, проявленной при подавлении восстания в 1925 г.¹¹ (арабы называли его Ас-саура аль-кубра – Великая революция). Наконец, в разделе, озаглавленном «Замыслы французов в Сирии», говорилось о действиях мандатной администрации не только против интересов самих сирийцев, но и в ущерб другим зарубежным влияниям, и особенно американскому. «Они открыто утверждали – хвастались этим, – что предлагают излечить сирийский народ от его склонности

¹⁰ Ibid. P. 16.

¹¹ Подробно о тех событиях в плане межконфессиональных отношений см.: Сарабьев А. В. «Мандатная держава оставляет за собой лишь право руководства...»: конфессиональная политика в решении колониальных проблем Сирии и Ливана (1920-е гг.) // Восток-Oriens. 2017. № 6. С. 18–28.

к американцам. Сирия должна навсегда стать французской колонией – точно так же, как общины к востоку и югу от нее навсегда предназначены для государственного чиновника Британской империи. Естественно, что в этих планах не может быть места американским идеалам, возвращаемым до сих пор в Малой Азии такими учреждениями, как американские университеты и колледжи в Бейруте, Тарсе и Константинополе, а также американские миссионерские школы и миссии по всей Малой Азии. Французская администрация в Сирии делает все, что в ее силах, чтобы искоренить их, и, хотя пока она добилась лишь незначительного прогресса, время и милитаризм в конце концов приведут к успеху»¹².

Представленный Меморандум интересен сам по себе, но еще больший интерес представляет преимущество и развитие американских подходов и методов. В этом плане имеет смысл вернуться к отчету комиссии Кинга-Крейна 1919 г., тем более что в Меморандуме американский мандат в Сирии упоминается лишь как упущенная возможность, намеком, а в отчете о нем говорится как о вполне реальной и даже желаемой населением возможности. В отчете содержалось отдельное «Конфиденциальное приложение». Оно представляло собой «материалы, связанные с критикой союзников, которые не должны были попадать в доклад и быть переданными им в руки, но которые, тем не менее, должны были быть у американской делегации на Мирной конференции»¹³, а также в руках аналитиков из Госдепартамента. Эти материалы были подготовлены блестящим историком, работавшим в Стамбуле, автором монографии о системе раннего османского

¹² Memorandum. P. 24.

¹³ The King–Crane Commission Report, August 28, 1919. Confidential Appendix. Prepared by the Commission for Use of Americans Only // Editor & Publisher, V. 55, No. 27, 2nd Section, December 2, 1922. URL: <http://www.hri.org/docs/king-crane/>

правления (1913), консультантом комиссии, Альбертом Хоу Лайбайером. Очевидно, что они-то и легли в основу анализируемого Меморандума.

В приложении обсуждалось, конечно, и будущее Сирии. Особого внимания заслуживает подраздел «Запрос на американский мандат». Суть его в том, что на основании проведенного комиссией опроса выявлялось отношение сирийцев к разным формам будущей сирийской государственности. Речь шла о возможности существования «объединенной Сирии» и варианта отделения от нее Палестины и Ливана. Говорилось следующее: «Сторонники объединенной Сирии серьезно обдумывали четыре возможности: абсолютная независимость, мандат Великобритании, мандат Франции и мандат Америки. Единственными значительными группами, которые выступали за разделение, были те, кто поддерживал отдельную Палестину для сионизма под властью Великобритании и самостоятельный Ливан (расширенный или нет) под властью Франции на случай, если остальная часть Сирии окажется под другим мандатом»¹⁴.

Последнее замечание показательное: американцы, видимо, вовсе не исключали перехода Сирии под свою протекцию, даже если Ливан останется под властью французов, а Палестина – англичан. Более того, приводились следующие оценки: «Практически все мусульмане, составляющие примерно четыре пятых населения Сирии, выступают за Америку как за первый выбор. ... Что касается христиан, то хотя сравнительно немногие из них высказались прямо за Америку в качестве первого выбора – только часть протестантов, сиро-православных и армян, ведь они были связаны старыми узами и недавними соглашениями, предполагавшими их голосование за Великобританию или

¹⁴ Ibid.

Францию, но все же значительная часть упомянула Америку как второй вариант...»¹⁵

Работавшие на местах авторы Приложения под руководством Лайбрайера обосновывали эти наблюдения так: «Члены Комиссии не могут сомневаться в искренности стремления к Соединенным Штатам как к державе-мандатарю... Основными причинами, выдвинутыми в пользу американского мандата, были следующие:

- Доверие президенту Вильсону как главному ответственному за свободу Сирии и отстаивание прав малых и угнетенных народов.

- Благодарность Америке за помощь голодающим и раздетым. Благодарность президенту Вильсону и Америке была выражена в тысячах форм и с величайшими эмоциями, независимо от желания в отношении мандата.

- Ощущение, что Америка вступила в войну не по корыстной причине, и ей можно доверить бескорыстную заботу о малом народе.

- Сознание того, что Америка не является колонизирующей державой, стремящейся управлять в интересах своего народа и эксплуатировать управляемых. Часто приводились примеры Кубы и Филиппин ...»¹⁶

Иными словами, стремление США участвовать в разделе Османской империи было налицо. Жесткая критика соперников – британцев и французов – звучала в Приложении более чем отчетливо. Была упомянута даже Россия: якобы часть православных арабов «предпочла бы российский мандат, если бы Россия не рухнула»¹⁷. Однако в результате крушения Российской империи «эта группа предпочитает Францию Великобритании, но были свидетельства того,

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

что многие из них предпочли бы Франции мандат Америки, если бы была уверенность его принятия»¹⁸.

Недаром спустя несколько лет, уже при следующем президенте Кулидже, авторы Меморандума писали: «В заключение, нижеподписавшиеся граждане Соединенных Штатов и уроженцы Сирии обращаются к исполнительной и законодательной ветвям правительства Соединенных Штатов с просьбой оказать влияние от имени народа Сирии с целью создать в Сирии условия, одобренные президентом Вильсоном и изложенные в отчете Кинга–Крейна». Правда, теперь предполагалось «создать условия» уже не в качестве «мандата на Сирию, который привязывал бы их к Лиге Наций, а взять на себя “помощь” (an “assisting” capacity) в содействии установлению там независимого правительства Сирии, как это было обещано сирийскому народу во время мировой войны и как это имел в виду г-н Вильсон»¹⁹.

Итак, желание установления американского мандата в Сирии первоначально было. Судя по подобострастным упоминаниям президента Вильсона в Приложении, оно вполне согласовалось с «пацифистским» курсом последнего, представляя собой просто стратегию «мягкой силы» влияния в полуколониях. Так что те проклятия войне, которые звучали в его изначальной программе Лиги Наций, в сочетании с горячим желанием американцев «бескорыстной заботы» о «малых и угнетенных народах» были частью его твердой линии в конкурентной борьбе. Поскольку «коммунистов» он не рассматривал в то время в качестве конкурентов на этом поле, то и методы их пропаганды национально-освободительной борьбы не считал лишним использовать для пользы американской внешней политики. В частности, критика французского колониализма комиссии

¹⁸ The King-Crane.

¹⁹ Memorandum. P. 28.

Кинга–Крейна очень напоминала несколько более позднюю критику со стороны деятелей Коминтерна.

Тут имеет смысл обратиться к советским архивным документам. Дело в том, что оценки плачевной ситуации на подмандатных территориях, датированные тоже 1926 г., поразительно совпадали с оценками, данными Сирийско-американским обществом США. С учетом того, что последние были составлены для публичного распространения, явно, что именно они берут на вооружение пафос национально-освободительной борьбы, который не только сквозил в советской печати и литературе, но и содержался в секретных донесениях с Востока. Приведем выдержку из подробного анонимного сообщения, поданного в Исполнительный комитет Коминтерна и озаглавленного «Революция в Сирии» (синяя копия машинописи): «Экономическое положение Сирии на пятилетие 1920–1925 гг. стало весьма плачевным. Карательные экспедиции французов в Хауран в 1921 г., в Джебел-Друз в 1923 г., непрерывные воздушные бомбардировки, штрафы и контрибуции, сжигание деревень – все это опустошило целые области. Экономическая политика французов сводится к хищническому разграблению страны. На все иностранные товары, кроме французских, наложены 30% пошлины. Золотой запас Сирии, в размере 15 млн тур[ецких] зол[отых] фунтов, увезен в Париж. Взамен прежней турецкой валюты введена новая сирийская, в основе которой лежит беспрерывно падающий французский бумажный франк. Конечно, никакой земельной реформы французами предпринято не было, и помещичье, почти феодальное землевладение сохранилось в полной неприкосновенности. Налоговая система построена французами так, что Ливан с его маронитским населением, на которое думали опираться французы, почти освобожден от налогов, а получающийся отсюда дефицит

французы выколачивают из остальных, главным образом мусульманских частей Сирии. Страна должна содержать оккупационную армию и многочисленную двойную администрацию (французскую и туземную), полицию и жандармерию. Если к этому прибавить, что любой французский офицер, вознесенный волею Верховного Комиссара на высокую должность губернатора или префекта, является царем и богом в своем округе и проявляет свою власть главным образом в области увеличения доходной части своего бюджета, то общее положение станет ясным»²⁰.

Представляется вполне логичным, что для противодействия своим конкурентам-европейцам американцы попросту использовали методы критики колониализма, хорошо им знакомые по внешнеполитическому взаимодействию с Советским Союзом. В глазах народов, продолжавших находиться в той или иной степени зависимости, американцы пытались дистанцироваться от политики старых колониальных держав. С этой целью они использовали антиколониальную риторику, с этой же целью они круто пересмотрели свое отношение к Лиге Наций.

Хорошо известно, что именно Конгресс США воспрепятствовал в свое время присоединению страны к Лиге Наций, несмотря на уговоры президента Вильсона. К 1926 г. критическое отношение Конгресса к политике европейских держав-метрополий, реализуемой через Лигу Наций, не ослабевало. Есть и документальные тому свидетельства, в том числе по сирийскому вопросу.

В частности, имеется запись речи в Конгрессе сенатора Роберта Лафоллетта-младшего от 22 января 1926 г., где он анализировал и события в Сирии, а конкретно – неудачи мандатного управления французской администрации, ее прежние колониальные методы, провал в налаживании

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 10. Л. 55.

собственной экономической системы Сирии и, конечно, жестокости французов в подавлении восстания сирийцев, сопровождавшиеся бомбардировками исторических кварталов Дамаска. Сенатор подробно цитировал как раз приводимый Меморандум, подчеркивая при этом, что документ этот основан на «несирийских источниках»²¹.

Поражают два момента: с одной стороны, насколько жестко сенатор, известный своими антикоммунистическими взглядами, критикует французский колониализм (сходясь в этой критике с оценками источников советской разведки), а с другой – насколько он доверяет приводимому документу. Он предваряет свои рассуждения следующим указанием: «Сирийско-американское общество Соединенных Штатов выпустило меморандум, основанный на несирийских источниках, о применении обязательной системы Лиги Наций Францией в Сирии, в котором объясняются условия, приведшие к восстанию против французского правления и бомбардировкам Дамаска. Я держу в руке копию этого меморандума; и чтобы то, что я могу сказать по этому вопросу, не было оспорено сенаторами по той причине, что этот документ подготовлен американцами сирийского происхождения, я хочу обратить внимание на библиографию в конце этой брошюры – то, на чем базируются изложенные факты, и я хочу обратить внимание на то, что эти источники по своему характеру совершенно несирийские»²².

Примечательно также, как сенатор формулирует цель Меморандума, а именно как «призыв к исполнительной и законодательной ветвям управления Соединенных Штатов помочь в улучшении участи сирийского народа...». Ведь действия французов в Сирии, судя по приводимым

²¹ Congressional Record. Proceedings and Debates of the First Session of the Sixty-Ninth Congress of the United States of America. Vol. LXVII, Part 3, January 19 to February 6, 1926. Washington Government Printing Office, 1926. P. 2583.

²² Congressional Record. P. 2583.

им данным, носили характер узаконенного разграбления страны и притеснения местного населения. «Французы ввели в Сирию 150 000 человек... – сообщает Р. Лафоллетт. – Сирийско-американское общество утверждает, что французское правление относилось к Сирии как к французской колонии и что условия здесь хуже, чем во французских колониях. Французский язык стал языком судов, была установлена цензура печати, в результате чего Сирия больше не может доводить свои чаяния до сведения мировой общественности. Родные школы были закрыты». Как видно, сенатор нисколько не сомневается в объективности приводимых данных, что не может не удивлять, если только он не был уверен, что истинными авторами были не некие безымянные энтузиасты из иммигрантской организации.

Видимо, дабы усилить впечатление, Лафоллетт сообщает своим коллегам по Сенату и о падении нравов в сирийском обществе как следствии установления французского мандата: «Сирийско-американское общество говорит, что половая мораль сирийцев необычайно хорошо (*extraordinarily well*) развита, а унижение женщин вызывает отвращение. До сих пор в Сирии полностью отсутствовала проституция, за исключением трех городов, куда ее завезли иностранцы. С приходом французов нападения на сирийских женщин стали повседневным явлением, и, как и везде, французы настаивали на создании публичных домов»²³.

Не одна только Франция была объектом нападков как в Меморандуме, так и в речах американских политиков – столь же уничижительно говорится и об англичанах. В Меморандуме подробно изложены обещания, которые были даны в 1915 г. шерифу Хусейну из рода аль-Хашими в письмах Генри Мак-Магона, тогдашнего британского верховного комиссара в Египте, и которые были наруше-

²³ Ibid.

ны. Приводятся сетования американской комиссии Кинга–Крейна о «явном нежелании ни англичан, ни французов уйти из Сирии – англичан из Палестины, а французов из Бейрута и Ливана». Разбивается миф о вкладе британцев в просвещение сирийцев («Англия мало что сделала для образования Сирии»).

А в докладе Лафоллетта особо прозвучал вопрос делимитации границ с Турцией, и особенно вопрос Мосула, который вначале от лица Лиги Наций был обещан Турции как «по праву ей принадлежащий». Но затем, принимая мандат на Месопотамию, Великобритания настояла на включении Мосула в свою подмандатную территорию. Лафоллетт-младший, в то время поддерживавший профсоюзные движения, указывал, что британская Лейбористская партия при голосовании в Палате общин оказалась в меньшинстве, но всячески пыталась сорвать принятие этого решения. Совет и суд Лиги Наций утвердили присоединение Мосула к британским подмандатным территориям, что представлялось докладчику в высшей степени возмутительным, и он даже поставил перед коллегами вопрос о «гипотетической вероятности» военного участия Соединенных Штатов в случае вооруженного конфликта между Британией и Турцией из-за обладания Мосулом²⁴.

Он заключил свои мысли тем, что ряд территориальных притязаний (в том числе в Европе) – «своевольный фаворитизм великих держав» – никак не вписывается в идею Лиги Наций о покровительстве над «побежденными и слабыми нациями». А в конце даже выразился в смысле необходимости «освободиться от предрассудков и тиранического контроля родоначальника проблем Версальского договора»²⁵. Была высказана весьма откровенно и генеральная идея –

²⁴ Congressional Record. P. 2584.

²⁵ Ibid. P. 2585.

чтобы мировые политические события как «следствия недавней войны» были выведены из ведения, а бывшие зоны влияния – из-под владения (*sovereignty*) европейских держав, получивших через Лигу Наций²⁶ право на усиление своего влияния в ряде областей бывших четырех империй, прекративших свое существование после Первой мировой войны.

Итак, 1920-е годы были наполнены ожесточенной конкуренцией между старыми капиталистическими колониальными державами и «пассионарным» капитализмом Нового Света, который стал прибегать к гораздо более сложной идеологической игре – риторике освобождения колоний и тактике регулируемого политического пацифизма. Для жителей ближневосточных подмандатных территорий было ясно, что мандат Лиги Наций стал просто новой формой закабаления – отсюда и мощные восстания в Сирии, Палестине и Ираке второй половины 1920-х годов. Но не присоединившиеся к Лиге Наций американцы, так радевшие о судьбе армян в Малой Азии²⁷, так критиковавшие французов и англичан в отчете комиссии Кинга–Крейна и в Конгрессе, оказались вне подозрений.

Что касается протекторатов и подмандатных территорий, в этом британская политика шла несколько впереди французской. В то время как французы экспериментировали с карликовыми государствами в рамках сирийских территорий, англичане дали Ираку в 1925 г. «конституцию», а 14 сентября 1929 г. заявили о готовности ввести Ирак в Лигу Наций – якобы как полноправный субъект. Правда, предварительным условием они поставили заключение нового британо-иракского договора. Он и был заключен

²⁶ Ibid. P. 2583.

²⁷ См. об этом имевшую бешеный успех книгу посла Моргантау, основанную на документах и личных наблюдениях: Morgenthau H. *The Tragedy of Armenia*. L., 1918.

в 1930 г., несмотря на сопротивление иракского парламента и серию восстаний, а 30 мая 1932 г. Ирак действительно был принят в Лигу Наций, и мандатный режим формально отменен, но Ирак «признал все соглашения и финансовые обязательства, заключенные от его имени Лондоном»²⁸. Тем самым новая зависимость страны от Британии была узаконена иезуитским способом – посредством Лиги Наций.

Сирийцы и ливанцы явно распознали ход британцев и с огромным недоверием отнеслись к попыткам французов навязать им новый подобный договор как условие предоставления независимости. К тому же они понимали, что в Ираке англичане активно разыгрывают карту недореализованных амбиций короля Фейсала, отцу которого те еще в 1915 г. обещали титул «короля всех арабов», а сам он успел на протяжении двух лет (1918–1920) побывать в роли короля Сирии. Фейсал явно лелеял мечту о присоединении к своим иракским владениям и Сирии, еще больше запутывая клубок внутриарабских противоречий²⁹.

Вот над этими-то сложностями постколониальных отношений и пытались стать Соединенные Штаты в качестве арбитра. Высказываясь в унисон справедливым негодованиям сирийцев и других ближневосточных арабов, американцы надеялись расшатать влияние в регионе старых колониальных держав Европы и... установить собственное. Они подогревали в сирийцах убеждение во вреде французского колониализма, но предлагали все тот же, изложенный в ст. 22 Устава Лиги Наций, «принцип, согласно которому

²⁸ Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М.: ЛКИ, 2007. С. 168.

²⁹ Возможно, как раз тогда – руками британской мандатной администрации – и была запущена сирийско-иракская вражда, которую не только не смог исцелить, но даже углубил баасистский «панарабизм».

благополучие и развитие таких народов составляют священный долг цивилизации»³⁰.

Очевидно, что с этим предложением слишком уж согласовался панегирик Соединенным Штатам, звучавший в Меморандуме: «Америка вступила в войну, чтобы сделать мир лучше для жизни, и главным образом влияние ее делегации в Париже привело к появлению статей 22 и 23 Устава. Несомненно, что положения этих статей Устава были бы лучше соблюдены, если бы Соединенные Штаты вступили в Лигу. Но в обстоятельствах, возникших в результате неучастия в Лиге, Соединенные Штаты оставили в руках хищных империалистов орудие – статью 22, которая с тех пор была и будет [именно по этой причине] проклятием человечества».

Прекратить варварский колониализм Соединенного Королевства и Франции и взять на себя «священный долг цивилизации» и были теми миссиями, которые Соединенные Штаты собирались взять на себя. Пройдет еще три десятилетия – уйдет в прошлое Версальско-Вашингтонская система, – и США в ходе Синайского кризиса 1956 г. дадут открытый урок своего мессианства³¹ тем, кто еще не понял, что прежний колониализм достоин всяческого осуждения. Не то что «цивилизаторская» и «миротворческая» миссии глобального масштаба.

Литература

Библиуграфийя аль-вахда аль-арабийя 1908–1980. Аль-маджлид аль-авваль: аль-муаллифун; аль-кисм ас-сани: би-ль-инклизийя ва-ль-ифрансийя (Библиография арабского

³⁰ Congressional Record. P. 2585.

³¹ Ответом на недоумение британцев и французов, почему американцы не действуют им в борьбе с Египтом, было холодное заявление, что «США не поддерживают колониализм».

единства, 1908–1980). Т. 1. Авторы; ч. 2: на англ. и франц. яз. Бейрут: Марказ Дирасат аль-вахда аль-арабийя, 1983. 1062 с.

Сарабьев А. В. «Мандатная держава оставляет за собой лишь право руководства...»: конфессиональная политика в решении колониальных проблем Сирии и Ливана (1920-е гг.) // Восток-Oriens. 2017. № 6. С. 18–28.

Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М.: ЛКИ, 2007. 236 с.

Memorandum on the Application of the Mandatory System of the League of Nations by France in Syria. Submitted by the Syrian American Society of the United States to the US President, Members of the Congress and Secretary of State. [1926] 32 p.

Morgenthau H. The Tragedy of Armenia. L., 1918. 408 p.

Naff A. Becoming American: the early Arab immigrant experience. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985. 347 p.

The Commonwealth of Massachusetts. Annual report of the Division of Immigration and Americanization, for the year ending November 30, 1926. Department of Education. Public Document, No. 121. 18 p.

The King–Crane Commission Report, August 28, 1919. Confidential Appendix. Prepared by the Commission for Use of Americans Only // Editor & Publisher. V. 55, No. 27, 2nd Section, December 2, 1922. XXVIII p.

Congressional Record. Proceedings and Debates of the First Session of the Sixty-Ninth Congress of the United States of America. Vol. LXVII, Part 3, January 19 to February 6, 1926. Washington Government Printing Office, 1926. 3480 p.

Глава 6

Британская империя в Восточной Азии, 1922–1939 гг.: проблема сочетания традиционных и новых колониальных практик*

Изучение имперского наследия великих держав продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей. Одним из важнейших регионов, которые испытали воздействие колониального администрирования, является Восточная Азия, где на протяжении, по крайней мере, двух последних столетий сталкивались интересы Великобритании, Франции, Италии, России, Германии, США и Японии. Доминирующая роль, которую в обширном регионе играла Британская империя, располагавшая десятками консульских учреждений и несколькими крупными военноморскими базами, а также значительным количеством банков и торговых компаний, обеспечивавших взаимодействие метрополии с ее заморскими владениями, подчеркивала колоссальное значение вклада англичан в индустриальную модернизацию Восточной Азии¹.

¹ Различные аспекты имперской политики Великобритании на протяжении межвоенного периода освещены в следующих наиболее содержательных, с нашей точки зрения, трудах: Clayton A. *The British Empire as a Superpower, 1919–1939*. Athens: Georgia, 1985; Brendon P. *The Decline and Fall of the British Empire 1781–1997*. L., 2007; Cornthorn P., Davis J. (eds). *The British Labour Party*

* Текст подготовлен в рамках гранта РНФ № 22-18-00011 «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны». Автор: Е. Ю. Сергеев, ORCID ID 0000-0001-7834-5824.

Победоносное для Великобритании окончание Первой мировой войны устранило одного из главных ее конкурентов на мировых рынках – Германию. Затяжной внутриполитический кризис России временно снизил ее активность в регионе. Серьезный урон, который понесла Франция и особенно Италия в результате глобального вооруженного столкновения 1914 – 1918 гг., также лишил эти страны возможности эффективно защищать свои позиции на Дальнем Востоке. Однако успехи Японии и США, окончательно занявших место в клубе великих держав, явились для Великобритании новым геополитическим вызовом, учитывая процесс ослабления Китая – крупнейшего по численности населения, богатого сырьевыми ресурсами и потенциально способного к мощному экономическому рывку государства Азии.

С другой стороны, попытки Австралии и Новой Зеландии убедить Лондон в необходимости согласовывать восточноазиатский вектор своей внешней политики с региональными интересами этих доминионов поставили перед имперской властной элитой задачу реновации практик колониального управления в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Как подчеркивал один из ведущих экспертов-международников, советник Форин офис Дж. Хедлем-Морли в начале 1930-х годов, комментируя текущую ситуацию, «поскольку Россия является по преимуществу азиатской державой, любой конфликт с ней повлияет на Индию, а через Китай и Японию затронет даже Австралию»². Речь, очевидно, должна была идти о пересмотре англо-японского союзного договора 1902 г., который дважды продлевался, в 1907 и 1911 гг. Помимо этого, Лондону следовало принять во внимание

and the Wider World. L.-N.-Y., 2008; Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970. Cambridge, 2009.

² Headlem-Morley J. Studies in Diplomatic History. L., 1930. P. 190.

превращение США в значимую региональную силу, а также угрозу распространения большевизма в Восточной Азии после окончания российской Гражданской войны³.

Поэтому основная цель британских Кабинетов 1920–1930-х годов, начиная с коалиционного правительства Д. Ллойд Джорджа и заканчивая национальным кабинетом Н. Чемберлена, состояла в стабилизации дальневосточной подсистемы Версальско-Вашингтонского миропорядка при сохранении в руках британцев основных рычагов не только «жесткой», но и «мягкой» силы. Раскрытию особенностей комбинирования традиционных и новых колониальных практик для решения указанной задачи посвящена данная глава, продолжающая цикл исследований автора по истории имперской политики Великобритании в период между двумя мировыми войнами⁴.

Необходимо указать на приоритет в изучении дальневосточного вектора британской колониальной политики зарубежными, прежде всего англоязычными, специалистами, начиная с широко известных трудов Дж. Н. Кёрзона (крупного государственного деятеля – вице-короля Индии, а впоследствии главы Форин офис) и Ч. У. Бересфорда (ад-

³ О возрастающей роли доминионов во внешней политике метрополии подр. см.: Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Dिल्с D. (ed.) *Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century*. London-Basingstoke, 1981. Vol. 1. P. 64–77.

⁴ См., напр.: Сергеев Е. Ю. Особенности британской колониальной политики в Восточной Азии (1902–1939 гг.) // Британская империя в XX веке / Ред. А. М. Пегушев, Е. Ю. Сергеев. М., 2010. С. 81–95; Его же. Британская политика в Восточной Азии накануне и после Вашингтонской конференции // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / Ред. Е. Ю. Сергеев. М., 2011. С. 285–300; Его же. Лорд Кёрзон – теоретик и практик британского империализма. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 г. Нижневартовск: Изд. Нижневартовского гос. ун-та (НВГУ), 2015. Ч. 1. С. 175–177; Его же. «Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2022. № 4. С. 10–32.

мирала Королевского флота и военно-морского теоретика), которые представили долгосрочные прогнозы развития событий наряду со сценариями ответных действий Великобритании в зависимости от многих факторов. Разумеется, ни Кёрзон, ни Бересфорд, ни какой бы то ни было другой эксперт не смогли предугадать революционной трансформации России спустя два десятилетия, хотя практически все они обращали внимание на ее «вечные» геополитические интересы в региональном контексте⁵.

Продолжением изучения британских колониальных практик стали работы университетских профессоров, которые увидели свет в межвоенный период, хотя их главное внимание было сосредоточено на дипломатической и юридической стороне в связи с революционными событиями в Китае и требованиями его национального правительства к западным державам ликвидировать режимы капитуляций и экстерриториальности иностранцев на территории республики⁶.

Новый всплеск внимания к проблемам британской политики в Восточной Азии был обусловлен процессом трансформации империи в Содружество, который сопровождался ликвидацией военных баз к востоку от Суэцкого канала на протяжении 1950–1970-х годов⁷. Наиболее содержа-

⁵ Curzon G. N. Problems of the Far East. L.: 1896; Beresford C. W. The Break-Up of China. New York, 1899.

⁶ См., напр.: Willoughby W. W. Foreign Rights and Interests in China. Baltimore: 1927. Vol. 1–2; Soothill W. E. China and England. L.: 1928; Treat P. J. The Far East. A Political and Diplomatic History. N.-Y.-L.: 1928; Remer CF. Foreign Investments in China. N.-Y.: 1933; Friedman L. S. British Relations with China. 1931–1939. N.-Y.: 1950; etc.

⁷ Stahl K. British and Soviet Colonial Systems. London, 1951; Luard E. Britain and China. L.: 1962; Clifford N. R. Retreat from China. British Policy in the Far East, 1937–1941. L.: 1967; Costin N. G. Great Britain and China. Oxford: 1968; Woodcock G. The British in the Far East, N.-Y.: 1969; Louis W. British Strategy in the Far East, 1919–1939. Oxford: 1971; Endicott S. L. Diplomacy and Enterprise. British China Policy, 1933–1937. Manchester: 1975; Jeffrey K. The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // Journal of Strategic Studies. 1982. No. 5. etc.

тельные работы отечественных исследователей посвящены главным образом политике Великобритании в Китае. На их фоне концептуальный характер имеют всего два исследования – книга В. В. Грудзинского и особенно монография А. В. Сагимбаева, вышедшая в 2018 г.⁸

Проведение Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., решения которой оформили создание послевоенной международно-правовой системы, явилось рубежным событием и для британской внешней политики в Восточной Азии. К этому времени, несмотря на различные мнения, которые можно было услышать в высоких кабинетах Уайтхолла, большая часть имперской политической элиты разделяла точку зрения о необходимости замены англо-японского союза комплексом многосторонних взаимных гарантий в рамках серии договоров четырех, пяти и девяти держав. По сути дела, имелось в виду создание системы коллективной безопасности в АТР вместо традиционных двусторонних соглашений довоенного периода. Можно предположить, что определенную роль здесь играли, с одной стороны, прецеденты совместного решения возникавших проблем в рамках так называемого «европейского концерта держав», а с другой – опыт организации Лондоном коллективного подавления всеми заинтересованными западными державами антифорейнистского восстания ихэтуаней (боксеров) еще в Цинской империи на протяжении 1899–1902 гг.⁹

⁸ Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976; Сладковский М. И. Китай и Англия. М., 1980; Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996; Сагимбаев А. В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М., 2018.

⁹ О дипломатической стороне вмешательства великих держав во внутренние дела Китая на фоне борьбы за раздел страны см. подробнее: Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М., 1998. С. 143–189.

Вместе с тем, как показали дальнейшие события, отказ от блоковой схемы ради репликации европейской практики взаимных сдержек и противовесов с Великобританией в роли верховного арбитра таил в себе высокую долю риска, поскольку уже к началу 1930-х годов выявились неспособность США и нежелание Японии играть в регионе по «британским нотам». Существенное значение при этом имело твердое намерение части консервативных кругов Соединенного Королевства полностью отстранить Советскую Россию, как и Германию, от участия в некоем хотя бы подобии регионального пакта стабильности на Тихом океане, основы которого заложили Вашингтонские соглашения.

Фактический изоляционизм США во внешней политике, юридически оформленный 31 августа 1935 г. законом о нейтралитете, а также агрессия Японии против Китайской Республики, начавшаяся 18 сентября 1931 г., оказали решающее влияние на прекращение действия договора пяти держав, заключенного десять лет назад в американской столице и откорректированного решениями Лондонской конференции по морским вооружениям, которая проходила в январе–апреле 1930 г.

Выход Страны восходящего солнца к концу 1936 г. за рамки ограничений, созданных преимущественно усилиями англо-саксонских держав в послевоенный период, сопровождался систематическими нарушениями Токио другого основополагающего документа Вашингтонской системы – договора девяти держав по Китаю, когда на протяжении первой половины 1930-х годов в отношении этой страны японские правящие круги осуществляли политику «ползучей аннексии». И хотя официальный Лондон стремился проявлять сдержанность на Дальнем Востоке в форме сначала политики «невмешательства», а затем «умиротворения» Японии, перспектива вовлечения Британской им-

перии в крупномасштабный вооруженный конфликт с тихоокеанской державой постепенно приобретала все более отчетливые контуры.

Отражением глубокой обеспокоенности британского истеблишмента сложившейся ситуацией стали заявления некоторых чиновников высокого ранга. Так, в декабре 1935 г. бывший губернатор Гонконга С. Клементи подчеркнул: «Если Британская империя твердо решится удержать в своем владении Гонконг и если британская мощь на суше, на море и в воздухе будет достаточна, чтобы заставить уважать британскую политику на Дальнем Востоке, будущее процветание Гонконга и британской торговли с Китаем обеспечено»¹⁰.

Спустя примерно полгода аналогичная по смыслу речь в Палате общин первого лорда Адмиралтейства С. Хора содержала следующий примечательный пассаж: «Фундаментальным принципом имперской политики является то, что подступы к Дальнему Востоку должны быть полностью защищены... Каковы бы ни были наши заботы в других местах, британские интересы на Дальнем Востоке всегда будут иметь решающее значение»¹¹.

Отсюда интенсивная деятельность по усилению потенциала военно-морских баз в Гонконге, где к концу 1936 г. был построен современный аэродром, а гарнизон увеличен до 12 тыс. чел., и в Сингапуре, который был превращен англичанами в крупнейшую неприступную с моря крепость — передовой форпост британского влияния в Юго-Восточной Азии. Кроме того, Лондон постоянно наращивал мощь своей эскадры в китайских морях. На протяжении 1930-х годов по количеству боевых кораблей (около 100 вымпелов) она

¹⁰ The Times, 1 December 1935.

¹¹ The Daily Telegraph, 13 July 1936.

занимала третье место среди стратегических группировок королевского ВМФ в различных регионах мира¹².

Однако уже к концу первого послевоенного десятилетия для значительной части британской властной элиты вырисовывалась необходимость сочетания традиционных методов жесткого силового давления с применением новых колониальных практик. К числу последних можно отнести поддержку национальных движений умеренного типа в Китае и Индии. Речь идет о правом крыле Гоминьдана во главе с Чан Кайши и Всеиндийской мусульманской лиге под председательством Мохаммеда Али Джинны. Конкретными примерами апробации новых колониальных практик стало подписание 12 декабря 1928 г. договора о тарифной автономии Китайской Республики и одобрение британским парламентом закона о правительстве Индии 2 августа 1935 г. как результат работы комиссии Дж. Саймона – впоследствии главы Форин офис – на территории Индостана в течение 1928 г.

Как уже отмечалось выше, необходимость модернизации империи диктовалась еще двумя важными факторами. Во-первых, угрозой британским владениям в Азии со стороны Коминтерна, агенты которого занимались подрывной деятельностью на протяжении всего межвоенного периода. А во-вторых, трансформацией отношений метрополии с доминионами, мощный импульс которой обеспечило принятие парламентом Вестминстерского статута 11 декабря 1931 г. Напомним, что этот акт открыл возможность преобразования империи в Содружество наций, которое на сегодняшний день объединяет более полусотни суверенных государств.

Подводя итоги, отметим три аспекта проблемы сочетания традиционных и новых колониальных практик в период

¹² См.: Clayton. A. Op.cit. P. 189.

поиска методов и средств реновации Британской империи на протяжении межвоенного периода.

Одним из них – политическим по своему характеру – являлся вопрос об оперативности и связанной с ней эффективности принятия решений властными элитами империи в условиях стремительного изменения ситуации на зависимых от Великобритании территориях. Дело в том, что сам процесс принятия решений Уайтхоллом включал несколько этапов: получение заключений экспертов соответствующего ведомства (иностраннных дел, по делам колоний или Индии, Адмиралтейства и военного министерства); разработка и согласование конкретных мер членами Кабинета; получение одобрения руководителей доминионов и высших представителей британской администрации на местах. Очевидно, что такая длительная многоуровневая процедура не позволяла своевременно, а главное – адекватно реагировать на события в Восточной Азии, не говоря уже о подготовке каких-либо превентивных мероприятий регионального значения¹³.

Вторым, социальным, если так можно сказать, моментом, требующим внимания, выступала необходимость для британских правящих кругов учитывать достаточно широкий разброс мнений общественных групп внутри метрополии – от так называемых «твердолобых» (или *die-hards*) сторонников использования традиционных силовых рычагов до левых лейбористов, выступавших в 1920-е годы с программой превращения империи в Содружество равноправных социалистических наций через применение новых для того времени методов сохранения британского влияния

¹³ См. подробнее: Connell J. The 'Office'. A Study of British Foreign Policy and Its Makers, 1919–1951. L., 1958; Dilks D. The British Foreign Office between the Wars // Mackercher B., Moss D. (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895–1939: Memorial Essays Honoring C. J. Lowe. Edmonton, 1984. P. 181–202.

с помощью «мягкой силы». Это означало реформирование политических и экономических отношений метрополии и колоний, осуществление масштабных инфраструктурных проектов в области образования и здравоохранения, поддержку инициатив различных негосударственных филантропических организаций и т.п.¹⁴

Наконец, третьей, очевидно экономической, стороной поиска британским истеблишментом способов сохранения империи в трансформированном виде становилась задача интеграции восточноазиатских владений в систему мирохозяйственных связей индустриальной эпохи, после того как Великая депрессия 1929–1933 гг. положила конец свободной торговле периода экстенсивного развития рыночной экономики. На смену свободному рынку пришло активное вмешательство государственных регулирующих органов в международные бизнес-процессы через осуществление протекционистских мер в валютно-финансовой и торговой сферах, что наглядно продемонстрировали решения Оттавской конференции 1932 г.¹⁵

Дальнейшая оптимизация практик колониального администрирования в рамках Британской империи оказалась прерванной новым глобальным вооруженным конфликтом, который создал на планете принципиально иной геополитический ландшафт. Бросив вызов существованию Соединенного Королевства, Вторая мировая война в решающей степени способствовала ликвидации большинства прежних форм и методов администрирования зависимыми территориями с берегов Темзы. Но это уже проблематика другого исследования...

¹⁴ См. подробнее: Howe S. *Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964*. Oxford, 1993. P. 44–52.

¹⁵ Boyce R. *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*. Basingstoke, 2009. P. 375–382.

Литература

Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX–первая четверть XX в.) Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996.

Сагимбаев А. В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018.

Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М.: ИВИ РАН, 1998.

Сергеев Е. Ю. Особенности британской колониальной политики в Восточной Азии (1902–1939 гг.) // Британская империя в XX веке / Ред. А. М. Пегушев, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2010.

Сергеев Е. Ю. Британская политика в Восточной Азии накануне и после Вашингтонской конференции // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / Ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011.

Сергеев Е. Ю. Лорд Кёрзон – теоретик и практик британского империализма // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 г. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета (НВГУ), 2015. Ч. 1.

Сергеев Е. Ю. «Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2022. № 4.

Сладковский М. И. Китай и Англия. М.: Наука, 1980.

Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976.

Beresford C. W. *The Break-Up of China*. N.-Y.: Harper and Brothers, 1899.

Brendon P. *The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1897*. L.: J. Cape, 2007.

Boyce R. *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Clayton A. *The British Empire as a Superpower, 1919–1939*. Athens, Georgia: The University of Georgia Press, 1985.

Clifford N. R. *Retreat from China. British Policy in the Far East, 1937–1941*. L.: Longmans, 1967.

Connell J. *The 'Office'. A Study of British Foreign Policy and Its Makers, 1919–1951*. L.: A. Wingate, 1958.

Cornthorn P., Davis J. (eds). *The British Labour Party and the Wider World*. L.-N.-Y.: Tauris Academic Studies, 2008.

Costin N. G. *Great Britain and China*. Oxford: Clarendon Press, 1968.

Curzon G. N. *Problems of the Far East*. L.: Longmans, 1896.

Darwin J. *The Empire Project. The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Dilks D. *The British Foreign Office between the Wars* // Mackercher B., Moss D. (eds) *Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895–1939: Memorial Essays Honoring C. J. Lowe*. Edmonton, Alberta: University of Alberta Press, 1984.

Endicott S. L. *Diplomacy and Enterprise. British China Policy, 1933–1937*. Manchester: Manchester University Press, 1975.

Friedman L. S. *British Relations with China. 1931–1939*. N.-Y.: Institute of Pacific Relations, 1950.

Headlem-Morley J. *Studies in Diplomatic History*. L.: Methuen, 1930.

Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Dilks D. (ed.) Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century. London-Basingstoke: Macmillan, 1981. Vol. 1.

Howe S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Jeffrey K. The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // Journal of Strategic Studies. 1982. No. 5.

Louis W. British Strategy in the Far East, 1919–1939. Oxford: Oxford University Press, 1971.

Luard E. Britain and China. L.: S.n., 1962.

Remer C. F. Foreign Investments in China. N.-Y.: H. Fertig, 1933.

Soothill W. E. China and England. L.: Humphrey-Milford, Oxford: Oxford University Press, 1928.

Stahl K. British and Soviet Colonial Systems. L.: Faber and Faber, 1951.

Treat P. J. The Far East. A Political and Diplomatic History. N.-Y.-L.: Harper and Brothers, 1928.

Willoughby W. W. Foreign Rights and Interests in China. Baltimore: John Hopkins Press, 1927. Vol. 1–2.

Woodcock G. The British in the Far East. N.-Y.: Weidenfeld and Nicolson, 1969.

Глава 7

Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности в Британской империи после Великой войны*

После окончания Первой мировой войны вопрос о методах и приемах борьбы с повстанческими движениями в зависимости от степени «цивилизованности» противника обсуждался в рамках дискуссии между представителями армии и военно-воздушных сил о подходах к обеспечению колониального порядка и формах кооперации в процессе его обеспечения между этими службами. В этом смысле весьма показателен спор между армией, авиацией и правительством о допустимости применения наступательного оружия (пулеметы и бомбы) при использовании аэропланов в Ирландии во время войны за ее независимость в 1919–1921 гг. Во многих отношениях «Ирландская война» являлась отправной точкой размышлений британских военных о пределах их возможностей в борьбе с национально-освободительными движениями в эпоху Интербеллума, референтным случаем при анализе действий в подобных обстоятельствах, хотя это не всегда признавалось открыто (и на теоретическом, и на доктринальном уровнях)¹. Обращение к ирландскому случаю позволяет выявить аргументацию сторонников применения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011. Автор главы: С. Г. Малкин, ORCID: 0000-0001-9522-7926.

суровых военных мер в колониях в зависимости от уровня их «развития» и «цивилизованности», во многом сохранявшие актуальность для военных (и в армии, и в авиации), по крайней мере, до конца Британской империи.

В марте 1921 г. командующий британским гарнизоном в Ирландии генерал сэр Сэсил Фредерик Невилл Макрэди констатировал изменения операционно-тактического характера: члены Ирландской республиканской армии (ИРА) собираются в крупные отряды, и, следовательно, необходимо перейти к наступательным операциям, в том числе с использованием авиации, включая применение пулеметов и бомб в той части острова, где введено военное положение (впервые командующий высказал это предложение в октябре 1920 г.)². Вскоре последовала реакция Министерства авиации, которое указывало на необходимость санкции Кабинета министров, поскольку боевое применение аэропланов – это «вопрос политический, так как все наши шаги в Ирландии подвергаются суровой критике»³. Вопрос был передан на обсуждение в правительство, и в конце марта премьер-министр одобрил инструкции, в соответствии с которыми применение авиацией наступательных вооружений в Ирландии должно было ограничиваться исключительно территорией, на которой введено военное положение, и только в сельской местности⁴.

¹ Malkin S. G. «Lessons learned» during the Interbellum: «Irish war» and British counterinsurgency// Small Wars & Insurgencies. 2020. Issue 45 (6). P. 286–298.

² General Headquarters [G.H.Q.], Parkgate, Dublin. C.F.N. Macready, General, Commander-in-Chief, Ireland [to the Secretary, War Office]. 12 March 1921 // The National Archives [TNA]. WO [War Office] 141/45. Use of bombs and machineguns from the air in Ireland. Suggested modification of policy. 1A; G.H.Q., Dublin. To C. I.G.S. [Chief of the Imperial General Staff] 20.03.1921. Secret // TNA. WO 141/45. 3A.

³ Air Ministry to the D.M.O. [Department of Military Operations, WO]. 19 March 1921. Secret // TNA. WO 141/45. J17. P. 2.

⁴ WO to G.H.Q., Parkgate, Dublin. 29 March 1921. Secret // TNA. WO 141/45. 12A; Copy of instructions to be used to № 2 Squadron R. A.F. [Royal Air Forces],

Однако уже в ноябре 1921 г., спустя пять месяцев после заключения перемирия, в связи с неопределенностью в рядах сторонников независимости по поводу заключения мирного соглашения с Лондоном и угрозы возобновления войны, генерал Макрэди обратился в Военное министерство с просьбой снять ограничения на применение авиации, мотивируя свое предложение значительным опытом ее взаимодействия с армией, возможностью летать на низких высотах и наличием опытных пилотов⁵. В руководстве авиации к этому предложению отнеслись с большой настороженностью и предположили, что оно будет уместно только в случае возобновления борьбы и официального признания нахождения Великобритании в состоянии войны (последнее власти считали с практической точки зрения недопустимым решением, а с юридической – и вовсе невозможным)⁶. В конце концов Военное министерство выработало компромиссное решение: в случае возобновления военных операций ограничения на боевое применение авиации должны быть отменены, но на пилотов следует возложить ту же ответственность за чрезмерное применение силы, какая лежит на их армейских коллегах⁷.

Почти одновременно с событиями в Ирландии, но в другой части света, на Ближнем Востоке, вопрос о применении силы к восставшим, включая авиацию, решался иначе и проще: Месопотамия – это «в сущности, не земля белых

Fermoy. 29.03.21. Secret // TNA. WO 141/45. 10A; Copy of instructions to be issued to № 2 Squadron R. A.F., Fermoy. 29.03.21. Secret // TNA. WO 141/45. 9B.

⁵ G.H.Q., Parkgate, Dublin. C.F.N. Macready, General, Commander-in-Chief, Ireland, [to the Secretary, WO]. 18 November 1921. Secret // TNA. WO 141/45. 16B.

⁶ Operations in Ireland. Air Staff Notes. 2 December 1921. Secret // TNA. WO 141/45. 19D; [Air Council] to the Secretary of WO. December 1921. Secret // TNA. WO 141/45. 19B.

⁷ D.M.O. [WO] (through D.D.M.O.). Lieut.-Col. A. E. Braine. M.O.4. 12.12.21. Secret // TNA. WO 141/45. 21A.

людей», заметил генерал-лейтенант сэр Эйлмер Холдэйн, выступая с лекцией об опыте руководства подавлением восстания в Ираке (1920 г.) в Королевском институте объединенных служб в 1922 г.⁸ На министерском уровне этот дифференцированный (и озвученный в привычной пока расистской логике) подход был сформулирован на завершающем этапе «Ирландской войны»: «Случись такое [вооруженное противостояние на окраинах] вновь в Ирландии или любой другой стране, где предполагаются воздушные операции... последние могут быть возобновлены и осуществлены в соответствии с существующими местными условиями»⁹.

С одной стороны, оценочно низкие стандарты «цивилизации» оправдывали применение к восставшим в колониях более суровых мер, чем в метрополии¹⁰. С другой стороны, отсутствие четкого разделения на комбатантов и некомбатантов всегда – в том числе и в Европе – военные власти трактовали как «нецивилизованный» способ ведения войны. Именно в этой логике военные обвиняли военизированные подпольные организации в Британской империи (ИРА, Индийская республиканская армия, арабские и еврейские группы этого рода в Палестине и т. д.) в бандитизме и выходе за рамки Женевских конвенций¹¹. Принятое властями, но нереализованное решение о масштабном применении

⁸ Haldane A. The Arab Rising in Mesopotamia, 1920 // RUSI [Royal United Services Institution] Journal. 1923. 68:469. P. 63–81.; Haldane A. The Insurrection in Mesopotamia. L., 1922.

⁹ D.M.O. [WO] (through D.D.M.O.). Lieut.-Col. A. E. Braine...

¹⁰ Так, например, официальная летопись воздушного контроля в эпоху Интербеллума повествует именно об этом: Air Control. Staff Papers. 1929–1938 (Use of Air Force for Imperial Policing). Official Papers of MRAF // TNA. AIR 75/27.

¹¹ Silvestry M. «The Sinn Fein of India»: Irish Nationalism and the Policing of Revolutionary Terrorism in Bengal // The Journal of British Studies. 2000. 39:4. P. 454–486; Gannon S. W. Irish Imperial Service. Policing Palestine and Administering the Empire, 1922–1966. Cambridge, 2019.

военной авиации в Ирландии объяснялось именно такой оценкой действий ИРА. Кроме того, его можно рассматривать и как еще одно свидетельство амбивалентного статуса «изумрудного острова» в рамках Британской империи, чего нельзя было сказать о Месопотамии, хотя после окончания Великой войны она была объявлена формально подмандатной территорией, а не британской колонией.

Вместе с тем реакция властей (как военных, так и гражданских) на многочисленные случаи антиколониального протеста наглядно демонстрирует наличие двойных стандартов с точки зрения обеспечения колониального порядка в Британской империи после Великой войны. Дискуссия о разделении труда между различными службами безопасности в этом вопросе отражала более широкую проблему реорганизации управления империей в рамках нового мирового порядка после Великой войны – под двойным давлением стартовавшего процесса деколонизации и резкого сокращения возможностей влиять на положение в колониях и других зависимых территориях мерами силового и экономического характера. Не удивительно, что одна из целей Восточного департамента в составе Министерства по делам колоний и подмандатных территорий, как ее сформулировал глава ведомства сэр Уинстон Черчилль (занимал пост министра в 1921–1922 гг.), состояла в сокращении военного и административного присутствия Великобритании в колониях в соответствии с финансовыми возможностями метрополии.

Своеобразным эвфемизмом этого устремления на теоретическом уровне можно считать «двойной мандат» сэра Фредерика Лугарда (представитель Великобритании в Постоянной комиссии Лиги Наций по вопросам мандатных территорий в 1922–1936 гг.), одна из основных идей которого сводилась к организации управления соразмерно мест-

ным обстоятельствам¹². Так, Палестина продолжительное время относилась к сфере ответственности Королевских ВВС, призванных обеспечивать эффективный и недорогой «контроль без оккупации»: «Политический офицер, гражданский администратор и полицейский – вот те, кто действительно контролирует эти неразвитые страны»¹³. Неспособность выстроенной вокруг военной авиации местной модели безопасности ни предотвратить, ни подавить Арабское восстание 1936–1939 гг. привела представителей армии к противоположным выводам относительно оптимальных форм обеспечения колониального порядка: координирующей службой должна выступать армия, такая субординация и была установлена. Но общий для обеих служб взгляд на связь между уровнем «цивилизованности» и формами колониального контроля сохранялся: «Палестинская полиция представляет собой вооруженную силу, ее обязанности в этой беспокойной стране напоминают скорее присущие ранее королевским констеблям в Ирландии, чем полицейским в цивилизованной стране»¹⁴.

В целом утвердилась точка зрения, которую высказал, в частности, один из ведущих теоретиков боевого применения авиации сэр Джон Слессор, преподававший в 1920–1930-е годы в военных колледжах армии и ВВС Великобритании и состоявший при Военном министерстве: «В более населенных странах проблема безопасности главным образом городская... В таких местах, как Палестина и Британская Индия... воздушный контроль... совершенно непригоден»¹⁵. В 1930-е годы, когда события в Палестине,

¹² Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L., 1922.

¹³ Air Control. Staff Papers. P. 3.

¹⁴ Simson H. J. British Rule & Rebellion. L., 1937. P. 172.

¹⁵ Цит. по: Waldie D. J. P. Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939. PhD Thesis. London University, 1980. P. 223.

Бирме, на Кипре продемонстрировали ограничения воздушного контроля в деле восстановления колониального порядка, авиаторы заговорили о необходимости дифференцированного подхода к патрулированию империи, хотя первые такие соображения были высказаны еще в 1920-е годы¹⁶. На северо-западных границах Британской Индии, в труднодоступных и малонаселенных районах Ближнего Востока и Африки, как раз в «нецивилизованных» или «получивилизованных» странах, применение авиации считалось уместным. В условиях «современного мятежа» на первый план в восстановлении колониального порядка должна была выходить именно армия¹⁷. Хотя корпоративный интерес подсказывал и менее компромиссные выводы.

Как заметили авторы подготовленной в 1938 г. Министерством авиации обзорной истории «воздушного контроля» в Британской империи после Великой войны, «хотя события в Ирландии... позволяют предположить, что тактика индивидуальных убийств может положить конец даже основательной и масштабной оккупации, стоит в целом согласиться с тем, что... оккупация может... эффективно обеспечивать порядок в неразвитых странах... Хотя это означает финансовые затруднения»¹⁸.

Армия, как и другие службы безопасности, пыталась выработать адекватные новым условиям формы обеспечения колониального порядка. В рамках развития имперской школы военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума

¹⁶ MacClellan G. P. Air Co-Operation in Hill Fighting // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. Issue 486. P. 318–326; Hampton H. N. Co-Operation of Land and Air Forces in Kurdistan, 1923. A Reply to «Air Co-operation in Hill Fighting». R.U.S.I. Journal, May, 1927 // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. Issue 488. P. 821–828.

¹⁷ Air Control. Staff Papers.; Fink R. H. L. Regional Control and the Co-Ordination of Air and Land Forces // RUSI Journal. 1931. Vol. 76. Issue 501. P. 18–26; Portal C. F. A. Air Force Co-Operation in Policing the Empire // RUSI Journal. 1937. Vol. 82. Issue 526. P. 343–358.

¹⁸ Air Control. Staff Papers. P. 15.

в вопросах антиповстанчества колониальное (уникальное) знание постепенно замещалось экспертным (универсальным) – на доктринальном, теоретическом и практическом уровнях, хотя этот процесс и шел асинхронно и в известной степени был обусловлен финансовыми соображениями¹⁹. В этой связи не удивительно, что после Великой войны, способствовавшей усложнению социально-экономической структуры и общественно-политической жизни зависимых территорий, патрулирование империи все чаще представляло собой типичный для метрополий полицейский надзор и политический сыск. Мартин Томас очень точно назвал этот аспект внутренней безопасности колониальных империй «системой раннего оповещения»²⁰. Более того, акцент в действиях военных все больше смещается в сторону различных мер регулирования социального и экономического поведения населения, что подразумевало необходимость составления коллективного социального портрета восставших.

Война за независимость Ирландии 1919–1921 гг. стала первым конфликтом, который был осмыслен военными именно в этом ключе. Затем эта практика была распространена и на заморские британские владения. Основная задача, по мнению военной разведки, заключалась в реконструкции организационной и территориальной структуры, определении численного состава ИРА и постоянном обновлении оперативных данных по этим критериям²¹. Таким образом,

¹⁹ Malkin S. G. From small wars to counterinsurgency: C. W. Gwynn, «Imperial Policing» and transformation of doctrine // *Small Wars & Insurgencies*. 2019. Vol. 30. Issue 3. P. 660–678.

²⁰ Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles: 2008. P. 1–14.

²¹ *British Intelligence in Ireland: The Final Reports (Irish narratives)* / Ed. by P. Hart. Cork, 2002. P. 20, 30, 32–33, 39–43 [Historical Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. II: Intelligence // TNA. WO 141/93].

предполагалось подойти к изучению военно-политической проблемы в рамках социально-экономического и политического анализа. На выходе получалась трехмерная карта восстания, имевшая как фигуральное, так и реальное картографическое выражение – с топографическими обзорами и расписанием бригад ИРА по графствам (другой вопрос – насколько она отражала реалии). В процессе ее составления учитывались не только пространственное и временное измерения конфликта (включая место и роль членов Ирландского республиканского братства в деятельности ИРА²²), но и определение социальной диспозиции его участников и нонкомбатантов (прогнозирование их поведения в результате того или иного политического выбора). Такой подход к отбору разведданных позволял составить более детальный социальный портрет и политический профиль вооруженного подполья на локальном, региональном и общенациональном уровнях.

В эпоху Интербеллума военные предлагали разные классификации населения колоний и других зависимых территорий с точки зрения угрозы власти метрополии, но основная общая идея оставалась неизменной: противопоставление интересов политически активного и радикально настроенного меньшинства («экстремисты», «гангстеры», «бандиты», «криминальные круги») и «законопослушного» умеренного большинства²³. Соответственно первых нужно было дистанцировать от вторых. В отдельных случаях такая стратификация была более детальной и имела отчетливо выраженное экономическое

²² British Intelligence in Ireland... P. 1.

²³ Укажем работы, наиболее значимые для развития «имперской школы» британской военной мысли: Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / Ed. by W. H. Kautt. Newbridge, 2014 [Historical Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. I: Operations // TNA. WO 141/93]; Gwynn C. W. Imperial Policing. L., 1939 [1934, 1936]; Simson H. J. British Rule and Rebellion.

измерение, так что население ранжировалось и по роду занятий, а фиксация сферы трудовой деятельности позволяла провести еще одно различие с точки зрения специфики поддержки подполья – между городом и деревней²⁴. Разумеется, имело место и традиционное этнорелигиозное деление. Во второй половине 1930-х годов, сравнивая ситуацию в Палестине и Ирландии, подполковник Хью Джеймс Симсон писал о непробиваемой для британских администраций «крокодиловой коже» враждебных друг другу местных этнорелигиозных общин, имея в виду их закрытый характер²⁵.

С точки зрения характеристики политических взглядов оппонентов военные также проводили различие между «идеалистами» и «реалистами», но в основном просто суммировали стереотипы, подогретые как внутренними проблемами, так и событиями, происходившими в мире²⁶. Они писали о «зеленом большевизме», не поясняя при этом предметно, о чем идет речь²⁷. Обращали внимание на тесные связи Шинн Фейн с профсоюзным и рабочим движением, увязывая забастовочное движение в промышленных центрах и на стратегически значимых коммуникациях с динамикой и логикой подпольной борьбы (так, Военное министерство Великобритании в вопросе распределения резервов отдавало приоритет забастовкам

²⁴ 5th Division Area Situation – February 1921. Curragh Camp, 14 February 1921. (Signed) H. S. Jeudwine, Major-General, Commanding 5th Division // *Hearts & Mines: The British 5th Division, Ireland, 1920–1922* / Ed. by W. Sheehan. Cork, 2009. P. 207–211 [Historical Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. IV [Part I]: 5th Division Area Historical Record // TNA. WO 141/93].

²⁵ Simson H. J. *British Rule and Rebellion*. P. 168.

²⁶ Ibid. P. 36–53.

²⁷ Sheehan W. Introduction. P. 5 // *Fighting for Dublin: The British Battle for Dublin 1919–1921* / Ed. by W. Sheehan. Cork, 2007 [Historical Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. IV [Part III]: Dublin District Historical record // TNA. WO 141/93].

в промышленных центрах Британии, а не «Ирландской войне»²⁸). Беспокоились по поводу предполагаемой связи Шинн Фейн, Ирландской коммунистической партии и Коминтерна, а также некоего международного «Объединенного комитета действия», который якобы состоял из египтян, индийцев и ирландцев и координировал усилия по выходу их стран из состава Британской империи²⁹. Как выразился в этой связи начальник Имперского Генерального штаба сэр Генри Уилсон в письме к генералу Макрэди в мае 1920 г., «на самом деле... с нами воюют и Нью-Йорк, и Каир, и Калькутта, и Москва, которые используют Ирландию лишь как инструмент в борьбе против Англии»³⁰. И имелась в виду не только возрастающая связь внутренних проблем империи и внешнего давления, но и новая специфика антиколониальной борьбы, опиравшейся на подпольные ячейки в городах и международные «революционные» сети.

Основная проблема этих оценок, однако, заключалась в том, что заданные таким образом параметры социологии восстания, применявшиеся к самым разным случаям, не позволяли увидеть в общей рамке анализа антиколониального протеста один существенный изъян, слепое пятно – национально-освободительное движение как таковое. За редкими исключениями, даже тогда, когда военные говорили о том, что им противостоит весь народ, оно воспринималось как функция борьбы местного населения за улучшение своего социально-экономического

²⁸ Jeffrey K. The British Army and Internal Security 1919–1939 // *The Historical Journal*. 1981. Vol. 24, No. 2. P. 377–397.

²⁹ Irish Communist Party and Comintern [1921]; United Committee of Action. Irish, Indians and Egyptians [1921] / *Intelligence Reports* // TNA. HO 317/59.

³⁰ Цит. по: Jeffrey K. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the «British world» // *Irish Historical Studies*. 2008. Vol. XXXVI, no. 42. P. 252.

положения, а не наоборот³¹. Принципиальный побудительный мотив для перехода политически мотивированной группы к вооруженной борьбе – британское военное и политическое присутствие как таковое, лишенное в их глазах легитимности, – военные часто выводили за скобки, маргинализируя оппонентов и преувеличивая или даже вовсе ошибочно усматривая пресловутую «руку Москвы» в этом процессе (с началом холодной войны связь антиколониальных выступлений с «красной угрозой» будет формализована уже на уровне подготовки офицерского корпуса)³².

* * *

Идейное и практическое влияние колониального опыта эпохи Интербеллума на выбор моделей внутренней безопасности на зависимых территориях в контексте ускорившейся после Второй мировой войны деколонизации трудно переоценить. Изучение европейского империализма не столько как источника международных противоречий, сколько как примера кооперации ведущих держав благодаря активизировавшимся между мировыми войнами трансферам моделей и практик обеспечения колониального порядка в пределах империй и между ними (в том числе в рамках «военной революции» в области разрешения колониальных

³¹ Показательный пример – «Обзор мятежа в Ирландии», отдельные части которого готовили разные авторы, продемонстрировавшие отсутствие единства взглядов даже в рамках одной и той же работы. Если в разделе «Операции», который готовился в штаб-квартире ирландского командования, утверждалось, что поддержка Шинн Фейн обусловлена главным образом угрозой вооруженного насилия, то в разделе «Разведка» (как и в других) говорилось, что мятежным духом объят весь ирландский народ: *Historical Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it* // TNA. WO 141/93.

³² *Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1956–1958* // TNA. WO 231/101; *Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1966* // TNA. WO 231/103; *Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1968–1969* // TNA. WO 231/102.

конфликтов³³), позволяет реконструировать целостную картину эволюции подходов и практик ведущих держав в этом вопросе в условиях трансформации старого миропорядка после мировых войн, ускоривших распад глобальных империй³⁴.

Спор о границах ответственности по «патрулированию империи» между армией и ВВС, а также о критериях их проведения отражал как появление новых факторов дестабилизации колониального порядка, так и подвижность, неустойчивость этих границ в связи с конкурентным ростом бюрократического веса служб безопасности империи как в колониях, так и в самой метрополии. Кроме того, новые представления о топографии колониального порядка, основанные на приписываемой той или иной зависимой территории степени цивилизованности, а также модели внутренней безопасности, отражавшие этот новый подход, свидетельствовали о стремительной урбанизации антиколониального протеста и росте значения этого феномена, причем не только для характера и исхода колониальных конфликтов, но и для эволюции государственно-правового устройства империи.

В качестве противоядия от чрезмерного увлечения на-
правлениями, способами и формами трансферов моде-
лей внутренней безопасности в условиях деколонизации
и трансформации международных отношений в ущерб
анализу их результатов и последствий представляется це-
лесообразным уделять больше внимания роли и значению
«эффекта бумеранга» Ханны Арендт в динамике отношений

³³ Griffin C. A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the 'Tache d'huile'. Paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.

³⁴ Imperial Cooperation and Transfer, 1870–1930. Empires and Encounters / Ed. by V. Barth and R. Cvetkovski. L. and N.-Y., 2015; Neep D. Occupying Syria under the French Mandate: Insurgency, Space and State Formation. Cambridge, 2012; Thomas M. Empires of Intelligence; Gannon S. W. Irish Imperial Service.

между метрополиями, колониями и другими зависимыми территориями³⁵. При этом ее интерпретация полвека спустя нуждается в существенной корректировке. События второй половины XX – начала XXI в. показали, что «эффект бумеранга» ослабевает на излете – попытки буквально перенести модели внутренней безопасности, игнорируя пространство (культурно-историческую специфику региона) и время (давление конкретных социально-экономических и политических обстоятельств, причем как на внутреннем, так и на внешнем контуре) едва ли могут оказаться успешными. Возможно, наиболее показательный пример – циркуляция идей и практик в этом вопросе между Ирландией и колониями, мандатами и зонами ответственности Великобритании в XX – начале XXI в³⁶.

Более того, оценивая место и значение опыта «Ирландской войны» в восприятии британскими военными событий в других частях империи и в британской военной мысли в эпоху Интербеллума в целом, можно утверждать, что существовала не только заметная разница между теорией и доктриной антиповстанчества. Имело значение еще и конкурентное сосуществование разных моделей обеспечения колониального порядка, обусловленное как различным опытом, так и корпоративными интересами служб безопасности, а также политическими соображениями властей (как в метрополии, так и в колониях). Именно эти обстоятельства сделали невозможной выработку единого подхода к борьбе с повстанческой активностью в Британской империи после Великой войны, несмотря на активный трансфер практик и идей в вопросах обеспечения внутренней безо-

³⁵ Arendt H. On Violence. New York: 1970. P. 54.

³⁶ См. подробнее: Малкин С. Г. «Вторая Ирландия»: Палестина во взглядах британских военных (1936–1939 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840022920-1-1/>

пасности, способствуя передаче нерелевантного опыта (как при организации Палестинской жандармерии из бывших Королевских ирландских констеблей), причем как в эпоху Интербеллума, так и после Второй мировой войны.

Наконец, в этом смысле необходимо отметить, что Военное министерство, побуждая систематизировать актуальный опыт антиповстанческих операций, рассчитывало на практические рекомендации по решению поставленных задач, а не на развернутую критику колониальных администраций и метрополии. Военное командование на местах и отдельные комментаторы, напротив, увлекались однобокой критикой гражданских властей. Такой ангажированный подход, обусловленный спецификой внутри- и межведомственных отношений, снижал критическую ценность обзоров, рапортов, отдельных теоретических работ о контрпартизанской борьбе и облегчал проникновение в военную мысль ключевых для британской общественно-политической жизни 1920–1930-х годов мифологем. В результате циркуляция идей в этом вопросе способствовала консервации представлений о «подпольной войне» как борьбе с политически ангажированным меньшинством, смыкающимся с «криминальными элементами», а не как о проявлении широкого антиколониального протеста (хотя и сопровождавшегося в ряде случаев преступными проявлениями с точки зрения официального на тот момент законодательства). Справедливости ради заметим, что некоторые представители армейской корпорации высказывали диаметрально противоположную точку зрения. Тем не менее этот пропагандистский, по сути, прием британские военные и гражданские власти будут применять и в дальнейшем, например во время попыток сохранить присутствие Лондона в Палестине, Малайе, Адене, на Кипре уже после окончания Второй мировой войны.

Литература

Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Том II. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «Войны с террором» / Авторский коллектив: С. Г. Малкин, С. О. Буранок, Я. А. Левин, Д. А. Нестеров. Самара, 2020.

Arendt H. On Violence. New York, 1970. P. 54.

British Intelligence in Ireland: The Final Reports (Irish narratives) / Ed. by P. Hart. Cork, 2002.

Fighting for Dublin: The British Battle for Dublin 1919–1921 / Ed. by W. Sheehan. Cork, 2007.

Fink R. H. L. Regional Control and the Co-Ordination of Air and Land Forces // RUSI Journal. 1931. Vol. 76. Issue 501. P. 18–26.

Gannon S. W. Irish Imperial Service. Policing Palestine and Administering the Empire, 1922–1966. Cambridge, 2019.

Griffin C. A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the ‘Tache d’huile’. Paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.

Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / Ed. By W. H. Kautt. Newbridge, 2014.

Gwynn C. W. Imperial Policing. L., 1939 [1934, 1936].

Haldane A. The Arab Rising in Mesopotamia, 1920 // RUSI [Royal United Services Institution] Journal. 1923. 68:469. P. 63–81.

Haldane A. The Insurrection in Mesopotamia. L., 1922.

Hampton H. N. Co-Operation of Land and Air Forces in Kurdistan, 1923. A Reply to «Air Co-operation in Hill Fighting». R.U.S.I. Journal. May, 1927 // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. Issue 488. P. 821–828.

Hearts & Mines: The British 5th Division, Ireland, 1920–1922/ Ed. by W. Sheehan. Cork, 2009.

Imperial Cooperation and Transfer, 1870–1930. Empires and Encounters / Edited by V. Barth and R. Cvetkovski. L. – N.-Y., 2015.

Jeffrey K. The British Army and Internal Security 1919–1939 // The Historical Journal. 1981. Vol. 24, No. 2. P. 377–397.

Jeffrey K. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the «British world» // Irish Historical Studies. 2008. Vol. XXXVI, no. 42. P. 243–256.

Lugard F. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L., 1922.

MacClellan G. P. Air Co-Operation in Hill Fighting // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. Issue 486. P. 318–326.

Malkin S. G. «Lessons learned» during the Interbellum: «Irish war» and British counterinsurgency// Small Wars & Insurgencies. 2020. Issue 45 (6). P. 286–298.

Malkin S. G. From small wars to counterinsurgency: C. W. Gwynn, «Imperial Policing» and transformation of doctrine // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30. Issue 3. P. 660–678.

Neep D. Occupying Syria under the French Mandate: Insurgency, Space and State Formation. Cambridge, 2012.

Portal C. F. A. Air Force Co-Operation in Policing the Empire // RUSI Journal. 1937. Vol. 82. Issue 526. P. 343–358.

Silvestry M. «The Sinn Fein of India»: Irish Nationalism and the Policing of Revolutionary Terrorism in Bengal // The Journal of British Studies. 2000. 39:4. P. 454–486.

Simson H. J. British Rule & Rebellion. L., 1937.

Thomas M. Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley – Los Angeles, 2008.

Waldie D. J. P. Relations between the Army and the Royal Air Force, 1918–1939. PhD Thesis. London University, 1980.

Глава 8

Турция во внешней политике Великобритании, Франции и Советского Союза в межвоенный период*

Особенность положения Турции после Лозаннской конференции 1923 г. заключалась в том, что ее бывшие противники приобрели статус соседей благодаря получению мандатных прав в формате временного управления на территориях бывшей Османской империи, которые в Национальном обете 1920 г. были включены в границы турецкого национального государства – Мосул и Александретта (Искендерун). Спор о территориальной принадлежности Мосула был одним из главных после лозаннских переговоров. Эта провинция Османской империи была оккупирована англичанами после Мудросского перемирия в октябре 1918 г. Потеря Мосула лишала страну нефтяных месторождений и позволяла англичанам постоянно угрожать Турции, опираясь на курдские племена.

* Автор главы: А. В. Болдырев, ORCID: 0000-0003-3982-284.

Пробританская позиция комиссии Лиги Наций склонила чашу весов в пользу Лондона¹. К тому же перспектива закрепить Мосул за Ираком заставила даже наиболее крайних оппозиционеров из иракских националистов поддержать продление британского мандата. Не рискуя ввязываться в новый вооружённый конфликт, в Анкаре признали отказ от Мосула. 5 июня 1926 г. все споры завершились подписанием англо-ирако-турецкого договора.

Что касается Александретты, то мандат на управление этой территорией был передан Франции 29 сентября 1923 г. В отличие от Мосула, соглашение с Францией в Турции считали временной уступкой. По утверждению французского биографа Кемаля Ататюрка Александра Жевахова, «французы надеялись, что введенный в этом регионе по соглашению с Анкарой специальный административный режим несколько успокоит турок. Напротив, эти привилегии только разжигали желание турок требовать большего – присоединения Хатая к Турции...»².

Стремление Ататюрка проводить независимую внешнюю политику также вызывало раздражение западных держав, опасавшихся, что его пример повлияет на позицию других стран Востока. В начале 1930-х годов отношения Турецкой Республики с западными державами отличались напряженностью. Тем не менее, подписав соглашения с Великобританией и Францией относительно подмандатных территорий (1926 г.), Турция завершила период «неофициальных дипломатических и торговых сношений»³.

¹ Гуцало С. Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-е гг. XX века // Турция в XX веке: сб. науч. тр. М., 2004. С. 92.

² Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017. С. 319.

³ Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925. С. 191.

В 1930-е годы для Анкары было характерно внимание к сохранению баланса, заложенного в Лозаннском мирном договоре, при всех сложностях внешнеполитических проблем (политика позитивного нейтралитета). Так, при решении спорных проблем, в частности связанных с принадлежностью районов Мосула и Александретты и с режимом Черноморских проливов, Турция предпочитала идти на компромиссы. В 1930 г. турецкая дипломатия сделала первый со времени урегулирования мосульского вопроса шаг в сторону сближения с Великобританией. Активизировались связи Турции с Францией. Договор с Италией, подписанный 30 мая 1928 г., временно уменьшил турецкие опасения относительно имперских амбиций этой страны на Балканах. В феврале 1934 г. был подписан Балканский пакт – «оборонительный альянс» между Румынией, Грецией, Югославией и Турцией. Кемаль Ататюрк рассматривал его как важную веху, отметив, что «...больше не будет конфликтов на Балканах»⁴. Благодушное настроение турецкого лидера длилось недолго. Через месяц после подписания Балканского пакта Б. Муссолини выступил с речью, в которой объявил об экспансии Италии в Африке и Азии⁵. Вслед за созданием Балканской Антанты в 1934 г. и нападением Италии на Эфиопию в 1935 г. Греция и Турция заключили «джентльменское» соглашение с Великобританией (1936 г.)⁶. Намечившееся с этого времени усиление британского влияния в Турции способствовало укреплению греко-турецкого союза. Используя поддержку Великобритании и Советского Союза, Турция восстановила суверени-

⁴ Жевахов А. Кемаль Ататюрк. ЖЗЛ. М., 2008. С. 285.

⁵ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии: сб. науч. тр. М., 2012. С. 437–438.

⁶ Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М., 2015. С. 25.

тет над проливами и добилась права их ремилитаризации (конвенция Монтрё 1936 г.)⁷.

Не менее сложную задачу решала турецкая дипломатия и в Ближневосточном регионе. Ататюрк намеревался заключить пакт с участием стран Ближнего и Среднего Востока. Однако многие арабские страны выступали против этой инициативы из-за упразднения халифата и светского характера Турецкой Республики. В итоге усилия турецкой дипломатии привели к подписанию Саадабадского пакта с участием ограниченного числа стран – Турции, Ирана, Афганистана и Ирака⁸. Проводя активную политику и в Европе, и на Востоке, Турция стала как бы связующим звеном между Востоком и Западом. Её усилия способствовали образованию системы пактов от Европы до Среднего Востока, так как Югославия и Румыния были членами Малой Антанты и Балканской Антанты, Турция – Балканской Антанты и Саадабадского пакта, а Ирак представлял Саадабадский пакт в арабском мире. Многие турецкие исследователи скептически относятся к итогам деятельности Ататюрка по выстраиванию коллективных пактов в Европе и на Среднем Востоке. По их мнению, «ни Балканский пакт, ни Саадабадский пакт не стали эффективными мерами коллективной безопасности, которые он (Ататюрк. – *А.Б.*) предусматривал»⁹.

Турецкая политика нейтралитета сохранялась до тех пор, пока с середины 1930-х годов не началась борьба за привлечение Турции на ту или иную сторону в противоборстве великих держав в Европе и на Ближнем и Среднем Восто-

⁷ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. С. 436–437.

⁸ Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики. С. 27.

⁹ Kılıç A. Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington: 1959. P. 72, 74.

ке¹⁰. Это показательно на примере Александреттского санджака. Вплоть до 1936 г. Турция официально не возвращалась к этому вопросу. Однако, придя к власти во Франции, Народный фронт¹¹ тут же принял решение о превращении подмандатных территорий в независимые государства. 9 сентября 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, предусматривавший прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций. Согласно договору, Александреттский санджак входил в состав Сирии, что не предусматривалось в Анкарском договоре, заключённом Францией с Турцией в 1921 г. 10 декабря 1936 г. Ататюрк объявил, «что дипломаты должны найти решение, чтобы передать Хатай (территорию Александреттского санджака. – А.Б.) Турции»¹². К весне 1938 г. уличные столкновения в санджаке превратились в настоящую войну между турками и нетурками. Франции пришлось уступить, опасаясь потерять поддержку Турции в той непростой ситуации, которая сложилась в канун Второй мировой войны в Восточном Средиземноморье¹³. 4 июля 1938 г. в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, после чего турецкие войска немедленно вступили на территорию санджака, который формально получил статус независимого «государства Хатай» (Hatay Devleti)¹⁴. 23 июня 1939 г. одновременно в Анкаре и Париже были подписаны два документа. Анкарское соглашение объявляло, что Хатай окончательно присоединяется к Турции, парижское – пред-

¹⁰ Болдырев А. В. Конвенция Монтрё и политика балансирования Турецкой Республики между Востоком и Западом в XX–XXI вв. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. науч. тр. Самара, 2016. С. 32.

¹¹ Правившая во Франции в 1936–1937 гг. коалиция левых партий.

¹² Жевахов А. Ататюрк. С. 319.

¹³ Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992. С. 167.

¹⁴ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 229.

ставляло собою декларацию о взаимной помощи. Её текст совпадал с ранее заключенной англо-турецкой декларацией 13 мая 1939 г. о сотрудничестве и взаимной помощи. Сирийское правительство отказалось признать переход Александреттского санджака к Турции¹⁵ (до 2005 г.).

В отношении Советского Союза Турция сочетала политику дружественного нейтралитета с балансированием между СССР и западными державами. По словам турецких исследователей, причина такой «равновекторной» политики состояла в том, что «турецкий народ и его лидеры были крайне осторожны в отношении российских намерений, и никакая помощь не могла рассеять традиционную неприязнь и подозрения в отношении России»¹⁶. Одна из причин подозрений Турции состояла в возможных советских претензиях на проливы и Стамбул. Хотя «они (турецкие лидеры. – А.Б.) все время были осторожны, чтобы не противодействовать и не порвать с Советами полностью, они взяли курс на сближение с западным миром»¹⁷. В данном случае имелся в виду «прозападный» разворот Анкары. Первый – в 1930 г., когда турецкая дипломатия сделала первый со времени урегулирования мосульского вопроса шаг в сторону сближения с Великобританией (турецкий историк Фероз Ахмад связывает это с теплым приемом, оказанным турецким правительством британскому средиземноморскому флоту в октябре 1929 г., что положило «начало процессу примирения с Лондоном, который был закреплен альянсом в 1939 г.»)¹⁸. Второй – замена режима Лозаннской конвенции о проливах на конвенцию Монтрё 1936 г. и сближение

¹⁵ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 702.

¹⁶ Kılıç A. Op.cit. P. 72–75.

¹⁷ Ibid. P. 59.

¹⁸ Ahmad F. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy. / Ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. The Future of Turkish Foreign Policy. Boston, 2004. P. 16.

с Великобританией в ущерб советско-турецким отношениям. Мнение это разделяется в современной турецкой историографии. По мнению профессора международных отношений Шабана Чалыша (Сельджукский университет, Конья), корни отчуждения современной Турции от России обозначились со времени принятия конвенции Монтрё¹⁹.

В турецкой историографии 50–60-х годов XX в. отмечалось, что сложность внешнеполитического положения Турецкой Республики в конце 1930-х годов объяснялась в первую очередь обострением ее отношений с Советским Союзом. Так, по мнению турецкого исследователя Алтемура Кылыча, к 1939 г. Турция все более ориентировалась на Великобританию и Францию. Согласно ему, период между двумя мировыми войнами ознаменовался «впечатляющим превращением антизападной, антибританской, антигреческой... националистической Турции в *государство с западным мировоззрением* (выделено нами. – А.Б.)»²⁰.

Настоящий перелом в турецко-советских отношениях относится к периоду, наступившему уже после смерти Ататюрка в 1938 г. Дипломат, политолог и профессор международных отношений, академик Али Суат Бильге в монографии «Отношения между Турцией и Советским Союзом (1920–1964 годы)» называет турецко-российские отношения трудным соседством²¹. Отмечается при этом, что рабочие отношения с Москвой стали главной опорой внешней политики Турции и оставались таковыми до смерти Ататюрка²².

¹⁹ Çalıř Ş. Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // Central Asian Survey. 1997. № 16 (1). P. 104.

²⁰ Kılıc A. Op.cit. P. 72, 74.

²¹ Bılge Suat A. Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birlięi İlişkileri. 1920–1964. Ankara, 1992.

²² Ahmad F. Op.cit. P. 17.

К укреплению советско-турецких отношений подталкивала и международная ситуация конца 20-х годов. Не слишком доверяя итало-турецкому соглашению о нейтралитете (30 мая 1928 г.), Анкара считала, что только дружественные отношения «с такими крупными державами, как Великобритания, Франция и Советский Союз, могут обеспечить подлинную безопасность против другой великой державы, даже второго ранга, такой как Италия». Таким образом, по словам Ф. Ахмада, турецко-советский договор о дружбе от декабря 1925 г.²³ продолжал оставаться «основой сердечных отношений с Москвой»²⁴.

В межвоенный период Турция сохраняла теплые отношения с Советским Союзом, так как обе страны осуществляли политику модернизации и придерживались мирного внешнеполитического курса. Несмотря на некоторые конфликты между двумя странами, турецкие лидеры игнорировали их, чтобы не нарушать дружбу с СССР. «Правящая элита Турции, – отмечают исследователи Мурат Онсой и Гюрол Баба, – воспринимала коммунизм как угрозу ... они боялись попасть под влияние Советского Союза. Однако это не было поводом отказываться от тесного партнерства с Москвой на антизападной основе, *хотя Турция не была твердым*

²³ Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турецкой Республикой был подписан 17 декабря 1925 г. в Париже. Он включал следующие обязательства: воздерживаться от нападения на другую сторону; соблюдать нейтралитет в случае, если одна из сторон подвергнется нападению третьих держав. Помимо политических статей договор содержал ряд важных экономических положений, оформившихся впоследствии в договор о торговле и мореплавании (16 марта 1931 г.) и статьи об экономическом и техническом сотрудничестве (Советско-турецкие договоры и соглашения // Большая российская энциклопедия). URL: <https://old.bigenc.ru/search?q=%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8B+%D0%B8+%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 19.06.2021). Договор не являлся военно-политическим союзом между СССР и Турцией. Денонсирован СССР в 1945 г.

²⁴ Ahmad F. Op.cit. P. 18–19.

представителем этого лагеря (выделено нами. – А. Б.)»²⁵. Источником советско-турецких конфликтов, считают турецкие исследователи, «были главным образом советские амбиции контролировать турецкие проливы»²⁶. Однако подспудный страх Анкары перед советской угрозой отмечается во всех приведенных исследованиях.

В заключение следует отметить, что важная особенность турецкого национализма заключалась в его преимущественно внутренней направленности, что в отличие от иракского или сирийского аналогов уменьшало возможность внешних конфликтов на основе этой идеологии. Реализм в политике Ататюрка проявлялся в том, что он не верил ни в постоянную дружбу, ни в постоянную враждебность. Примером тому было стремление установить дружественные отношения с Грецией, Италией и особенно с Великобританией и Францией – бывшими врагами Турции в период Первой мировой войны. К середине 1930-х годов Турецкая Республика превратилась в одну из заметных по своему экономическому и военному потенциалу стран Ближнего и Среднего Востока. Это заставляло Великобританию и Францию воспринимать Турцию как реального игрока в Ближневосточном регионе, а Советский Союз – рассматривать Турцию как составной элемент межвоенной системы международных отношений. Со своей стороны, Турция стремилась поддерживать политику дружественного нейтралитета. Это не избавило СССР и Турцию от сохранения старых и обострения новых противоречий, в полной мере проявившихся в период Второй мировой войны.

²⁵ Önsoy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). 2019. Year 15. Issue 29. P. 131.

²⁶ Yıldırım O. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).

Литература

Болдырев А. В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии: сб. науч. тр. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012.

Болдырев А. В. Конвенция Монтрё и политика балансирования Турецкой Республики между Востоком и Западом в XX–XXI вв. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. науч. тр. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016.

Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М.: Науч. ассоц. востоковедения, 1925. 127 с.

Гуцало С. Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-е гг. XX века // Турция в XX веке: сб. науч. тр. М.: Гуманитарий 2004.

Жевахов А. Кемаль Ататюрк. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2008. 461 с.

Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. 424 с.

История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 3. 832 с.

Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. 608 с.

Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.

Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М.: Наука, 1992. 250 с.

Ahmad F. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy Ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. The Future of Turkish Foreign Policy. Boston: The MIT Press, 2004.

Bılge Suat A. Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. 1920–1964. Ankara: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 1992. 367 p.

Çalış Ş. Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // Central Asian Survey. 1997. № 16 (1).

Kılıc A. Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington: Public Affairs Press, 1959. 224 p.

Önsoy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). 2019. Year 15. Issue 29.

Глава 9

Колониальный вопрос во внешней политике Веймарской республики*

Согласившись на перемирие в ноябре 1918 г., канцлер Германии Максимилиан Баденский надеялся, что ему удастся без существенных потерь выйти из войны и сохранить немецкие заморские владения. «Колониальные владения, – считал он, – должны соответствовать экономической мощи европейских наций и их исторически доказанной способности сохранять вверенные им цветные народы»¹. Однако его надеждам не суждено было сбыться. Согласно Версальскому мирному договору от 28 июня 1919 г. Германия лишалась всех владений за пределами Европы. Германская колониальная империя рушилась на глазах.

Однако крах империи не означал отказа немецкой нации от колониальных устремлений. Историк Д. ван Лаак писал по этому поводу: «С концом Первой мировой время германских колоний закончилось как история реального – но не как история фантазий и проектов»². Как верхи общества, так и рядовые граждане, привыкшие видеть в заморских владениях подтверждение германской мощи

* Автор главы: Д. В. Родин, ORCID ID 0009–0002–5378–5342.

¹ Цит. по: Фокин С. В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. М., 2005. С. 148.

² Laak D. van. Deutschland in Afrika. Der Kolonialismus und seine Nachwirkungen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2005. Heft 4. S. 10.

и превосходства, с болью воспринимали мысль о том, что Германия отныне замкнута в своих европейских границах. Одним из естественных стремлений германской нации стала борьба за возвращение потерянных колоний, в связи с чем можно говорить о развитии в немецком обществе в 1920-е годы колониального ревизионизма, который стал мощным фактором как общественного развития, так и германской внешней политики. Выразителями этой идеи стали различные объединения, как продолжавшие свое существование с дореволюционных времен («Германское колониальное общество»), так и новые («Имперское колониальное содружество рабочих», «Союз памяти колониальных воинов», «Германское общество участников колониальной войны» и др.). В 1928 г. ими была издана Всеобщая германская колониальная программа, пользовавшаяся значительной популярностью среди широких масс.

В рамках данной главы будет рассмотрен внешнеполитический аспект колониального ревизионизма Веймарской республики, прежде всего те проекты, которые предлагали чиновники Министерства иностранных дел Германии и немецкие общественные деятели с целью возвращения заморских владений и восстановления германской колониальной системы. Следует понимать, что подобные проекты были отражением желания нации (в первую очередь тех ее слоев, которые в свое время были связаны с колониальной деятельностью Германской империи) восстановить статус Германии как великой державы и в какой-то мере вернуть «место под солнцем», о котором в свое время говорил германский канцлер Б. фон Бюлов.

Следует отметить, что во внешней политике Веймарской республики требование возврата колоний долгое время не звучало: правительство фактически изолиро-

ванной и экономически ослабленной страны в начале 1920-х годов не решалось инициировать рассмотрение этого вопроса на международной арене. Однако к 1924 г. ситуация изменилась: среди блока стран-победителей в связи с Рейнским кризисом наметились расхождения, и отдельные германские политические деятели рассчитывали воспользоваться моментом, чтобы заявить о притязаниях Веймарской республики на наследие Второго рейха. Так, депутат рейхстага Э. Кох-Везер писал министру иностранных дел Г. Штреземану в конце января 1924 г.: «Мне известно, что в кругах, заинтересованных в колониях, поднимется буря негодования, если Министерство иностранных дел под Вашим руководством установит надгробие на могиле немецких колоний»³. В ответном письме Штреземан заверил своего коллегу в том, что «в его ведомстве по-прежнему поддерживают мнение о необходимости сделать все возможное ради возвращения немецких колоний»⁴.

В схожем тоне высказывался статс-секретарь Министерства иностранных дел А.Г. фон Мальцан, отмечавший в письме к германскому послу в Лондоне, что колониальные круги все настойчивее озвучивают мысли о том, что «Германии непременно следует вернуть часть своих колоний», и замечавший по этому поводу, что «несмотря на то, что мы не отказались от надежды на возвращение колониальных территорий, мы придерживаемся мнения, что должны быть чрезвычайно осторожными в этом деликатном вопросе»⁵. В сентябре того же года состоялся IV Колониальный конгресс, на котором рефреном звучали слова о необходимости

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Ser. A: 1918–1925. Bd. IX. Göttingen, 1991. S. 348–349.

⁴ Ibid. S. 349.

⁵ Ibid. S. 651–652.

возвращения утраченных колоний, непременно встречаемые бурными аплодисментами⁶.

Сам глава МИД Веймарской республики Густав Штресеман также высказывался в пользу возвращения утраченных колоний. Один из его помощников, Э. Штерн-Рубарт, уже после смерти министра, говорил, что он ставил перед собой следующие задачи: «...освободить Рейнскую область, вернуть Эйпен-Мальмеди и Саар, тщательно организовать аншлюс с Австрией и получить по мандату или иным образом африканскую колонию, где можно было бы раздобыть жизненно важное тропическое сырье и куда можно было бы направить избыточную энергию молодого поколения»⁷.

Под влиянием подобных настроений уже летом 1924 г. во внешнеполитическом ведомстве Германии зародилась идея обращения к Лиге Наций с докладом, в котором содержались бы предложения по изменению системы мандатов с тем расчетом, чтобы контроль над частью немецких колоний вновь был возвращен Германии. Однако от этой идеи пришлось отказаться: как заметил по этому поводу Б.В. фон Бюлов, ответственный за вопросы, связанные с международной организацией, «немецкий меморандум к Лиге Наций по вопросу о мандатах не может содержать выполнимые требования»⁸. На тот момент намного более важным вопросом для Веймарской республики являлось экономическое восстановление, невозможное без принятия плана Дауэса, поэтому усложнять международную обстановку путем параллельного обсуждения экономических и колониальных проектов на Вильгельмштрассе считали нецелесообразным.

⁶ См.: Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1924 zu Berlin am 17 und 18. September 1924. Berlin, 1924.

⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 253.

⁸ ADAP. Ser. A. Bd. X. Göttingen, 1992. S. 565.

Однако после успешного завершения Лондонской конференции 1924 г. идея использовать Лигу Наций для решения колониального вопроса получила дальнейшее развитие: в декабре того же года Штресеман заявил о намерении Германии вступить в Лигу, и в случае успеха Веймарская республика смогла бы использовать международную организацию как рупор для своих требований. Об этом, в частности, говорилось в «Дополнительной записке к меморандуму к правительству по вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций», подготовленной для статс-секретаря фон Мальцана: «Лига Наций... не может вернуть нам наши бывшие колонии в качестве мандата. С другой стороны, было бы возможно и, вероятно, целесообразно выступить в связи с вступлением в Лигу Наций с опровержением лжи о так называемой “колониальной вине” и с заявлением о притязаниях Германии на колониальную деятельность». Интересно обоснование подобных требований: «Исключенный со времен проигранной войны из всякой колониальной деятельности, немецкий народ ожидает, что в настоящее время он будет активно включаться в мандатную систему Лиги Наций, так как имеет притязания на то, чтобы причислить себя к прогрессивным нациям, которым вследствие наличных средств и опыта предназначено принять опеку над теми народами, которые еще не в состоянии управлять собой в особо трудных условиях современного мира»⁹. Германия, переживавшая в 1924 г. постепенное оживление и даже возрождение своей экономики, уже считала себя равной по статусу таким державам, как Великобритания и Франция, и полагала возможным претендовать на равное с ними положение на международной арене, прежде всего в колониальном вопросе.

⁹ ADAP. Ser. A. Bd. XI. Göttingen, 1993. S. 209.

Интересно отметить, что в это же время во внешнеполитическом руководстве Германии появлялись тщательно проработанные документы, освещавшие цели государства в колониальном вопросе и средства к их достижению. Они происходили в основном из среды бывших губернаторов германских колоний, которые после краха Германской империи «постепенно смирялись со своим новым постколониальным статусом, пересматривали свою имперскую идентичность и пытались найти способы адаптироваться к неокOLONиализму Лиги»¹⁰. Примером может являться докладная записка тайного правительственного советника Э. Брюкнера, бывшего губернатора Того в 1911–1912 гг., от 10 ноября 1924 г. Одним из условий вступления Германии в Лигу Наций он называл передачу ей мандатов на ее бывшие колонии: без этого «будет затруднено благотворное сотрудничество в рамках Лиги Наций и укрепление самой идеи Лиги»¹¹. С передачей колоний связывалась и возможность уплаты Германией репараций странам-победителям.

Впрочем, переходя к рассмотрению возможности возвращения отдельных колоний, Брюкнер был уже не столь оптимистичен: он признавал, что возвращение островов, занятых Японией, «исключено» в силу активной миграции японского населения; сомневался он и в том, что Австралия и Новая Зеландия будут готовы передать Германии Новую Гвинею и Самоа (хотя владение данными территориями, по его мнению, не являлось для указанных стран «ни политической, ни экономической необходимостью»¹²). В равной мере не верил Брюкнер и в возможность добровольного возврата африканских колоний.

¹⁰ Wempe S. A. Revenants of the German Empire. Colonial Germans, Imperialism, and the League of Nations. New York, 2019. P. 121.

¹¹ ADAP. Ser. A. Bd. XI. S. 373.

¹² Ibid. S. 373–374.

Обосновывая потребность колоний для Веймарской республики, Брюкнер выделял два типа необходимых стране заморских владений: «1) тропические районы, которые в качестве поставщика сырья станут поддержкой для нашей экономики; 2) земли для переселения, которые смогут принять часть нашего избыточного населения и сохранить в нем характерные немецкие черты»¹³. Объектами для создания колоний первого типа могли стать как бывшие немецкие колонии (хотя их возвращение крайне затруднено), так и колонии Португалии, для чего было необходимо их экономическое освоение. Колонии второго типа Брюкнер предлагал создать в Юго-Западной Африке, являвшейся мандатом Южно-Африканского Союза, для чего необходимо было прежде всего проявить заботу о том немецком населении, которое осталось там после окончания мировой войны.

Подводя итоги своим размышлениям, Брюкнер выделял следующие способы достижения целей Германии в колониальной политике: во-первых, «наблюдение за политикой мандатариев», чтобы воспрепятствовать «слиянию» бывших немецких колоний с колониями по соседству; во-вторых, «поддержание в немецком народе с помощью подходящей пропаганды любого типа стремления к обладанию колониями»; в-третьих, «пропаганда за рубежом» на различных уровнях (в самих странах-мандатариях, в Лиге Наций и даже в США с целью «заинтересовать американцев, участвующих в реализации плана Дауэса, в колониальных потребностях Германии»)¹⁴.

Свои проекты выдвигал и президент Немецкого колониального общества Т. Зайц, губернатор Камеруна в 1907–1910 гг. и Германской Юго-Западной Африки в 1910–1915 гг. Являясь одним из активнейших пропагандистов

¹³ Ibid. S. 374–375.

¹⁴ Ibid. S. 376.

возрождения Германской колониальной империи и, как отмечают исследователи, «прекрасным примером человека, вложившего значительный профессиональный и личный капитал в германский империализм»¹⁵, он издавал огромное количество брошюр, целью которых было разъяснение широким массам, почему Германия так нуждается в колониях. «Германское государство слишком мало для своего народа. Плодами своих земель оно может прокормить лишь 2/3 своих жителей... По сравнению с довоенным временем наше отечество стало более перенаселенным и, соответственно, нуждается в увеличении импорта из-за границы. После кражи наших колоний единственное, чем мы можем заплатить за импортируемую еду и ценное сырье, – это наш труд. Утрата наших заморских владений означает, что мы должны больше трудиться, в то время как уровень жизни наших людей остается ограниченным», – писал он в брошюре «Германии нужны колонии!», ставя богатство Веймарской республики в прямую зависимость от обладания заморскими владениями¹⁶.

Интерес представляют способы, которые бывший губернатор предлагал для реставрации германской колониальной системы. По мнению Зайца, в сферу интересов Германии входила территория «от Рио Оро до Муни в Западной и от Момбасы до Мозамбика в Восточной Африке», и для сохранения этих территорий в сфере германского влияния их следовало «защитить с помощью торговых соглашений»; при этом он считал, что «членство в Лиге Наций не сможет заменить этой защиты»¹⁷. Кроме того, Зайц настаивал на перенаправлении потоков немецких эмигрантов из Америки в Юго-Западную Африку и на активизации немецкой по-

¹⁵ Wempe S. A. Op. cit. P. 40.

¹⁶ Deutschland braucht Kolonien! Berlin, 1925. S. 5.

¹⁷ ADAP. Ser. A. Bd. XII. Göttingen, 1994. S. 443.

литики в данном регионе. Основанием для этого служили «непоколебимая верность колонистов и ревность между бурским Союзом и Великобританией»¹⁸. Зайц призывал к активному экономическому освоению земель, на которые претендовала Германия, в связи с чем критиковал проект Брюкнера за то, что тот предполагал лишь действия пропагандистского характера и пассивное наблюдение: «Если такие соображения распространятся на все охраняемые районы, то, боюсь, они приведут к бездействию, к колониальной нирване, но не к активной колониальной политике»¹⁹. О работе же Министерства иностранных дел Зайц говорил следующее: «Ваша задача, скорее, официально заявлять о наших требованиях, использовать возможности для политико-колониальных сделок и усаживать противников за стол переговоров»²⁰.

Проект Зайца был высоко оценен в Министерстве иностранных дел. Оценивая то «ясное и очевидное представление колониально-политической ситуации», которое Зайц дал в своем проекте, статс-секретарь К. фон Шуберт писал президенту Немецкого колониального общества: «Для нас, если мы хотим проводить разумную политику в колониальном вопросе, в первую очередь важно то, что мы ставим перед собой определенные достижимые цели»²¹. И хотя далее фон Шуберт признавался, что решение колониальной проблемы на тот момент не являлось первоочередной задачей во внешней политике Германии, вместе с тем статс-секретарь обещал, что и в Лиге Наций «колониальный вопрос... не будет оставлен без внимания»²².

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. S. 444.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. S. 666.

²² Ibid. S. 668.

Новая возможность попытаться вернуть утраченные колонии представилась уже в 1925 г.: германская дипломатия решила воспользоваться для этого противоречиями между Англией и Францией в ходе конференции в Локарно. На случай, если бы в рамках конференции был бы затронут колониальный вопрос, была подготовлена программа действий, расписанная в докладной записке Брюкнера от 2 октября 1925 г. В ней претензии Германии на бывшие колониальные владения обосновывались с опорой на «14 пунктов» В. Вильсона, в частности на пункт о «беспристрастном решении всех колониальных споров». Вердикт Парижской конференции 1919 года, по мнению Брюкнера, не мог являться примером «беспристрастного решения», и потому он заявлял, что «немецкое правительство вправе выдвинуть претензии на возвращение всех немецких колониальных владений, так как их конфискация противоречила достигнутым договоренностям»²³. Помимо этого, Брюкнер вновь ссылаясь на экономические аргументы: Германии были нужны источники сырья и рынки сбыта для немецких товаров, колонии позволили бы стране укрепить свою валюту и выплатить репарации и долги, они способствовали бы решению проблемы перенаселения Веймарской республики. Затронул Брюкнер и тему «миссии белого человека», заявив, что «Германия также выдвигает и культурные притязания на то, чтобы участвовать в развитии и воспитании развивающейся черной расы и поддерживать с нею обмен духовными благами»²⁴.

Однако Брюкнер понимал, что немецкие претензии не могут быть удовлетворены сразу. Он предлагал выдвигать их постепенно, довольствуясь малыми уступками со стороны стран-мандатариев. Программу выдвижения

²³ ADAP. Ser. A. Bd. XIV. Göttingen, 1995. S. 299.

²⁴ Ibid. S. 300.

«минимальных требований» он видел следующим образом: прежде всего требовать либо Восточную Африку, либо Камерун и Того (в крайнем случае, только Камерун), при этом следовало искать взаимопонимание и с Англией, и с Францией, так как покупка только британской или французской части Камеруна или Того являлась бы, по мнению Брюкнера, «напрасной тратой денег»²⁵.

Попытки затронуть колониальную проблему в рамках Локарнской конференции особым успехом не увенчались. Несмотря на заявления министра иностранных дел Великобритании О. Чемберлена о том, что «право Германии на колониальные мандаты определенно признано и что у него имеются надежды на то, что данное признание будет иметь практический эффект», решение данной проблемы откладывалось под предлогом того, что заниматься подобными вопросами имела право лишь Лига Наций. Вместе с тем глава Форин офис вселял в политических деятелей Германии надежду, утверждая, что «Германии, разумеется, должно быть предоставлено право на колониальные мандаты после ее вступления в Лигу Наций»²⁶.

Подобные заявления вселяли оптимизм в том числе и в Штреземана, заявившего после окончания конференции на встрече с представителями прессы в Дрездене, что германские требования о возвращении колоний приняты и отныне «никто в мире не имеет морального права ограничивать Германию в праве управлять колониями»²⁷. Поднявшаяся вслед за этим масштабная пропагандистская кампания испугала британское правительство, которое в апреле 1926 г. отправило в Берлин ноту протеста, заявив, что «немецкая колониальная пропаганда способна лишь

²⁵ Ibid. S. 299.

²⁶ Ibid. S. 657–658.

²⁷ Stresemann G. Vermächtnis. Bd. II. Locarno und Genf. Berlin, 1932. S. 213.

навредить новым, дружественным отношениям между Германией и Англией»²⁸. Ни о какой передаче мандатов речи не шло и идти не могло.

Тем не менее Германия продолжала лелеять надежды, тем более что переговоры с отдельными британскими и французскими деятелями подогревали веру германских политиков в возможность возвращения утерянных колоний. Так, 24 апреля 1926 г. состоялась беседа между Брюкнером и французским коммерсантом Б. Дезуше, в ходе которой было выдвинуто интересное предложение о создании совместного общества по управлению концессиями в западноафриканских колониях Франции, таких как Яунде, Новый Камерун, Экваториальная Африка. В ведении общества могли находиться торговля, горное дело и даже организация переселения немцев в указанные регионы, что «создавало клапан для избытка населения в Германии». В ответ на вопрос Брюкнера, не станет ли Лига Наций препятствовать деятельности подобного общества, его визави заверил своего собеседника, что ничем не ограниченный суверенитет мандатария над мандатом оставляет международной организации лишь «право потребовать доклада» и не более того. Вместе с тем ни о какой передаче французских мандатов Германии речи быть не могло: по словам Дезуше, «Франция будет готова отказаться от своих мандатов, только если это же сделает Англия – что, однако, является совершенно утопическим условием»²⁹.

Не имея возможности получить мандаты, Германия приступила к экономическому проникновению в бывшие колонии: с 1925 г. немцы приступили к воссозданию колониальной экономики. В Восточной Африке восстанавливались сизалевые, каучуковые и кофейные плантации, налажива-

²⁸ ADAP. Ser. B: 1925–1933. Bd. I, 1. Göttingen, 1966. S. 464.

²⁹ Ibid. S. 480–481.

лось выращивание конопли, для их расширения выкупались значительные участки близ Килиманджаро. Успехи немцев на этом поприще позволяли надеяться на восстановление германской монополии на производство сизаля, что было необходимо для развития немецкой промышленности. Аналогичные предприятия Штреземан надеялся организовать в Камеруне и в Новой Гвинее. Подобные мероприятия, по мнению министра, позволяли «немцам сохранить бесценный колониальный и колониально-экономический опыт»³⁰.

Еще одним способом добиться изменения статуса мандатов в пользу Германии стало стремление добиться представительства Веймарской республики в Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций. Переговоры об этом велись в начале ноября 1926 г. с генеральным секретарем Лиги Дж. Э. Друммондом и в целом имели удовлетворительный для Германии исход, так как никаких препятствий для немецкого участия в комиссии генеральный секретарь не видел. Дело было лишь в кандидатуре представителя, но именно этот вопрос не удавалось решить в течение почти целого года, прежде всего из-за сопротивления со стороны стран-мандатариев. Например, отношение англичан к германским требованиям Зайц описывал следующим образом: «Ко всем немецким вопросам, в особенности к колониальным, господа, с которыми я беседовал, относились прохладно. В своем наивном эгоизме они пойдут нам навстречу, только если увидят выгоду для самих себя... То, что допуск немца в комиссию по делам мандатов был бы реальной уступкой, никто из тех господ, с которыми я беседовал, утверждать не смел»³¹. Равным образом и Л. Эмери, британский министр по делам доми-

³⁰ Ibid. S. 501.

³¹ ADAP. Ser. B. Bd. VI. Göttingen, 1974. S. 7.

нионов, оставался глух к доводам президента Немецкого колониального общества о том, что тропические области и территории для переселения нужны немецкому народу в силу не только экономических, но и политических причин, так как «в своей сегодняшней стесненности и подавленности внутривнутриполитическая жизнь Германии не может развиваться в здоровом духе»³².

Лишь в октябре 1927 г. германский представитель занял место в Постоянной мандатной комиссии. Им стал Л. Кастл, более 10 лет отдавший службе в Германской Юго-Западной Африке. На протяжении последующих трех лет Кастл принимал самое активное участие в работе комиссии. Несмотря на большую занятость, он тщательно готовился к каждой сессии, оспаривал любые обвинения в сторону Германии, касавшиеся ее колониальных практик, боролся за то, чтобы немецкие врачи были в Руанде, а немецкие археологи – в Ираке, тщательно изучал торговые соглашения с подмандатными территориями, чтобы убедиться, что они не исключают Германию и не нарушают принцип «открытых дверей», регулярно встречался в Берлине с официальными лицами Министерства иностранных дел и бывшими губернаторами колоний, чтобы согласовать ответы на любые аннексионистские действия со стороны стран-мандатариев. Как отмечали на Вильгельмштрассе, его присутствие укрепляло позиции «нейтралов» в комиссии и помогало ей «двигаться в более критическом и независимом направлении»³³. После отставки Кастла в 1930 г. его заменил Ю. Руппель, бывший сотрудник колониальной администрации в Камеруне и член Репарационной комиссии, продолживший курс на защиту германских интересов в бывших заморских вла-

³² Ibid. S. 10.

³³ Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York, 2017. P. 202.

дениях. В 1933 г. он покинул комиссию в связи с выходом Германии из Лиги Наций.

Помимо участия в работе Постоянной мандатной комиссии Лиги, германские дипломаты искали иные пути поддержания своего влияния в бывших колониях, одним из которых являлось переселение избыточного населения Веймарской республики на пустующие земли мандатов. По данному вопросу в августе 1928 г. в рейхсканцелярию был подан доклад фон Шуберта, основной идеей которого была необходимость поддержки немецкого населения, оказавшегося за пределами Германии после окончания мировой войны, прежде всего за счет создания переселенческих колоний, в частности в Юго-Западной Африке с согласия правительства Южно-Африканского Союза. Необходимость финансирования и государственной поддержки подобных мероприятий фон Шуберт обосновывал следующим образом: «Без достаточных средств переселенческие предприятия придется ликвидировать, что стало бы тяжелым ударом по репутации немецкой общины в Юго-Западной Африке и за ее пределами, а также оставило бы негативное впечатление у правительства Союза и Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций»³⁴.

Сообщая о тех условиях, в которых приходилось жить немцам в Юго-Западной Африке, фон Шуберт уделял особое внимание требованию признать немецкий язык в качестве официального. Этот шаг укрепил бы культурное влияние Германии в регионе и продемонстрировал бы всему миру заботу правительства Веймарской республики о той части германской нации, которая оказалась за пределами родной земли. Соответственно, статс-секретарь пытался убедить генерального администратора Юго-Западной Африки А. Й. Верта (1926–1933), «как полезно было бы удовлет-

³⁴ ADAP. Ser. B. Bd. IX. Göttingen, 1976. S. 543.

ворить культурные потребности немецкого меньшинства», ведь «это имело бы самые счастливые последствия»³⁵. Однако генеральный администратор мандата не был столь оптимистичен в своих взглядах: правительство ЮАС надеялось рано или поздно добиться полной аннексии Юго-Западной Африки, а потому защита прав национальных меньшинств не входила в его планы.

К концу 1920-х годов внешнеполитическая активность Веймарской республики по колониальному вопросу постепенно сходила на нет. Последним ее всплеском стала попытка Я. Шахта добиться от Франции и Великобритании уступок в колониальном вопросе на конференции экспертов-экономистов в Париже в 1929 г., перед которой стояла задача выработки нового плана выплат репараций Германией. Шахт попытался увязать ежегодные выплаты Германии с предоставлением ей колониальных концессий, при этом он не настаивал на передаче их под прямой контроль Германии – достаточно было обеспечить стране доступ к источникам ценных ресурсов. Однако подобные разговоры вызвали недовольство Форин офис, прежде всего из-за того, что рупором подобных идей от лица Шахта стал бывший статс-секретарь по иностранным делам Второго рейха Р. фон Кюльман, крайне непопулярный в Лондоне и Париже. Во избежание конфликта, способного навредить переговорам о репарациях, Штреземан предпочел дезавуировать «миссию Кюльмана» и заявления Шахта³⁶. Очевидная невозможность добиться мандата на бывшие колонии и вместе с тем нехватка средств, необходимых для освоения тех территорий, на которые выдвигала претензии

³⁵ ADAP. Ser. B. Bd. X. Göttingen, 1977. S. 151.

³⁶ Wright J. Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman. New York, 2002. P. 463.

Германия, вынуждали чиновников с Вильгельмштрассе временно отложить решение колониального вопроса.

Добравшийся до Германии в марте 1930 г. мировой экономический кризис превратил «временное» в «постоянное». Конечно, были еще те, кто верил в успешное решение колониальной проблемы: так, министерский-директор Министерства иностранных дел В. де Хаас называл «достижимыми» целями получение мандата на Камерун и утверждение преимущественного положения Германии в Юго-Западной и Восточной Африке, аргументируя свою точку зрения тем, что «Англия была бы не против вновь увидеть нас на западном побережье Африки», Франция «экономически не в состоянии осваивать крупное колониальное владение в Западной Африке», а с Италией можно будет договориться³⁷. Ему вторил известный публицист А. Дикс, связывавший выход из кризиса с возвращением Германии утраченных колоний и утверждавший, что «до тех пор, пока Германия в Африке будет парией в глазах колониальных держав, Европа не сможет излечиться, и весь мир будет страдать от болезни Германии»³⁸. Однако намного ближе к истине были те, кто утверждал обратное, например министерский-директор Г. Г. Дикхофф: «Вопрос о том, приобретет ли вновь Германия в будущем хоть какие-то колонии, либо в форме мандата, либо в иной форме, является весьма спорным... Преимущества от немецких колониальных владений будут перевешивать связанные с ними убытки лишь тогда, когда мы вновь станем обладать достаточной финансовой мощью для того, чтобы своими силами освоить указанные области»³⁹.

³⁷ ADAP. Ser. B. Bd. XV. Göttingen, 1980. S. 422–423.

³⁸ Dix A. Weltkrise und Kolonialpolitik. Die Zukunft zweier Erdteile. Berlin, 1932. S. 340.

³⁹ ADAP. Ser. B. Bd. XVI. Göttingen, 1981. S. 274.

Тем не менее колониальные круги не оставляли надежды добиться успеха, и тот же Брюкнер в декабре 1930 г. опровергал тезис о том, что «у Германии нет денег на то, чтобы управлять и экономически развивать колонии», утверждая, что «правильно управляемые африканские колонии не потребуют новых административных субсидий», а «крупные финансовые инвестиции необходимы лишь для прокладки дорог»⁴⁰. Но в условиях экономического кризиса начала 1930-х годов. Министерство иностранных дел уже не принимало никаких действий, имевших целью вернуть Германии колонии: намного важнее было найти выход из кризиса (например, за счет создания таможенного союза Германии и Австрии), нежели распылять силы на очевидно несбыточные проекты.

Таким образом, колониальный ревизионизм являлся важным фактором общественной жизни Германии, оказывавшим серьезное влияние на ее внешнюю политику. Без учета этого фактора нельзя в полной мере понять политику, проводимую немцами в рамках конференции в Локарно и тем более в Лиге Наций, в которой немецкие представители не раз поднимали вопрос о передаче Веймарской республике мандатов на бывшие немецкие владения. Взгляды чиновников Министерства иностранных дел и крупных общественных деятелей на решение колониальной проблемы позволяют говорить о своего рода преемственности в данном вопросе между Германской империей и Веймарской республикой, которая являлась отражением настроений широких слоев населения страны, по-прежнему видевших в своем государстве великую державу, чье существование немыслимо без колониальных владений. При этом отличительной чертой разрабатываемых в это время проектов было то, что они, скорее, следовали принципу не «возвращения

⁴⁰ Ibid. S. 284.

колоний», а «возвращения в колонии»: осознавая невозможность восстановления прямого контроля над утраченными владениями, германские дипломаты искали способы культурного и социально-экономического проникновения в подмандатные территории с целью обеспечения интересов Германии, а также использовали с этой целью участие в работе Постоянной комиссии мандатов.

Относительная эффективность этих средств демонстрировала предел возможностей Веймарской республики по восстановлению своего влияния в бывших колониальных владениях. В то же время распространение настроений в поддержку колониального ревизионизма создавало благоприятные условия для распространения в обществе крайних правых взглядов, подготавливая тем самым приход к власти национал-социалистов.

Литература

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 850 с.

Фокин С. В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. М.: Изд-во РАГС, 2005. 218 с.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. IX: 16. November 1923 bis 6. April 1924. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. LV, 710 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. X: 7. April bis 4. August 1924. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. LIV, 661 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XI: 5. August bis 31. Dezember 1924. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. LVII, 738 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XII: 1. Januar bis 25. April 1925. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. LXI, 788 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XIV: 14. August bis 30. November 1925. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995. LVIII, 762 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. I, 1: 1. Dezember 1925 bis Juli 1926. Deutschlands Beziehungen zu Frankreich, Großbritannien, Belgien sowie deutsche Entwaffnung, Reparationen, Völkerbund und internationale Abrüstung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1966. LXIX, 799 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. VI: 1. Juli bis 30. September 1927. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. LII, 566 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. IX: 9. Mai bis 30. August 1928. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. XLIX, 694 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. X: 1. September bis 31. Dezember 1928. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. XLVI, 645 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. XV: 1. Mai bis 30. September 1930. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. XLVI, 617 S.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. XVI: 1. Oktober 1930 bis 28. Februar 1931. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. XLVIII, 659 S.

Deutschland braucht Kolonien! Berlin: Deutsche Volksgemeinschaft, 1925. 48 S.

Dix A. Weltkrise und Kolonialpolitik. Die Zukunft zweier Erdteile. Berlin: Neff, 1932. 347 S.

Laak D. van. Deutschland in Afrika. Der Kolonialismus und seine Nachwirkungen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2005. Heft 4.

Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York: Oxford University Press, 2017. XVIII, 571 p.

Stresemann G. Vermächtnis. Bd. II: Locarno und Genf. Berlin: Ullslein, 1932. XIV, 611 S.

Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1924 zu Berlin am 17 und 18. September 1924. Berlin: Kolonialkriegerdank, 1924. XXXI, 514 S.

Wempe S. A. Revenants of the German Empire. Colonial Germans, Imperialism, and the League of Nations. New York: Oxford University Press, 2019. 272 p.

Wright J. Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman. New York: Oxford University Press, 2002. 606 p.

Глава 10

Ирак во внешней политике СССР в 20-е годы XX в.*

Независимость с дальним прицелом: большевики и освободительное движение в Ираке

«И кто говорит, что существует «империализм» большевистский, что мы идём на Восток для захватных целей..., тот заведомо сеет ложь...»¹.

Карл Радек,
член ЦК РКП(б) (1924 г.)

Большевистское руководство достаточно рано пришло к убеждению в необходимости борьбы за политическое будущее Ирака, которое рисовалось ему сугубо в «красных тонах». «Революция по линии Энзели-...Багдад»², «организация первичных коммунистических организаций» в Месопотамии³, «активизация и организация борьбы про-

* Автор главы: И. Х. Миняжетдинов

¹ Радек Карл. Пять лет Коминтерна. Ч. 1. Основы программы и тактики Коминтерна. М.: Красная новь, 1924. С. 230.

² Генис В. Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований; МНПИ, 2000. С. 268.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 495. Оп. 154. Д. 196. Л. 43.

тив оккупантов» в Месопотамии⁴ – знаковые слова и фразы, которые в тех или иных вариациях активно использовались в иракском дискурсе большевиков, проходившем как в публичном поле, так и в рамках внутриведомственного и межведомственного взаимодействия. И как показала история, это не была только лишь формально-казённая риторика партийцев как некая словесная дань теоретически возможному проекту мировой социалистической революции. Напротив, она вполне отражала истинные внешнеполитические намерения и, что более значимо, реальные действия Москвы в отношении созданного британцами Королевства Ирак.

Но здесь сразу стоит сделать существенную оговорку. Представляется, что идеологическая константа в иракской политике большевиков хотя и играла преобладающую роль в процессе принятия решений, тем не менее она вполне спокойно «уживалась» с классическим внешнеполитическим прагматизмом, который с теми или иными отличиями присущ всем государственным акторам международных отношений. Прагматический подход Москвы в отношении Ирака, безусловно имевший свои специфические черты и характерные особенности, тем не менее заключался в достижении вполне «мирских» целей, связанных в первую очередь со стремлением к укреплению политической и экономической независимости Советского Союза, обеспечению его национальной безопасности и реализации его стратегических интересов на ближневосточном пространстве.

Правда, иногда найти точный ответ на вопрос о том, какие же мотивы в действительности стояли за теми или иными внешнеполитическими шагами Москвы, бывает довольно сложно. При анализе причинно-следственных связей между логикой Кремля при принятии внешнепо-

⁴ Там же.

литических решений по различным вопросам взаимодействия с Ираком и процессом их реализации не всегда удаётся чётко различить границу между прагматизмом как неотъемлемым принципом советской внешней политики и государственно-партийной идеологией, которая являлась ключевым внутренним фактором, также очень сильно влиявшим на формирование внешнеполитического курса СССР. На мой взгляд, отсутствие во многих случаях чёткой границы между интересами «мировой социалистической революции» и национальными интересами советского государства как участника международных отношений является важной характеристикой процесса принятия решений, касающихся советской политики в отношении Ирака в 1920-е годы.

Применительно к теме настоящего исследования «проблема границы» имеет свою особую актуальность, которая связана с тем обстоятельством, что дипломатическая работа НКВД была тесно сопряжена с деятельностью Коминтерна, одна из главных задач которого на Востоке состояла в том, чтобы революционизировать проживающие там народы. Коминтерн «имел право» использовать советские торговые и дипломатические представительства в качестве прикрытия для своих нелегальных «операций»⁵. Так, например, в тезисах Политического бюро ЦК РКП (б) от 4 мая 1921 г. подробно регламентировался процесс взаимодействия НКВД и Коминтерна. В частности, как следует из документа, Коминтерн обладал правом «по соглашению с Наркоминделом» посылать своих «ответственных агентов в каче-

⁵ Наличие множества противоречий, возникших между двумя учреждениями на почве привлечения советских дипломатических работников к нелегальной деятельности Коминтерна, привело к тому, что в 1921 г. вопрос «О взаимоотношениях Наркоминдела с Коминтерном» даже рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП (б). Однако, несмотря на вмешательство Политбюро, этот вопрос так и не был до конца урегулирован. См.: Проект решения Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между аппаратом Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел. Москва, 14 мая 1921 года // Коминтерн и идея мировой революции: документы. М.: Наука, 1998. С. 273.

стве официальных и служебных лиц в отдельные страны». А советскому дипломатическому ведомству, в свой черёд, предписывалось в том числе «оказывать всяческое содействие представителям Коминтерна за границей», включая предоставление возможности «перевода денежных сумм через полномочных представителей РСФСР за границей на нужды Коминтерна»⁶. Кроме того, многие большевистские политические деятели, участвовавшие в принятии решений по внешнеполитическим вопросам, определённый период времени занимали и различные должности в управленческом аппарате или других подразделениях Коминтерна.

Насколько можно судить, в основных проявлениях внешнеполитической активности СССР в отношении Ирака по большому счёту просматривается компромиссное соотношение идеологического и прагматического начал. Когда, например, дипломатия, экономика и разведка одновременно рассматривались и как средства реализации традиционных политических и экономических интересов советского государства за рубежом, и как вспомогательные инструменты расширения границ социалистической ойкумены в противовес колониальному миропорядку, утверждённому крупнейшими западными державами.

И это «компромиссное соотношение» видится весьма логичным. Во всяком случае, оно вполне естественно вытекает из тех приоритетных и официальных задач советской внешней политики, которые изначально были провозглашены большевистским руководством. К ним, в частности, относились борьба с колониализмом и поддержка антиколониальных и национально-освободительных движений

⁶ Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна. Москва, ранее 4 мая 1921 года // Коминтерн и идея мировой революции: документы. М.: Наука, 1998. С. 264–266.

в странах Востока. Нельзя не упомянуть и том, что тезис о предоставлении независимости колониальным и полуколониальным странам являлся важнейшим концептом внешнеполитического дискурса большевиков в рамках отношений СССР со странами Запада. В исследуемый период представители советских делегаций, принимавших участие в различных международных конференциях, встречах и переговорах, неоднократно требовали и предлагали сообществу западных стран полностью ликвидировать «систему мандатов и протекторатов» и «предоставить всем народам свободу политического и экономического самоопределения»⁷.

Оккупация британскими войсками Ирака, создание англичанами, по выражению К. Радека, «фиктивного королевства» и возникновение движения за предоставление Ираку независимости – очень хорошо вписывались в большевистскую парадигму мировой борьбы с колониализмом и капитализмом. Тем более что в 1922 г. «вожди месопотамского национального движения», среди которых были крупные военные, религиозные и политические деятели Ирака, можно сказать, уполномочили Г. Чичерина от их имени огласить на Лозаннской международной конференции их меморандум. Его основные положения сводились к тому, что иракский народ возражает и протестует против незаконного вмешательства Великобритании во внутренние дела Ирака. «Весь народ Месопотамии возмущён попирающим его независимость вмешательством в дела Месопотамии. Он никогда не даст своего согласия на союзный договор от 10 октября 1922 года никоим образом законной силы не имеющий», – провозглашалось в меморандуме. Наряду с тезисом о народном протесте

⁷ Хорошей иллюстрацией подобного подхода служит, например, позиция советской делегации на Международной экономической конференции, проходившей в мае 1927 года в Женеве. Документы внешней политики СССР. Т. X. 1 января–31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. С. 188.

сте в нём содержалось и утверждение о готовности иракцев до конца бороться за свою свободу. Так, в меморандуме говорилось: «...народ Месопотамии, чтобы отстоять независимость, чтобы положить конец английским притеснениям и уничтожить тот злополучный договор, ни перед какими жертвами не остановится»⁸.

Важно отметить, что как это, так и другие обращения деятелей иракского национально-освободительного движения к советскому правительству, которые имели место быть в 1920-е годы, явились, во-первых, показателем беспрецедентного доверия иракцев к СССР, а также их надежд на помощь, которую они ожидали получить от Москвы в своей борьбе за национальный суверенитет. А во-вторых, оказалось, что идея борьбы за независимость стала точкой пересечения взаимных интересов и платформой для сотрудничества большевиков и иракской национально-патриотической оппозиции, включавшей и сторонников концепции «панарабизма», и мусульманских религиозных деятелей. Таким образом, возник, условно говоря, феномен идеологической солидарности нескольких политических сил, которые представляли не просто разные страны, но и во многом взаимоотрицающие мировоззренческие системы: коммунизма (большевистская версия), ислама и панарабизма.

Но насколько совпадали подходы большевиков и обращавшихся к ним за содействием иракцев в понимании идеи независимости? Если мы говорим об иракских националистах панарабской ориентации, то, очевидно, что они подразумевали под этим словом исключительно государственный суверенитет как таковой.

То есть Ирак в их понимании должен был стать полноценным национальным государством, не находящимся под

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 093 (Референтура по Ираку (1921–1922 гг.)). О. 1. П. 1. Д. 1.

чьим-либо контролем или влиянием – ни кемалистской Турции, ни большевистской России, ни виндзорской Великобритании. При этом они, понимая, что не смогут добиться независимости своими силами, надеялись на бескорыстную помощь СССР, руководство которого убеждало иракских националистов в том, что оно не преследует цель вмешательства во внутренние дела Ирака и не собирается вступать в противостояние с иракскими мусульманами из-за их религии⁹. В этой связи стоит привести несколько цитат из ещё неопубликованного документа, который был подготовлен Александром Лактионовым, советским разведчиком и консулом в Иране. Судя по всему, через него Москва поддерживала контакты с одной из ведущих групп арабских националистов. В частности, он информировал Москву об их отношении к вопросу о независимости. «Месопотамские националисты, – сообщал он, – имеют три подпольные организации, связанные между собой. По объяснениям националистов, раздел на три группы произведён ими из тактических соображений. Все организации преследуют одну цель политическую и экономическую независимость». И далее: «Одним из главных лидеров националистов, наиболее развитый и политически грамотный, является мосульский депутат учредительного собрания – Абдуль-Гани Аль-Гусейни, нагиб, пользующийся очень большим влиянием в политических и общественных кругах. Его точка зрения на теперешнее положение Ирака такова: «После того, как население Месопотамии отправило в 1922 г. своих представителей для переговоров с перспра [так в тексте. – *И. М.*] и Представительством СССР в Персии, и после того, как миссия эта осталась безрезультатной, – для иракцев стало ясно, что они обречены пока на одиночество в борьбе с агрессивными намерениями англичан. Оставалось или поднять вооружённое

⁹ Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (N. J.), 1978. P. 1145.

восстание против англичан и начать оборонительную борьбу против турок, неизбежно попытающихся восстановить своё былое владычество или предпочесть турецкое правительство кемалистов английскому, или же выжидать удобных моментов в развитии международных взаимоотношений и при помощи Лиги Наций попытаться добиться хотя бы относительной независимости ...Если борьба с англичанами окончится в пользу последних – националисты будут работать для поднятия вооруженного восстания в удобный момент, имея в виду ненависть к англичанам крупных арабских племён и соответствующее настроение иракской армии, которая проникается национальным самосознанием ...Мы всячески приветствовали бы возможность завязать сношения с СССР каким бы то ни было способом, но к нашему глубокому сожалению это для нас остаётся пока недостижимым...».

Но были ли большевики в действительности заинтересованы в обретении Ираком политической независимости в буквальном смысле слова? Или всё-таки в понятие «независимость» они вкладывали иной смысл? А именно тот, который соответствовал их мировосприятию, основанному на принципах учения марксизма-ленинизма. Причём учения, которое в 1920-е годы (проходившие под знаком политической борьбы в советском руководстве) обрело уже новую, большевистскую, версию. Это очень важный вопрос, на котором стоит остановиться немного более подробно.

Понятие «независимость» в большевистской идеологической традиции в контексте восточной политики СССР имело специфическое содержание и, как представляется, включало два принципиальных аспекта. Первый заключался в необходимости «отсталым народам», которые стали объектами колониального порабощения, вести борьбу за свою независимость против капиталистических метрополий. При этом национально-освободительная борьба должна была

вестись не иначе как с помощью Советского Союза – первого в мире социалистического государства. Второй аспект состоял в идеологическом объединении восточных народов с СССР под флагами социализма и коммунизма. Поскольку, как известно, по мысли теоретиков марксизма-ленинизма, из двух общественно-экономических формаций – капитализма и коммунизма – последний был единственной идеальной моделью общественного развития, могущей обеспечить истинно свободное, справедливое и равноправное существование всех восточных сообществ.

Этот подход, в частности, находит своё отражение в тезисах IV конгресса Коммунистического Интернационала (ноябрь–декабрь 1922 г.), посвященных восточному вопросу. В них, что весьма показательно, неоднократно упоминалась Месопотамия в связи с такими проблемами, как рост революционного движения на Востоке, проведение там аграрной революции, «объединение» всех национально-революционных движений, необходимость «достижения государственной независимости»¹⁰.

Касательно же того, что для восточных колониальных и полуколониальных стран, к которым большевики относили и Месопотамию, взаимодействие с СССР и выбор «социалистического пути развития» являются необходимыми условиями достижения подлинной независимости – в этих тезисах, в частности, говорилось следующее: «Советский строй представляет для отсталых народов наиболее безболезненную форму перехода от первобытных условий существования к высшей культуре коммунизма, призванной сменить во всём мировом хозяйстве капиталистический способ производства и распределения. Об этом свидетельствует опыт советского строительства в освобождённых колониях бывшей России-

¹⁰ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. Под ред. Бела Куна. М.: Партийное издательство, 1933. С. 317–323.

ской империи. Только советская форма правления в состоянии обеспечить последовательное завершение аграрно-крестьянской революции». И далее: «...на колониальном Востоке в настоящее время необходимо выставить лозунг единого антиимпериалистического фронта ...Требование тесного союза с пролетарской республикой Советов является знаменем единого антиимпериалистического фронта»¹¹.

Эти установки Москва активно транслировала по своим «закрытым каналам» на Арабском Востоке, что подтверждала иракская политика СССР, включавшая такие направления, как создание коммунистической партии и работа по взаимодействию с национально-освободительным движением в Ираке. И в первом, и во втором случае – идея единения СССР и народов мусульманского Востока в рамках антиимпериалистического фронта активно «проталкивалась» и часто позиционировалась как безальтернативное условие победы в борьбе против империализма.

И если перенестись из исторического прошлого Королевства Ирак, т.е. из 1920-х годов, когда Великобритания предпринимала усилия по созданию этого государства и формированию его политических институтов, в иракское будущее, т.е. во вторую половину 1950-х годов, когда произошло падение учрежденного британцами монархического режима, то можно увидеть, что ранние внешнеполитические установки Москвы, нацеленные на политическую трансформацию Ирака, носили характер реальных долгосрочных стратегических целей, которые Москва планомерно шаг за шагом в последующие 30 лет пыталась реализовать. И которые всё-таки смогли быть реализованы, хотя и не в полной мере и на небольшой период времени. Как свидетельствуют архивные документы, во второй половине 1950-х годов при поддержке СССР иракская компартия, ставшая

¹¹ Там же. С. 321–322.

влиятельной политической силой, а также аффилированные с ней некоторые другие партийные организации Ирака, представлявшие разные группировки арабских и курдских националистов (Национально-демократическая партия, Партия народа, Партия независимости, Демократическая партия Курдистана), сыграли активную роль в подготовке и осуществлении июльской революции 1958 г. и установлении в стране нового, республиканского, режима¹². В первые послереволюционные годы Иракская коммунистическая партия стала играть существенную роль в управлении республикой. Вновь пришедшее политическое руководство страны заняло в отношении Советского Союза максимально дружественную позицию. На короткое время СССР стал одним из основных и близких внешнеполитических партнёров Республики Ирак.

Борьба большевиков за политическое будущее Ирака: от дискурса к реальной политике

«...СССР заинтересован прежде всего в Мосуле, т.к. Мосул является подступом... к Азербайджану и к Закавказью, а потом и в Ираке, так как в противовес английской, СССР должен проводить на Ближнем Востоке свою арабскую политику»¹³.

Сергей Пастухов,
заведующий Подотделом Ближнего Востока
НКВД СССР (1924).

¹² Коминтерн в «английском Ираке»: в поисках правильного ракурса // Коллективная монография «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» / Отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021. С. 42–62.

¹³ АВП РФ. Ф. 093 (Референтура по Ираку 1924–1926 гг.). Оп. 1. П. 1. Д. 170.

Одним из центральных вопросов истории формирования иракского направления внешней политики СССР является выяснение и определение места, которое в ней занимал Ирак. Решению этой исследовательской задачи может способствовать в первую очередь проведение исторической реконструкции большевистского дискурса, касавшегося различных аспектов советской внешней политики в отношении Королевства Ирак в 1920-е годы.

В связи с этим необходимо уточнить, что под термином «большевистский дискурс» и его производными, используемыми в данном исследовании, подразумевается коммуникативное взаимодействие между высшим партийным руководством страны, внутригосударственными органами внешних сношений, советскими зарубежными органами внешних сношений, Коммунистическим Интернационалом и советскими специальными службами, направленное на обсуждение, выработку и реализацию мер по осуществлению внешнеполитического курса СССР в отношении Королевства Ирак.

В свою очередь, историческую реконструкцию иракского дискурса большевиков помогает провести анализ документов таких советских учреждений и организаций, как НКВД, НКВД, Коминтерн и ОГПУ, которые были включены в процесс разнопланового взаимодействия СССР с Ираком в изучаемый отрезок времени. Что само по себе говорит о большом внимании и достаточно серьезном отношении Москвы к иракскому государству. Правда, на сегодняшний день даже в совокупном объёме эти советские документы представляют собой не очень большую группу архивных материалов, доступных для историков. Но несмотря на своё небольшое число в смысле научной добротности, эти источники имеют весьма актуальное значение. Содержащиеся в них факты и сведения открывают малоизвестные

страницы истории советского внешнеполитического процесса, позволяя приблизиться к правильному пониманию ключевых проблем, связанных с формированием иракской политики СССР.

При этом надо принимать во внимание, что советская внешняя политика в отношении Ирака в период между двумя мировыми войнами всё ещё остается довольно слабо изученным феноменом. И эта ситуация связана с тем, что основная часть советских служебных документов, посвященных иракским делам, до сих пор находится на закрытом хранении. Поэтому пока можно говорить только о восстановлении лишь отдельных фрагментов большевистского дискурса. Между тем документальное воспроизведение и осмысление его основных положений, даже во фрагментарном виде, крайне важно. В значительной степени оно даёт возможность уяснить значение и место Ирака во внешней политике большевиков, понять мотивацию решений партийной верхушки, а также выявить внешние и внутренние факторы, определявшие логику внешнеполитических действий СССР на иракском направлении.

Важнейшим доказательством, свидетельствующим о значительном интересе советского руководства к Ираку, является факт участия в иракском дискурсе широкого круга политических деятелей. Так, его основными участниками являлись: генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. Сталин, член ЦК РКП(б) и член ИККИ К. Радек, народный комиссар внешней торговли Л. Красин, народный комиссар иностранных дел Г. Чичерин, заместитель народного комиссара иностранных дел Л. Карахан, заведующий Подотделом Ближнего Востока НКВД С. Пастухов, консул СССР в Керманшахе А. Лактионов, заведующий Ближневосточным отделом ИККИ Г. И. Сафаров, руководитель дипломатического представительства СССР

в Персии Б. Шумяцкий. Перечисленные имена большевиков говорят о том, что, во-первых, иракская тема действительно обсуждалась на разных «этажах» советского истеблишмента. Во-вторых, о том, что Ирак являлся предметом активного приложения тех или иных усилий практически всех соакторов советского внешнеполитического процесса. И в-третьих, о том, что всё-таки это было именно внешнеполитическое направление в полном смысле этого слова, которое реализовалось как исходя из текущих задач советской политики на международной арене, так и с учётом долгосрочных целей построения мирового социалистического порядка.

О чём был иракский дискурс большевиков? По большому счёту вся его проблематика концентрировалась вокруг одного, но ключевого вопроса: как в Ираке создать свою «альтернативную реальность» в противовес британскому монархическому проекту? Москва хотела видеть Ирак совершенно другим государством, нежели тем, которое усердно создавали британцы. В большевистском видении «правильный» Ирак – это государство, абсолютно свободное от британского контроля и имеющее просоветскую внешнеполитическую ориентацию. В его политической жизни определяющие позиции должна занимать иракская компартия, руководствующаяся в своей политике решениями всемирного коммунистического центра в Москве. Если резюмировать разные позиции большевиков по иракскому вопросу, то приблизительно в таком ракурсе в Кремле видели новую будущую реальность Ирака, к созданию которой необходимо было приложить большие усилия. С такой революционной установкой Москва постепенно стала включаться в многолетнее противостояние с Лондоном за социалистическую «перестройку» вновь созданного иракского государства.

В чём ещё для большевиков состояла политическая значимость Ирака? Какие факторы обуславливали их заинтересованность во взаимодействии с этим государством с точки зрения чисто внешнеполитических интересов СССР? Несомненно, что главным фактором, определявшим отношение большевиков к Ираку, являлась Великобритания. Поэтому для Кремля, который смотрел на «иракские дела» прежде всего сквозь призму советско-английских отношений, важность Ирака определялась в первую очередь тем значением, которое он занимал в британской внешней политике.

Советские информационно-аналитические подразделения в НКВД и Коминтерне отмечали, что Королевство Ирак имело большое военно-стратегическое значение для Лондона. Оно, в их восприятии, являлось ключевой территорией, управление которой позволяло Британской империи осуществлять наблюдение и определённый контроль над многими политическими и международными процессами в Западно-азиатском регионе, а также проводить в отношении расположенных в нём мусульманских стран политику, носящую колонизаторский характер. Поэтому Лондон сосредоточил в Ираке большую группировку британских войск, на которую он опирался в своей ближневосточной политике. Москва видела в этом серьёзную военную угрозу для безопасности СССР, поскольку созданное англичанами иракское королевство, где дислоцировались базы британских военно-воздушных сил, находилось в непосредственной близости от границ советского Закавказья.

Вместе с тем в Москве отлично понимали и военно-экономическое значение месопотамской нефти для Великобритании, экономическое развитие которой постепенно впадало в значительную зависимость от нефтяного фактора. Кремль внимательно следил за процессом освоения иракских нефтяных ресурсов в 1920-е годы, в котором веду-

щую роль играла Англо-Персидская нефтяная компания, тесно связанная с британским правительством. Контроль над иракской нефтью, согласно советским оценкам, способствовал укреплению нефтяной независимости и военной мощи Великобритании, а также усиливал её глобальное колониальное господство.

Большевики искали уязвимости в системе мирового могущества Британской империи с тем, чтобы использовать их для давления на её позицию по тем или иным вопросам в рамках переговорного процесса между СССР и Великобританией. И одной из таких уязвимостей как раз являлась внутривосточная ситуация в Ираке, проявлением которой стало стихийно возникшее национально-освободительное движение, создавшее реальную угрозу британскому военно-политическому присутствию в регионе.

В 1920-е годы между Москвой и Лондоном шёл большой дипломатический и политический торг по самому широкому кругу вопросов: от торговли нефтью и получения кредитов до передачи Советской России имущества Русской Православной Церкви в Палестине и возможности открытия советских торговых представительств в подконтрольных Британской империи ближневосточных странах. Помимо этого, предметом англо-советского переговорного процесса являлась поддержка большевиками национально-революционных движений во многих восточных странах. В обмен на уступки в торгово-экономических вопросах британское правительство требовало от большевиков прекращения враждебной деятельности и пропаганды против Великобритании на Востоке.

Как в Персии, так и в Ираке политика помощи революционным движениям рассматривалась большевиками в том числе и как средство давления на Лондон. Такой так-

тики придерживался, в частности, Г. Чичерин. Косвенно об этом может свидетельствовать его переписка с Л. Каменевым, возглавлявшим советскую торговую делегацию, прибывшую летом 1920 г. в Лондон для ведения переговоров с английской стороной. Эту переписку частично приводит в своей фундаментальной работе Владимир Генис. Так, Г. Чичерин давал Л. Каменеву следующие наставления о том, как можно использовать в переговорах с британцами революционный фактор на Востоке: «От нашей политики относительно Англии будет зависеть темп и интенсивность нашей политики на Востоке. Можно в разговоре с англичанами подчёркивать, что, если они откроют против нас военные действия, они в Европе не смогут причинить нам серьёзного вреда, кроме булавочных уколов на периферии. Между тем, на Востоке, если мы развернём всю имеющиеся у нас возможности, мы можем сразу нанести величайший непоправимый вред всему мировому положению Англии. Они не могут этого не понять, ибо и без того они напуганы нашим продвижением на Востоке»¹⁴. Соглашаясь с ходом мыслей своего однопартийца, Каменев отвечал ему: «Восстание в Месопотамии поставило на очередь дня всю политику великобританского правительства в Средней Азии. Находящиеся в Персии английские войска опираются на Багдад. Очищение Месопотамии ...должно повлечь очищение Персии и наоборот – давление на английские войска Северной Персии усилит положение месопотамских повстанцев. Революция по линии Энзели-...Багдад угрожает самым жизненным интересам английской империи...»¹⁵.

Исходя из вышеописанных оценок значимости иракского фактора для внешней политики Великобритании, большевистское руководство стало стараться практиковать разные

¹⁴ Генис В. Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. С. 267–268.

¹⁵ Там же.

способы приобщения «британского Ирака» к «проекту» мировой революции. В тех обстоятельствах, когда Лондон был категорически против установления дипломатических отношений между СССР и Королевством Ирак, Москва всё равно начала пытаться проводить свою политику в отношении иракского государства. Она включала три основных направления. Это усилия по взаимодействию с местными этнонациональными общинами (арабами, ассирийцами и курдами) на основе идеи создания ими собственных независимых государств, установление контактов с представителями шиитского духовенства, которые возглавили антибританское восстание в Ираке, и создание иракского коммунистического движения. Дадим краткую характеристику каждого из трёх направлений.

Итак, первое направление. Оно было нацелено на поиск союзнических сил внутри Ирака и налаживание с ними тесного взаимодействия. В качестве своих потенциальных союзников Кремль видел прежде всего те местные этнические общности, которые открыто выражали недовольство политикой Великобритании и требовали от неё предоставления им возможности создания своего национального очага. Таким образом в иракской политике СССР появилась идея использования фактора национализма. Отсюда одна из внешнеполитических инициатив Москвы того времени заключалась в необходимости стимулирования националистических движений, возникавших в среде разных этнических групп, проживавших на территории Ирака: арабов, ассирийцев и курдов.

Так, например, план работы Восточного отдела ИККИ на 1923 г. включал ряд задач, связанных с арабским освободительным движением в Месопотамии. В частности, отдел планировал осуществить в Ираке следующие «мероприятия»: «организация и укрепление первичных комму-

нистических и профессиональных организаций; активизация и организация борьбы против оккупантов; издание агитлитературы на арабском языке». При этом, как следует из плана, особая роль в деле поддержки «национально-освободительного движения» в Месопотамии отводилась Турции. Заведующий Восточным отделом Г. И. Сафаров, представляя свои «соображения» руководству Коминтерна о работе отдела в том же году, касательно его деятельности в Ираке и Сирии писал: «Необходимо усилить нашу связь с этими странами и попытаться овладеть теми революционно-повстанческими элементами, которые борются против Англии и Франции. Не имея ещё самостоятельных национальных перспектив, повстанческое движение в этих странах ориентируется на федерацию с Турцией. Мы должны рассматривать эту ориентацию как революцию и поддерживать её». Он добавлял, что «...нужно развить кампанию за углубление объективно революционной стороны освободительного движения – требованием (к турецкому руководству. – *И. М.*) поддержки (военной и материальной) освободительного движения в Сирии и Месопотамии». Эти идеи «о военной и материальной поддержке» Г. И. Сафарова возникли не случайно. Они, безусловно, отражали воинственные настроения большевистской верхушки, которая к этому времени уже успела поддержать оружием, снаряжением и деньгами революционные силы в Персии, Турции и Афганистане.

Историкам еще предстоит выяснить, была ли оказана какая-либо реальная военная или материальная поддержка арабским повстанцам Ирака со стороны СССР. Пока же документальных свидетельств этому не обнаружено. Но что точно можно сказать, так это то, что в 1920-е годы были установлены контакты между большевиками и некоторыми лидерами арабского повстанческого движения, которые

принимали активное участие в организации вооруженных восстаний против британских оккупационных сил.

Например, в 1922 г. делегация представителей иракского освободительного движения во главе с Джафаром Абу Ат-Тимманом, лидером Национальной партии Ирака, прибыла с визитом в консульство СССР в Керманшахе, где между иракскими националистами и советской стороной состоялись первые переговоры. Насколько можно судить по имеющимся архивным данным, тогда эти переговоры между двумя сторонами не привели к каким-либо серьезным договоренностям о сотрудничестве. Но тем не менее между ними состоялось первое знакомство, в ходе которого иракцы дали понять Москве, что в Ираке существуют арабские национально-патриотические силы, которые, во-первых, намерены бороться против английской агрессии, а во-вторых, заинтересованы в советской поддержке их борьбы.

Спустя шесть лет, в 1928 г., группа Абу Ат-Тиммана снова обратилась к большевикам с просьбой оказать содействие в военной подготовке нескольких её членов, а также разрешить закупить в СССР оружие, чтобы в случае необходимости поднять антианглийское восстание. Опять-таки пока достоверных фактов о конкретной советской военной помощи арабским националистам в архивах не обнаружено, но есть данные, что с этого времени между Москвой и партией Абу Ат-Тиммана устанавливается канал постоянной связи через советское консульство в Керманшахе.

Как свидетельствуют архивные документы, начавшееся в 1920-е годы сотрудничество между советским руководством и арабской антибританской оппозицией Ирака получило значительное развитие в последующие десятилетия. Так, в 1943 г. Кремль принимает решение создать в Ираке Национально-демократическую партию во главе с тем же Джафаром Абу Ат-Тимманом, который в этот период зани-

мал пост руководителя Торговой палаты Ирака. Однако Абу Ат-Тимман в 1945 г. скоропостижно умер, и по указанию Москвы в следующем году НДП возглавил его соратник – Камиль аль-Чадерчи, крупный иракский политический деятель просоветской ориентации.

Фактически одновременно с инициативой по поддержке арабских националистов в 1924 г. возник проект создания ассирийской автономной области в Урмии, расположенной недалеко от ирано-иракской границы. По замыслу большевиков, этот проект должен был привести в том числе к расформированию ассирийских батальонов в созданной британцами иракской армии, в которой они составляли главную ударную силу. Это, в свою очередь, должно было способствовать ослаблению британских позиций в Ираке на фоне частых народных восстаний.

Второй вектор внешнеполитической активности СССР в рамках иракского направления был сфокусирован на установлении контактов с шиитским духовенством Ирака. Заинтересованность Москвы в сотрудничестве с верховными шейхами шиитской общины была продиктована интересами персидской политики СССР, а также той ведущей ролью, которую иракские улемы сыграли в организации массовых антиоккупационных народных восстаний, многие из которых были жестоко подавлены английскими войсками. Не будет преувеличением сказать, что большевики видели в шиитских предводителях серьезную силу, которая, с одной стороны, имела огромный авторитет среди иракского народа, а с другой стороны, с которой считались даже британцы, всячески пытаясь привлечь авторитетных улемов на свою сторону. Но так или иначе, вынужденное сближение большевиков и духовных лидеров шиитской общины было временным явлением. На основе имеющихся фактов можно сделать вывод о том, что Москва не хотела отказы-

ваться от такого выгодного и перспективного «клиента», каким являлась на тот момент шиитская религиозная власть, но в то же время не очень-то и спешила с оказанием реальной помощи антибритански настроенному шиитскому арабскому населению, ограничиваясь просоветской пропагандой и ролью «внешнего консультанта». Кроме того, Коминтерн, чья штаб-квартира находилась в Москве, недалеко от Кремля, предписывал своим ближневосточным организациям на определённом этапе своей деятельности переходить к борьбе с религиозными движениями и мусульманским духовенством.

И третье направление – это создание иракского коммунистического движения. Одними из первых проводников коминтерновских идей в Ираке стали именно ассирийские молодёжные организации прокоммунистической ориентации. Хрестоматийным примером ранней пропагандистской деятельности Коминтерна в ассирийской среде Ирака считаются первые атеистические и антиимпериалистические молодёжные организации в Басре и Эн-Насырии, в которых в то время проживало и трудилось большое количество представителей иракской ассирийской общины. Эти организации были основаны группой местной молодёжи, одним из лидеров которой был ассириец Юсеф Сальман Юсеф, уроженец города Мосул, являвшемся крупным центром сосредоточения ассирийцев¹⁶. Вообще, надо отметить, что ассирийские коммунисты сыграли большую роль в становлении коммунистического движения Ирака, особенно на первых этапах. В этом отношении показательной является партийная карьера Юсефа Сальмана Юсефа (псевдоним

¹⁶ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 216. Д. 35 (Личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»). Л. 105, 110–113; Файяд Х. А. Джузур аль-фикр аль-иштиракий ва ат-такаддумий фи аль-Ирак. 1920–1934 (Истоки социалистической и прогрессивной мысли в Ираке. 1920–1934 гг.). Бейрут: Изд-во «Дар Ибн Рушд», 1980. С. 188. В своей работе Файяд Х. А. отмечает, что Юсеф Сальман Юсеф был инициатором создания в Эн-Насырии и Басре коммунистической группы «Аль-Ахрар» (1928–1933).

«Фредерик»). В последующем он успешно прошёл подготовку в московском КУТВ и стал генеральным секретарём иракской компартии¹⁷, а группа его сирийских соратников («группа Фредерика») стала одной из наиболее активных и деятельных внутри компартии¹⁸.

Проблема взаимодействия большевиков и шиитского духовенства Ирака (1920–1923)

«Необходимо также учесть своеобразное положение верховного шиитского духовенства, имеющего свои резиденции в Месопотамии и проявляющего свой авторитет как по отношению к Персии, так и к шиитскому населению арабских стран»¹⁹.

Г. В. Чичерин,
народный комиссар иностранных дел

В первой половине 1920-х годов в международных отношениях на Ближнем Востоке возник интересный феномен, который имел парадоксальный характер, но при этом ока-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 35 (Личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»). Л. 105, 110–113.

¹⁸ На начальном этапе развития коммунистического движения в Ираке возникло несколько коммунистических организаций. Большинство из них в первое время формировалось по национальному признаку, т.е. в среде национальных общин Ирака. Это были такие этнонациональные группы, как: арабская, иранская, еврейская, армянская, сирийская, курдская. Национальные организации, включавшиеся в коммунистическое движение, часто действовали разрозненно, конфликтовали, консолидировались на определённое время, распадались и снова возникали. Для работы и взаимодействия с этими организациями Москва использовала разные каналы. Можно говорить, на мой взгляд, что только в 1940-е годы произошло постепенное объединение этих групп в единую партийную организацию с централизованным руководством.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 33–35.

зал немаловажное влияние на взаимоотношения в четырёхугольнике «СССР – Персия – Ирак – Великобритания». Речь идёт о таком явлении, как взаимодействие советского руководства с представителями иракского верховного шиитского духовенства, которые наряду со многими другими государственными и политическими деятелями входили в руководящий костяк движения за независимость Ирака. В тот период времени в большинстве своём это движение было идеологически монолитно и объединяло в своих рядах шиитских муджтахидов, суннитских имамов и светских националистов²⁰.

Конечно, должны были быть особые обстоятельства, которые подтолкнули бы обе стороны – большевиков и шиитских муджтахидов – к тому, чтобы начать пытаться установить контакты друг с другом. К числу таких обстоятельств можно отнести распад Османской империи, вторжение британских войск в Персию и Ирак с последующей их оккупацией, возникновение «Персидской Советской Социалистической Республики» и советское вторжение в Гилян, а также получение Великобританией мандата Лиги Наций на управление Ираком.

Что касается иракских муджтахидов, то возникновение у них намерений сотрудничать с СССР главным образом было связано с британским вторжением в Ирак, которое многие из них воспринимали как захватническую войну,

²⁰ Косвенно об этом свидетельствует шиитская поэзия того периода времени. Её всесторонний анализ содержится в фундаментальном двухтомном труде «Стать с веком наравне. История арабской литературы в Ираке», автором которой является Борис Владимирович Чуков – выдающийся арабист-литературовед и один из лучших российских специалистов по иракской литературе. Так, касательно того, что в тогдашней иракской шиитской среде были фактически в равной степени популярны и панисламистские, и националистические настроения, он отмечал: «Понятия "мусульманское" и "патриотическое" воспринимались большинством поэтов как неразрывное целое, особенно поэтами священных городов Неджефа и Кербелы, где одинаково сильны были националистические и религиозные настроения». // Чуков Б. В. Стать с веком наравне. История арабской литературы в Ираке. М.: ИВ РАН, 1997. С. 172.

преследующую цель уничтожения мусульманского мира и распространения на исламских землях нечестия и безбожия. Неоднократно в своих фетвах и проповедях они призывали соплеменников к священной войне против чужеземных захватчиков. Священные города шиитов на определённый период времени превратились в главные центры сопротивления оккупантам. Так, серьёзные антианглийские восстания произошли в Неджефе (1918) и Кербеле (1918). А в 1920 г. племена Среднего Евфрата, вдохновлённые фетвами и призывами к джихаду, подняли мощное антианглийское вооружённое восстание, которое, перекинувшись на многие другие районы, распространилось в итоге на значительной части территории страны. Британцы жестоко подавили это народное сопротивление, бросив против повстанцев 150-тысячную армию. Это восстание, во время подавления которого британскими войсками были убиты сотни иракцев, вошло в историю Ирака под названием «Революция 1920 года».

После многочисленных жестоких поражений, а также после неоднократных официальных обращений к международному сообществу и Лиге Наций, которые остались без какого-либо ответа, шиитские вожди пришли к осознанию того, что без внешней помощи иракский народ не сможет оказать достойное вооружённое сопротивление Великобритании, выдворить британцев из Ирака и обрести законную свободу.

В течение 1919–1920 гг. ряд религиозных лидеров иракского освободительного движения, которые принимали активное участие в его организации, были отправлены британской администрацией в ссылку в Персию. В их числе оказались шейх Мухаммед аль-Халиси, Сейид Мухаммед ас-Садр, Мирза Мухаммед Рида. Фактически все они были выходцами из очень влиятельных и старинных бого-

словских династий Ирака²¹. В Персии состоялись первые встречи некоторых из них с советскими дипломатическими представителями (Б. Шумяцким, А. Лактионовым).

СССР был одной из немногих стран, на которую шиитские муджтахиды возлагали свои надежды, полагая, что большевистское руководство сможет оказать им соответствующую поддержку. Думается, что к этому были определённые предпосылки, связанные с внешнеполитической активностью СССР на международной арене. С большой долей вероятности можно сказать, что на отношение шиитского духовенства к советскому государству значительное влияние оказал прежде всего антиколониальный дискурс большевиков, центральными тезисами которого были «право наций на самоопределение», «борьба с империализмом», «пролетарская солидарность» советского народа с народами колониальных и полуколониальных стран в их борьбе за политическую независимость. Затем – тактическая работа Коминтерна на Арабском Востоке, которая, с одной стороны, была направлена на формирование образа СССР как единственного в мире бастиона справедливости и равноправия, а с другой стороны, в ней большое внимание уделялось распространению призыва к мусульманским народам бороться за свою независимость. Например, в РГАСПИ сохранилось созданное коминтерновским Советом пропаганды и действия народов Востока послание-листовка (рисаля) на арабском языке под названием «Послание к нашим братьям-арабам, живущим в Сирии и Ираке», в котором содержится довольно подробно и аргументированно составленный «призыв к национальному освобождению от иго иностранных империалистов»²². Примечательно, что данное

²¹ Batatu H. Op.cit. P. 1141.

²² РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 108. Л. 5.

«послание», датированное 10 апреля 1922 г., было издано в достаточно большом количестве – 20 000 экземпляров²³.

Ханна Батато в своем известном фундаментальном труде²⁴ приводит интервью с шейхом Мухаммедом Аль-Халиси. Оно во многом объясняет по крайней мере одну из причин, по которой шиитские предводители решились пойти на контакт с Москвой. Он рассказал, что большевики поддерживали связь с его группой через Амира Сулеймана Мирзу, лидера Демократической партии Персии, который состоял в личной переписке с Владимиром Лениным. По словам шейха, «русские» сообщили им через Сулеймана Мирзу, что «поддержат иракцев, если те поднимут восстание против англичан, чтобы отвоевать свою свободу»²⁵. Более того, Сулейман Мирза также показал шейху письма Ленина, в которых тот писал, что большевики не имели никаких своих корыстных планов на Востоке. И всё, чего они желали, – это только «освобождение восточных стран от порабощения и колониального господства». И у них не было никакого «намерения вмешиваться во внутренние дела» Ирака и «вступать в противостояние с иракскими мусульманами из-за их религии»²⁶. Не приходится сомневаться в том, что эти слова самого основателя и первого главы советского государства выглядели в глазах молодых шиитских улемов как определённые гарантии того, что большевики действительно бескорыстно готовы были помогать иракскому народу в его освободительной борьбе.

Важным доказательством серьёзности ленинских обещаний, которые, вероятнее всего, также повлияли на формирование у шиитского духовенства заинтересованно-

²³ Там же.

²⁴ Batatu H. Op. cit. P. 1141.

²⁵ Ibid. P. 1145.

²⁶ Ibid.

сти в сотрудничестве с большевиками, была поддержка, оказанная Советским Союзом революционным и антианглийским движениям в Турции, Индии, Персии и Афганистане. Ведь с ними на тот момент иракское национально-освободительное движение связывало очень многое. В частности, в Ираке, как и в вышеупомянутых странах, были крайне популярны панисламистские идеи Джемаль ад-Дина аль-Афгани (1839–1897) об укреплении и упрочении «религиозно-политического союза мусульманских народов»²⁷.

Говоря же о мотивации советского руководства касательно сотрудничества с представителями шиитского духовенства Ирака, следует отметить, что доступные для исследователей советские архивные документы позволяют сделать вывод о том, что Москва смотрела на этот вопрос прежде всего сквозь призму советской политики в Персии, где она пыталась осуществить социалистическую революцию и привести к власти просоветские силы.

Наиболее вероятно, что одной из причин того, что большевики обратили своё внимание на шиитский фактор, стал провал их политики по осуществлению персидской революции. Так, в 1920 г. к руководству вновь созданной Гилянской Советской Республики пришла группа коммунистов, которая начала очень форсированно и жестко проводить революционные, репрессивные и информационно-политические мероприятия, нацеленные в том числе на борьбу с шиитским духовенством и шариатом, на подрыв позиций городского торгово-ремесленного населения. Местные торговцы и ремесленники, будучи довольно религиозными людьми, являлись к тому же и основными социальными группами, поддержавшими революционное движение в Гиляне, которое они воспринимали, по большому счёту, как

²⁷ Чуков Б. В. Указ. соч. С. 162–175.

национально-освободительную борьбу против захватнических поползновений со стороны Британской империи.

Советский «эксперимент» в Гиляне привел к тому, что персидский народ стал в очень негативном свете воспринимать и СССР, и большевизм, и коммунизм, которые стали ассоциироваться в персидском обществе с атеистическим экстремизмом, насилием и грабежами. Авторитет советского государства в значительной степени был подорван, а городское население, которое вначале выказывало симпатии большевикам, после начала агрессивных «революционных преобразований» стало выступать против них. Всё это создало угрозу провала всей советской политики не только в Персии, но и в других странах Востока. Как писал Г. Чичерин Г. Орджоникидзе спустя полгода после событий Гилянской революции, «...наша линия требует единства. Срыв её в Персии сорвёт её везде, все восточные государства усмотрят в нас инициаторов партизанщины и авантюр, вплоть до Китая... который скоро будет главной опорой нашей мировой политики – и где срыв нашей персидской линии также сорвёт всю нашу политику ... Это будет значить, что мы не сумели выполнить наших исторических задач»²⁸.

Вскоре в Москве пришли к пониманию того, что необходимо исправлять создавшееся критическое положение и провести кардинальную ревизию советской политики в Персии. В ходе переосмысления результатов «гилянского эксперимента» большевики стали склоняться к проведению более гибкой и компромиссной линии, которая предполагала в том числе и взаимодействие с разными исламскими группами в своих интересах. Так, секретарь ЦК РКП (б) Елена Стасова в своём ответном письме А. Мелькумову,

²⁸ Цит. по: Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). 2-е изд., испр. М.: Квадрига, 2017. С. 444.

представителю Политического Отдела Первой революционной армии, давала следующие инструкции, касающиеся советской политики в Персии и других странах Востока. «Мы считаем единственно целесообразным, – писала она, – проведение на Востоке крайне гибкой линии, которая часто кажется покоящейся на компромиссах, но на самом деле является только теми тактическими манёврами, о которых говорит тов. Ленин...» и далее: «...Нельзя на Востоке немедленно проводить октябрьскую революцию... Поскольку мы имеем дело с Персией – мы можем говорить только об освобождении от власти англичан и уничтожении их собственного деспотического правительства...»²⁹.

Мысль о необходимости пересмотра тактики революционной борьбы в Персии проводил и советник советской Миссии в Персии Давид Гопнер, который писал Георгию Чичерину о том, что «...наша персидская политика должна быть немедленно поставлена на обсуждение и на радикальную ревизию». При этом он обращал внимание наркома на возможность взаимодействия с исламскими группами, которые имели связь с иракским духовенством. Так, Д. Гопнер сообщал: «Националисты и панисламисты... являются, безусловно, аглофобскими и могли бы составить для нас в ближайший период недурные точки опоры... Панисламистская группа успела втянуть под своё влияние не только часть среднего духовенства, но и целый ряд ахунов и шейхов, в частности они тесно связаны с главным шиитским шейхом, имеющим резиденцию в Кербала»³⁰.

Идея Д. Гопнера о том, что «панисламисты» могли стать «опорной точкой» советской политики в Персии была взята на вооружение в НКВД. Об этом свидетельствует переписка полномочного представителя СССР в Персии Б. Шумяцкого,

²⁹ Там же. С. 347–348.

³⁰ Там же. С. 459.

заместителя народного комиссара иностранных дел Л. Карахана, народного комиссара иностранных дел Г. Чичерина и генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. Сталина. В ходе переписки указанных деятелей, которая имела место быть в 1921–1923 гг., обсуждалась необходимость использования советского мусульманского духовенства в персидской политике СССР. Планировалось, что с его помощью можно будет установить тесные связи с «верховными шиитскими лидерами» Месопотамии. Эти «тесные связи» нужны были для того, чтобы шиитские вожди, проникнувшись симпатиями к советскому государству, где, как намеревались продемонстрировать большевики, уважают и чтут мусульманские традиции, оказали бы соответствующее влияние на настроения шиитского населения Персии в пользу СССР и, соответственно, в противовес английскому влиянию там.

Пристально наблюдая за политическими событиями в Персии и в соседней Месопотамии, большевики обнаружили высокую степень влияния шиитских духовных лидеров, чьи резиденции находились в святых городах шиитов – Кербеле и Неджефе, как на иракские, так и на персидские дела. Советское руководство было озадачено властью и возможностями шиитского духовенства Ирака, которое, как было отмечено выше, в 1920 г. санкционировало антибританское восстание арабских племён. Что же касается Персии, то там главным противником Социалистической партии, которую поддерживала Москва, опять же являлось местное шиитское духовенство.

Осознав ведущую роль религиозного фактора в политической жизни Персии и увидев связь между исламом и результатами своей политики там, большевики вознамерились «подружиться» с духовными вождями шиитской общины Ближневосточного региона. Логика была проста: изменить отношение иранцев к социализму можно через их духовных

лидеров, которых необходимо привлечь на свою сторону, убедив их в том, что коммунизм, большевизм и ислам очень близки. Иными словами, то обстоятельство, что шиитские священные города, главные образовательные центры и духовные лидеры шиитов Ирана находятся в Ираке, сподвигло большевиков обратить внимание на Ирак и с точки зрения использования его религиозного потенциала в своей политике на Востоке. Эта данность, с которой Москва вынуждена была считаться, стала ещё одним фактором, обусловившим становление иракского направления советской внешней политики.

Одним из первых, кто предложил реализовать идею налаживания сотрудничества с месопотамскими улемами, был Б. Шумяцкий, который находился в это время в Тегеране, где возглавлял дипломатическое представительство СССР в Персии. Так, Шумяцкий в своём секретном послании Карахану писал по этому поводу: «Этим письмом я хотел бы подчеркнуть перед Вами, что мы до сих пор не смогли систематически и должным образом использовать мусульманство, населяющее Совреспублики, и его духовные объединения... в интересах нашей Восточной политики ...Вы хорошо знаете, что национальное движение в Персии идет под руководством Иджтеманиюна /партия социалистов/. Англичане для борьбы с этим движением используют по преимуществу шариат. Он служит идеологией для реакции... перешедшей в наступление против Иджтеманиюна ...Сейчас, когда Персия горит в нескончаемых демонстрациях против выселения высшего духовенства из Месопотамии, англичане в противовес усиливают движение против социалистов, добиваясь по отношению к ним фетвы от высшего духовенства. Поэтому наша задача всячески заключается в том, чтобы вырвать у реакции идеологическую почву под ногами для борьбы с иджтема-

ниюном, т.е. вырвать массу. Я полагаю, что голос много-миллионного мусульманства, населяющего Совреспублики, может сыграть свою роль»³¹.

Далее Шумяцкий предлагал план действий, который, по сути, был аналогичен тактике англичан, также пытавшихся использовать иракских богословов для борьбы со своим идеологическим врагом в Персии, т.е. СССР. Разница была в том, что шиитское духовенство, по замыслу Шумяцкого, должно было теперь не ругать социалистическое учение, а восхвалять и внедрять в массы идеи о его значительном тождестве с исламским вероучением. Он писал, что в первую очередь «...необходимо, чтобы от имени духовных мусульманских объединений появились бы в печати статьи и труды по основным вопросам взаимоотношений между шариатом и социализмом /собственность, освобождение женщины, отношение к политике и проч./. Шариат не только должен признать социализм, но и стать его защитником... Необходимо установить личную связь между верными нам представителями нашего мусульманского духовенства с высшим духовенством "Святых мест". Эта личная связь могла бы иметь большое значение. Также представлялось бы желательным приглашение Высшим Мусульманским Советом одного-двух представителей, изгнанных из Месопотамии»³².

Руководитель НКВД Г.Чичерин полностью поддержал данную инициативу Б. Шумяцкого и обратился к И. Сталину, чтобы тот дал соответствующие указания на этот счёт. «Я считаю, – писал Чичерин, – что вопрос этот поставлен своевременно, так как ряд фактов о странах мусульманского Востока показывает, что духовенство, и в частности, шиитское /английский бойкот и антивыборная пропаганда

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 33–35.

³² Там же.

в Месопотамии/ может играть в настоящее время крупную политическую роль, почему нам необходимо его разработать не только для Персии, но и для других мусульманских стран... Необходимо также учесть своеобразное положение верховного шиитского духовенства, имеющего свои резиденции в Месопотамии и проявляющего свой авторитет как по отношению к Персии, так и к шиитскому населению арабских стран. Считаю необходимым поставить этот вопрос во всей широте и подойти к нему, как к возможному политическому орудью в нашей ближайшей работе на Востоке...»³³

Советское партийное руководство в целом одобрило инициативу Б. Шумяцкого. Об этом можно судить, в частности, по его переписке со Сталиным, в которой Шумяцкий напоминал секретарю ЦК РКП о его мнении на этот счёт. Он констатировал: «По вопросу об использовании Шиитского духовенства... Вы лично считаете вполне своевременной постановку этого важного для нашей восточной работы вопроса, полагаете, что надо найти для этого только соответственные формы и нужный стимул»³⁴.

Уже в тот же период Б. Шумяцкий приступил к реализации своей «задумки». Так, в 1923 г. он начал взаимодействовать с группой иракских религиозных деятелей, отправленных англичанами в ссылку в Иран. В частности, он вошёл в контакт с одним из «крупнейших месопотамских муджтахидов», которым, по всей видимости, являлся шейх Мухаммед аль-Халиси³⁵. Между двумя сторонами завязалось сотрудничество. Как докладывал Шумяцкий Сталину в очередном своём письме, шейх по его просьбе написал брошюру, пропагандирующую единство исла-

³³ Там же. Л. 33 об.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 9–13.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 76. Л. 164.

ма и большевизма, ислама и коммунизма и содержащую призыв к мусульманам Востока объединиться с Советской Россией для освобождения мусульманских стран от ига империализма³⁶. В том же письме Шумяцкий информировал Сталина о том, что он принял меры к «распечатыванию» данной брошюры на арабском и персидском языках. «Лица, знающие арабский язык, — отмечал полпред, — говорят, что брошюра написана превосходно»³⁷.

К вопросу об общей характеристике иракской политики СССР в 1920-е гг. (вместо заключения)

Как было показано выше, уже в 1920-е годы, исходя из интересов мировой социалистической миссии, а также из своих оценок британской политики в Ираке и Персии, роли иракского фактора в международных отношениях на Ближнем Востоке, большевики были озабочены поисками путей внешнеполитического взаимодействия с этой страной. Эти оценки и поиски положили начало процессу формирования иракского направления советской внешней политики. Становление этого направления происходило в тесном сопряжении с проблемами развития отношений между СССР и Великобританией, получившей мандат Лиги Наций на управление Ираком. Как следствие, главные цели и задачи иракской политики Москвы были «привязаны» к внешнеполитическому курсу СССР в отношении Великобритании.

Прежде всего это задача создания и поддержки «своих» просоветских и антибританских движений (коммунистического и национально-революционного) в Королевстве Ирак.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Для большевиков было важным не только создать эти движения, но и осуществлять контроль над их деятельностью. Как известно, коммунистические организации, которые возникали самостоятельно и не поддерживали контакты с Москвой, воспринимались большевистскими идеологами как «вредные» и действующие в интересах империалистических держав. В свою очередь, создание просоветских движений в Ираке представляло собой долгосрочную повестку и имело целью, во-первых, втягивание Ирака в орбиту социалистического мира со всеми вытекающими из этого последствиями, включая проведение социалистического преобразования иракского общества. Во-вторых, этим также преследовалась задача вытеснения Британской империи (её военно-политического и идеологического присутствия) из Персии и вообще из зоны Персидского залива. В-третьих, развитие взаимодействия с руководством освободительного движения в Ираке было направлено на оказание «точечного давления» на позицию Лондона по тем или иным вопросам, которые касались главным образом реализации внешнеэкономических интересов СССР в Европе и на Востоке. И четвертая задача – это осуществление превентивных мер по обеспечению безопасности советского государства в будущей империалистической войне против него, развязывание которой в Кремле считали неизбежным развитием событий.

Важно отметить, что внутри ЦК РКП (б) (с 1925) ЦК ВКП(б) по-разному понималась и воспринималась иракская реальность. Поэтому там рассматривались и предлагались самые различные внешнеполитические инициативы. В исследуемый период большевики не всегда чётко понимали и знали, как им нужно действовать, чтобы успешно реализовать свои внешнеполитические интересы в Ираке. Это было время, когда цели и задачи иракской политики СССР

только вырабатывались и наполнялись соответствующим содержанием, так сказать, «по ходу движения». То есть в практике, в ходе которой постепенно рождалась и иерархия этих целей.

Во многом это был именно, если так можно выразиться, внешнеполитический «практикум», во время которого могли проводиться в жизнь «локальные» проекты даже без согласования с «центром». Так, например, в 1923 г. Ближневосточный отдел Коминтерна, руководство которого активно участвовало в выработке внешнеполитических решений, без санкции Президиума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала организовал в Персии так называемое «Ближневосточное Бюро», в задачи которого входило «обслуживание» в том числе и Месопотамии. Очень скоро решение об открытии «бюро» в Персии было признано ошибочным, и его деятельность была прекращена. И подобного рода «ошибочных» инициатив было несколько, что свидетельствует о том, что процесс формирования ближневосточной политики СССР во многом шёл «по пути проб и ошибок». Хотя уже тогда были базовые установки, которые являлись общими для всей советской политики на Ближнем Востоке, типа «обеспечения национальной безопасности» и «экспорт революции». Но часто в процессе их реализации в отношении конкретной страны под влиянием различных факторов происходила корректировка их содержания и в некотором смысле «подгонка» под существующую международную реальность.

Действительно, иракская политика ЦК ВКП(б) подчинялась разным интересам, иерархия которых могла меняться в зависимости от международной обстановки на Ближнем Востоке в тот или иной период времени. Очень многое зависело от того, когда и какое ведомство предлагает ту или

иную инициативу. Коминтерн, НКВД, НКВД и ОГПУ – часто смотрели на вопросы взаимодействия с Ираком сквозь призму своих, так сказать, профессиональных интересов. И они не всегда совпадали. Например, народный комиссар иностранных дел Г. Чичерин отстаивал идею о том, что политику СССР в отношении ближневосточных стран, включая Месопотамию, которые находятся под контролем или влиянием Британской империи, необходимо согласовывать с Лондоном. Коминтерн же, как и ОГПУ, наоборот, больше были склонны к «закуливному» стимулированию коммунистических и антибританских повстанческих движений в этих странах без оглядки на то, как к этому относятся в Лондоне.

Разность в подходах иногда возникала в том числе и по причине идеологической конфронтации между основными группировками внутри ВКП(б). Однако в большинстве случаев в процессе межведомственного согласования рождались общее видение и совместные решения, которые и давали ход некоторым инициативам. Поэтому какие-то советские инициативы того времени, связанные с Ираком, были реализованы, какие-то потерпели полный провал, какие-то были начаты, но не были доведены до конца, а какие-то просто обсуждались. В целом этих инициатив было не так много, но все они в той или иной мере отражали проблематику большевистского дискурса, связанного с планами, методами и средствами реализации советской политики, нацеленной в конечном итоге на построение социалистического общества в Ираке.

Архивы

АВП РФ. Ф. 093 Референтура по Ираку (1921–1922 гг.).
Оп. 1. П. 1. Д. 1, Д. 170.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 76; Оп. 154. Д. 196; Оп. 216.
Д. 35 (Личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»); Ф. 544. Оп.
3. Д. 108; Ф. 558. Оп. 11. Д. 824, Д. 828.

Литература

Генис В. Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований; МНПИ, 2000. 560 с.

Документы внешней политики СССР. Т. X. 1 января–31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. 687 с.

Карл Радек. Пять лет Коминтерна. Ч. 1. Основы программы и тактики Коминтерна. М.: Красная новь, 1924. 368 с.

Коминтерн и идея мировой революции: документы. Ин-т всеобщей истории РАН, Федер. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; отв. ред. Я. С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 949 с.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. / Под ред. Бела Куна. М.: Партийное издательство, 1933. 1016 с.

Миняжетдинов И. Х. Коминтерн в «английском Ираке»: в поисках правильного ракурса // Коллективная монография «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» / Отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021. С. 42–62.

Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). 2-е изд., испр. М.: Квадрига, 2017. 488 с.

Чуков Б. В. Статья с веком наравне. История арабской литературы в Ираке. М.: ИВ РАН, 1997. 352 с.

Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (N. J.), 1978. 1283 p.

Файяд Х. А. Джузур аль-фикр аль-иштиракий ва ат-та-каддумий фи аль-Ирак. 1920–1934. فياض عامر حسن. جذور الفكر الاشتراكي والتقدمي في العراق 1934–1920. دار ابن رشد. للطباعة والنشر. بيروت – 1980 (Истоки социалистической и прогрессивной мысли в Ираке. 1920–1934 гг.). Бейрут, Изд-во «Дар Ибн Рушд», 1980. 320 с.

Глава 11

Этноконфессиональные группы и антиправительственные восстания в Ираке (30-е гг. XX в.)*

Современный Ирак образовался в результате объединения трех османских провинций по итогам Первой мировой войны. Эта страна обладает одним из наиболее разнородных обществ на Ближнем Востоке с этнической и конфессиональной точек зрения. В XX в. в Ираке обострились противоречия между этническими и конфессиональными группами и центральным правительством.

Великобритания оккупировала территорию современного Ирака во время Первой мировой войны. В соответствии с Октябрьским договором 1922 г. англичане должны были провести переговоры о создании национального иракского правительства, которое согласилось бы с военными требованиями Великобритании. В 1927 г. был заключен англо-иракский военный договор, который позволил британцам использовать иракские аэродромы в военных целях¹.

Постепенно уровень недовольства со стороны иракцев мандатной системой заставил правительство Великобритании попытаться изменить свою политику. В июне 1930 г. был подписан англо-иракский договор, который лег в осно-

* Автор главы: В. П. Кириченко, ORCID ID: 0000-0001-8724-2341.

¹ URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/palestine-british-interests.htm> (дата обращения: 28.03.2023).

ву отношений Ирака с Великобританией после обретения Ираком независимости в 1932 г. Согласно этому документу, после отмены мандата иракская монархия стала играть более значительную роль в разработке национальной и международной политики, однако англичане, по существу, определяли военную и внешнюю политику Ирака в соответствии со своими интересами².

* * *

Курды являются наиболее заметными среди этнических меньшинств Ирака. Большинство исследователей полагают, что они имеют иранское происхождение³. В настоящее время численность иракских курдов, проживающих на северо-востоке страны, составляет от 4,9 до 7 млн чел.⁴ Курды болезненно отреагировали на подписание англо-иракского договора 1930 г. Как отмечает российский исследователь Н. В. Степанова, «...полное игнорирование в новом англо-иракском договоре требований курдских национально-демократических сил вызвало массовые выступления в различных районах Курдистана»⁵.

Одним из наиболее влиятельных курдских кланов был клан Барзани. Он получил свое название от деревни Барзан, которая находится в отдаленном, труднодоступном горном районе Северо-Восточного Ирака. Бедность и неприступность этого места породили свирепых и выносливых воинов. Барзани ведут свое происхождение от шейха Абдул

² Whitecotton V. The Iraqi Mandate: An Examination of the Relationship between Britain and Iraq in the Aftermath of the First World War. // *The Saber and Scroll Journal*. 2015. № 1 (3). P. 70–71.

³ URL: <https://www.britannica.com/topic/Kurd> (дата обращения: 28.03.2023).

⁴ URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2125213> (дата обращения: 28.03.2023).

⁵ Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. С. 110.

Рахмана, иногда называемого Таджуддин. Он был последователем суфийского ордена Накшбандийя⁶.

В 1914 г. лидером клана стал шейх Ахмед Барзани (1896–1969)⁷. Именно он возглавил курдское восстание 1931 г. Оно началось в Ираке после того, как шейху Ахмеду удалось объединить ряд других курдских племен. Среди причин восстания были недовольство курдского населения района Барзан своим социально-экономическим положением и ущемлением прав курдов центральной властью в Багдаде. Курды выступили с требованием проведения социально-экономических и политических реформ⁸.

Важную роль в организации восстания сыграл брат Ахмада, Мустафа Барзани (1903–1979). В конечном итоге силы Барзани были разгромлены иракской армией при поддержке Великобритании⁹. Примечательно, что при подавлении этих восстаний Ирак получил также военную помощь от Турции и Ирана¹⁰. Впоследствии братья Барзани продолжили борьбу за права курдов. Более того, впоследствии Мустафа Барзани стал одним из выдающихся лидеров курдского национально-освободительного движения.

* * *

Ассирийцы – неарабский, семитский и христианский народ, чья прародина включает в себя части Ирана, Ирака, Сирии и Турции. Они составляют от 3 до 5% населения Ирака, хотя некоторые оценки доходят до 10%. Наиболее ча-

⁶ Gunter M. M. Historical Dictionary of the Kurds. Rowman & Littlefield, 2018. P. 58.

⁷ Ghareeb E. A. Historical Dictionary of Iraq. Scarecrow Press, 2004. P. 36.

⁸ Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., 2013. С. 28.

⁹ URL: <https://www.spectroom.com/10227363-ahmed-barzani-revolt> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁰ The Cambridge History of the Kurds / Ed. by Hamit Bozarslan, Cengiz Gunes, Veli Yadirgi. Cambridge University Press, 2021. P. 217.

сто приводимая статистика гласит, что в Ираке проживают 1,5 млн ассирийцев. Они населяют Багдад, Мосул и деревни на северо-западе Ирака. Иракские ассирийцы в основном принадлежат к Ассирийской церкви Востока (несторианской) и Халдейской церкви (католической); последняя появилась в результате церковного раскола 1551 г., когда часть несторианских ассирийцев приняла католичество¹¹.

Во время Первой мировой войны страны Антанты призывали ассирийцев сражаться на их стороне. Патриарх и другие лидеры находились под сильным влиянием западных миссионеров и дипломатов и поддерживали связи с союзническими государствами, надеясь, что они помогут им создать свое собственное государство и положить конец их преследованиям. Ассирийцы присоединились к русским войскам, так как те продвигались в Восточную Анатолию. Однако, когда русские войска ушли из этого района, многие ассирийцы подверглись жестокому нападению со стороны курдов и турецких войск. Это заставило ассирийцев в 1915–1916 гг. бежать в Иран. В 1918 г. ассирийский патриарх Шимун XIX Беньямин был убит в Иране курдским шейхом Исмаилом Ага, что привело к дальнейшему бегству в Ирак. После Первой мировой войны англичане поселили около 50 000 ассирийцев в лагерях для беженцев в Ираке¹².

Отмена британского мандата в 1932 г. вызвала беспокойство ассирийцев. Дело в том, что они рассматривали британскую администрацию как своего главного защитника. Ассирийцы составляли большую часть войск иракских «леви», подразделений, созданных под британским командованием, использовавшихся для охраны военных объектов. В связи с этим ассирийцы имели сложные отношения

¹¹ URL: <https://www.meforum.org/558/iraqi-assyrians-barometer-of-pluralism> (дата обращения: 10.04.2023).

¹² Ghareeb E. A. Op.cit. P. 26–27.

с окружающими их курдами, арабами и другими жителями Северного Ирака, региона, где их поселили британцы. Поэтому община чувствовала себя особенно уязвимой по мере приближения независимости Ирака.

Эти опасения привели к тому, что в октябре в 1931 г. ассирийцы обратились в Лигу Наций с просьбой о разрешении мигрировать в Сирию или получить возможность покинуть Ближний Восток. Им было отказано. При этом Великобритания не чувствовала себя обязанной защищать общину своих союзников¹³.

В 1932 г., когда британский мандат на управление Ираком закончился, многие ассирийцы все еще оставались беженцами и требовали, чтобы их поселили на собственной территории на севере Ирака. Националистическое иракское правительство и большая часть общественности были против этих требований и рассматривали ассирийцев как агентов англичан¹⁴.

Эти обстоятельства привели к возникновению ассирийского национального движения, искавшего международной поддержки ассирийской политической автономии в Северном Ираке. Лидер этого движения, патриарх Мар Шимун XXI Ишая (1908–1975), отнюдь не пользовался всеобщей любовью ассирийцев и имел своих недоброжелателей, рассчитывавших сохранить хорошие отношения с иракскими властями. Тем не менее он сделал все возможное, чтобы привлечь Лигу Наций к проблеме ассирийцев. Он утверждал, что ассирийцам следует предоставить статус нации и что ассирийцы со всего мира должны иметь право переселяться в Амадию, Дохук и Заху и их окрестности

¹³ Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. P. 73.

¹⁴ Ghareeb E. A. Op. cit. P. 27.

(на севере Ирака)¹⁵. Еще одна петиция, подписанная 56 ассирийскими деятелями, включая епископа Ювалала, была направлена против планов Ишайи. Сторонники епископа утверждали, что патриарх не вправе представлять их и что они были довольны своим положением. Более того, они обвинили Мар Шимуна в продвижении интересов исключительно своей семьи. В конце концов Мар Шимун был отправлен иракскими властями под домашний арест¹⁶. Это событие вызвало недовольство среди ассирийцев, требовавших освобождения патриарха¹⁷.

Иракские власти совместно с англичанами планировали разоружить всех ассирийцев, проживавших на севере Ирака, а также вывести из региона ассирийские военные части. При этом полицейские посты, укомплектованные ассирийцами, переводились на юг Ирака¹⁸. Ассирийцы отказались сложить оружие, опасаясь за свою жизнь.

Ситуация еще более накалилась в конце лета 1933 г., когда группа из примерно 800 вооруженных ассирийцев перешла из Ирака в Сирию, чтобы получить там убежище. Французские власти в Сирии заставили ассирийцев вернуться в Ирак¹⁹. После того как ассирийцы вернулись из Сирии, между ними и иракской армией произошли столкновения. В последующие дни участились нападения солдат и курдских, и арабских племен на ассирийские деревни, многие из которых не участвовали в столкновениях.

7 августа 1933 г. произошли резня ассирийцев и массовое разрушение ассирийских деревень иракской армией и курд-

¹⁵ URL: <https://www.meforum.org/558/iraqi-assyrians-barometer-of-pluralism> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁶ Ghareeb E. A. Op. cit. P. 27.

¹⁷ Степанова Н. В. Указ. соч. С. 127.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ URL: <https://www.meforum.org/558/iraqi-assyrians-barometer-of-pluralism> (дата обращения: 10.04.2023).

скими нерегулярными формированиями в г. Симеле и его окрестностях. Ассирийцы считают эту дату национальным днем траура. Широкомасштабные массовые убийства ассирийских крестьян и их семей заставили короля Фейсала I (1883–1933), который находился на лечении в Европе, вернуться домой, чтобы остановить погромы²⁰. По приблизительным оценкам, погибло от 3 до 6 тыс. человек. При этом ни Великобритания, ни Франция (под протекторатом которой находилась соседняя Сирия) не предприняли действий по их спасению²¹.

Примечательно, что Королевские ВВС Ирака принимали активное участие в разрушении ассирийских деревень. Активную роль в уничтожении ассирийцев сыграл Бакр Сидки (1890–1937), военачальник курдского происхождения, которому впоследствии удалось организовать военный переворот 1936 г. При этом на одном из этапов резни ассирийцы-«леви» охраняли иракские самолеты в Мосуле²².

Власти Великобритании не предотвратили уничтожение ассирийцев, хотя знали о планах иракского правительства. Как отмечает российский исследователь Н. В. Степанова, в тот момент англичане «были крайне заинтересованы «переключить» нараставшее в иракском обществе недовольство кабальным англо-иракским договором и политикой правительства Рашида Али аль-Гайлани, оказавшегося не в состоянии решить ни одной из проблем, вставших перед властями независимого Ирака, ни межэтнические

²⁰ Ghareeb E. A. Op.cit. P. 27.

²¹ URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20210807/Tragediya-Simele---v-mire-otmechayut-den-pamyati-genotsida-assiriytsev-v-Irake-28592494.html> (дата обращения: 30.03.2023).

²² Ritchie S. The RAF, Small Wars and Insurgencies in the Middle East, 1919–1939. Air Media Centre, 2011. P. 37.

и межконфессиональные столкновения, в эпицентре которых в это время оказался ассирийский вопрос»²³.

* * *

Шииты составляют около 60% населения Ирака²⁴. Большинство из них принадлежит к имамитскому направлению шиитского ислама. К моменту обретения независимости в 1932 г. в Ираке проходили социально-политические изменения в обществе. Они были связаны с ослаблением роли шейхов в Ираке. Несмотря на то что англичане укрепляли экономическую мощь шейхов, городские элиты получали все большее экономическое и политическое влияние. Ускоренные темпы модернизации и рост националистически настроенной интеллигенции, бюрократии и мощной армии – все это благоприятствовало складыванию городской элиты. Таким образом, статус шейхов существенно понизился²⁵. К тому же в сентябре 1933 г. скончался король Фейсал I. Его преемник, 21-летний сын Гази I (1912–1939), не обладал достаточным авторитетом, чтобы объединить общество ради национальных интересов²⁶.

Решение правительства выделить деньги на новый план призыва, а не на строительство новой плотины, которая могла бы повысить производительность сельского хозяйства на юге страны, принятое в 1934 г., стало одной из причин племенных восстаний в 1935 г.

Вдобавок к этому в августе 1934 г. был распущен парламент, после чего националистическая и панарабская «Партия национального братства» («Хизб аль-иха аль-ватани»

²³ Степанова Н. В. Указ. соч. С. 128.

²⁴ URL: <https://www.foxnews.com/story/fact-sheet-the-shiites-of-iraq> (дата обращения: 18.04.2023).

²⁵ URL: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-6576.html> (дата обращения: 30.03.2023).

²⁶ Iraq – Iraq as an independent monarchy. URL: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-6576.html> (дата обращения: 30.03.2023).

или «Иха») получила всего двенадцать мест в новом парламенте, тем самым потеряв свое влияние. Также в парламент не попали некоторые из шиитских шейхов среднего течения Евфрата, что заложило основу для тактического союза шиитских племенных шейхов с партией «Иха»²⁷. Одним из бывших парламентариев был и влиятельный шейх племени аль-фатла Абд аль-Вахид аль-Хадж Сиккар, позиционировавший себя как защитник интересов шиитов. Шейх и его сторонники потребовали отставки правительства. Ему удалось заручиться поддержкой около половины шейхов среднего Евфрата. Однако другая часть лидеров племен продолжала поддерживать правительство²⁸.

В марте 1935 г. сторонникам Сиккара удалось поднять восстание на среднем Евфрате, где вспыхнули волнения. Вскоре восстание распространилось на регион Дивания, возглавляемый двумя влиятельными шейхами. Восстание, однако, удалось усмирить в течение одной недели, после того как было отправлено в отставку иракское правительство Джаудата аль-Аюби (1886–1969)²⁹.

23 марта 1935 г. группа багдадских юристов-шиитов встретила с шиитским богословом Кашифом аль-Гитой. Совместно они составили манифест, в котором просили о том, чтобы шиитам предоставлялись места в правительстве, парламенте и на гражданской службе пропорционально их доле среди населения. Среди пунктов документа было требование проведения новых выборов без вмешательства со стороны правительства, преподавание шиитского права в школах, отмена земельных рент, платы за воду и др. Часть шиитских богословов поддержала манифест и направила

²⁷ Tripp C.. A Op. cit. P. 80.

²⁸ Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton University Press, 2003. P. 121.

²⁹ URL: <https://abdelilahelrhazi.wordpress.com/2015/07/27/el-rhazi-ayat-1935-36-iraqi-shia-revolts/> (дата обращения: 30.03.2023).

его премьер-министру Ясину аль-Хашими. Однако требования не были удовлетворены³⁰.

После ареста в мае 1935 г. Ахмада Асадаллы, одного из видных духовных последователей Хашифа аль-Гиты, восстали шиитские племена г. Румайта – абу хасан, бани зурайидж и завалим. В конце концов было объявлено военное положение. 11 мая ВВС начали бомбить восставшие деревни в Дивании. 13 мая восстали также племена провинции Мунтафик в городах Сук аль-Шуух и Насирия. В ночь на 15 мая они захватили город Сук аль-Шуух и перерезали железную дорогу между Басрой и Насирией.

После этого правительству пришлось провести переговоры с Хашифом аль-Гитой. При этом министр обороны Джафар аль-Аскари встретился с шейхами племени провинции Мунтафик, чтобы склонить их к перемирию, в то время как военные операции против племен в г. Румэ-йта продолжались до их полного подавления. В конце концов губернатор Карбалы, шиит Салих Джабир, смог уговорить аль-Гиту удержать племена провинции Мунтафик от интенсивных боевых действий³¹. К концу мая 1935 г. восстание было подавлено³². По итогам восстания, шиитским племенным шейхам удалось улучшить свое положение. В связи с этим Н. В. Степанова отмечает, что «во второй половине 1930-х гг. правительство увеличило представительство шейхов племен в парламенте, способствуя тем самым классовой консолидации арабских шейхов, независимо от их конфессиональной принадлежности»³³. Однако интересы рядовых шиитов, отраженные

³⁰ Nakash Y. Op.cit. P. 123.

³¹ Ibid. P. 124.

³² Tripp C. Op. cit. P. 81.

³³ Степанова Н. В. Указ. соч. С. 144.

в манифесте, подготовленном юристами и Кашифом аль-Гитой, так и остались без внимания.

* * *

Езиды в Ираке являются этноконфессиональным меньшинством. Это особая этническая группа курдов. Однако часть езидов не относит себя к курдам, а считает себя отдельным этносом³⁴. Религия езидов – езидизм – является монотеистической. Езиды считают ее одной из древнейших в мире. Они верят в Бога и семерых ангелов, которым поклоняются. Архангел Малак Тавус также занимает важнейшее место в верованиях езидов³⁵. На 2015 г. община езидов Ирака насчитывала 650 тыс. чел.³⁶

В июне 1935 г. шейх езидов Худайда получил письмо от губернатора Мосула о том, что его подчиненные должны быть призваны в иракскую армию. Шейх отказался повиноваться, и езиды начали продавать свое имущество, чтобы на полученные деньги купить оружие для отпора вербовщикам. Худайду поддержал шейх племени михиркан Дауд аль-Дауд³⁷. В результате вспыхнуло восстание, которое было подавлено с помощью армии. Погибло более 200 езидов, более 350 из них были заключены в тюрьму³⁸. Однако властям так и не удалось массово призвать езидов в армию. Из Синджара удалось

³⁴ Gunter, Michael M. *Historical Dictionary of the Kurds*. 2018. P. 331.

³⁵ URL: <https://eziin.org/eng/religion> (дата обращения: 30.03.2023).

³⁶ URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2015-12-16/5_ezidy.html (дата обращения: 28.03.2023).

³⁷ Fuccaro N. Ethnicity, State Formation, and Conscription in Postcolonial Iraq: The Case of the Yazidi Kurds Of Jabal Sinjar// *International Journal of Middle East Studies*. 1997. Vol. 29 No. 4. P. 568.

³⁸ URL: <https://irqnow.com/sinjar/> (дата обращения: 30.03.2023).

вывести только 70 новобранцев, и только четверо из них были езидами³⁹.

* * *

1930-е годы в Ираке ознаменовались обострением этно-конфессиональных проблем. Волнения и восстания различных этнических и религиозных групп стали показателем политической нестабильности в стране. Насильственное подавление подобных выступлений стало определять конфессиональную политику в Ираке на десятилетия вперед.

Литература

Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., ИВ РАН, 2013. 240 с.

Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М., ИВ РАН, 2016. 663 с.

Anderson L. D., Stansfield G. R. V. The Future of Iraq: Dictatorship, Democracy, Or Division? Palgrave Macmillan, 2004. 260 p.

Fuccaro N. Ethnicity, State Formation, and Conscription in Postcolonial Iraq: The Case of the Yazidi Kurds Of Jabal Sinjar// International Journal of Middle East Studies. 1997. Vol. 29. No. 4.

Ghareeb E. A. Historical Dictionary of Iraq. Scarecrow Press, 2004. 536 p.

Gunter M. M. Historical Dictionary of the Kurds. Rowman & Littlefield, 2018. 528 p.

Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton University Press, 2003. 312 p.

³⁹ Ibid.

Ritchie S. The RAF, Small Wars and Insurgencies in the Middle East, 1919–1939. Air Media Centre, 2011. 96 p.

The Assyrian Genocide: Cultural and Political Legacies / Ed. by Hannibal Travis. London & New York, Routledge, 2017. 340 p.

The Cambridge History of the Kurds / Ed. by Hamit Bozarslan, Cengiz Gunes, Veli Yadirgi. Cambridge University Press, 2021. 973 p.

Tripp C. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. 383 p.

Whitecotton V. The Iraqi Mandate: An Examination of the Relationship between Britain and Iraq in the Aftermath of the First World War // The Saber and Scroll Journal. 2015. No 1 (3).

Глава 12

Будущее Палестины в сибирской прессе 1914–1917 гг.*

В период Первой мировой войны развернулась дипломатическая и вооруженная борьба за Палестину. Одной из держав, претендовавших на Святую землю, была Россия. В 1914–1917 гг. в российской прессе стали активно обсуждаться планы политического будущего Палестины, при этом спектр высказываемых мнений варьировался от полного протектората России над Святой землей до сохранения существующего status quo. Данное исследование основано на анализе материалов сибирской прессы, доступной в рамках цифровых проектов «Хроники Приангарья» (2007) и «PRO Сибирь» (2021). Оцифровка прессы и появившаяся возможность полифункционального поиска в текстах периодических изданий позволили за последние годы выявить большее количество релевантных источников. Это, к сожалению, не означает, что мы располагаем на данный момент исчерпывающей базой сибирской прессы. Проект «Хроники Приангарья» прежде всего содержит электронный архив изданий, выходивших на территории Иркутской области. Платформа «PRO Сибирь» вобрала в себя преимущественно периодические издания Западной Сибири. Очевидно, что продолжающаяся оцифровка будет постепенно расширять

* Автор главы: М. С. Шаповалов, ORCID: 0000–0003–0975–3116.

базу доступных к цифровому анализу периодических изданий и, соответственно, исследовательские возможности по составлению полного корпуса сибирских текстов, посвященных Палестине.

Сибирское общество, как и российское в целом, не было однородно. За развитием событий на Святой земле до 1914 г., за историями православных паломников, положением на русских подворьях в Иерусалиме внимательно следила православная общественность, в том числе члены сибирских (Якутского, Енисейского, Тобольского, Томского) отделов Императорского Православного Палестинского общества (ИППО)¹. Крупные еврейские общины Сибири, прежде всего омская, иркутская и томская, интересовались новостями о покупке в Палестине земли, ситуацией вокруг еврейских колоний, вопросами эмиграции². Поток православных паломников и эмиграция евреев в Палестину в начале XX в. шли не просто параллельно, а в тесной взаимосвязи, часто переплетаясь³. Совершенно очевидно, что каждая из этих многочисленных групп видела свое будущее Палестины, обсуждение которого неизбежно началось с момента вступления Османской империи в Первую мировую войну. Уже в первом приближении анализ прессы позволяет выделить два параллельно существующих процесса в 1914–1917 гг.: проектирование будущего еврейской Палестины и будущего Палестины христианской. Российская историография, за редким исключением, традиционно

¹ Герасимова В. А. Сибирская конфессиональная идентичность конца XIX – начала XX века: фактор палестинского паломничества // Научный диалог. 2019. № 5. С. 285–300.

² Среди евреев // Омский вестник. 1914. № 20 (25 января). С. 2; Сибирь. 1914. № 27 (2 февраля). С. 4; Омский вестник. 1914. № 31 (7 февраля); Эмиграция евреев в Палестину // Омский вестник. 1914. № 53 (8/21 марта). С. 4.

³ Валитов А. А., Герасимова В. А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 64. С. 149–155.

рассматривала эти процессы самостоятельно друг от друга, сохранялась эта тенденция и при изучении сибирских сюжетов⁴. В данном исследовании мы попробуем в том числе ответить на вопросы, можно ли говорить о реконструкции проектов будущего Палестины как о едином процессе, выступала ли сибирская пресса лишь транслятором общеимперского подхода или можно говорить о самостоятельном видении в Сибири будущего Палестины после Первой мировой войны?

Манифест Николая II о вступлении России в войну с Турцией был опубликован 20 октября (2 ноября) 1914 г. И уже на следующий день Святейший Синод постановил обнародовать Высочайший манифест во всех церквях и совершить молебен о даровании победы христолюбивому воинству. 1 ноября 1914 г. манифест был опубликован во Владивостокских епархиальных ведомостях. В этом же номере была опубликована речь священника В. Давыдова, произнесенная в кафедральном соборе 21 октября 1914 г., т.е. на следующий день после вступления Турции в войну. В рассуждениях о начале войны Давыдов значительное место уделил иерусалимскому вопросу: «Восприняв от Византии государственный герб – орла, Россия в своем новом гербе – двуглавым орле восприняла и долг попечения об Иерусалиме и великую задачу – освобождения его от ига неверных»⁵. Священник подчеркивал несостоятельность «народов Запада», «утративших чистоту христианского исповедания»,

⁴ Наумова Н. И. Евреи Сибири и создание национального государства в Палестине (1918–1920 гг.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Красноярск – Улан-Удэ, 2002. С. 114–118; Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003; Цысь В. В., Цысь О. П. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск, 2014.

⁵ Давыдов В., свящ. Промысел Божий в судьбах России // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 21 (1 ноября). С. 338.

в деле освобождения Иерусалима. Фактически, обращаясь к образу «Белого Царя»⁶, Давыдов подводил читателей к мысли об особой миссии России и персонально Николая II в достижении «великой цели» отомстить «за угнетаемые народности» и освободить Святую Землю и Византию от неверных: «Иди, восстанови Армению и Византию, соедини воедино в единстве исповедания христианские народности, отторгнутые от православия еще во времена вселенских соборов, собери, как второй Константин, новый вселенский собор, да прославляют все народы Востока и Запада, как и древле, Святую Троицу православно и преславно. Дерзай, Царь! С Тобою любовь России и Божие благословение»⁷. Подчеркивая тезис, что освободить Святую землю от неверных может и должна только Россия, Давыдов не развивал мысль о последствиях такого развития событий. Означало ли освобождение русским царем Святой земли автоматический протекторат России над Палестиной, оставалось только предполагать. Тем не менее участие в освобождении Палестины естественным образом создавало моральное право на обсуждение вопроса участия в определении ее будущего. Сообщения, что солдаты британского еврейского легиона предвидят «возможность получения права селиться в Палестине, после того как последняя, как то может случиться, подпадет под власть Англии»⁸, лишь подтверждали данное убеждение.

Речь Давыдова стала, возможно, первой за Уралом публикацией на тему начавшейся войны на Востоке. 1 февраля 1915 г. ее текст был полностью перепечатан в Тобольских

⁶ См. подробнее: Полунов А. Ю. «Белый царь – богатырь»: восприятие Российской империи и ее правителя народами Африки и Азии в конце XIX – начале XX века // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 151–160.

⁷ Давыдов В. Указ. соч. С. 339–340.

⁸ Евреи в английской армии // Иркутская жизнь. 1914. № 40 (14 октября). С. 2.

епархиальных ведомостях⁹. Война с Турцией положила начало обсуждению в сибирском обществе и прессе вопросов будущего Святой земли и места России в определении этого будущего. Следует сразу отметить, что в сибирской прессе 1914–1917 гг., даже в епархиальной, не было выработано единого мнения относительно необходимости борьбы за Палестину¹⁰. 15 декабря 1914 г. Омские епархиальные ведомости опубликовали на своих страницах статью из Псковских епархиальных ведомостей¹¹, где священник, преподаватель Псковской духовной семинарии М. А. Концевич, подчеркивая «исключительно удобный момент для окончательного разрешения наших исторических задач, национальных и освободительных» на Востоке, Палестину не упомянул ни разу¹².

Несмотря на общность проблем для союзников по коалиции и общего врага в виде Турции и Германии, Палестина воспринималась как место соперничества держав. Новость о том, что «Турция полагает использовать англо-германское соперничество в Азии и соперничество великих держав в Палестине»,¹³ не теряла свою актуальность на протяжении 1914–1915 гг.

С осени 1914 г. Святая земля стала регулярно попадать в новостную ленту с турецкого театра военных действий. Несмотря на фрагментарность и краткость новостных со-

⁹ Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 5 (1 февраля). С. 63–67.

¹⁰ Зауральские региональные епархиальные ведомости не составляли единой сети. Подбор материалов для каждого выпуска зависел полностью от возможностей и мнения каждого из редакторов. Последние сами отбирали материалы, которые, по их мнению, следовало бы перепечатать (Тараторин А. Чем должны быть епархиальные ведомости? // Забайкальские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 185–200). Благодарю К. Семенчука за этот важный комментарий.

¹¹ Концевич М. Война с Турцией и Восточный вопрос // Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 20 (16–31 октября). С. 640–646.

¹² Омские епархиальные ведомости. 1914. № 24 (15 декабря). С. 50.

¹³ Немецкий флот у Виндавы // Иркутская жизнь. 1914. № 24 (28 сентября). С. 4.

общений, перед сибирским читателем рисовались вполне четкие картины: конфискации Турцией церковного имущества России¹⁴, изгнания со Святой земли русских монахов и русских евреев¹⁵, грабежа русских евреев, не принимающих турецкого подданства¹⁶, начинающегося голода¹⁷. Напряжение усиливали сообщения о брошюрах, распространяемых в Иерусалиме с призывами к арабам «избивать всех христиан, – русских, французов и англичан, – и всех евреев»¹⁸, о бегстве мирного населения из прибрежных районов Сирии и Палестины¹⁹, военных приготвлениях турок, о превращении Иерусалима в крепость²⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в новостной ленте сибирских изданий (особенно явно это прослеживается в газетах Иркутска) не были разделены сообщения о русских евреях и сотрудниках духовной миссии. Война с Турцией на страницах сибирских изданий равным образом представляла опасность как для судьбы русских подворий, так и для будущего русских еврейских колоний. В одном из сообщений корреспондент томской газеты «Сибирская жизнь» приводил слова полномочного военного и гражданского администратора Сирии Джемаль-паши: «Еврейская колонизация Палестины должна исчезнуть, так как сохранение ее повлечет для Турции такие же последствия, как и имел балканский союз»²¹.

¹⁴ Конфискация церковного имущества в Палестине // Иркутская жизнь. 1914. № 84 (27 ноября). С. 2.

¹⁵ Беглецы из Палестины и Сирии // Иркутская жизнь. 1914. № 108 (21 декабря). С. 3; Жизнь Алтая. 1915. № 4 (6 января). С. 2.

¹⁶ Положение в Палестине // Иркутская жизнь. 1914. № 115 (29 декабря). С. 2.

¹⁷ Сибирская жизнь. 1915. № 18 (23 января). С. 2.

¹⁸ В Египте и Палестине // Жизнь Алтая. 1915. № 43 (25 февраля). С. 3.

¹⁹ Сибирская жизнь. 1914. № 211 (28 сентября). С. 2.

²⁰ Укрепление Иерусалима // Томский вестник. 1915. № 17 (24 января). С. 3.

²¹ Сибирская жизнь. 1915. № 153. (15 июля). С. 2.

Новости осени–весны 1914–1915 гг. подготавливали и подводили сибирского читателя к битве за Святую землю. Истории про сотрудников русской духовной миссии и захват русской собственности могли создавать ощущение потери русского присутствия на Святой земле, формировать у читателя естественное желание вступить в битву за Иерусалим и вернуть незаконно отторгнутое. Тем более что англо-французские войска в феврале 1915 г. начали Дарданелльскую военную операцию против Турции, окончание которой вполне могло закончиться в Иерусалиме. В феврале – марте 1915 г. стали появляться сообщения с призывами Ватикана защитить святыне в Палестине²² с подобными призывами стали обращаться и представители православной церкви²³.

На этом сложном, многослойном информационном фоне в январе – апреле 1915 г. в сибирской прессе развернулось первое обсуждение проектов будущего Палестины. Началось все с выхода 5 января 1915 г. большой статьи «Освобождение Гроба Господня» в петроградских «Биржевых ведомостях». Авторы материала подчеркивали, что их публикация стала следствием и реакцией на «мысль о нейтрализации Палестины», высказанной английской печатью в Египте. Выделенное в тексте статьи курсивом словосочетание «нейтрализация Палестины», очевидно, было прямой отсылкой к французским предложениям ноября 1914 г. об изменении положения на Святой земле (а фактически включения Палестины во французскую зону влияния)²⁴. Авторы статьи подчеркивали, что вопрос о будущей

²² От собственного корреспондента // Сибирская жизнь. 1915. № 37 (18 января). С. 1.

²³ Во Святой Земле // Якутские епархиальные ведомости. 1915. № 6 (16 марта). С. 106–107.

²⁴ Сергунин А. А. Политика Великобритании и России по отношению к Палестине в годы Первой мировой войны: сравнительный анализ // Палестинский

судьбе Палестины «должен быть разрешен с соблюдением интересов тех христианских государств Европы, которые имеют в Палестине многочисленные религиозно-просветительские учреждения»²⁵. Поэтому в статье редакция собрала «мнения, высказанные по вопросу нейтрализации Палестины компетентными лицами», в число которых вошли представители разных конфессий: ректор Петроградской духовной академии, епископ А. Ямбургский, член Римско-католической духовной коллегии, епископ И. Цепляк, вице-президент евангелическо-лютеранской генеральной консистории, епископ К. П. Фрейфельдт, настоятель греческой посольской церкви в Петрограде архимандрит Софроний и др.²⁶

Статья из «Биржевых ведомостей» была практически сразу перепечатана в разных видах и в разном объеме в сибирских изданиях. 8 января 1915 г. «Сибирская жизнь» опубликовала короткое сообщение: «Англичане возбуждают вопрос о нейтрализации Палестины»²⁷. 18 января газета «Томский вестник» перепечатала под заголовком «Освобождение Гроба Господня» ответ профессора В. Бутенко, приведенный в «Биржевых ведомостях»; но что важно, из первоначального текста был удален заключительный абзац, посвященный вопросу «нейтрализации Палестины». В этой редакции текст Бутенко теперь был полностью посвящен вопросу освобождения Гроба Господня и заканчивался выводом, что «Турция своим участием в войне

сборник. 1992. Вып. 31 (94). С. 74.

²⁵ Освобождение Гроба Господня // Биржевые ведомости. 1915. № 14592. 5 (18) января. С. 3.

²⁶ О материале в «Биржевых ведомостях» подробно пишет Л. А. Герд. См.: Герд Л. А. Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 553–554.

²⁷ От собственного корреспондента // Сибирская жизнь. 1915. № 5 (8 января). С. 2.

сама возбудила вопрос об освобождении Гроба Господня. Она сама показала, что настало время осуществить мечту крестоносцев и освободить Палестину от мусульман»²⁸. Комментариев о будущей судьбе Палестины не давалось. Наконец, 25 января «Сибирская жизнь» уже полностью перепечатала ответ Бутенко «Биржевым ведомостям», но под заголовком «Нейтрализация Палестины». Текст заканчивался оригинальной концовкой, что «Святая земля должна быть объявлена навеки нейтральной территорией, а защиту ее естественно возьмут на себя три союзные державы, на которых теперь падает тяжесть войны с Турцией, – Россия, Франция и Англия, как раз представляющие интересы всех трех главных христианских исповеданий: православного, католического и протестантского. Так может воскреснуть в XX веке Иерусалимское королевство Готфрида Бульонского»²⁹. Интересно, что томские издания не стали приводить мнения других участников материала «Биржевых ведомостей», более того, даже из одного ответа Бутенко редакторы смогли сделать две статьи с разными фокусами на происходящие события на Святой земле: с фокусом на освобождение Гроба Господня от власти турок и с фокусом о необходимости нейтрализации Палестины.

В январе 1915 г. сразу в нескольких сибирских газетах была опубликована новость о выступлении в Государственной Думе депутата Е. П. Ковалевского, в котором он высказал мнение, что Палестина «в ряду общих политических интересов играет незначительную роль, однако вопросу о ней [...] должно быть отведено значительное место, ибо последние 100 лет все войны на востоке велись в интересах

²⁸ Освобождение Гроба Господня // Томский вестник. 1915. № 12 (18 января). С. 1.

²⁹ Нейтрализация Палестины // Сибирская жизнь. 1915. № 20 (25 января). С. 6.

святой земли»³⁰. История с Ковалевским не получила продолжения на страницах сибирских изданий зимой 1915 г., не находим мы и новостей о том, что 9 февраля 1915 г. депутат выступил с докладом «Святая Земля – Земля Обетованная и утраченная» в Петроградском Славянском благотворительном обществе³¹. Хотя новость о докладе вышла на страницах тех же «Биржевых ведомостей»³².

Авторы публикаций января 1915 г. подняли вопросы об освобождении Святой земли от турок, но что подразумевалось под «значительным местом» Палестины в политике России? Что означала ее «нейтрализация» и как «нейтрализация» соотносилась со status quo на Святых местах, авторы не поясняли. Ответы на эти вопросы появились лишь в марте в двух больших и, пожалуй, самых важных статьях, вышедших в томских изданиях.

Хронологически первым 15 марта 1915 г. прошло собрание Томского отдела ИППО, где с докладом «Святая земля и Россия» выступил протоиерей А. Курочкин. Ровно через месяц его доклад был напечатан в Томских епархиальных ведомостях. Призывая к новому крестовому походу «для освобождения Святой Земли от власти неверных», Курочкин ставил в докладе ключевые вопросы о том, «кто же будет владеть Палестиной после турок? К кому перейдет управление Святыми Местами?». Размышляя над ответами и обращаясь к многовековой истории европейского присутствия в Палестине, Курочкин делал вывод, что «кому-бы Промысел Бж не судил

³⁰ Сибирская жизнь. 1915. № 10 (14 января). С. 1; В бюджетной комиссии Г. Думы // Минусинский листок. 1915. № 31 (15 января). С. 2.

³¹ О проектах Е. П. Ковалевского см. подробнее: Грушевой А. Г. Из истории русской науки о Ближнем Востоке: проект Е. П. Ковалевского // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4(20). С. 110–128.

³² Политическое будущее Палестины // Биржевые ведомости. 1915. № 14664 (11 февраля). С. 4.

управлять Палестиной, Россия не может быть устранена от участия в ее судьбах». Одним из главных оснований участия России в определении будущего Палестины он назвал пожертвования в пользу православных Святой земли и далее выдвигал ключевое требование: «Конечно многомиллионными жертвами братской любви своей русский народ приобрел нравственное право иметь попечение о том, чтобы эти нужды находили в Палестине свое действительное осуществление». Речь шла о передаче контроля за распределением средств в Палестине от греческого Святогробского братства к российской институции (Русской духовной Миссии или, что более очевидно, к ИППО). Пожалуй, самой важной частью рассуждений Курочкина стали «некоторые пожелания» относительно будущего Святой земли, высказанные в заключении доклада-статьи. Таких пожеланий можно выделить четыре: (1) «Желательно, чтобы представителем русской церкви в Иерусалиме, в соответствии с достоинством великой Православной Державы, покровительницы православия на Востоке, и – по примеру церквей католической и англиканской, было лицо в Епископском сане, о чем высказалась и наша Государственная Дума». (2) «Желательно, чтобы Православной России в пределах, допустимых церковными канонами, предоставлено было более широкое участие в попечении о духовных нуждах местного православного населения соответственно тем огромным средствам, которые идут на это дело из России в Палестину». (3) «Желательно, чтобы во всех храмах беспрепятственно разрешалось богослужение на славянском языке для наших богомольцев». (4) «Справедливо, наконец, пожелать, чтобы с окончанием господства турок строго проведено было в Св. Земле охранение полной веротерпимости и дана была свобода проповедования пра-

вославной веры нехристианским народностям из каковых например бедуины склонны к принятию христианства»³³.

Необходимо обратить внимание, что для Курочкина в определении будущего Палестины становится важным не столько ответ на вопрос, а сколько под чьим политическим контролем окажется Палестина, каким образом в будущем будут решены религиозные вопросы, в чьих руках окажется контроль (и какой контроль) над святыми местами? Интересно, что высказывание Государственной Думы, на которое ссылался Курочкин, содержало еще одно ключевое требование: «Иметь у святого гроба и других мест Палестины свои алтари с правом русского православного духовенства беспрепятственно совершать богослужение»³⁴. Вопрос своего придела в храме Гроба Господня протоиерей не поднимал, однако общий смысл его «пожеланий» сводился фактически к передаче контроля над православными делами в Палестине от греческой церкви к русской.

19 марта 1915 г. в газете «Томский вестник» вышла еще одна ключевая статья с размышлениями на тему будущего Палестины. В своих рассуждениях автор статьи Д. Позднев был вдохновлен речью секретаря ИППО А. А. Дмитриевского, произнесенной 2 марта в Славянском благотворительном обществе в Петрограде³⁵. Позднев писал: «Будет ли освобождена Святая земля от владычества турок новым Крестовым походом, предпринятым ныне державами тройственного согласия, или же тень турецкой власти будет над нею оставлена, — это конечно, вопрос будущего, но всем

³³ Годичное собрание Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 8 (15 апреля). С. 320–331.

³⁴ Телеграммы. Государственная Дума (заседание 28 апреля) // Сибирь. 1914. № 98 (30 апреля). С. 3.

³⁵ См. подробнее о докладе А. А. Дмитриевского: Герд Л. А. Указ. соч. С. 556–558.

христианам мира думается, что святой Гроб Господень должен, наконец, быть освобожден от власти Полумесяца, и как на Св. Софии в Царьграде должен воссиять золотой крест, также точно должны быть удалены и «пресловутые ключи и стражи Гроба Господня» – турки». Более справедливым решением политического будущего Палестины Позднев называл «соединенный протекторат тройственного согласия», в то же время он упоминал, что Дмитриевский «высказался, в случае необходимости установления протектората одной державы, за Англию».

В качестве оснований заинтересованности России в определении будущего Палестины автор статьи приводил аргументы в «пять тысяч русских паломников» и «русскую собственность в 2 миллиона рублей». Из этих оснований Позднев формировал собственные пункты пожеланий урегулирования вопроса о Палестине: (1) «желательно разрешить его так, чтобы в будущем посещение Иерусалима и проживание там для русских всяким образом было облегчено; (2) чтобы русские деньги шли в Палестине в православные русские руки и чтобы (3) мы во всех, без исключения, отношениях пользовались там равноправностью и не были зависимы ни от кого». В своих размышлениях он фактически повторял и конкретизировал идею о передаче контроля над православными делами в Палестине от греческой церкви к русской, «не были зависимы ни от кого» читалось прежде всего как «не были зависимыми от греков».

Центральное место в рассуждениях Позднева занял «вопрос размежевания прав и функций между православным русским и греческим духовенствами в отношении к Гробу Господню». Еще в начале статьи он писал, что «ныне самый храм Гроба Господня не принадлежит никому или, вернее сказать, всему христианскому миру, и необходимо поэтому, чтобы отношения между христианскими держа-

вами были точно урегулированы». Видение автором ситуации вокруг храма Гроба Господня было как минимум любопытным. Позднев сознательно замалчивал факт, что основные права владения и пользования святынями храма были четко определены и разделены между греческой, армянской церквями и католическим орденом францисканцев. Эти отношения собственно и составляли *status quo* на Святых местах. Очевидно, по мнению автора, уход турок автоматически нарушал *status quo* или, точнее, его отменял. К заключению статьи список пожеланий к определению будущего Палестины Позднева дополнялся фактически списком требований. (4) «До сего времени, несмотря на то, что главный приток средств православных жертвователей шел из России, прав при Гробе Господнем гораздо больше у греков. Такая ненормальность должна быть устранена». (5) «По турецким законам православное Палестинское общество не может иметь прав юридического лица [...] Разумеется и эта ненормальность подлежит исправлению». (6) «Решено в принципе, что Афон будет под управлением всех православных стран Балканского полуострова под главенством России, фактически же Св. Гора доселе находится под властью греков». Эта ненормальность также должна была быть устранена, по мнению Позднева, в пользу России³⁶.

Принципиально важно, что время выхода в сибирской прессе публикаций о судьбе Палестины совпало с дипломатическими переговорами союзников по палестинскому вопросу. Из Дневника Министерства иностранных дел России следует, что ключевые переговоры между Францией и Россией по вопросу будущего Святой земли прошли в первых числах марта 1915 г.³⁷ Именно в это время французский по-

³⁶ Позднев Д. Вопрос о Святой Земле // Томский вестник. 1915. № 60 (19 марта). С. 2.

³⁷ Дневник МИД. 3 марта 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. Тула: 2014. С. 59.

сол предложил России «разные формулы, оговаривающие, что в отношении Св[ятых] мест между русским и французским правительствами должно будет быть заключено впоследствии соглашение на почве сохранения порядка, установленного Берлинским трактатом»³⁸, т.е. «status quo на Святых местах не может подвергнуться никакому нарушению»³⁹. Интересно, что в предложениях сибирских авто- ров вопрос перераспределения прав в храме Гроба Господня происходил бы в рамках широкой православной общины, где русское присутствие заместило бы присутствие греческое. Таким образом, права католиков и армян формально бы нарушены не были, что могло означать сохранение status quo на Святых местах. Означало бы такое замещение фактическое сохранение status quo? Конечно же, нет.

Очевидно, обсуждение проектов будущего Палестины отвечало запросу на экспертное мнение со стороны государства, и в частности МИДа. Подтверждает эту мысль история проекта будущего мирного договора по Палестине и устройства церковных дел на Ближнем Востоке еще одного видного деятеля ИППО П.И. Ряжского в феврале – июле 1915 г.⁴⁰ В то же время обсуждение вопроса в рамках отделов ИППО приобретало важнейшую задачу формулировки общественного мнения. Позднее, как и протоиерей Курочкин, транслировали взгляд томского отдела ИППО на будущее устройство Палестины. Их пожелания и требования фактически полностью соответствовали общей линии ИППО. При

³⁸ Формулы, предложенные французским послом в Петрограде М. Палеологом относительно Святых Мест. Ставка верховного главнокомандующего, 3/16 марта 1915 г. // Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924. С. 129–130.

³⁹ Берлинский трактат. Берлин, 1/13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 206.

⁴⁰ См. подробнее: Бутова Р. Б. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 5–164.

этом, нужно обратить особое внимание, в широком спектре возможных исходов развития событий вокруг Святой земли (не исключалось даже сохранение контроля над Иерусалимом турками) авторы даже не рассматривали вариант с образованием в Палестине еврейского анклава и тем более государства, такой вариант даже не упоминался.

Тем временем англо-французская Дарданелльская операция проходила неудачно, союзники не смогли добиться поставленных задач и терпели поражения на протяжении всего 1915 г. (операция закончилась 9 января 1916 г.). Настрой на скорую победу в январе – марте 1915 г. в сибирской прессе сменился скептицизмом. Новой центральной темой в контексте обсуждения будущего Святой земли становилась ее германизация. Еще 18 марта 1915 г. «Томский вестник» перепечатал очередную статью «Биржевых ведомостей», в которой корреспондент отмечал: «Втайне все население ожидало, что Англия и Франция высадят в Яффе экспедиционный корпус, который и очистит Палестину от всей этой мрази, от всех шаек грабителей в турецкой военной форме. Но проходят месяцы, а освободители все еще далеко... [...] И в добавление всего – упорно держатся слухи: если только англичанам и французам не удастся освободить Палестину, то немедленно, по прекращению войны, Турция примется осуществлять грандиозный план заселения Палестины немцами... Палестина будет предоставлена целиком для германской колонизации»⁴¹.

В новостных лентах о военных событиях в Палестине, на общем фоне дальнейшего разорения Святой земли и бегства христиан⁴², немцы стали занимать ключевое место, оттеснив турок на второй план. Именно немцы становились

⁴¹ Положение Палестины // Томский вестник. 1915. № 59 (18 марта). С. 4.

⁴² Бегство христиан из Сирии и Палестины // Сибирская жизнь. 1915. № 259 (27 ноября). С. 1.

основным действующим лицом и бенефициаром происходивших событий. В газетных заметках подчеркивалось, что «германские офицеры обучают туземных солдат в окрестностях Иерусалима»⁴³, сообщалось про «осквернения турками и немцами святых мест в Палестине, почитаемых христианами»⁴⁴. Будущее стало связываться с германскими проектами обустройства Палестины, например такими, как обещание «императора Вильгельма папе о восстановлении церковной власти путем создания папского государства в Палестине со включением в пределы этого государства Иерусалима и всей Святой земли, при чем Яффа будет служить главным морским портом новой папской области»⁴⁵.

Пожалуй, самым ярким маркером, отражающим общее настроение весны 1915 г. – лета 1916 г. в сибирской прессе стала большая заметка «Германизированный Иерусалим», перепечатанная из британской газеты Daily news («Еженедельные новости»). Корреспондент отмечал: «...в нынешнем, германизированном Иерусалиме фон-дер-Гольц-паша подготавливает военные операции против англичан на Ближнем Востоке. Ныне главная улица великого города, улица Давида, от Хевронских ворот до храма, приняла немецкий характер. Повсюду немецкие вывески: платье из Франкфурта, обувь из Галле, железные вещи из Бреслауля, домашняя утварь из Нюрнберга, одним словом, всюду склады дешевки, которой Германия заваливает Восток. На арабском базаре на самой Via Dolorosa – германские лавки. И как символ германского владения – помпезные мюнхенские пивные [...] Везде портреты императора Вильгельма в мундире прусского полка и фон-дер-Гольца-паши,

⁴³ В Палестине // Сибирская жизнь. 1915. № 199 (12 сентября). С. 1.

⁴⁴ Осквернение немцами и турками Святой земли // Омские епархиальные ведомости. 1915. № 23 (1 декабря). С. 33–35.

⁴⁵ Проект восстановления папской области // Сибирская жизнь. 1915. № 272 (12 декабря). С. 3.

причем изображения эти помещены даже на посуде и домашней утвари и конкурируют с традиционными рисунками на библейские темы». Самая большая опасность, которую видел автор заметки, была в том, что германский Иерусалим десакрализировал Святую землю, затемнял и подменял библейские образы, превращая святой город в немецкую провинцию. Отдельно корреспондент подчеркивал опасный антирусский характер германизированного Иерусалима: «Весьма распространены немецкого происхождения рисунки, иллюстрирующие эпизоды русско-японской войны, распространяемые немцами в целях антирусской агитации. Особенно популярен рисунок, на котором изображены японские пехотинцы, закалывающие штыками русских священников, идущих с крестным ходом во главе русских войск. Немцы не постеснялись изобразить крест весьма непочтительно: лишь была бы достигнута цель – возбуждение религиозного фанатизма среди магометанского населения»⁴⁶.

Единственным противовесом германских планов будущего Святой земли в сибирской прессе весны 1915 г. – лета 1916 г. стали редкие новости о проектах еврейского государства в Палестине. 16 апреля 1915 г. газета «Жизнь Алтая» сообщила о движении «евреев в пользу создания Палестинского государства» в связи с образованием еврейского легиона для отправки в Палестину и отметила симпатии, «которые встречают еврейские надежды в нейтральных странах, в особенности в Италии»⁴⁷. 28 августа 1916 г. газета «Сибирь» сообщила новость «относительно образования в Палестине независимой еврейской республики, о чем, согласно заявлениям бывшего посланника Соединенных Штатов в Константинополе г. Моргентау, в настоящее время ведутся переговоры между Америкой

⁴⁶ Германизированный Иерусалим // Сибирь. 1916. № 17 (21 января). С. 2.

⁴⁷ Еврейский легион // Жизнь Алтая. 1915. № 81 (16 апреля). С. 3.

и Турцией. [...] Американские промышленники... стремятся теперь, опираясь на свое государство, вклиниться между двумя группами ведущих войну государств и под предлогом защиты национального еврейского дела стать твердою ногою в Малой Азии»⁴⁸. Интересно, что в заметке газеты «Жизнь Алтая» речь шла о Палестине как о еврейском Палестинском государстве, а в тексте иркутской «Сибири» говорилось уже о независимой еврейской республике. Обращает на себя внимание и контекст, в котором идет речь о еврейском вопросе – это итальянские и американские претензии на Святую землю. Заметки сообщали: появились новые заинтересованные страны в продвижении проекта еврейского государства на Святой земле.

Актуализация темы еврейского государства в 1916 г. в сибирской прессе была не случайна. 29 февраля 1916 г. британские и российские представители обсудили тему будущего Палестины в контексте решения еврейского вопроса, а 17 марта российское правительство сообщило, что «не вставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»⁴⁹. В результате переговоры России, Великобритании и Франции воплотились в англо-французское соглашение Сайкса – Пико, по которому союзники договорились о том, что большая часть Палестины должна была составить отдельную зону, управляемую международной администрацией, в том числе по согласованию с Россией⁵⁰. Обсуждаемый проект политической нейтрализации Палестины получил дипломатиче-

⁴⁸ Независимая еврейская республика // Сибирь. 1916. № 182 (28 августа). С. 2.

⁴⁹ Памятная записка министерства иностранных дел французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену. Петроград, 4/17 марта 1916 г. // Мировые войны XX века. С. 363.

⁵⁰ Секретное соглашение между Россией, Великобританией и Францией в связи с притязаниями этих трех стран в отношении Азиатской Турции. Петроград – Лондон, 13/26 апреля – 19 августа (1 сентября) 1916 г. // Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотях

ское оформление, а новые договоренности союзников еще больше переводили вопрос о будущем Палестины в плоскость обсуждения размежевания прав и функций между православным русским и греческим духовенством. Именно в этом контексте в декабре 1916 г. вышла очередная новость о предложениях депутата Е. П. Ковалевского «урегулировать взаимоотношения русской церкви с константинопольской патриархией» и «выяснить задачи России в Палестине для того, чтобы дать ей достойную и надлежащую роль»⁵¹.

В то же время решение палестинского вопроса дипломатами в секретном соглашении не стало достоянием широкой общественности. Еще 5 января 1917 г. в петроградском «Правительственном вестнике» вышел большой материал «Судьба Азиатской Турции», где редакторы пересказали статью Дж. Баркера из британского литературного журнала *Nineteenth Century* («Девятнадцатый век»). Авторы все еще рассуждали на тему будущего Палестины, они подчеркивали, что «Турция не способна ни управляться сама, ни управлять другими народами. А раз это так, то ясно, что Турция ради ее собственной безопасности и в интересах всего мира нуждается в опекунах и притом опекунах, назначенных Европою. [...] Обязанность контроля над всесторонним развитием Азиатской Турции должна быть возложена на одну не военную, а стало быть не агрессивную державу, которая бы действовала именем Европы [...] Такой державой может быть только Великобритания. [...] Если державы не смогут согласиться на британскую опеку над Азиатской Турцией, то в таком случае... последнюю придется разделить на сферы влияния отдельных держав [...] Протекторат Франции над святыми местами, вероятно,

и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 38–43.

⁵¹ Внешкольная церковная политика // Сибирский свет. 1916. № 4 (21 декабря). С. 3.

не понравился бы другим нациям и, в частности, России. Он мог бы вовлечь Францию в самые серьезные осложнения [...] Если Франция желает оккупировать и эксплуатировать эти территории [Сирии и Киликии], то она поступит благоразумно, если откажется от Святых мест, оставив их под международным покровительством»⁵².

Благоразумная идея международного покровительства, ранее уже прописанная в секретном соглашении Сайкса – Пико, должна была стать, очевидно, итогом информационной кампании по обсуждению будущего Палестины в 1914–1917 гг. Однако революционные события в России в феврале, а затем октябре 1917 г. изменили и перезапустили процесс обсуждения вопроса о Палестине. На протяжении 1917 г. новостная лента сибирских изданий была преимущественно наполнена двумя видами публикаций: об освобождении англичанами территории Святой земли⁵³ и о положении евреев в Палестине⁵⁴. Вопрос образования еврейского государства, казалось неожиданно, перехватил информационную повестку вопроса освобождения Гроба Господня⁵⁵. Кульминацией стали сообщения об опубликовании Великобританией Декларации Бальфура в поддержку образования еврейского очага в Палестине⁵⁶.

⁵² Судьба Азиатской Турции // Правительственный вестник. 1917. № 4 (5 января). С. 4–5.

⁵³ Еврейский пехотный полк // Омский вестник. 1917. № 156 (2 августа). С. 3; В Палестине // Омский вестник. 1917. № 263 (29 ноября). С. 2; Взятие англичанами Иерусалима // Омский вестник. 1917. № 264 (30 ноября). С. 2; В Палестине // Омский вестник. 1917. № 265 (1 декабря). С. 2–3.

⁵⁴ Протест по поводу насилия над евреями в Палестине // Новая жизнь. 1917. № 50 (4 июня). С. 3.; О помощи палестинским евреям // Сибирь. 1917. № 115. С. 3. Помощь жертвам турецких зверств в Палестине // Омский вестник. 1917. № 169 (4 августа). С. 3.

⁵⁵ Еврейское государство в Палестине // Омский вестник. 1917. № 117 (2 июня). С. 2; Лекция «Евреи и Палестина» // Сибирь. 1917. № 164 (30 июля). С. 4.

⁵⁶ В сионистской организации // Омский вестник. 1917. № 258 (23 ноября). С. 3; Еврейская Палестина // Сибирский листок. 1917. № 129 (26 ноября). С. 4; Еврейское государство. Манифестация в Одессе // Свободная Сибирь. 1917.

Новость о создании еврейского государства оказалась не просто неожиданной, а шокирующей для православной общественности. Красочно этот шок продемонстрировало обсуждение Декларации Бальфура на заседании ИППО⁵⁷. Хотя надежда, что Палестина не будет передана под еврейский очаг, еще теплилась, через два года, в 1919 г., Тобольские епархиальные ведомости не без надежды привели речь папы Бенедикта XV, в которой он, коснувшись будущего устройства Турции, заявил: «Для Святейшего Престола будет большим ударом, если Палестина будет отдана в руки не христиан»⁵⁸. В этом же году мариинская газета «Звено» опубликовала заметку, в которой сообщала: «Шериф Файсул, который вел атаку на турок совместно с английским генералом Алленбай, заявил совету, что оседлое арабское население в Месопотамии, Сирии и Палестине требует такой же независимости, как и более отдаленные арабские правительства. Он подчеркивал то обстоятельство, что народонаселение Палестины составляют арабы и лишь 1/6 евреи, и требовал признания арабских притязаний на значительную часть территории старой турецкой империи, включая Дамаск и Александрию»⁵⁹. Палестина входила в новый период своего существования, проект образования на Святой земле христианского государства был отложен на дальнюю полку истории.

В заключение следует еще раз остановиться на основных выводах, приведенных в исследовании. Мы все еще

№ 198 (9 декабря). С. 4 Евреи о еврейском государстве // Знамя революции. 1917. № 166 (21 декабря). С. 2.

⁵⁷ См. подробнее об этом: Локшин А. Е. «Еврейское царство на Святой Земле?»: отношение Российского Палестинского общества к Декларации Бальфура // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск, 2006. С. 65–80.

⁵⁸ Папа о Палестине // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 10. (1 апреля). С. 162.

⁵⁹ Проблемы Ближнего Востока // Звено. 1919. № 32 (30 марта). С. 3.

не располагаем полным корпусом сибирской прессы, чтобы говорить о полной реконструкции проектов будущего Палестины, обсуждаемых в 1914–1917 гг., но все же собранная с помощью ресурсов «Хроники Приангарья» и «ПРО Сибирь» база позволяет нам определить общие релевантные направления тем публикаций, описывающих ситуацию вокруг Палестины.

Сибирские периодические издания в 1914–1917 гг. в суждениях о будущем Святой земли, безусловно, следовали вслед за прессой центральной (и не только российской), однако это не означало, что они не создавали собственных смыслов. Сибирские редакторы не занимались слепым копированием чужих статей, примеры таких перепечаток показывают, что они редактировали заимствованное, перекomпоновывали тексты, расставляя в них новые акценты и задавая собственные смыслы.

Проекты будущего христианской и еврейской Палестины, несмотря на параллельное существование и активное взаимодействие, возможно из-за разной аудитории (хотя это довольно спорно), были разделены уже изначально сибирскими авторами. Мы не наблюдаем ни одной статьи в 1914–1917 гг., где бы эти проекты упоминались вместе. Усиливала это разделение сама история: выработка и публикация христианских проектов будущего Святой земли происходила преимущественно в 1915 г., с 1917 г. в сибирской прессе стала доминировать тема еврейской Палестины, а христианский проект оказался забыт.

Обсуждение в сибирском обществе палестинского вопроса шло параллельно с решением дипломатическим, общество посылало правительству сигнал и запрос на реализацию своих чаяний. Очевидно, что самыми активными участниками этого процесса были региональные отделы ИППО. В то же время, кроме Томска, выработку своего

отношения к будущему Палестины мы не находим в прессе и изданиях Тобольска, Якутска, Красноярска – важных духовных и административных центров, где располагались другие сибирские отделы ИППО. Еврейские общины Сибири не менее внимательно следили за развитием ситуации на Святой земле, и как только у них появилась легальная возможность проявить участие в строительстве еврейского государства в Палестине – они отреагировали, что подробно и отразила сибирская пресса.

Важно подчеркнуть, что большое число русских паломников и русская собственность в Палестине рассматривались в качестве важнейших политических факторов наращивания присутствия России на Святой земле. Сколько бы ни отрицали исследователи, что Российская империя не имела в XIX в. политических амбиций в Палестине и проводила лишь гуманитарную и религиозную политику в регионе, именно результаты этой политики легли в основу требований и пожеланий, озвученных в российской прессе относительно будущего Палестины, включая ее передачу под российский протекторат.

При этом важно еще раз подчеркнуть, что рассмотренные проекты наглядно показали: главный вопрос для сибирских авторов стоял не столько в том, под чьим протекторатом окажется Палестина – французским, российским, британским или международным, – а сколько в том, кто при этом протекторате будет контролировать святыне места. Вопрос, казалось бы, второго порядка был более важным и принципиальным. Более того, если внимательно посмотреть на те пожелания – требования, которые озвучивались в проектах, – становится ясным, что их реализация была бы более существенным приобретением для России, чем пресловутый протекторат над Святой землей. Фактически речь шла об изменении

status quo на святых местах за счет вытеснения греческого присутствия и замены его на русское. Близорукость представителей ИППО в отношении еврейского вопроса, желание не замечать его и не брать в расчет привели в конечном итоге к полному провалу христианского проекта в Палестине в 1917 г.

Литература

Бутова Р. Б. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1.

Валитов А. А., Герасимова В. А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Сер.: история. 2020. № 64.

Герасимова В. А. Сибирская конфессиональная идентичность конца XIX – начала XX в.: фактор палестинского паломничества // Научный диалог. 2019. № 5.

Герд Л. А. Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010.

Грушевой А. Г. Из истории русской науки о Ближнем Востоке: проект Е. П. Ковалевского // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4(20). С. 110–128.

Локшин А. Е. «Еврейское царство на Святой Земле?»: отношение Российского Палестинского общества к Декларации Бальфура // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск, 2006.

Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 г. – февраль 1920 г.). Красноярск, Кларетианум, 2003. 272 с.

Наумова Н. И. Евреи Сибири и создание национального государства в Палестине (1918–1920 гг.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Красноярск – Улан-Удэ, 2002.

Полунов А. Ю. « Белый царь–богатырь »: восприятие Российской империи и ее правителя народами Африки и Азии в конце XIX – начале XX века // Тетради по консерватизму. 2022. № 2.

Сергунин А. А. Политика Великобритании и России по отношению к Палестине в годы Первой мировой войны: сравнительный анализ // Палестинский сборник. 1992. Вып. 31 (94).

Цысь В. В., Цысь О. П. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 247 с.

Часть II
НАСЛЕДИЕ ВЕРСАЛЬСКО-
ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

Глава 13

Значение Вашингтонского морского соглашения (1922 г.) для современной проблемы коллективного договора об ограничении стратегических вооружений*

Договор пяти держав. Исторический контекст

Из Первой мировой войны Великобритания вышла финансово ослабленной, но сохранила лидерство в военно-морских вооружениях и по их числу, и по возможностям производства. США выступали догоняющей стороной. В Вашингтоне росли амбиции, а противоречия с Лондоном смягчались. Третьей вершиной в силовом треугольнике являлся Токио. Япония имела союзный договор с Великобританией, заключенный в 1902 г. и перезаключенный в 1905 г. и в 1911 г.¹ Договор от 12 августа 1905 г. устанавливал не только общие и специальные интересы сторон, но и предусматривал взаимную военную помощь в случае войны. Для США это означало, что в случае войны они могли столкнуться с англо-японским блоком. Японское правительство стремилось сохранить союз с Великобританией, а американское – его разрушить². К 1911 г. интере-

* Автор главы: Д. Б. Графов, ORCID: 0000-0002-7334-5398.

¹ The Anglo-Japanese Alliance, January 30, 1902. URL: <https://www.jacar.go.jp/nichiro/uk-japan.htm> (дата обращения: 12.11.2022).

² Davis C. L. Linkage diplomacy: economic and security bargaining in the Anglo-Japanese alliance, 1902–23. // *International Security*. 2009. № 33. P. 143–179.

сы Великобритании и Японии столкнулись в Китае, и это отразилось на союзном договоре. В новой редакции Токио и Лондон обязывались оказывать военную помощь друг другу за исключением войны с державой, с которой сторона связана генеральным арбитражным договором. Великобритания вела переговоры о заключении такого договора с США³. Американское правительство также опасалось, что возобновление англо-японского союза в прежнем формате усилит доминирование Японии на тихоокеанских рынках и закроет Китай для американской торговли. Британская империя решила пожертвовать союзом с Японией в пользу отношений с США, но стремилась предотвратить возникновение союза между Японией и Германией⁴. Англо-японский союз перестал существовать в декабре 1921 г. после подписания Договора четырех держав – США, Великобритании, Франции и Японии – на Вашингтонской конференции по военно-морским вооружениям. Последняя статья Договора гласила, что соглашение между Великобританией и Японией, заключенное 13 июля 1911 г., прекращает свое действие⁵.

Таким образом, основной вектор напряженности в морской политике США указывал на Японию при особенной позиции Великобритании, рядом с которой могла оказаться Франция. В стороне оставалась Италия, но гипотетически она могла оказаться не на стороне США. «Закон о большом флоте» (The Naval Act of 1916) предусматривал

³ Sugawara T. Anglo-Japanese Alliance (1902–23). 03 May 2018. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118885154.dipl0010> (дата обращения: 12.11.2022).

⁴ Kennedy M. D. The Estrangement of Great Britain and Japan. Los Angeles: University of California Press, 1969. P. 54.

⁵ Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, and Japan, Signed at Washington December 13, 1921. URL: <https://web.archive.org/web/20060917144442/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/1922v1/tr1921.htm> (дата обращения: 12.11.2022).

значительное увеличение Военно-морского флота США. Президент В. Вильсон обещал построить к 1923 г. флот, способный защитить себя от любой державы. Законопроект предусматривал строительство 10 линкоров водоизмещением 42 тыс. т, 16 крейсеров, 50 эсминцев и 67 подводных лодок⁶.

В первые пять лет планировалось истратить гигантскую сумму в 500 млн долл. Трехлетняя программа строительства флота 1919 г. должна была сравнять американский флот по количеству и мощи его боевых кораблей с британским. В тот момент у Великобритании было 33 линкора на плаву и ни одного в строительстве. У США – 14 линкоров на плаву, еще 13 либо уже строились, либо закладывались. И это были более современные линкоры⁷. Военно-морская программа Японии в 1920 г. предполагала строительство 8 линкоров и 8 крейсеров (программа «восемь-восемь»). После её завершения число линейных кораблей возросло бы до 35⁸. Но Великобритания к 1922 г. планировала построить еще 8 линкоров и 4 линейных крейсера. Начинался новый виток гонки вооружений, опустошающий бюджеты крупнейших морских держав. Английское правительство хотя и находило средства на линкоры, но было вынуждено в 1920 г. отказаться от «двухдержавного стандарта». Этот стандарт, закрепленный в Naval Defence Act от 31 мая 1889 г., устанавливал, что Королевский флот должен быть равен по мощи флотам двух следующих за ним морских держав (тогда это были Франция и Россия), был заменен

⁶ Symonds C. L. The U. S. Navy: A Concise History. Oxford University Press, 2016. P. 70.

⁷ Ship Building 1913–21 – Wilson, Woodrow. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/scn-1913-wilson.htm> (дата обращения: 14.11.2022).

⁸ Evans D., Peattie M. Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis: Naval Institute Press, 1997.

принципом равенства британского флота флоту другой сильнейшей морской державы.

К 1920 г. усилилось американо-японское соперничество за контроль над Тихим океаном. Продолжение противостояния вело к гонке вооружений по числу линкоров, их водоизмещению, скорости, калибру орудий и их количеству. Водоизмещение британских линкоров приближалось к 50 тыс. т, калибр орудий на японских кораблях предполагалось увеличить до 460 мм. Это влекло непомерный рост военных расходов. Например, стоимость линкора «Родни» перевалила за 7,6 млн фунтов стерлингов⁹.

Но уже после Первой мировой войны в США изменилась внутривнутриполитическая расстановка сил. Конгресс США не одобрил финансирования по программе увеличения военно-морских сил согласно The Naval Act of 1916 в 1919 г. Трехлетняя программа 1916 г., не завершенная по состоянию на 1919 г., могла быть свернута, поскольку Закон о Военно-морском флоте 1916 г. содержал оговорку об отмене, если мирное разрешение всех международных споров сделает ненужным поддержание конкурентоспособных вооружений¹⁰. Президентская избирательная кампания в США 1920 г. показала смещение политических настроений в сторону изоляционизма, перенаправления бюджетных расходов на внутренние цели¹¹. В этой ситуации США выступили инициаторами прекращения дорогостоящей гонки морских вооружений, их пропорционального сокращения и ограничения на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.

⁹ Равен А., Робертс Д. Британские линейные корабли «Nelson» и «Rodney». СПб.: Бриз, 1995.

¹⁰ Ship Building 1913–21 – Wilson, Woodrow. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ship/scn-1913-wilson.htm> (дата обращения: 14.11.2022).

¹¹ Potter E., (ed). Sea Power: A Naval History (2nd ed.). Annapolis: Naval Institute Press, 1981.

Можно выделить факторы, которые способствовали убеждению стран пойти на многостороннее соглашение о сокращении вооружений.

Гонка вооружений – состояние, при котором одни страны воспринимают намерения других как угрозу, прямую или скрытую. Скрытость угрозы коренится в сущностной неопределенности всей международной политики, не позволяющей точно установить, кто с кем против кого будет действовать. Переговоры позволяли прояснить границы политики стран и дать через договор относительные гарантии.

Три главных предложения США по ограничению военно-морских вооружений¹² относились к линейным или капитальным кораблям, под которыми понимались линкоры и линейные крейсера (водоизмещение более 20 000 т, несут орудия калибром более 203 мм).

1. Число капитальных боевых кораблей к 1936 г. должно было сократиться у США и Великобритании до 15 (у каждой страны), а количество японских кораблей – до 9. В случае Франции и Италии количество судов не было фиксированным, но ни одно судно не должно было превышать водоизмещения в 35 тыс. т. В суммарном водоизмещении квоты выглядели следующим образом: по 525 тыс. т – для США и Великобритании, 315 тыс. т – для Японии и по 175 тыс. т – для Франции и Италии¹³. В общем стратегическом балансе эту пропорцию принято рассматривать как 5:5:3:1,67:1,67.

Для авианосцев общий тоннаж не должен был превышать 135 тыс. т в случае США или Соединенного Королев-

¹² Five-Power Naval Limitation Treaty [1922]. Encyclopaedia Britannica. Jan 30, 2023. URL: <https://www.britannica.com/event/Five-Power-Naval-Limitation-Treaty> (дата обращения: 15.11.2022).

¹³ Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922. Article IV–VII. URL: https://web.archive.org/web/20160305011757/http://vladfotki.narod.ru/_navy/HISTORY/WW12/1922wt.htm (дата обращения: 14.11.2022).

ства, не более 81 тыс. т для Японии, не более 60 тыс. т для Франции или Италии.

2. Ни один крупный корабль не должен был превышать 35 тыс. т и нести орудие калибром более 406 мм. Авианосцы были ограничены водоизмещением 27 тыс. т и могли нести не более 10 орудий калибром не более 203 мм.

3. Строительство капитальных кораблей приостанавливалось на 10 лет, в том числе недавно заложенных.

Почему Вашингтонский договор соответствовал интересу разных сторон. Точка баланса временных интересов

Договор был выгоден США, так как позволял добиться превосходства на море в результате сокращения вооружений. Давал надежную безопасность при меньших расходах. Продолжение расходов по The Naval Act of 1916 не обеспечивало бы надежной безопасности (превосходства над Японией), а дальнейшее увеличение военных расходов подталкивало Японию к мобилизации и подготовке к войне, т.е. снижало бы безопасность.

Великобритания могла блокировать соглашение, но внесла свой решающий голос. Дальнейшее увеличение военных расходов империи перенапрягало экономику¹⁴. Часть позиций на внешних рынках приходилось уступать США. Лондон решил отойти от Токио и сблизиться с Вашингтоном, хотя между ними было немало разногласий. США конкурировали с Великобританией на рынках её доминионов, открывали свои банки, лишали её монопольного положения и ослабляли позиции в Гонконге, Сингапуре, Австралии, Малайе и Новой Зеландии. В Китае Великобритания проводила политику раздела страны, защищая свою сферу влияния. США старались разрушить границы сфер влияния, провозглашая политику «открытых дверей», вытесняя конкурентов путём экономического давления «на равных

¹⁴ Kennedy P. The Rise and Fall of British Naval Mastery. L., Macmillan. 1983.

условиях». Однако британские доминионы (Австралия, Новая Зеландия, Канада) выступали сторонниками укрепления связей с США, опасавшиеся агрессивных планов Японии на Тихом океане. Лондон стал «якорным» партнером США на Вашингтонской конференции, что крайне важно в коллективных договоренностях, где инициатору соглашения требуется ключевой согласный партнер для «принуждения» остальных.

Однако британская позиция не совпадала целиком с американской. Все участники понимали, что в условиях ограничения линкоров и линейных крейсеров, у флотов оставалась возможность компенсировать мощь за счет увеличения числа крейсеров и эсминцев, наращивая их боевые характеристики. США изначально предлагали распространить квоты на общий тоннаж крейсеров и эсминцев в тех же пропорциях, что и линкоров. Однако Великобритания, соглашаясь на американскую пропорцию ограничения тоннажа линкоров, делала ставку именно на крейсера. Лондон желал иметь право на 450 тыс. т тоннажа крейсеров, США оставить 300, а Японии – 250 тыс. т. И США ради сохранения главных договоренностей пошли на отказ от ограничения крейсеров и эсминцев.

Япония была главной проблемой на пути к подписанию соглашения. Она делила Тихий океан с англо-саксами, и ограничение в пропорции 5:5:3 явно её не устраивало. Бонусом выглядела статья XIX проекта договора, которая обязывала стороны поддерживать статус-кво в отношении укреплений и военно-морских баз (т.е. запрещала строить какие-либо новые укрепления) в Тихоокеанском регионе. В перспективе гипотетической войны американские или британские базы стали бы серьезной проблемой для японцев. И это давало надежду Японии на доминирование в западной части Тихого океана. Однако в начале перегово-

воров расхождение позиций внутри делегации чуть было не привело к отказу Японии согласиться на ограничения. Одна часть японской делегации оставалась верной стратегическому подходу, который диктовал минимально возможное соотношение по тоннажу 10:10:7, в то время как запросная позиция Военно-морского флота США была 10:10:5¹⁵. США и Великобритания обосновывали такое соотношение сил тем, что имели два флота – на Тихом океане и в Атлантике, – а Япония – один. Но позиция Японии основывалась на стратегической доктрине – одержать победу над флотами США в двух последовательных сражениях. Разгром американского Тихоокеанского флота был теоретически возможен при соотношении 5:7, а флот из Атлантики не успел бы на помощь из-за трудностей быстрого прохода линкоров через Панамский канал. Япония, тем не менее, согласилась на соотношение 5:5:3. В противном случае – гонка вооружений с США, выиграть которую было мало шансов. Японский ВВП составлял порядка 100 млрд, а американский – около 600 млрд в пересчете на доллары 1990 г.¹⁶

С Парижем и Римом у Вашингтона было меньше проблем. Предложенные ограничения не подвергали их риску, а их амбиции не выходили за пределы представлений других мировых держав. Итальянское правительство поддержало договор, но настаивало на равных условиях с Францией, что и получило. Франция не соглашалась на квоту по линкорам в 175 тыс. т и настаивала на 350 тыс.,

¹⁵ Office of the Historian, Foreign Service Institute United States Department of State. The Washington Naval Conference, 1921–1922. URL: <https://history.state.gov/milestones/1921–1936/naval-conference> (дата обращения: 15.11.2022).

¹⁶ William D. O’Neil. Interwar U. S. and Japanese National Product and Defense Expenditure. The CNA Corporation. Mark Center Drive. Alexandria, Virginia. 2003. Figure 1. URL: https://www.researchgate.net/figure/GDP-comparisons-Amounts-for-Japan-and-its-dependencies-are-cumulative_fig1_228643780 (дата обращения: 15.12.2022).

не желая уступать по этому лимиту Японии. Францию не устраивали изначальные планы США наложить ограничения на крейсера и эсминцы, а также желание Великобритании запретить подводные лодки¹⁷. Французская сторона, напротив, требовала выделить для подводных лодок тоннаж в 90 тыс. т. Когда США сняли предложение об ограничении на крейсера и эсминцы, а также убедили Великобританию отказаться от идеи запрета подводных лодок, то и французы смягчили позицию. Однако Франция была недовольна просьбой Италии о паритете их Военно-морских сил. В конце концов давление со стороны американской и британской делегаций заставило французов согласиться и подписать соглашение¹⁸. Таким образом, Франция также видела в крейсерах, эсминцах и подводных лодках способ компенсировать ограничения по линкорам. Ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: стороны были заинтересованы снизить взаимную угрозу и собственные расходы, но находились в поиске возможностей получить преимущество, а также в поиске новых технологий войны.

В определенной степени отклику на предложение США подписать договор способствовала финансовая зависимость стран союзниц по «версальской системе» (прежде всего Великобритании, Франции, Италии). По так называемому «Займу свободы» (Liberty Loan Act, 1917) союзники должны были Вашингтону более 11 млрд долл.¹⁹

¹⁷ Marriott L. *Treaty Cruisers: The First International Warship Building Competition*. Barnsley: Pen & Sword, 2005.

¹⁸ Giorgerini G. *Uomini sul fondo: storia del sommergibilismo italiano dalle origini a oggi*. Milano: Mondadori, 2002. P. 84–85.

¹⁹ Spykman N. J. *The United States and the Allied Debts*, Yale University: P. 173. URL: <http://www.zaoerv.de> Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (дата обращения: 17.11.2022).

Таким образом, можно выделить главные мотивы участников, которые привели их к решению подписать коллективное соглашение об ограничении вооружений:

1. Соблюдался временный баланс сил, обеспечивающий приемлемую на тот момент безопасность каждой стороны.

2. Отказ от ограничений и увеличение военных расходов не увеличивало бы собственную безопасность.

3. Сохранение потенциальной «лазейки» в виде нерегулируемого числа крейсеров (водоизмещение 10 тыс. т, калибр орудий 203 мм) и эсминцев давало надежду за счет них создавать асимметричную угрозу гипотетическому противнику.

Можно ли считать эти условия универсальными для заключения договоров об ограничении вооружений и в наше время?

Баланс стратегической безопасности и асимметричная угроза на современном этапе

В чем-то аналогичную ситуацию – получить большую безопасность в процессе «справедливого» и «пропорционального» сокращения стратегических ядерных сил (СЯС) или стратегических наступательных вооружений (СНВ) – мы наблюдаем сейчас. Еще до приостановки участия РФ в договоре СНВ-3²⁰ американская сторона выражала незаинтересованность в его сохранении, настаивая на привлечении к переговорам Китая и учета его СЯС. Пекин отказался обсуждать ограничения своих ядерных сил, мотивируя тем, что их значительно меньше, чем у США и РФ²¹.

²⁰ Подписан закон о приостановлении действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 28.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70599> (дата обращения: 05.03.2022).

²¹ Begin With New START, Not a New Arms Race. Arms Control Association. June 2020. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2020-06/focus/begin-new-start-not-new-arms-race> (дата обращения: 17.11.2022).

Однако и для России есть все основания настаивать на привлечении к переговорам Великобританию и Францию – главных ядерных союзников США. В Стратегической концепции НАТО (ст. 29) записано: «Стратегические ядерные силы Североатлантического союза, особенно Соединенных Штатов Америки, являются высшей гарантией безопасности стран НАТО. Независимые стратегические ядерные силы Соединенного Королевства и Франции играют собственную роль в сдерживании и вносят существенный вклад в общую безопасность Североатлантического союза. Отдельные центры принятия решений этих стран НАТО вносят вклад в сдерживание, усложняя расчеты потенциальных противников. Построение сил ядерного сдерживания НАТО также основано на развернутом в Европе ядерном оружии США передового базирования и вкладе соответствующих государств-членов. Центральное место в выполнении миссии НАТО по ядерному сдерживанию по-прежнему отводится летательным аппаратам двойного назначения, предоставленным государствами-членами»²². С такой опорой на СЯС союзники США могут «безболезненно» сокращать свой ядерный потенциал (на боевом дежурстве – 1774 боеголовки²³) и требовать того же от РФ.

После начала специальной военной операции на Украине заместитель госсекретаря США В. Нуланд заявила, что президент Путин покусился на свободу и демократию, «он испытывает основы международного права и всех нас», и «с точки зрения США, конец в игре дол-

²² Стратегическая Концепция НАТО 2022 года. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

²³ Число боеголовок США на начало 2022 года. Global nuclear arsenals are expected to grow as states continue to modernize—New SIPRI Yearbook out now. 13 June 2022. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/global-nuclear-arsenals-are-expected-grow-states-continue-modernize-new-sipri-yearbook-out-now> (дата обращения: 17.12.2022).

жен наступить после стратегического поражения России на Украине»²⁴. Таким образом, есть все основания учитывать ядерные силы США, Великобритании и Франции как единый потенциал. Тем более что между ядерными силами есть единая система связи, а планирование глобальных операций осуществляет Объединенное стратегическое командование ВС США. Каждая из четырех британских подводных лодок несет 16 ракет Трайдент II (до 8 боеголовок на каждую, на 2016 г. – 215, в планах до 260 штук). У Франции 300 стратегических боезарядов на четырёх АПЛ и еще имеется 60 тактических боезарядов авиационного базирования²⁵.

Когда США и СССР на момент заключения СНВ-1 в 1991 г. располагали более чем 48 тыс. боезарядов (из них у СССР на стратегических носителях было более 10 тыс.)²⁶, то ядерные арсеналы Великобритании и Франции не влияли принципиально на расстановку сил. Но после сокращения числа ядерных боеголовок до 1550 по договору СНВ-3 потенциалы СЯС Лондона и Парижа уже не могут не учитываться в стратегическом балансе Москвы и Вашингтона. Паритет СЯС, закрепленный в СНВ-3, соответствовал интересам сторон до того момента, когда «лазейка», изначально не учитывавшая влияние ядерных сил других стран, не подорвала баланс интересов, отраженный в договоре.

²⁴ U. S. Under Secretary of State Nuland on Accelerating Aid to Ukraine and Sanctions Against Russia. Just Security. March 9, 2022. URL: <https://www.justsecurity.org/80589/u-s-under-secretary-of-state-nuland-on-accelerating-aid-to-ukraine-and-sanctions-against-russia/> (дата обращения: 17.11.2022).

²⁵ Global nuclear arsenals are expected to grow as states continue to modernize—New SIPRI Yearbook out now. Stockholm International Peace Research Institute. 13 June 2022. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/global-nuclear-arsenals-are-expected-grow-states-continue-modernize-new-sipri-yearbook-out-now> (дата обращения: 17.11.2022).

²⁶ Armstrong M. How U. S. and Russian Nuclear Arsenals Have Evolved. Feb 22, 2023. URL: <https://www.statista.com/chart/16305/stockpiled-nuclear-warhead-count/> (дата обращения: 19.11.2022).

Условия и механизмы заключения договора об ограничении СЯС

Основной мотив, который был у сторон Вашингтонского соглашения 1921–1922 гг., – угроза, которую невозможно сбалансировать количеством аналогичных систем вооружений. В гонке вооружений другая сторона может потратить сравнимые средства и обнулить достигнутое преимущество количественным (зеркальным) образом. Это не только разорительно. Увеличение числа боеголовок или линкоров не уменьшает угрозу собственной безопасности.

Другой мотив – наличие нерегулируемых систем вооружений (стратегических «лазеек»), за счет которых можно получить некоторое преимущество. В межвоенный период такой «лазейкой» в принятых ограничениях оказались крейсера и в меньшей степени эсминцы. Они давали возможность сбалансированного сочетания скорости, немалого калибра орудий (203 мм) и маневренности за счет не слишком большого водоизмещения (10 тыс. т). Их можно было строить много и быстро. У британцев таким перспективным классом крейсеров был «Хокинс», у японцев – «Фурутака». Несколько крейсеров при одновременном нападении могли представлять угрозу линкору. В ядерную эпоху такой «лазейкой» могло стать размещение ядерных боеголовок на спутниках, тогда нанесение удара становилось неотвратимым и по превентивности сравнимым с выстрелом в висок. Но главные ядерные державы быстро осознали, что «лазейка» является симметричной и противоположная сторона тоже может разместить боеголовки на орбите. Тогда США, СССР и Великобритания без проволочек заключили в 1966 г. «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», которым запрещалось размещение ядерного оружия на орбите Зем-

ли²⁷. Запрет на создание «орбитальных» ракет будет затем продублирован и в Договоре ограничения стратегических вооружений от 1979 г. (ОСВ-2).

Возможность создания асимметричного преимущества стало фактором заключения договоров ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.). Во-первых, асимметричные преимущества давали новые места базирования стратегических ракет и забрасываемый вес. Договор ОСВ-1 установил, что подлежали ограничению баллистические ракеты нового типа, размещаемые на подводных лодках. Причем для увеличения их числа договором требовалось соответствующее снижение числа межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования²⁸.

Во-вторых, асимметричным созданием преимущества стала разработка противоракет. В 1972 г. СССР и США заключили отдельный Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), предусматривающий возможность развертывания 100 противоракет для прикрытия в радиусе 150 км своих наиболее важных объектов – столицы и мест базирования ядерного оружия (для СССР – над столицей; для США – над базой Ванденберг)²⁹.

В условиях фиксированного числа стратегических ракет созданием асимметричного преимущества стало увеличение числа боеголовок на одном носителе. Появились

²⁷ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 19.11.2022).

²⁸ Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений Ст. III. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVIII. М., 1974. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt> (дата обращения: 19.11.2022).

²⁹ Договор об ограничении систем противоракетной обороны. 26.05.1972. Ст. III. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762352/ (дата обращения: 19.11.2022).

разделяющиеся головные части (РГЧ) с блоками индивидуального наведения. В Договоре ОСВ-2 потенциальные асимметричные преимущества предотвращались через строгий учет. ОСВ-2 оговаривал отдельный учет баллистических ракет с моноблочными головными частями и ракет с РГЧ, а также кроме шахтных баллистических ракет и МБР на подводных лодках учитывал пусковые установки крылатых и баллистических ракет на стратегических бомбардировщиках.

Таким образом, мы видим, что развитие технологий и военно-стратегической мысли давало в перспективе новые асимметричные возможности стратегических преимуществ и облегчало согласие на ограничение используемых другой стороной зеркальных возможностей. Когда асимметричные возможности становились доступны (известны) другой стороне, они переставали быть асимметричными. Всего через 9 лет после Вашингтонского соглашения 1921–1922 гг., когда стали понятны возможности новых крейсеров и эсминцев, их количество тоже было отрегулировано Лондонским военно-морским договором 1930 г. Договор устанавливал ограничения для «тяжелых крейсеров» (с орудиями калибра до 203 мм). Великобритании разрешалось иметь 15 крейсеров общим тоннажем 147 тыс. т, американцам – 18 общим тоннажем 180 тыс. т, а японцам – 12 общим тоннажем 108 000 т. Для «легких крейсеров» (калибр орудий до 152 мм) лимиты составляли: 143,5 тыс. т – для американцев, 192,2 тыс. т – для британцев и 100,5 тыс. т – для японцев³⁰. Но уже в 1934 г. Япония вышла из договоренностей об ограничении, так как незеркальные возможности усилить свой

³⁰ Office of the Historian, Foreign Service Institute United States Department of State. The London Naval Conference, 1930. URL: <https://history.state.gov/milestones/1921–1936/london-naval-conf> (дата обращения: 19.11.2022).

потенциал закончились, а новые она желала оставить в тайне³¹.

Аналогичным образом возможные асимметричные преимущества Договор ОСВ-2 запретил еще на этапе разработки испытания и развертывания. Запрещались средства скоростного перезаряжания пусковых установок МБР; крылатые ракеты с РГЧ; тяжёлые мобильные МБР; баллистические ракеты, базирующиеся на иных плавсредствах, кроме подводных лодок, а также на морском дне. Стороны обязались ограничить стартовый и забрасываемый вес МБР, а максимальное количество боеголовок на каждой ракете должно оставаться на уровне, существовавшем 1 мая 1979 г.³²

Еще одним условием, облегчающим согласие сторон на ограничения, является трудность эффективной проверки. В морской политике межвоенного периода такая «лазейка» в договоренностях также стала рассматриваться как несимметричная возможность создания преимущества. Германия, находясь под ограничениями Версальского договора, начала под видом устаревшего класса броненосцев строительство малых, или легких, линкоров, которые британцы называли «карманными линкорами». В результате, когда у победителей были связаны руки Вашингтонским морским соглашением, побежденная Германия могла наращивать свой флот. При постройке самых крупных в истории японских линкоров типа «Ямато» доки закрывались маскировочными сетями, а также применялись другие меры секретности³³. Но уже в ОСВ-1 закрепляется право каждой стороны ис-

³¹ Japan's Refusal of Washington Treaty. 19 Dec 1934. World War II Database. URL: https://www2db.com/battle_spec.php?battle_id=45 (дата обращения: 19.11.2022).

³² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений. 18.06.1979. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 20.11.2022).

³³ Johnston I., McAuley R. The Battleships. MBI Publishing Company, 2000.

пользовать национальные технические средства контроля и обоюдная обязанность не чинить препятствия.

Таким образом, «лазейка» может быть как обманом, так и асимметричным действием противоположной стороны, не нарушающим формально договор. Возможность такого несимметричного действия может быть как упущением, так и специально продуманной опцией, служащей преимуществу одной из сторон. После выхода администрации Дж. Буша из Договора об ограничении ПРО в 2001 г. противоракетная оборона стала асимметричной возможностью создания стратегического преимущества. Не скрытой, а совершенно явной. Этим объяснялось желание США дальше понижать стратегические ядерные потенциалы в новых соглашениях, что делало ПРО более эффективной. После ратификации последнего договора СНВ-3 Сенат США принял резолюцию, в которой отмечалось, что новый договор не накладывает ограничений на развёртывание систем ПРО, в том числе в Европе.

Очевидно, что, если бы успехи США в разработке ПРО были больше и противоракетная оборона была развернута в Европе, Вашингтон уговорил бы Лондон и Париж присоединиться к переговорам с Москвой и, возможно, даже сократил бы свои ядерные потенциалы. Но сама ПРО является могильщиком всех потенциальных договоров о дальнейшем сокращении СЯС. Сегодня никто не пытается ограничивать линкоры и крейсера. Во Вторую мировую войну стало очевидным, насколько корабли уязвимы для авиации. И на Балтике, и в Черном море Германии удалось нейтрализовать советские ВМС в основном силами авиации. Американская авиация сыграла ключевую роль в уничтожении основных сил японского флота. Авиация стала могильщиком надводных артиллерийских крепостей. Но менялась и стратегическая концепция использования флота. Германия без

долгих переговоров подписала с Великобританией в 1935 г. договор о соотношении флотов 1:3 в пользу англичан³⁴. При всей условности соблюдения договора в перспективе новой войны Берлину нужен был флот не для охоты на британские линкоры, а для блокирования коммуникаций, уничтожения конвоев и морской блокады метрополии. Для этого лучше линкоров были подводные лодки и даже «рейдеры» – вооруженные торговые суда (или военные, замаскированные под мирные). Флот становился инструментом для других стратегических задач.

Может ли подобным образом измениться ситуация в настоящее время со стратегическими ядерными силами? Стоит вспомнить, что после подписания Договора о ракетах средней и меньшей дальности 1987 г. асимметричное преимущество получили США, так как запрет касался ракетных систем только наземного базирования. Американская сторона сохранила крылатые ракеты морского и воздушного старта, которые СССР тогда только разработал, но массово не развернул. Спустя 30 лет военная операция РФ в Сирии продемонстрировала применение российских крылатых ракет морского базирования с дальностью около 1,5–2,5 тыс. км. Размер крылатых ракет (подобных «Калибру») позволяет их размещать скрытно на кораблях самого небольшого водоизмещения (вплоть до баржи), их непросто отследить даже со спутников. Они могут базироваться на реках во внутренних районах и перемещаться далеко от национальных границ по мировому океану. Если их конвенциональную боевую часть заменить на ядерную (более легкую), дальность полета может составить 3–5 тыс. км.

Когда тактические системы оружия приобретают стратегические возможности и влияют на стратегический ба-

³⁴ Anglo/German Agreement of 1935. URL: http://www.navweaps.com/index_tech/tech-089_Anglo_German_Agreement_1935.php (дата обращения: 20.11.2022).

ланс, они побуждают стороны либо соглашаться на ограничения, либо выходить из договора совсем. Это касается и ПРО, и крылатых ракет морского базирования, которые, ликвидировав отставание РФ, не оставили США смысла пребывания в договоре о РСМД и подтолкнули к выходу в 2019 г.³⁵ Таким образом, если угроза со стороны большого числа небольших носителей крылатых ракет морского базирования станет перевешивать угрозу со стороны МБР, стороны пойдут на их сокращение.

Точно так же не будет большого смысла в сохранении современного потенциала шахтных МБР, если одна из сторон начнет развивать мобильные компактные комплексы МБР, способные затеряться в транспортной инфраструктуре. В конце советской эпохи полноценную баллистическую ракету уже можно было разместить на платформе железнодорожного вагона, закамуфлированную под вагон-рефрижератор (ракетный комплекс РТ-23 УТТХ и его дальнейшее развитие – БЖРК «Баргузин»). Современные технологии позволяют сделать МБР вместе с пусковой установкой в форм-факторе грузовика с 40-футовым контейнером, который практически неотличим от обычного грузовика-контейнеровоза с расстояния нескольких метров. Тем более неотличим от других грузовиков со спутника и подобно железнодорожным ракетным комплексам может затеряться на бескрайних просторах транспортной инфраструктуры. Очевидно качественное преимущество таких систем перед подвижными грунтовыми установками МБР. Договор СНВ-3 ограничивает районы базирования грунтовых комплексов МБР (перемещение внутри этих районов легко отслеживается спутниковыми разведывательными системами), но СНВ-3 пока содержит «лазейку» для же-

³⁵ U. S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019. U. S. Department of State. URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/index.html> (дата обращения: 20.11.2022).

лезнодорожных и автомобильных (дорожных) комплексов МБР.

Аналогичную (но принципиально новую) возможность асимметричной угрозы стратегической безопасности дают беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Тактический ядерный заряд уже в 70-е годы прошлого века помещался в артиллерийский снаряд калибром 152–155 мм и массой около 40 кг. Появление компактных «беспилотников», трудно заметных для ПВО, способных на низкой высоте преодолевать до тысячи километров, дает возможность использовать их в качестве носителей для тактических ядерных зарядов, которые сразу же превращаются в оперативно-тактические, а в перспективе и в стратегические. Не меньшее влияние на изменение стратегического баланса может оказать размещение ядерных зарядов на подводных «беспилотниках», которые еще труднее поддаются контролю и обнаружению. В Стратегической концепции НАТО (ст. 29) не случайно средства доставки ядерного оружия названы «летательными аппаратами двойного назначения». Можно понимать под этим самолеты, способные нести бомбы и крылатые ракеты как с конвенциональными, так и с ядерными зарядами, а можно понимать под этими летательными аппаратами «беспилотники». Новое качество носителей практически не поддается контролю. Если проконтролировать размещение СЯС на орбите, на воде или на земле возможно, то в случае компактных БПЛА – нереально.

Пока дестабилизирующие равновесие технологии еще не реализованы в практической плоскости. Но предыдущий опыт показывает, как это происходило. Многочисленные усилия по ограничению флотов закончились обнулением их стратегической ценности авиацией во время Второй мировой войны, а потом – противокорабельными ракетами. Российско-американские договоры по СНВ движутся

к роковой черте благодаря совершенствованию американской ПРО и из-за необходимости учета ядерных арсеналов союзников США и Китая. Но только угроза заставляет договариваться. Дестабилизирующая технология может стать принуждением. Равная возможность разместить ядерные боеголовки на орбите заставила стороны отказаться от угрозы, которую невозможно контролировать. Стороны стали договариваться. Попытка РФ – создание стратегической ядерной торпеды («Посейдон») против целого побережья – пока не особенно встревожила США. Новое слово – БПЛА. Рой ядерных «беспилотников», труднозаметных для РЛС, которые можно запускать с земли, с самолетов, кораблей и подводных лодок. Такую стратегию сначала могут взять на вооружение страны с латентным ядерным противостоянием (Пакистан – Индия, Иран – Израиль).

В целом ситуацию стратегического баланса можно представить в виде матрицы, в которой два параметра – «технология меча» и «технология щита» – образуют разные сочетания со знаком + (наличие) и со знаком – (отсутствие). Эти сочетания – слабости или силы в обороне, слабости или силы в нападении – вынуждают к договоренностям или разрушают их.

Ситуация конца гонки вооружений и предпосылки к договоренности возникает при сочетании «меч+ щит–» с каждой стороны, т.е. наличие «технологий меча» и отсутствие «технологий щита» означает увеличение военного потенциала без увеличения безопасности. Плюс увеличение угрозы перенапрягает экономику. Щитом является только возможность ответно-встречного удара.

Тупиковая ситуация – наличие «щита» и «меча» с каждой стороны («меч+ щит+» и «меч+ щит+») означает холодную войну без стимулов к ограничению вооружений. Стороны находятся в своих углах ринга. Угроза сбалансирована за-

щитой. Но ситуация может опасно измениться, если одна из сторон получит к «щиту» или «мечу» дополнительный «плюс».

Как только новые технологии создают асимметричное преимущество одной из сторон (сочетание «меч+ щит–», с одной стороны, и «меч+ щит+», с другой, или «меч– щит+» и «меч+ щит+»), договоренности подрываются дестабилизирующей угрозой.

Договариваться не будут со слабой стороной («меч– щит–»), договариваться не стремятся стороны, которые условно безопасны друг другу («меч+ щит–» и «меч– щит+»). Надежней всего гипотетический мирный тупик («меч– щит+» и «меч– щит+»), т.е. отказ от наступательных вооружений.

В реальности стратегическая безопасность состоит из множества факторов, которые могут иметь «плюс» или «минус», но в балансе безопасности всегда учитывается суммарная комбинация наступательных и оборонительных возможностей одной и другой стороны. А к договоренности подталкивает лишь угроза безопасности, т.е. её дисбаланс. История переговоров о контроле вооружений свидетельствует о циклическом процессе: попытка овладения преимуществом через технологию, затем угроза становится симметричной после овладения технологией другими, гонка вооружений приводит к переговорам, договоренности подрываются асимметричным преимуществом на следующем технологическом витке.

Таким образом, можно резюмировать предпосылки к началу переговоров и выходу из договоренностей. С одной стороны, многосторонним договоренностям об ограничении или сокращении стратегических вооружений способствует учет интересов участников через создание баланса безопасности. С другой стороны, создание асимметричной возможности усиления собственной безопасности (или снижения

безопасности противоположной стороны) в рамках договора или в его обход нарушает стратегическое равновесие и неуклонно ведёт к выходу из договоренностей. Если одна из сторон утрачивает асимметричное преимущество в безопасности и эта технология становится доступна остальным, то попытка сохранить безопасность за счет больших расходов приводит к гонке вооружений, т. е. меньшей безопасности при больших расходах. Наконец, большую безопасность при меньших расходах даст новое соглашение, которое отражает доминирование технологий защиты над технологиями нападения, при условии надежного контроля соблюдения договоренностей. Договоренность по одному параметру не должна оставлять свободу по другому. Стороны всегда питают надежду на асимметричные преимущества. Зеркальными должны быть как шансы на защиту, так и шансы на удар.

Литература

Равен А., Робертс Д. Британские линейные корабли «Nelson» и «Rodney». СПб.: Бриз, 1995. 60 с.

Davis C. L. Linkage diplomacy: economic and security bargaining in the Anglo-Japanese alliance, 1902–23. // *International Security*. 2009. № 33.

Evans D., Peattie M. *Kaigun: Strategy, Tactics and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941*. Annapolis: Naval Institute Press, 1997.

Giorgerini G. *Uomini sul fondo: storia del sommergibilismo italiano dalle origini a oggi*. Milano: Mondadori, 2002.

Johnston I., McAuley R. *The Battleships*. MBI Publishing Company, 2000. 192 p.

Kennedy M. D. The Estrangement of Great Britain and Japan 1917–35. Los Angeles: University of California Press, 1969. 363 p.

Kennedy, P. The Rise and Fall of British Naval Mastery, L.: Macmillan, 1983. 464 p.

Marriott L. Treaty Cruisers: The First International Warship Building Competition, Barnsley: Pen & Sword, 2005. 192 p.

Potter E. (ed.) Sea Power: A Naval History (2nd ed.). Annapolis: Naval Institute Press, 1981.

Symonds, C. L. The U. S. Navy: A Concise History. Oxford University Press, 2016.

Глава 14

Курды – жертвы империалистической политики западных держав?

Преамбула. К постановке проблемы

Несмотря на приближение 100-летней годовщины окончательного разделения этногеографического ареала Курдистан (5 июня 1926 г.), курдский вопрос по-прежнему остаётся одним из наиболее актуальных на Ближнем Востоке. Свидетельствами в пользу этого являются, в частности:

1. Провал Референдума о независимости Иракского Курдистана, который был проведён осенью 2017 г. и не был поддержан ни одной из региональных (не говоря уже о мировых) держав (за исключением Израиля).

2. Беспорядки второй половины прошлого года (2022) в Иране, застрельщиками которых – наряду с белуджами – выступили курды (провинции Курдистан, но и не только).

3. Текущая политическая динамика в Сирии, где руководство Автономии Северной и Восточной Сирии – так называемой «Рожавы» (представленное преимущественно курдами) – чем дальше, тем больше стремится к переговорам с правительством Б. аль-Асада, позиции (признание) которо-

* Автор главы: И.Н. Веденеев, ORCID: 0000-0002-8808-9745.

го – во всяком случае, на международном уровне – постепенно лишь укрепляются. Так, 7 мая было принято решение о возвращении САР в Лигу арабских государств¹. Как следствие этого, сирийские курды ищут посредников (в частности, в ОАЭ) для переговоров с Дамаском². Отчасти этому также способствует то обстоятельство, что России и Турции удалось если не полностью солидаризоваться, то максимально сблизить свои позиции по целому ряду направлений двустороннего сотрудничества (в том числе сирийскому треку, вопросам послевоенного урегулирования).

Таким образом, представляется, что курдский вопрос остаётся в настоящее время – к несчастью для самих курдов – далёким от разрешения. В этом плане он может быть соотнесён с палестино-израильским конфликтом как по степени «неразрешимости», так и по числу (равно как к несхожести между собой) сторон, вовлечённых в противодействие. В любом случае речь должна идти, как минимум, о застарелой вражде между народами (применительно к курдскому вопросу: между курдами, с одной стороны, и арабами, турками и иранцами – с другой).

С одной стороны, не будет ошибкой утверждать, что вражда между народами является следствием разделённости Ближнего Востока. Что, в свою очередь, восходит к событиям начала XX в.: Первой мировой войне, поражению в ней Османской империи и последующему разделению её на ряд подмандатных территорий западных держав (Велико-

¹ Главы МИД арабских стран одобрили возвращение Сирии в ЛАГ // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/05/07/974143-glavi-mid> (дата обращения: 09.05.2023).

² Syria's Kurds turn to UAE to ease tensions with Assad // al-Monitor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/05/syrias-kurds-turn-uae-ease-tensions-assad> (дата обращения: 09.05.2023).

британии и Франции). С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов фактор идеологии национализма, которая – имея в виду региональную специфику – подчас переплетается с религиозной идентичностью, точнее, *религиозным аспектом* идентичности (как то имеет место в Иране после Исламской революции 1979 г.). В-третьих, необходимо иметь в виду внешний фактор, который – даже если оставить события начала XX в. (говорящие сами за себя) – непосредственно влиял (если не сказать, напрямую вмешивался) на события в регионе.

В качестве «непосредственного влияния» можно отметить роль СССР (Октябрьскую революцию и победу во Второй мировой войне) в становлении международного рабочего и национально-освободительного движений (которые на периферии капиталистической *мир-системы* – или, как тогда говорили, в странах «третьего мира» – переплетались между собой, шли подчас «внахлёт»). В качестве «прямого вмешательства» можно привести операцию «Аякс», проведённую западными спецслужбами в 1953 г., с целью свергнуть прогрессивное правительство М. Моссадека в Иране (увенчалась успехом).

Однако СССР тоже оказывал прямое вмешательство в события в регионе, в частности приняв участие – совместно с Великобританией – в отречении шаха Р. Пехлеви в 1941 г. Именно присутствие Советской армии на территории Северного Ирана сделало возможной попытку реализации иранскими курдами – во главе с К. Мухаммедом – проекта Мехабадской Республики, которая просуществовала в г. Мехабаде менее года (январь – декабрь 1946 г.). Уход Советской армии стал решающим фактором, обусловившим поражение республики³.

³ Подробное описание тех событий (по материалам советских архивов) см.: Магомедханов В. М. Курды – забытые союзники СССР. М.: ИВ РАН, 2020.

Иными словами, активное присутствие на Ближнем Востоке – будь то напрямую или опосредованно – имело место в равной степени как со стороны Великобритании и США (стран-гегемонов мировой капиталистической системы), так и СССР (со странами-сателлитами социалистического лагеря). Также в определённой степени имело место влияние Китая, в сфере идей (*маоизма* как идеологии, пути развития стран третьего мира в ситуации, когда СССР провозглашался страной «ревизии социализма»)⁴.

Для внешнего наблюдателя всегда существует большой соблазн отнести все проблемы и противоречия, существующие в регионе, внешнему воздействию. Аргументы, приведённые выше, свидетельствуют в пользу того, что внешний фактор имел большое влияние на политику на Ближнем Востоке на протяжении всего XX в. Более того, можно сказать, что и в настоящее время роль внешнего фактора не уменьшилась (помимо того, что роль и влияние России на Ближнем Востоке – вплоть до прямого вмешательства в события в Сирии в 2015 г. – постепенно уменьшались после распада СССР, в то время как КНР, напротив, возрастали пропорционально росту экономической мощи страны). Однако вопрос о соотношении внешнего и внутреннего фактора применительно к тому же курдскому вопросу остаётся открытым.

Коль скоро нашей целью является получить объективное представление о сложившейся ситуации (если не сказать, обстоятельствах, стоявших в истоке её генезиса), нам необходимо внести максимальную ясность: последовательно разбирая феномены, руководствуясь при этом принципами *системности* (всякое явление должно рассматриваться не само по себе, но в совокупности, преемстве тенденций)

⁴ В частности, влияние идей маоизма испытали на себе левые курдские интеллектуалы (как иракские, так и турецкие). Определённой популярностью эти идеи также пользовались в Африке (в частности, в Мозамбике).

и *историзма* (каждую эпоху необходимо оценивать, исходя из её реалий).

Таким образом, цель данной главы – дать ответ на вопрос, какова была роль внешнего фактора в трагических событиях истории курдского народа в XX в. Точнее, каким образом внешний фактор (совокупность внешних обстоятельств) может быть соотнесён с фактором становления национального движения как такового (как если бы было возможно вычленить внутреннюю логику становления национального движения, которая была бы присуща курдскому национализму имманентно, вне всякого воздействия извне).

Как следствие этого, необходимо прояснить, как минимум, следующие аспекты:

1. Внешний фактор (во всём разнообразии его проявлений на разных этапах курдской истории).

2. Логiku становления самого национального движения курдов в XX в. (на примере материала преимущественно иракских курдов, но также и турецких).

Предпосылки формирования национального сознания курдов (конец XIX – начало XX в.)

Известно, что, если брать на вооружение – в качестве методологии исследования – *теорию систем*, необходимо уделить первостепенное внимание этапу генезиса системы, так как именно на этом этапе закладываются её основные «характеристики», которые неизменно дадут о себе знать в более поздний период. Чтобы уяснить этот момент применительно к курдам, необходимо само национальное движение рассматривать в качестве своего рода «системы», которая – будучи совокупностью связанных между собой элементов – развивается во времени и пространстве, постепенно видоизменяясь: а) под воздействием внешней среды;

б) внутренних, «изначально» заложенных в ней противоречий.

Обращаясь к трудам классика отечественного курдоведения М. С. Лазарева, мы можем зафиксировать следующие факторы курдского общества, каким мы застаём его в последней трети XIX – начале XX в., т.е. накануне зарождения национального движения этого народа как такового:

1. Во второй половине XIX в. имел место ряд крупных восстаний, целью которых было добиться (вернуть) автономный статус курдских владений после «повторного завоевания» Курдистана османскими войсками во главе с Мехмедом Решидом-пашой в 1834 г. Ни одно из них не увенчалось успехом, и трудно судить, насколько руководители восстаний (Бадр-хан, его племянник Езданшир и сыновья Хусейн и Осман, а также шейх Обейдулла)⁵ имели своей целью основать курдское государство (в том смысле, как мы сейчас понимаем государство, а не только лишь как *феод*, неразрывно связанный с личностью своего владельца).

2. Характерной чертой курдского общества было сохранение обычаев «военной демократии», которая, в частности, маскировала факт распада родоплеменных отношений (признаком чего выступало далеко зашедшее классовое расслоение).

3. Несмотря на то что феодальный способ хозяйствования был доминирующим, уже в конце XIX в. в Курдистане зародились элементы капиталистических отношений (ростовщичество, производство продуктов на экспорт, а не для внутреннего потребления, эксплуатация вольнонаёмного труда). В XX в. эта тенденция усилится, послужив ката-

⁵ Восстание Бадр-хана в Джазире имело место в 1843 г., Езданшира – в 1854 г., Хусейна и Османа – в 1878 г., шейх Обейдулла организовал съезд вождей племён в 1880 г.

лизатором национального движения и самой идеологии курдского национализма.

4. С одной стороны, курды боролись против ставших реакционными в ту эпоху правительств Турции и Ирана, с другой – лидерами движений выступали племенные вожди, назвать которых прогрессивными было бы весьма затруднительно. Как минимум, они стремились к максимальному упрочению собственной власти (что становилось возможно за счёт консервации «изжившего себя» родоплеменного строя).

5. Курдский вопрос никогда не был проблемой только Османской империи или Ирана: уже во второй половине XIX в. на территории Курдистана сталкивались интересы России и Великобритании, которые при проведении своей политики в регионе стремились использовать курдов. В особенности это касалось англичан, в то время как Россия часто игнорировала вождей курдов, даже когда они сами обращались к ней. Петербург был заинтересован в первую очередь в стабильности региона, видя проводников своего влияния прежде всего в религиозно близких армянах⁶.

Курдский национализм между мировыми войнами (20–30-е гг.). Восстание шейха М. Барзанджи (1919 г.)

Помимо собственно курдского фактора, необходимо также дать – по возможности краткую – политэкономическую характеристику Ирака, каким мы застаём его на момент создания этой подмандатной территории (1920 г.).

Мосул и Курдистан были отняты османами у сефевидов в 1516 г., в то время как Багдад⁷ и Басра были присоедине-

⁶ Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. С. 31, 36, 50.

⁷ Османы утрачивали контроль над Багдадом в периоды: 1623–1639 гг. (в пользу сефевидов) и 1704–1831 гг. (в пользу мамлюков).

ны к Блистательной Порте в 1555 г.⁸ После 1831 г. начался процесс (ре)интеграции провинций в состав Османской империи. Иными словами, можно утверждать, что *вилайеты* (провинции) Басра, Багдад и Мосул пользовались – подобно многим другим регионам империи – относительной автономией. Такое положение дел сохранялось до реформ Танзимата, второй половины XIX в.

Можно сказать, что впоследствии (после проведения реформ по централизации управления империей, а также «повторного завоевания» Курдистана, о котором было сказано в предыдущем разделе) многие «вольности» местного самоуправления были ликвидированы. Однако, как отмечают исследователи этого вопроса М. Фарук-Слаглетт и П. Слаглетт, элиты, осуществлявшие управление «на местах», всё равно оставались в неизмеримо бóльшей степени погружёнными в местную специфику, ориентирующимися на локальные группы интересов. В связи с этим примечателен тот факт, что в своих внешних (торговых) сношениях все три провинции, образовавшие «национальное тело» Ирака, ориентировались на разные регионы Ближнего Востока⁹. Данное обстоятельство прибавляло не только колорита, но и сложности управления страной (что вполне осознавалось первым руководителем страны – королем Фейсалом I из династии Хашимитов, – однако было в критической степени недооценено его ближайшими преемниками).

24 июля 1923 г. был подписан Лозаннский договор, делавший ничтожным (в юридическом смысле) Севрский мирный договор, который де-факто так и не вступил в силу¹⁰. С точки зрения практической политики договор ставил

⁸ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I. B. Tauris, 2001. P. 1.

⁹ Ibid. P. 2.

¹⁰ Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989. С. 193.

крест на какой-либо независимой курдской государственности (как то подразумевал Севрский договор, заключённый 10 августа 1920 г.). Более того, – как показали дальнейшие события – проекты таких секретных курдских обществ, как «Хойбун» и «Азади», также не увенчались успехом¹¹.

Вместе с тем следует признать, что Севрский договор стал значимым (если не сказать, первым в мировой истории) признанием права курдов на самоопределение, притом западными державами (т.е. на международном уровне). Можно сказать, что память о нём стала знаменем, вдохновившим не одно поколение курдских революционеров (притом во всех четырёх странах, разделивших Курдистан).

По мнению М. Азиза, автора книги «Курды в Ираке: национализм и идентичность в Иракском Курдистане», период от Севра до Лозанны стал «водоразделом в политической истории курдов». Более того, можно сказать, что, с одной стороны, упущенные возможности, а с другой стороны, неисполнение колониальными державами их обещаний о предоставлении государственности привело к тому, что курды начали ощущать себя в качестве «расходного материала в руках великих держав»¹². Данная точка зрения была недалеко от истины.

Следующим значимым событием стало включение вилайета Мосул в состав британской подмандатной территории Ирак в 1925 г. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что в плоскости практических интересов передача Мосула (до окончания Первой мировой войны относимая к сфере интересов Франции)¹³ была сопряжена со стремлением

¹¹ Веденеев И. Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг. Факторы взаимовлияния: дисс. ... канд. ист. наук. РАН, 2022. С. 66, 71.

¹² Aziz M. The Kurds of Iraq: Nationalism and Identity in Iraqi Kurdistan. I. B. Tauris, 2014. P. 62.

¹³ Французской подмандатной территории Сирии.

британской короны обеспечить себе доступ к нефти. Также бытовало соображение, которое сегодня можно было бы назвать «геостратегическим», согласно которому Великобритания видела во включении в состав Ирака горного региона естественный «заслон» чьим-либо притязаниям на контроль над страной. С нашей точки зрения, не будет преувеличением сказать, что в конечном итоге англичане рассматривали Ирак в качестве своего рода «связующего звена» в цепи коммуникаций, раскинувшихся по всему региону: от Суэца до Индии¹⁴.

Опасения Великобритании не были напрасными, так как кемалисты – руководствуясь доктриной «Национального обета» (тур. *Mîsâk-ı Millî*) – не намеревались уступить территории Северного Ирака (населённые, помимо курдов и арабов, *туркоманами*¹⁵)¹⁶. Обстановка была накалена до предела, будучи близка к прямому военному столкновению. Обе стороны активно задействовали агентуру по другую сторону границы (турки – с целью поднять восстание южных курдов¹⁷, британцы – согласно утверждениям турецких источников – инициировали восстание *несториан*)¹⁸.

¹⁴ Веденеев И. Н. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Потомками тюркских переселенцев из Центральной Азии (совр. турецкое название *Türkiye Türkmenleri*, т.е. букв. «турецкие туркмены»). В русском и английском языках бытует обозначение «*туркмены*» (соотв. *Turkmens*), однако их не следует путать с современными туркменами (населением Республики Туркменистан). Турецкие (равно как и иракские) туркоманы не имеют к ним отношения (во всяком случае, не в контексте политики в XX в.).

¹⁶ Доктрина «Национального обета», принятая последним османским парламентом и поддержанная кемалистами в январе 1920 г., подразумевала, что все территории Османской империи с тюркским населением должны воссоединиться в рамках новой, единой турецкой государственности.

¹⁷ Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. P. 80.

¹⁸ Веденеев И. Н. Указ. соч. С. 35.

Ни одна из сторон не желала уступать и, как следствие этого, было принято решение о международном арбитраже – в лице комиссии Лиги Наций, призванной определить дальнейший статус провинции Мосул. После продолжительного разбирательства, сопряжённого с давлением со стороны Великобритании и некоторыми подтасовками¹⁹, было вынесено решение в пользу присоединения Мосула к подмандатной территории Ирак. Правительству Мустафы Кемаля, победившему до этого в Войне за независимость (1919–1923) против международной интервенции, пришлось довольствоваться денежной компенсацией.

5 июня 1926 г. был заключён Анкарский (известный в отечественной историографии как Англо-ирако-турецкий)²⁰ договор, который урегулировал спор между Великобританией и Турцией по вопросу Мосула, тем самым окончательно разделив этногеографический ареал Курдистан (точнее, став последним этапом разделения Курдистана). С этого момента всё последующее развитие национального движения курдов в Ираке стало происходить преимущественно в рамках иракской политики, в то время как курдов Турции – турецкой. Эта ситуация будет сохраняться вплоть до 60-х годов, когда взаимодействие между национальным движением одного народа в двух странах станет возможно, как минимум, теоретически (в первую очередь вследствие становления национального движения в Турции: десятилетия спустя после разгрома восстаний курдских националистов 20–30-х годов).²¹

¹⁹ Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914–1921. Columbia University Press, 2004. P. 85.

²⁰ Англо-ирако-турецкий договор 1926 года, 5 июня // Советская историческая энциклопедия. 1973–1982. Т. 1. 1961 // Документы XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/3703> (дата обращения: 08.05.2023).

²¹ Веденеев И. Н. Указ. соч. С. 143.

По мнению М. Азиза, курдский национализм первых трёх десятилетий XX в. может быть охарактеризован как история «племенных националистических движений», которые «бросили вызов османским, британским и иракским властям»²². Признаётся точка зрения (впервые изложенная Д. Макдауэллом), что британская политика в отношении курдов состояла на том этапе в «ретрайбализации» курдского общества²³, что виделось чиновниками британской колониальной администрации действенным способом по препятствованию развитию *общественных отношений* в курдском обществе. Иными словами, удержания внешнего (хотя и непрямого, «опосредованного») ²⁴ управления.

В то же время тезис о том, что курдские восстания этого периода могут рассматриваться как «баланс между племенными и националистическими интересами», представляется небесспорным. С нашей точки зрения – здесь мы также солидарны с Макдауэллом – например, шейх Махмуд Барзанджи может рассматриваться в качестве «националиста» лишь ретроспективно. Фактически же он не был таковым *субстанционально* (с точки зрения тех общественных структур, что призвали его к историческому бытию, сделали его политическую фигуру возможной). *Функционально* (с точки зрения той политики, что он проводил практически) назвать его националистом – в полном смысле слова – также не представляется возможным. Насколько позволяют судить доклады британских политических офицеров, шейх Махмуд не ставил перед собой цель создания некоего по-

²² Aziz M. Op.cit. P. 62.

²³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I. B. Tauris, 2004. P. 157.

²⁴ В 1932 г. была провозглашена независимость Ирака, ему было предоставлено место в Лиге Наций. Однако можно сказать, что страна находилась под плотным контролем Великобритании (в лице прежде всего советников) вплоть до Июльской революции 1958 г. (попытка выйти из-под контроля в ситуации Второй мировой войны привела к оккупации страны Великобританией в 1941 г.).

добия бюрократического аппарата государства (напротив, его власть носила ярко выраженный персонифицированный характер)²⁵. Более того, нам известно, что подобно шейху Саиду Пирани (который возглавил восстание турецких курдов 1925 г.) Барзанджи призывал к *джихаду*, в то время как гипотетическое курдское государство если и представлял себе, то в виде своего личного феодального *домена*.

Однако, отдавая себе отчёт во всех этих обстоятельствах, также необходимо иметь в виду, что своими действиями (далекими от того, чтобы быть успешными) он действительно способствовал становлению курдского национализма (как минимум – националистических *настроений*) в курдском обществе²⁶.

В том, что касается восстаний Барзанджи, необходимо кратко резюмировать, что в 1918 г. он был назначен британцами *хукумдаром* (руководителем) Сулеймании. После этого между ним и англичанами возникло некоторое «недопонимание». Так, с одной стороны, он очевидным образом превысил свои полномочия, провозгласив себя «королём Курдистана». С другой стороны, уровня поддержки, на которую он мог рассчитывать среди курдов, было недоста-

²⁵ McDowall D. Op.cit. P. 156.

²⁶ Такая постановка вопроса основана на неявной интуиции, согласно которой люди могут обладать настроениями, которые могут интерпретироваться как «националистические», но для того чтобы стать «национализмом», им необходимо принять соответствующую организационную форму (прежде всего политической партии). Так, например, шейх Махмуд не смог создать широкой «платформы», которая смогла бы привлечь к нему сторонников из других (не его) племён и клана. Но одновременно с этим необходимо признать, что Демократическая партия Курдистана (ДПК), созданная Моллой Мустафой Барзани в середине 40-х годов, несмотря на свою внешнюю форму (политической партии), в очень большой степени по-прежнему базировалась на личном авторитете её руководителя (вождя племени *барзан* и шейха суфийского ордена *накибанди*). Иными словами, эта проблема носила системный характер, упираясь в самую «дисперсную» *структуру* курдского общества, а не была производной лишь от прихоти того или иного (по определению харизматичного) вождя, бравшего на себя – вольно или невольно – роль лидера национального движения. Своеволие шейха Махмуда определённо играло свою роль, но было скорее следствием, чем причиной объективных общественных отношений.

точно (что представляло собой проблему в том числе для колониальной администрации, так как среди многочисленных курдских аг и шейхов не было лидера, который был бы способен привести всё население Северного Ирака к повиновению). Как следствие, восстание потерпело поражение от британского оружия, однако проблема эффективного управления краем, склонным к сепаратизму, оставалась на повестке дня.

Таким образом, можно сделать вывод, что сразу после распада Османской империи внешний фактор оставался значимым с точки зрения динамики национального движения курдов. Вместе с тем он сам оказывался вынужден в значительной степени «подстраиваться» под те отсталые общественные отношения, что существовали в регионе.

В то же время деятельность шейха Махмуда способствовала развитию курдских идей национализма, что, в частности, может быть прослежено по возникновению ряда организаций до окончания Второй мировой войны. В их числе необходимо упомянуть:

1. Комала-и Лаван («Организация молодёжи»). Багдад, 1930 г.
2. Комала-и Брайати («Организация братства»). Сулеймания, 1938–1943 гг.
3. Шориш («Революция»).
4. Ризгар-и Курд («Освобождение курдов»). 1945 г.²⁷

Курдский национализм в период политической турбулентности в Ираке (1958–1968 гг.). Раскол национального движения

Несмотря на то, что последующее восстание Барзанджи (1922–1924) было подавлено англичанами так же, как и первое (при активном задействовании авиации), нельзя

²⁷ Aziz M. Op. cit. P. 66.

утверждать, что иракские курды натолкнулись на столь же репрессивный режим, что и курды Турции, восстания которых (уже упоминавшегося шейха Саида Пирани, а также Араратское восстание 1930 г.) были также подавлены. В лице турецкого государства курды столкнулись с намного более сильным противником, решительно настроенным на подавление всякого сопротивления (и даже полную ассимиляцию) этнического меньшинства.

С нашей точки зрения, это представляется связанным с наличием в Турции традиций сильной государственности (если не сказать, представлений о престижности военной службы и армии в целом, равно как и офицерском корпусе как элите страны)²⁸. В противоположность этому в Ираке не существовало традиции государственности как таковой (Месопотамия никогда не была самостоятельным государством со времён Древней Ассирии и Вавилона). В то же время династия Хашимитов, оказавшаяся – при всемерной поддержке британских колонизаторов – у власти в Багдаде, не представляла собой профессиональных военных и не делала ничего для того, чтобы сделать армию реальной опорой своей власти (классовое «отпадение» которой стало одной из социально-политических причин падения режима в 1958 г.).²⁹

Что касается «ирако-курдской» политики, то она заключалась – как было упомянуто в предыдущем разделе –

²⁸ В связи с этим необходимо отметить, что военные неоднократно – на протяжении всего XX в. – становились одним из основных «агентов» модернизационных перемен и трансформаций в странах «третьего мира». В то же время в тех странах, где правящая элита либо сама не имела военного происхождения, либо не могла или не хотела сделать службу в армии престижной (как то имело место в Ираке), именно эта сила становилась в конечном итоге источником революционных потрясений. Вместе с тем следует отметить, что, становясь агентом социально-политических трансформаций, военные – в том, что касалось вопросов «сепаратизма», – занимали неизменно реакционную роль (кейс иракских курдов демонстрирует это максимально наглядно).

²⁹ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Op. cit. P. 44.

в «изобретении традиции» в лице курдских деревенских старост, «раскопанных» сотрудниками британской администрации в качестве представителей «древних племён»³⁰. Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, в Ираке – как и в Турции – удалось в целом кооптировать курдов в правящий истеблишмент (кемалистские репрессии преследовали, в сущности, ту же цель), а с другой – это не потребовало применения такого «объема насилия» в отношении непокорных горцев, как в Турции.

Впрочем, следует отметить, что уже к 40-м годам британские советники начали сетовать на недалёковидность политики Багдада в отношении курдов, которая свелась к преследованию нового лидера национального движения – Моллы Мустафы Барзани – как «бешеной собаки», вместо того чтобы предоставить ему амнистию и оставить в покое³¹. Немалую роль в этом сыграл, насколько можно судить, этнический шовинизм арабских элит по отношению к курдам (в том числе, казалось бы, «классово близких» представителей курдского нобилитета).

Что же касается «турецко-курдского» кейса, следует отметить следующее. С одной стороны, как показал опыт новой турецкой, республиканской государственности в XX в., нет таких способов, «социальных технологий», которые позволили бы полностью стереть чью-либо этническую (либо конфессиональную) идентичность. Кейс турецких курдов – на протяжении всего XX в. – лучшее тому подтверждение. Однако, с другой стороны, кемалистскому руководству действительно удалось сломить курдский национализм, так что он не мог «поднять головы» ещё несколько десятков лет, вплоть до начала 60-х годов (что органически

³⁰ McDowall D. Op. cit. P. 157.

³¹ McDowall D. Op. cit. P. 291.

совпало с новым этапом социальной трансформации всего турецкого общества).

Как уже было сказано выше, несмотря на подавление восстаний М. Барзанджи, Ирак представлял собой разительное отличие в своей политике в отношении курдов по сравнению с остальными странами, разделившими Курдистан. Так, Временная конституция Ирака 1921 г. зафиксировала, что население страны состоит из двух национальных групп: арабов и курдов. Соответственно, арабский и курдский языки обладали (теоретически) равным статусом. Можно сказать, что англичане ставили своей целью обеспечение прав меньшинств ввиду своего стремления включить Ирак в Лигу Наций.

Как отмечает М. Азиз, «...после 1925 г. первоначальный иракский закон о местном языке предусматривал ограниченное преподавание курдского языка в школах и курдоязычных районах и публикацию книг на курдском языке»³². Однако это не должно вводить в заблуждение. Необходимо иметь в виду, что все эти обещания – обязательства по предоставлению культурной автономии – никогда не исполнялись на практике даже наполовину.

Однако в этом жесте может быть прослежена – до определённой степени – амбивалентность самой колониальной, империалистической политики Великобритании, в Ираке и Иракском Курдистане в частности. Так, с одной стороны, эти страны, несомненно, подвергались внешней эксплуатации. Но одновременно с этим имели место и некоторые послабления, носившие идеологическое обоснование, характерное для соответствующей эпохи («бремя белого человека» и проч.).

Несмотря на то что по преимуществу декларативный характер этих заявлений и действий не следует переоценивать,

³² Aziz M. Op. cit. P. 65.

следует признать, что некоторому развитию, прогрессу, становлению национального сознания эти шаги всё же способствовали. Можно сказать, что сотрудники британской колониальной администрации – по факту своей деятельности – выступали агентами развития (своего рода «*прогрессорами*»³³). Однако в то же самое время они прилагали конкретные усилия по торможению прогрессивных тенденций в том обществе, в котором они действовали (прежде всего, чтобы обеспечить собственные властные позиции). С нашей точки зрения, всё это свидетельствует – методологически – о неоднозначности самого явления общественного прогресса, как он может рассматриваться (анализироваться) на конкретно-историческом материале, процессах.

Другие факторы, которые также могут рассматриваться, до определённой степени, и как «внешние», и как «внутренние», оказали значимое влияние на становление курдского национализма. Как отмечает М. Азиз, два основных идеологических течения, сформировавшихся на Ближнем Востоке в 30–40-е годы, оказали наибольшее воздействие на становление курдского национализма: панарабизм и социализм. От себя добавим, что если идеи социализма во многом пронизывали национальное движение «изнутри» (особенно на начальном этапе, до возвращения Барзани из изгнания в СССР в 1959 г.), то арабский национализм, несколько не оправдавший себя впоследствии в «версии» панарабизма, стал образом того «другого», с которым курдский национализм, с одной стороны, боролся, а с другой стороны, от которого отталкивался. Пробуждение арабского национализма закономерно привело к пробуждению курдского, иначе и не могло быть³⁴.

³³ Понятие из научно-фантастических произведений братьев Стругацких.

³⁴ Более того, можно углубить вывод автора и сказать, что ещё раньше – в последней четверти XIX в. – активное развитие на территориях, населённых в настоящее время преимущественно курдами, получил армянский национализм,

Коммунистическая партия Ирака (КПИ) сыграла большую роль в истории страны, и в частности в период политической турбулентности 1958–1968 гг. (пока не была окончательно сведена на нет Партией арабского социалистического возрождения «Баас»: отчасти за счёт репрессий против КПИ, отчасти за счёт удовлетворения части чаяний широких народных масс, как то: национализации Иракской нефтяной компании). На начальном этапе (в 30-е гг.) сильное влияние со стороны КПИ испытали на себе такие представители городской (в том числе курдской) интеллигенции как Ибрагим Ахмад, Джалаля Талабани, Хамза Абдулла и Салих аль-Хайдари. После возвращения Барзани из ссылки в СССР в 1959 г. он провёл чистку в основанной им в середине 40-х годов Демократической партии Курдистана (ДПК), целью которой было избавление от коммунистов, а также лиц, симпатизировавших им. В рамках КПИ было большое количество курдов, образовавших де-факто самостоятельную секцию.

К заслуге иракских коммунистов следует отнести тот факт, что КПИ заняла ясную позицию по отношению к курдскому вопросу, что означало предоставление курдам автономии без выхода из состава Ирака.

Многие курды – и в более позднее время (например, Рабочая партия Курдистана турецких курдов во главе с Абдуллой Оджаланом, возникшая в конце 70-х – начале 80-х годов)³⁵ – оказались затронутыми идеями социализма. Более того, можно сказать, что один из наиболее значимых расколов в национальном движении иракских курдов, кото-

и – как свидетельствует М. С. Лазарев – именно он способствовал становлению курдского национализма уже к началу XX в. Также следует признать, что взаимоотношения между двумя народами носили подчас антагонистический характер (будучи подстрекаемыми руководством поздней Османской империи).

³⁵ Утверждается, что она была основана в 1979 г., в то время как начала активную деятельность (террор) против турецкого государства в 1984 г.

рый сказывается и на современной, «актуальной», политике в Ираке, был связан со стремлением группы городских интеллигентов обособиться от движения во главе с Барзани, которое составляло основной «костяк» сопротивления центральному правительству (опираясь на других племенных вождей – помимо Барзани – и племена, племенную структуру курдского общества в целом).

В 1958 г. в Ираке произошла Июльская революция, которая привела к свержению монархии. К власти пришла группа военных, вдохновлённая опытом египетских революционеров в погонах 1952 г. Безотносительно того, как себе представляли последующий процесс руководители вооружённого переворота (во главе с Абд аль-Керимом Касемом), очень скоро они оказались схвачены потоком событий, изменить направление которого они были не в силах. Революция 1958 г. открыла десятилетие в истории Ирака, озаглавленное политической турбулентностью: революционным террором и сменой череды правительств – военных хунт, стремительно сменявших друг друга вплоть до 1968 г., когда баасистам удалось повторно прийти к власти и относительно стабилизировать ситуацию.

В том, что касается курдского фактора, то начиная с 1961 г. в горах Северного Ирака началась по сути гражданская война между центральным правительством и вооружёнными повстанцами во главе с Барзани, который вернулся из изгнания в СССР после провала восстания в Ираке в 1943–1944 гг. и Мехабадской Республики курдов в Иране в 1946 г.

На протяжении достаточно длительного времени курдам удавалось, не в последнюю очередь благодаря тактическому таланту Барзани как военачальника, наносить существенные удары регулярной армии, тем более что её боевой дух, как и вооружение, техническое оснащение, оставлял желать

лучшего. Более того, всякий раз, когда в Багдаде созревал очередной заговор против действующего правительства, заговорщики связывались с Барзани и добивались согласия на прекращение боевых действий на период переговоров. Тем не менее вооружённое противостояние возобновлялось, поскольку ни один режим в Багдаде не был готов предоставить курдам хоть какие-то уступки (за исключением премьер-министра Абд ар-Рахмана Баззаза, который под давлением военных достаточно быстро был отстранён от власти). Наконец, в 1970 г. было достигнуто так называемое «Мартовское соглашение» (одним из инициаторов и подписантов которого со стороны баасистов стал С. Хусейн), в соответствии с которым Барзани получал максимальные уступки, на которые курды могли рассчитывать за всё время вооружённой борьбы. На самом деле это была передышка, потребность в которой испытывали обе стороны.

В свою очередь, с точки зрения динамики национального движения *per se* следует отметить раскол движения на две неравные части. Можно сказать, что это противоречие между традиционалистскими, племенными курдами (во главе с Барзани) и городской курдской интеллигенцией и пролетариатом, утратившими связи с традиционной общиной (во главе с Ибрагимом Ахмадом и – в более поздний период – Джалялем Талабани), было присуще национальному движению с самого начала. Однако явную форму оно приняло лишь в ходе вооружённой борьбы, к середине 60-х годов.

Следует отметить, что, несмотря на неоспоримое доминирование «фракции Барзани», он на протяжении достаточно длительного времени мирился с наличием расхождений во взглядах, однако резко изменил свою позицию после того, как Ахмад и Талабани публично выступили против проводимого им политического курса. Как следствие этого,

он подверг их изгнанию из ДПК (контроль над Политбюро которой Ахмад установил в начале 50-х годов). По всей видимости, Барзани нуждался в поддержке образованных городских курдов (так же, как они – в его вооружённом ополчении, представленном племенами). Однако у всякого компромисса есть свой предел, тем более что у нас нет оснований полагать, что правительства в Багдаде не прилагали усилий к тому, чтобы сделать скрытое противоречие внутри движения явным расколом (само согласие Касема на возвращение Барзани в Ирак диктовалось желанием создать – в его лице – альтернативу Ахмаду).

**Причины поражения “Сентябрьской революции”
во главе с М. Барзани (1961–1975 гг.):
внешние и внутренние факторы**

Как уже было отмечено в преамбуле, применительно к курдскому национализму (как он эволюционировал в XX в.) могут быть выделены два фактора (две *группы факторов*): внешний и внутренний.

Как показывают материалы, приведённые выше, подобное разделение представляется достаточно условным. Более того, можно сказать, что подчас невозможным оказывается провести чёткую границу между «внешним» и «внутренним» факторами уже на начальном этапе становления курдского национализма (последней четверти XIX в.). Также очевидно, что после раздела Османской империи западными державами эта тенденция лишь усилилась.

В том, что касается заключительного этапа национально-освободительной борьбы иракских курдов во главе с М. Барзани (от Мартовских соглашений 1970 г. до Алжирской конференции 1975 г.), следует отметить следующее:

Во-первых, уже упоминавшийся фактор раскола внутри национального движения (уходящий корнями в генезис на-

ционального движения). Следствием этого на рассматриваемом этапе стало оформление в 1970 г. в Дамаске Патриотического союза Курдистана (ПСК) во главе с раскольниками из ДПК в лице И. Ахмада и Дж. Талабани. Однако данное обстоятельство не могло нанести значительного ущерба национальной борьбе, так как движение, ассоциируемое с именем М. Барзани (и представленное по преимуществу племенными курдами), оставалось на том этапе преобладающим в рамках национального движения в целом³⁶. Этому также способствовало Мартовское соглашение 1970 г., согласно которому боевые действия в Иракском Курдистане между партизанами Барзани и регулярной иракской армией прекращались.

Во-вторых, то обстоятельство, что при проведении своей «внешней» политики (по отношению к Багдаду) Барзани ориентировался в первую очередь на Великобританию и США. Данный факт, следует признать, плохо сочетается с образом героического лидера национально-освободительного движения, каким он подчас представал в работах советских исследователей. Тем не менее логика его поведения (если не сказать, обусловленная его собственным классовым происхождением) была ясна: выдвигая в качестве максимальных претензии на нефтяные месторождения (и добывающие мощности) Киркука, заявлять западным СМИ, что в том случае, если его претензии будут

³⁶ Можно сказать что дисбаланс между правящими партиями Иракского Курдистана сохраняется и в рамках современной Курдской региональной автономии Ирака (КРАИ). Позиции ДПК (преемников, наследников М. Барзани) остаются доминирующими, что, в частности, ведёт к бойкотированию руководителями ПСК (потомками Дж. Талабани) встреч на уровне регионального правительства. Нет нужды говорить, что это связано, как и в 60-е годы XX в., со спецификой социальной структуры курдского общества: его патриархальным характером, ориентацией на семейно-клановые отношения. Подробнее об актуальной политике в КРАИ: An assassination, a feud and the fight for power in Iraq's Kurdistan // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/an-assassination-feud-fight-power-iraqs-kurdistan-2022-12-05/> (дата обращения: 01.05.2023).

поддержаны, курды гарантируют бесперебойную добычу и поставки нефти на международный рынок³⁷. До этого курдам уже удавалось обстреливать нефтяные скважины артиллерией, препятствуя нормальной добыче.

Однако представляется, что даже для западных держав курды представляли бы – в подобном уравнении – «лишним слагаемым». Несмотря на то что у Госдепа (в лице Г. Киссинджера) существовали все основания быть недовольным новым режимом в Багдаде (в лице Партии арабского социалистического возрождения – Баас) ввиду его стремительного сближения с СССР (чем, в частности, может быть объяснено наличие некоторой поддержки курдов со стороны США), идея ввести курдов в качестве «независимой переменной» в расклады великих держав на Ближнем Востоке не была поддержана.

С нашей точки зрения, это было связано в решающей степени с нежеланием портить отношения с Турцией и Ираном – форпостами американского влияния в регионе в тот период, разделившими этногеографический ареал Курдистан и не заинтересованными в получении курдами сколь-нибудь значительных, реальных уступок по части предоставления автономии (будь то в Ираке или где бы то ни было ещё). Шах мог позволить себе заигрывать с Барзани постольку, поскольку это позволяло ему оказывать эффективное давление на центральное правительство в Багдаде и добиваться уступок, в то время как позиция турецкого руководства по отношению к курдскому автономизму в Ираке была непримиримой и бескомпромиссной с самого начала (если не сказать, что таким было отношение к самой Июльской революции 1958 г., приведшей к свержению монархии).

³⁷ McDowall D. Op. cit. P. 326, 333.

Как отмечает Д. Макдауэлл, в том, что касается политической стратегии, Барзани продемонстрировал удивительную недальновидность³⁸ (что контрастирует с его незаурядным талантом военного тактика). По всей видимости, он действительно считал, что ему удастся заинтересовать США своим автономистским проектом (в точном соответствии с тем, как он выражал свою готовность следовать британским инструкциям в ходе восстания 1943–1944 гг., притом что в тот раз это ни к чему не привело)³⁹. Теперь снова имел место серьёзный просчёт, который навлёк впоследствии большие бедствия на весь курдский народ и национальное движение. Американцы не были намерены всерьёз поддерживать курдские претензии на автономию даже в составе Ирака, не говоря уже о реализации какого-либо «панкурдского» проекта объединения всех четырёх частей этногеографического ареала. Впрочем, следует признать, что Барзани на это (в отличие от Рабочей партии Курдистана начального этапа) и не претендовал.

Притом что американцы действительно обманули курдов (как сказал по этому поводу сам Барзани: «Без американских обещаний мы бы не действовали так, как действовали. Если бы не американские обещания, мы никогда не оказались бы в ловушке, вовлечёнными до такой степени»)⁴⁰, курдская дилемма в период 1970–1975 гг. имела другой аспект, который также послужил спусковым крючком возобновления боевых действий. Им стали обещания центрального правительства – в рамках Мартовского соглашения 1970 г., – в соответствии с которыми курдам предоставлялись некоторые права. В их числе следует упомянуть: представительство курдов на общеиракском уровне, усиление

³⁸ Ibid. Op. cit. P. 315.

³⁹ Ibid. P. 291.

⁴⁰ Ibid. P. 337.

образования и культуры на курдском языке, право создания независимых ассоциаций, предоставление выплат из федерального бюджета, возвращение на прежние места ранее переселённых лиц (арабов и курдов) и т. д.

Однако к весне 1974 г. ситуация усугубилась. Баасисты выдвинули новый проект закона об автономии, при разумном использовании статей которого все реальные властные полномочия возвращались центральному правительству, в то время как автономный статус Северного Ирака сводился к фикции. Справедливости ради следует признать, что этот проект по-прежнему превосходил всё, что когда-либо предлагалось правительствами в Багдаде курдам⁴¹. Тем не менее «программа-максимум» Барзани – предоставление курдам контроля над Киркуком (провинцией и одноимённым крупным центром нефтяной промышленности) – оставалась неудовлетворённой. Военное разрешение конфликта представлялось неизбежным: чему дополнительно способствовало перевооружение иракской армии (в том числе вследствие сотрудничества с СССР).

Насколько позволяют судить мемуары Е. М. Примакова (лично принимавшего участие в переговорах с Барзани), целью советской дипломатии было склонить вождя мятежных курдов на сторону Багдада, принять компромисс баасистов. Тем не менее Барзани был склонен рассчитывать на поддержку со стороны США (что также было известно советским спецслужбам и вызывало закономерное беспокойство советского руководства)⁴². Так что можно сказать, что миссия Е. М. Примакова окончилась неудачей.

Вместе с тем среди курдов (в том числе руководителей движения) хватало людей, способных здраво оценить со-

⁴¹ Ibid. P. 337.

⁴² Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. С. 355.

отношение сил между повстанцами и центральным правительством. Так, Хашим Акрави и Мулла Азиз выступили против Барзани, который изгнал их из ДПК. Однако им, так же как и лидерам ПСК, предстояло сыграть свою роль в национальном движении на следующем этапе. Наиболее горькой чашей для Барзани стало ренегатство его старшего сына, Убайда Аллаха, который тоже упрекал своего отца за диктаторскую манеру управления и нежелание идти на какой-либо компромисс по вопросу об автономии прежде всего из опасений за собственную власть⁴³.

Иными словами, с нашей точки зрения (если не сказать, позиции «постзнания») представляется, что упрямство Барзани стало основным фактором, обрекшим курдов на многочисленные страдания на последующем этапе национальной борьбы (который будет сопряжён с ирано-иракской войной 1980–1988 гг.).

По всей видимости, Барзани действительно думал в первую очередь об упрочении собственных позиций (изгнании оппозиции и установлении монопольного контроля над бюрократическими структурами ДПК типа политбюро), упрочении своего лидерства над национальным движением, нежели об обретении курдами максимальной независимости, в том числе от внешних сил. Можно сказать, что в этом проявилось его мышление племенного вождя, что идеально сочетается с высказываниями М. С. Лазарева о том, что многочисленные курдские восстания всегда ставили своей целью избавление от бремени той власти, которая была установлена над ними *непосредственно*, в то время как никому из курдских лидеров не приходило в голову основать собственную государственность⁴⁴. Протест против

⁴³ McDowall D. Op. cit. P. 338.

⁴⁴ Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). С. 49–50.

внешнего гнёта, находивший своё выражение на уровне племён, не приводил к созданию альтернативы.

Впрочем, здесь, наверное, можно добавить: некоторые шейхи пытались основать подобие собственного государства на территории Курдистана, однако тот строительный «материал», что был у них под руками (традиционные структуры курдского общества), оказывался слишком «зыбким», дисперсным, чтобы на его основе можно было выстроить нечто основательное, сколь-нибудь «фундированное». В ситуации с курдскими восстаниями трудно отделить, с одной стороны, стремление к независимости (выражаемое лидерами восстания) от грабежей (прежде всего немусульманского) населения, что, в свою очередь, лишало вождей курдов сколь-нибудь широкой поддержки. Круг замыкался, и само национальное движение оказывалось «заперто» в клетке объективных обстоятельств, социальных структур. Даже наиболее выдающиеся лидеры национального движения не могли обойтись без поддержки извне, в то время как наиболее успешный из них – Молла М. Барзани – испытывал ярко выраженное стремление к сближению с руководством стран-лидеров мировой системы.

Выражаясь в марксистских терминах, можно сказать, что он ставил своей целью не «перманентную революцию» в конкретно-исторических условиях Курдистана (Передней Азии, Ближнего Востока), но лишь переворот (точнее, даже восстание, бунт) в целью добиться для себя лучшего положения, «переговорной позиции» по отношению к «мировому городу». Единственное, в чём он оказался здесь «неправ» (по сравнению с революционерами других стран периферии мировой системы, такими как Иран и Китай), это в том, что его собственное национальное движение оказалось слишком слабо, дисперсно,

чтобы быть в состоянии отстоять свою независимость в полном объёме (либо принять тот минимум, который баасисты были согласны предоставить без продолжения вооружённой борьбы).

В любом случае вынести объективное суждение относительно этой исторической коллизии и драмы представляется возможным лишь постфактум.

Заключение

Таким образом, применительно к вопросу, сформулированному в преамбуле исследования, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, отделить «внутренний» фактор национального движения курдов от «внешнего» представляется достаточно проблематичным. Связано это с тем обстоятельством, что на протяжении всего рассматриваемого периода (с момента, де-факто), становления самого движения оно неизменно находилось под внешним воздействием. С нашей точки зрения, внешнее воздействие достигло своего пика к 30-м годам, когда давление со стороны великих держав (Великобритании), имевшее место ранее, ещё не ослабло, но возникло давление со стороны новых правительств (Турецкая Республика была провозглашена в 1923 г., независимость Ирака была провозглашена в 1932 г.).

Во-вторых, можно утверждать, что на протяжении значительного периода в курдском вопросе преобладал внешний фактор. Его апофеозом стало расчленение этногеографического ареала Курдистан между Ираком, Сирией, Турцией и Ираном (при всемерном попустительстве – если не сказать, потворстве – Великобритании и Франции). Мировые державы (США и СССР) также сохраняли своё влияние в последующий период (после 1958 г.), однако представляется проблематичным связывать поражение восстания

Барзани 1961–1975 гг. только с отказом США и их союзника Ирана от поддержки курдов.

В-третьих, к числу имплицитных черт национального движения следует отнести раскол между «прогрессивными» городскими курдами (интеллигенцией и пролетариатом) и «реакционными» рядовыми общинниками и вождями плёмен, притом что само восстание могло иметь шансы лишь в случае его поддержки со стороны племенной массы курдского населения – во главе с агами вроде Барзани. Данный фактор представляется в минимальной степени связанным с внешней конъюнктурой (хотя после 1958 г. правительства в Багдаде стремились использовать противоречия между руководителями национального движения, носившие подчас личный характер, с целью ослабления движения).

В свою очередь, в том, что касается внешнего фактора (на рассмотренном материале по преимуществу иракских курдов), можно выделить следующие аспекты:

1. Внешний фактор на уровне «общеиракской» политики (подходы правительств в Багдаде к решению курдского вопроса).

2. Внешний фактор на уровне региональных держав (политика Ирана и Турции по отношению к движению Барзани, которая была различной: в то время как Турция занимала сугубо враждебное отношение, Иран пытался использовать курдов – и безуспешно – как фактор давления на власть в Багдаде с целью добиться территориальных уступок).

3. Внешний фактор на уровне мировых держав (Великобритании, США и СССР), которые также преследовали прежде всего собственные интересы – в Ираке и регионе в целом.

Наиболее значимые события истории курдов рассматриваемого периода

- 1514 г. – Чалдыранская битва, по итогам которой между Османской империей и сефевидским Ираном была установлена граница, которая оставалась той же на момент окончания Первой мировой войны;
- 1834 г. – «Повторное завоевание Курдистана» османскими войсками, по итогам которого полуавтономный статус курдских эмиратов был уничтожен;
- 1843 г. – восстание Бадр-хана в Джазире (современная Северная Сирия);
- 1854 г. – восстание племянника Бадр-хана, Езданшира (юго-восток Анатолии, Северный Ирак);
- 1878 г. – восстания сыновей Бадр-хана Хусейна и Османа;
- 1880 г. – шейх Обейдулла созывает съезд всех курдских вождей, цель которого – создание независимого курдского княжества в Иране;
- 1919 г., 23 мая – восстание шейха Махмуда Барзанджи в Сулеймании (Северный Ирак) с целью провозгласить «королевство Курдистан». Подавлено британскими колониальными войсками;
- 1920 г., 10 августа – Севрский мирный договор, впервые в мировой истории признавший национальные притязания курдов (право на самоопределение) на международном уровне. Как отмечал М. С. Лазарев, не отвечал реалиям «на земле» уже на момент своего подписания;
- 1923 г., 24 июля – Лозаннский мирный договор, признавший Турцию в её современных границах (кроме провинции Хатай) и поставивший крест на проекте какой-либо курдской государственности (как то подразумевал Севр);
- 1925 г., 13 февраля – восстание турецких курдов во главе с шейхом Саидом Пирани. Подавлено кемалистами;

- 1926 г., 5 июня – Анкарский договор, положивший конец Мосульскому кризису (провинция Мосул была включена в состав британской подмандатной территории Ирак);
- 1930 г. – Араратское восстание турецких курдов. Подавлено кемалистами;
- 1931–1932 гг. – восстание старшего брата Моллы Мустафы Барзани Ахмеда Барзани в Северном Ираке (Иракском Курдистане). Подавлено иракскими войсками, братья были отправлены в ссылку;
- 1943–1944 гг. – восстание М. Барзани в Иракском Курдистане. Было подавлено, Барзани бежал в Иран;
- 1946 г., январь–декабрь – Мехабадская Республика курдов в Иране во главе с К. Мухаммедом. Была обречена после ухода Советской армии из Северного Ирана. Барзани с группой сторонников отступил на территорию СССР;
- 1958 г., 14 июля – Июльская революция в Ираке. К власти приходят «свободные офицеры» во главе с Абд аль-Керимом Касемом;
- 1959 г. – возвращение Барзани из изгнания в СССР;
- 1961 г., 11 сентября – начало вооружённой борьбы в Иракском Курдистане;
- 1964 г. – раскол внутри национального движения. Ахмад и Талабани изгнаны из ДПК;
- 1968 г. – повторный приход к власти Партии арабского социалистического возрождения («Баас»);
- 1970 г., 11 марта – Мартовское соглашение Барзани с С. Хусейном. Наступление мира в Курдистане;
- 1975 г. – Алжирское соглашение, которое урегулировало территориальный спор между Ираном и Ираком. Шах прекращает поддержку иракских курдов. Война в Курдистане возобновляется, но вскоре Барзани принимает решение о прекращении борьбы ввиду бесперспективности.

Литература

Веденеев И. Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг. Факторы взаимовлияния: дис. ... канд. истор. наук. М.: ИВ РАН, 2022. 221 с.

Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.

Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989. 327 с.

Магомедханов В. М. Курды – забытые союзники СССР. М.: ИВ РАН, 2020. 236 с.

Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.

Aziz M. The Kurds of Iraq: Nationalism and Identity in Iraqi Kurdistan. I. B. Tauris, 2014. 256 p.

Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914–1921. Columbia University Press, 2004.

Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I. B. Tauris, 2001. 416 p.

McDowall D. A Modern History of the Kurds. I. B. Tauris, 2004. 532 p.

Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. 296 p.

Глава 15

Лига Наций – ООН. Опыт урегулирования конфликта между греческой и турецкой общинами на Кипре*

Основой тематикой предлагаемого исследования являются:

Во-первых, задача выявления преемственности международных институтов и практики миротворческих операций в рамках деятельности глобальных международных организаций, сложившихся в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений в лице Лиги Наций и её правопреемницы – ООН – и их роли в урегулировании греко-турецкого конфликта на Кипре.

Во-вторых, задача обоснования эффективности определённых механизмов ООН, конкретно – миссии миротворческих сил данной международной организации в деле надёжного прекращения боевых действий в ходе конфликта между киприотами-греками и киприотами-турками с 1969 г. по настоящее время.

Обращаясь к теме главы, уместно отметить, что в процессе изучения итогов и уроков Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, олицетворением которых стала Лига Наций, наиболее распространёнными стали следующие оценки. В кратком и упрощённом виде

* Автор главы: В. А. Воронцов, ORCID ID: 0009-0000-5671-0288.

они сводятся к признанию низкой практической эффективности, неспособности выполнить своё главное предназначение – остановить скатывание мирового сообщества к новой мировой войне. Причинами данного итога называются многочисленные факторы, среди которых и идеализм основателей организаций, чрезмерно полагавшихся на право как средство предотвращения конфликтов, несостоятельность созданных ими институтов и инструментов для противодействия агрессивным акциям и намерениям государств, особенно тех, кто покинул эту организацию или был из неё исключён, хроническая неспособность Лиги Наций действовать как единое целое, приведшая в итоге к неожиданному и печальному итогу: к 1939 г. большинство ведущих держав оказалось за пределами организации, а её изначальный демократический механизм коллегиального руководства де-факто трансформировался в диктатуру двух государств – Великобритании и Франции – и многие другие.

Естественно, отмечаются и достоинства Лиги Наций: определение главного направления, «столбовой дороги» движения мирового сообщества к сотрудничеству в рамках международных институтов, создание наследия в виде как многочисленных недостатков, так и определённых успехов, послуживших до некоторой степени базой для формирования более совершенной, эффективной, зрелой универсальной международной организации – ООН.

Среди юристов-международников сложился консенсус относительно того, что в рамках нормотворческой деятельности Лиге Наций удалось внести значительный вклад в развитие юриспруденции в сфере обеспечения международного права, предотвращения и мирного разрешения конфликтов. В лоне Лиги Наций появился ряд соответствующих серьёзных, тщательно проработанных международно-правовых документов. В их ряду, помимо самого статуса Лиги Наций,

следует отметить проект Договора о взаимопомощи 1923 г., Женевский протокол по мирному разрешению международных споров 1924 г., Локарнский мирный пакт 1925 г. и, особенно, Пакт Бриана-Келлога, подписанный в 1928 г. и вступивший в силу в июле 1929 г. Юристы-международники полагают, что данный документ де-юре полностью поставил войну вне закона. Однако неспособность создать действенные механизмы реализации указанных важных с теоретической точки зрения законов стало одним из главных оснований кризиса Лиги Наций¹.

Созданная в 1919 г., Лига Наций стала продуктом и ключевым элементом Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и первой серьёзной попыткой реализации на практике разрабатывавшихся мыслителями различных эпох идей формирования международной организации, призванной обеспечить предотвращение войн и конфликтов, гарантировать политическую независимость и территориальную целостность «как больших, так и малых государств».

Одновременно с этим формирование указанной системы было итогом Первой мировой войны и прежде всего гарантировало интересы государств-победителей. Поэтому никакого обеспечения принципов справедливости и равноправия в основном не могло быть. Неудивительно, что преобладающая часть народов мира, находящаяся в колониях европейских стран, не только не получила никакой защиты, но их колониальный статус был закреплён в рамках сформированного сообщества наций.

В основополагающем документе, Статуте Лиги Наций, статья 22 де-факто обеспечила передел владений побежден-

¹ Коростелев С. В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 89–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-primeneniya-sily-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-v-period-deystviya-statuta-ligi-natsiy> (дата обращения: 30.04.2023).

ных держав в пользу победителей в форме «мандатных территорий» и весьма откровенно обосновывала право «передовых наций» управлять «отсталыми народами». Поскольку данная часть основополагающего документа Лиги Наций, называемого ещё также «Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокол, подписанные 28 июня 1919 года», имеет непосредственное отношение к судьбе изучаемого в данной главе Кипра в рассматриваемый период, полагаем целесообразным привести её текст полностью: «Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благополучие и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации, и подобает включить гарантии осуществления этой миссии в настоящий Статут.

Лучший метод практически провести этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые, в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения, лучше всего в состоянии взять на себя эту ответственность и которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве Мандатариев и от имени Лиги.

Характер мандата должен различаться согласно степени развития народа, географического положения территории, ее экономических условий и всяких других аналогичных обстоятельств.

Некоторые области, принадлежавшие ранее Османской империи, достигли такой степени развития, что их существование, в качестве независимых наций, может быть временно признано, под условием, что советы и помощь

Мандатария будут направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными сами руководить собой. Пожелания этих областей должны быть прежде всего приняты в соображение при выборе Мандатария»².

Факторы малой эффективности деятельности Лиги Наций и её конечного фиаско разносторонне описаны в научной литературе, в том числе выделяются следующие: «...причины неудачи Лиги Наций носят комплексный многофакторный характер, связанный как с формально-институциональными аспектами функционирования организации, так и с политикой, проводимой Лигой Наций в условиях роста международной напряженности в предвоенный период. Лига Наций не имела реальных инструментов, позволяющих эффективно разрешать конфликтные ситуации, поддерживать состояния мира и стабильности и наказывать страну-агрессора. Ни структура организации, ни способ принятия решений, ни перечень мер реагирования, ни характер их применения не способствовали успешной реализации Лигой Наций тех целей, ради которых она создавалась»³.

В контексте нашего исследования считаем необходимым выделить следующее коренное противоречие между заявленными в Статуте целями Лиги Наций и стратегическими интересами де-факто установивших контроль над этой организацией государств – Великобритании и Франции. В результате международная структура, декларировавшая

² Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина. М., 1925. С. 13. URL: <http://militera.lib.ru/docs/1/all/com/n53593/index.html> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Шаповалов В. Л. Деятельность Лиги Наций по поддержанию мира и безопасности в условиях предвоенного кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2019. № 4. С. 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ligi-natsiy-po-podderzhaniiyu-mira-i-bezopasnosti-v-usloviyah-predvoennogo-krizisa> (дата обращения: 30.04.2023).

намерение быть защитником прав всех народов и обеспечить справедливую политику в интересах всех стран, на деле превратилась в механизм обеспечения господства ряда европейских держав и сохранения европоцентричного мирового порядка. Указанный диссонанс проявлялся тем более рельефно, поскольку реализация данного курса на юридическое закрепление господства Запада над мандатными территориями и зависимыми странами осуществлялась в условиях начавшегося ослабления господства западно-европейской цивилизации, расшатывания колониальной системы, «пробуждения народов Востока» и нарастания их национально-освободительных движений.

Кипр в условиях Версальско-Вашингтонской системы международных отношений

В рассматриваемый период Кипр находился под властью Великобритании. Как известно, остров официально входил в состав Британской империи в качестве колонии в период 1915–1960 гг. Однако де-факто Лондон установил свое господство раньше.

Великобритания заключила с Турцией Кипрскую Конвенцию в 1878 г., позволившую ей установить над островом свой протекторат и оккупировать его при условии ежегодной выплаты в турецкую казну почти 100 000 фунтов стерлингов. С военно-политической точки зрения это был тайный англо-турецкий договор об «оборонительном союзе» против России. При этом формально Кипр продолжал оставаться в составе Османской империи. Окончательно остров был аннексирован в 1914 г., после того как Турция выступила на стороне Тройственного союза против Антанты в ходе Первой мировой войны.

Правление Великобритании было отмечено социально-экономическим развитием острова. Вместе с тем действия

Лондона, основанные на неизменном принципе «разделяй и властвуй», привели к ожесточению конкуренции между грекоправославным большинством и турецко-мусульманским меньшинством (21% населения на 1878 г.), что в итоге привело к разделу острова и антагонизации двух общин.

В среде греческого большинства в рассматриваемый период постепенно укреплялось стремление к эносису – воссоединению с Грецией. Это стало основой длительной борьбы греков за независимость, в которой британские власти поддерживали для противовеса интересы турок-киприотов. Достаточно долго участники данного движения использовали мирные методы, состоявшие в проведении митингов и манифестаций, направлении петиций и меморандумов английским властям.

Среди греков-киприотов возникли определённые надежды на осуществимость своих надежд в связи с формированием Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и Лиги Наций. Ведь один из знаменитых «14 пунктов» президента США В. Вильсона, обнародованных в 1918 г. и легших в основу вышеуказанных международных структур, один был посвящён специально переформатированию наследия Оттоманской империи. Пункт 12 был направлен на «Урегулирование турецкого вопроса; самостоятельное развитие нетурецких народностей в Турции; интернационализацию Дарданелл»⁴.

Однако Великобритания, доминировавшая вместе с Францией в Лиге Наций, естественно, не собиралась расставаться со своей колонией на Кипре.

В результате в 1931 г. среди греческого населения вспыхнуло восстание, продлившееся одну неделю и повлёкшее за собой смерть 6 человек и поджог здания британской

⁴ Версальский мирный договор. С. V.

администрации в Никосии. В ходе подавления беспорядков были арестованы 2 тыс. человек, использовалась «резервная полиция», набранная британской колониальной администрацией из турок-киприотов. Настроения восставших ярко выразил епископ Китионский Никодим на митинге в Лимасоле: «...пятьдесят три года британского правления на острове показали всем невозможность для поработенных народов освободиться через просьбы о помощи или обращения к чувствам тиранов». А другой православный священник Дионисий Киккотис в Никосии днем позже в знак поддержки епископа развернул греческий флаг и объявил «революцию».

Таким образом, очевидно, что Лига Наций оказалась неспособной предложить, а точнее, даже не считавшей нужным искать какое-либо позитивное решение для удовлетворения длительное время вызревавшего требования населения Кипра к независимости. Это бездействие первой глобальной международной организации стало одной из существенных причин обострения межобщинных противоречий, поставивших позднее остров на грань гражданской войны.

Прообразы института миротворческих сил в Лиге Наций

Вместе с этим в контексте нашего исследования считаем необходимым подчеркнуть, что среди элементов позитивного наследия деятельности Лиги Наций существует важный фактор, имеющий прямое отношение к судьбе Кипра в период после Второй мировой войны.

Мы имеем в виду то важное обстоятельство, что в практике Лиги Наций в зародышевом состоянии появились те формы деятельности, с использованием опыта которых позднее, уже в рамках другой глобальной международной

организации, сформировался столь важный и действенный механизм «тушения» конфликтов, как миротворческие силы ООН. Далее мы покажем, какую чрезвычайно важную положительную роль данный инструмент сыграл для сохранения мира на Кипре. Сейчас же мы считаем крайне интересным, с исследовательской точки зрения, проследить ростки миротворческой деятельности в практике Лиги Наций.

Ряд серьёзных зарубежных учёных, в том числе юристов-международников, обнаружили целую серию операций, предпринимавшихся под эгидой Лиги Наций в различных районах мира, особенно в 30-е годы прошлого столетия, которые вполне могут быть интерпретированы как «образ» миротворческих сил ООН.

Рональд Хатто в статье «От поддержания мира к миростроительству: эволюция роли Организации Объединенных Наций в миротворческих операциях» отмечает следующее: «Тем не менее следует обратить внимание на тот факт, что, хотя такие многонациональные операции не являются чем-то новым – было большое количество операций вмешательства между двумя мировыми войнами – они начали формализовываться только во время операции ООН в Суэце в 1956 году». А в приведённой им сноске, подтверждающей данный тезис, указывается: «В 1933 году, во время Летисийского кризиса между Колумбией и Перу, Лига Наций назначила комиссию для временного управления этой территорией; она была уполномочена командовать вооружёнными силами по своему выбору. Впервые (колумбийские) силы носили нарукавную повязку и вывесили флаг Лиги Наций в дополнение к колумбийскому флагу. Однако эти силы не подчинялись прямому командованию Лиги Наций»⁵.

⁵ Ronald Hatto. From peacekeeping to peacebuilding: the evolution of the role of the United Nations in peace operations // Cambridge University Press. Cambridge, 2014. P. 495. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-review-of-the-red-cross/article/abs/from-peacekeeping-to-peacebuilding-the-evolution-of>

Другой автор, Пол Дил, в статье «Операции в пользу мира» приводит другой эпизод в пользу нашего утверждения «Международные силы, контролируемые Лигой Наций в Сааре, которые обеспечивали проведение плебисцита на данной территории (1934–1935), могут быть первым настоящим примером международных сил по наблюдению за миром»⁶.

Кипрская проблема в условиях ООН

Как известно, Организация Объединённых Наций была основана в 1945 г. В настоящее время членами организации являются 193 государства. Миссия и деятельность Организации Объединённых Наций определяются целями и принципами, изложенными в Уставе ООН. К целям организации относятся поддержание международного мира и безопасности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии, развитие дружественных отношений между государствами, осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам. В 1956 г. были организованы миротворческие силы ООН, являющиеся вооружённым контингентом государств – членов ООН и вводящиеся на определённые территории для предотвращения на них вооружённых конфликтов.

Краткая характеристика межобщинного конфликта на Кипре

Греко-турецкий конфликт на Кипре – межэтнический конфликт греческой и турецкой общин, проживающих

the-role-of-the-united-nations-in-peace-operations/9A24B6A2814B0DB313B7F25689DA0F2C#access-block (accessed: 30.04.2023).

⁶ Paul F. Diehl. Peace Operations. Cambridge, 2008. P. 34–36. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/00223433090460010905> (accessed: 30.04.2023).

на территории острова Кипр, а также территориальный конфликт Греческой Республики, Республики Кипр, Турецкой Республики и Турецкой Республики Северного Кипра (признаётся только Турецкой Республикой). Истоки сегодняшнего противостояния между греками-киприотами и турками-киприотами можно отнести ещё к 1878 г., когда Кипр перешёл под управление Британской империи, сыгравшей ключевую роль в становлении и развитии греко-турецкого конфликта на Кипре. В условиях растущего национального самосознания греков-киприотов британская администрация, всеми силами стараясь сохранить своё присутствие на острове, разжигала межэтническую рознь, ставя представителей греческой и турецкой общин в неравное положение и в то же время вооружая турецкое радикальное меньшинство. Тем не менее стараниями греческой общины в феврале 1959 г. в Цюрихе прошла конференция по вопросу получения Кипром независимости от Великобритании. Эти соглашения заложили основу для создания Республики Кипр 16 августа 1960 г. Они состояли из следующих договоров: Договор о создании Республики Кипр⁷, Договор о союзе⁸, Договор о гарантиях⁹ и Конституция Республики Кипр. Договор о гарантиях предоставлял Великобритании, Греции и Турции право вмешиваться во внутренние

⁷ No. 5476 TREATY CONCERNING THE ESTABLISHMENT OF THE REPUBLIC OF CYPRUS. SIGNED AT NICOSIA, ON 16 AUGUST 1962 [Electronic resource] // URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY_600816_TreatyNicosia.pdf (accessed: 01.11.2022).

⁸ No. 5475. TREATY OF GUARANTEE. SIGNED AT NICOSIA, ON 16 AUGUST 1960 [Electronic resource] // URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Guarantee.pdf (accessed: 01.11.2022).

⁹ No. 5712. TREATY OF ALLIANCE BETWEEN THE KINGDOM OF GREECE, THE REPUBLIC OF TURKEY AND THE REPUBLIC OF CYPRUS. SIGNED AT NICOSIA, ON 16 AUGUST 1960 [Electronic resource] // URL: [https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Alliance%20\(with%20additional%20protocols\).pdf](https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Alliance%20(with%20additional%20protocols).pdf) (accessed: 01.11.2022).

дела острова, чтобы воспрепятствовать разрастанию внутренних конфликтов, хотя в случае Великобритании конфликты только разжигались. Договор о союзе давал Греции и Турции право держать на Кипре воинские контингенты численностью 950 и 650 человек соответственно, чтобы в вооружённый конфликт на острове оказались втянуты не только греческая и турецкая общины, но и Греция и Турция. Максимально допустимая численность британских войск на острове при этом не оговаривалась. Общинное представительство в государственных органах, согласно конституции, определялось процентным соотношением греков-киприотов и турок-киприотов 70:30. В то же время реальное соотношение населения было 80:20. Данное противоречие с самого начала существования государства делало невозможным нормальное его функционирование и создавало политический тупик¹⁰.

В результате уже в 1963 г. в Никосии вспыхнули вооружённые столкновения между боевиками ЭОКА (Национальная организация борцов-киприотов) и ТМТ (Турецкая организация обороны). К 1964 г. беспорядки распространились по всей территории острова. По инициативе Анкары «с целью защиты турецкого населения от притеснений со стороны греков» боевиками ТМТ началось активное переселение турок-киприотов из деревень со смешанным греко-турецким населением в отдельные районы, занятые исключительно турецкой общиной¹¹. Эти районы были укреплены и охранялись вооружёнными отрядами ТМТ и военным контингентом Турции. Контроль над этими районами, со стороны официального греческого правительства оказался невозможен, и в них были направлены греко-

¹⁰ Жукова Н. М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 23.

¹¹ Mehmet Gönlübol, A. Halük Ülman, A. Suat Bilge, Duygu Sezer, v.s. Olaylarla Türk dış politikası (1919–1995), dokuzuncu baskı. Ankara, 1996. P. 384.

киприотские вооружённые силы. Начались ожесточённые бои, и ситуацией воспользовалась Турция для вооружённой интервенции с воздуха. 7–8 августа 1964 г. турецкие самолёты провели массированные бомбардировки городов и сел в северо-западной части Кипра, в результате которых погибли и были ранены десятки мирных жителей. 9 августа 1964 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 186 «с настоятельным призывом к правительству Турции о немедленном прекращении бомбардировок Кипра и применении против него каких бы то ни было войск, а также правительству Кипра, с тем чтобы оно отдало приказ всем находящимся под его контролем вооружённым силам немедленно прекратить огонь»¹². Тогда же решением СБ ООН были учреждены Силы Организации Объединённых Наций по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК), которые были оперативно отправлены на Кипр, после чего боевые действия на острове затихли.

Новое обострение обстановки на Кипре произошло в 1974 г. Президент Кипра Макариос был свергнут национальной гвардией греков-киприотов, находившейся под руководством генерала Георгиоса Гриваса. То есть случился военный переворот, в ходе которого на смену умеренно радикальному в национальной политике гражданскому президенту пришёл крайне радикальный военный, под чьим командованием доселе происходили все вооружённые столкновения на Кипре.

Турция, опасаясь того, что в результате переворота Кипр будет либо присоединён к Греции, либо на острове разразятся масштабные антитурецкие репрессии, начала планировать проведение военной операции. Первоначально

¹² Резолюции Совета Безопасности ООН 1964 года. Номер документа: S/RES/193. [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/211/79/PDF/NR021179.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2022).

Турция предложила Соединённому Королевству как одному из стран-гарантов провести военную операцию для наведения порядка на Кипре совместно, однако Великобритания ответила отказом. 20 июля 1974 г. Турция в одностороннем порядке ввела свои войска на Кипр в рамках военной операции, получившей кодовое название «Атилла». Крупномасштабные бои продолжались с 20 по 23 июля 1974 г. 22 июля Совет Безопасности ООН издал резолюцию, требующую от участников конфликта немедленно ввести режим прекращения огня. Также в соответствии с резолюцией контингент Вооружённых сил ООН по поддержанию мира на Кипре был значительно усилен и направлен на линию соприкосновения¹³. Локальные перестрелки в разных районах Кипра продолжались до середины августа, но продвижение турецких войск было остановлено. Они заняли 37% территории Кипра и закрепились на острове. Линия, на которой они остановились, стала границей между греческой и турецкой общинами¹⁴.

С 1974 г. новых крупных боёв на Кипре не проходило, основной причиной чему служат войска ООН, находящиеся на линии разграничения между греческой и турецкой общинами Кипра.

Позиции сторон и подходы участников к вопросу о вовлечении организации

Турецкая община на Кипре изначально хотела получить равные права с греческой общиной, которая после образования Республики Кипр монополизировала власть. На-

¹³ Резолюции Совета Безопасности ООН 1974 года. Номер документа: S/RES/354. [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/290/17/PDF/NR029017.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁴ Иванова И. И. Кипрская проблема на современном этапе // Конфликты и конфликтные зоны в Азии и Северной Африке в начале XXI века: сборник статей. М., ИВ РАН, 2011. С. 95.

строения греческой общины варьировались от притеснения турок до полного выселения их с территории острова. После императивного введения войск ООН на Кипр и окончательного разделения острова на две части две общины уже привыкли жить порознь, хотя в греческой среде ещё имеют место разговоры об объединении острова под руководством греческой администрации. Для турецкой общины миротворческие силы ООН являются дополнительным гарантом безопасности после армии самой Турции.

Позиция ООН

ВСООНК были первоначально учреждены Советом Безопасности в 1964 г. в целях предотвращения новых вооружённых столкновений между общинами киприотов-греков и киприотов-турок. После боевых действий 1974 г. Совет поручил Силам выполнять некоторые дополнительные функции. В отсутствие политического урегулирования кипрской проблемы ВСООНК остаются на острове в целях наблюдения за линиями прекращения огня, поддержания буферной зоны, проведения гуманитарных акций и оказания поддержки миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН¹⁵.

Заключение

Греко-турецкий конфликт на Кипре выявил востребованность ООН, и в частности миротворческих сил ООН. Вооружённый и весьма ожесточённый конфликт между греческой и турецкой общинами Кипра, обусловленный национальной враждой, удалось заморозить силами ООН. ВСООНК были первоначально учреждены Советом Безопасности в 1964 г., когда на Кипре начались первые круп-

¹⁵ ВСООНК – Фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unficypr> (дата обращения: 01.11.2022).

ные вооружённые столкновения общин. Особую роль голубые каски сыграли во время турецкого вторжения на Кипр в 1974 г., не дав конфликту превратиться в полномасштабную войну. Разрешить греко-турецкий конфликт силовым методом не получилось, но, вводя войска на остров, ООН и не ставила такой цели. Основная цель – не допустить масштабного кровопролития путём создания буферной зоны между враждующими группировками – была достигнута успешно. В процессе изучения хода описываемых событий и соответствующих документов автор пришёл к выводу, что использование миротворческих сил ООН на Кипре – один из показательных примеров эффективности работы организации.

В ходе исследования автору удалось выявить важное обстоятельство, суть которого состоит в том, что в практике Лиги Наций в зародышевом состоянии появились и были апробированы те формы деятельности, с использованием опыта которых позднее, уже в рамках другой глобальной международной организации, сформировался столь важный и действенный механизм «тушения» конфликтов, как миротворческие силы ООН. Автор проследил ростки миротворческой деятельности в практике Лиги Наций и сделал заключение, что серия операций, предпринимавшихся под эгидой Лиги Наций в различных районах мира, особенно в 30-е годы прошлого столетия, может быть интерпретирована как «прообраз» миротворческих сил ООН. В главе было показано, какую чрезвычайно важную положительную роль данный инструмент сыграл для сохранения мира на Кипре в виде Сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре.

Литература

Жукова Н. М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 177 с.

Иванова И. И. Кипрская проблема на современном этапе // Конфликты и конфликтные зоны в Азии и Северной Африке в начале XXI века: Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2011.

Mehmet Gönlübol, A. Halûk Ülman, A. Suat Bilge, Duygu Sezer, v.s. Olaylarla Türk dış politikası (1919–1995), dokuzuncu baskı. Ankara, 1996.

Глава 16

Особенности эволюции политических систем арабских стран Ближнего Востока (вторая половина XX–начало XXI в.)*

Динамика социально-политических процессов на Арабском Востоке определялась сложившейся там политической системой, особенностями ее функционирования. Для того чтобы лучше представить себе характер политических режимов арабских стран, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть в краткой исторической ретроспективе процесс становления и формирования современных политических институтов в государствах Арабского Востока и обозначить контуры региональных и международных условий его протекания.

После Первой мировой войны и освобождения от господства Османской империи в ряде стран Арабского Востока западные державы установили политические режимы, построенные по образцу политических систем метрополий (Египет, Сирия). Этот процесс облегчался в связи с наличием ряда обстоятельств. В XIX в. реформы, которые пытались проводить отдельные арабские правители, сумевшие добиться фактической самостоятельности и независимости от Османской империи (Мухаммед Али в Египте, например), привели к возникновению в среде традиционной элиты уз-

* Автор главы: В.М. Ахмедов, ORCID ID: 0000-0002-4952-2964.

кой прослойки современных по тому времени управленцев. Активное проникновение западного капитала в арабские владения Порты и создание на их территории предприятий современного типа приводило к росту специалистов из числа местных жителей для работы на них. Этот процесс особенно усилился после фактического превращения многих арабских стран в колонии и полуколонии западноевропейских держав. Для работы в колониальной администрации требовались принципиально иные кадры, обладавшие высшим образованием, владевшие английским либо французским языками, знакомые с традициями европейской социальной мысли. В результате закладывались основы создания новых политических и экономических элит с западоориентированным политическим и социально-культурным самосознанием. Именно их представители и возглавили национально-освободительные движения в арабских странах. В самой крупной стране арабского мира – Египте – первая конституция была принята в 1882 г. без прямого участия европейцев. Сложившийся в период между двумя мировыми войнами баланс политических сил в арабских странах нашел свое отражение в принятых в этот период конституциях (Трансиордании – в 1928 г., Ираке – в 1924 г., Ливане – в 1926 г., Сирии – в 1930 г., Кувейте – в 1939 г.).¹ Для всех них было характерно закрепление примата исполнительной власти, что отвечало интересам метрополий в их борьбе с национально-освободительными силами, которые выступали за расширение прав законодательной власти. Практически все первые арабские конституции не сохранились до наших дней в неизменном виде. Подлинно национальное конституционное движение в арабских странах началось лишь после завоевания ими политической независимости, когда к власти

¹ Подробнее о конституционном движении в арабских странах см.: Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003. С. 5–25.

пришли новые политические силы. А в таких государствах, как, например, Саудовская Аравия, конституционные основы стали закладываться лишь в 1990-е годы.

После Второй мировой войны и обретения политической независимости пришедшие к власти национальные правительства, не без помощи бывших колонизаторов, заимствовали многие западные демократические институты. Однако поскольку социальная структура бывших колоний и полукolonий имела лишь отдаленное сходство со своими аналогами в бывших метрополиях, пересаженные на почву традиционных обществ западные демократические институты оказались мало похожими на свои прототипы. Как правило, они оказывались неэффективными и нередко служили только прикрытием для установившихся в 1950–1970-х годах в большинстве арабских стран авторитарных, по существу, режимов, независимо от их идеологической и политической ориентации. В целях преодоления дезинтеграционных тенденций в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества независимые арабские режимы были вынуждены опираться на концентрацию власти, чья непререкаемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности руководству. Неоднородный состав традиционного общества, его раздробленность, отсутствие в нем социальных сил, способных повести за собой широкие массы, вели к этатизму и авторитаризму. В этой связи в большинстве республик Арабского Востока в качестве наиболее распространенного типа политического устройства утвердились однопартийные режимы в форме президентской республики. Для прикрытия истинного характера власти в ряде арабских государств (Сирия, Ирак, Египет) разрешалось создание других партий. Однако государство оставляло за собой ограничительное право на создание партий, подлежащих обязательному лицензированию, и кон-

тролировало их деятельность путем создания различного рода квазиполитических образований в виде Народных фронтов, куда они должны были входить наряду с правящей партией. На практике это создавало условия для возникновения сильной президентской власти, в подчинении которой фактически находились законодательные и исполнительные органы государства.

Классическим примером формирования подобного типа политической системы являлась Сирия в период правления Хафеза аль-Асада (1970–2000). Приход Х. аль-Асада к власти в ноябре 1970 г. явился переломным моментом в современной истории страны. До этого времени Сирия представляла собой внутренне нестабильное государство, без самостоятельной политической линии и четкой национально-государственной идентичности². Ко времени прихода Х. аль-Асада к власти старая правящая элита в лице городской суннитской буржуазии, руководившая страной в течение столетий, фактически утратила свою власть. Основные политические партии и их лидеры либо подверглись гонениям, либо серьезно ослабили друг друга во время долгой конкурентной борьбы, создав в стране политический вакуум власти. Офицерский корпус, ядро которого составляли высокопоставленные военные сунниты, растратил свою силу в соперничестве за контроль над армией и правительством. Лидеры так называемых «необа'асистов», пришедшие к власти в феврале 1966 г., многие из которых были друзьями или исмаилитами, также оказались политически нейтрализованы. Таким образом, возникла ситуация, требовавшая прихода нового лидера, способного вернуть власти стабильность, государству – централизованность, а обществу – уверенность в завтрашнем дне. Характерной особенностью внутренней ситуации в Сирии при Х. аль-

² Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003.

Асаде была ее относительно устойчивая стабильность. Начавший формироваться с 1970-х годов современный механизм власти предусматривал сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы при сохранении законодательного режима чрезвычайного положения, установленного с начала 1960-х годов³. Под Х. аль-Асада были приспособлены основные механизмы управления, которые с течением времени приобрели устойчивый характер. За годы правления Х. аль-Асада в Сирии была создана авторитарная система правления и сильное с точки зрения внутренней безопасности государство. Режим Х. аль-Асада был персонифицирован до такой степени, что Сирия стала называться «Сирией Асада», о чем гласили многочисленные лозунги и плакаты на улицах сирийских городов. Контроль Х. аль-Асада над системой частично обеспечивался за счет использования патронажной общественно-политической сети, базировавшейся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях⁴. Одновременно практиковалась институционализируемая форма авторитаризма. Концентрация сверхвласти в руках президента гарантировала на практике, что Х. аль-Асад не может быть смещен конституционным путем до тех пор, пока он сам не решит покинуть свой пост. Устойчивость власти в САР базировалась на следующих основных опорах: алавитская община и семейный клан аль-Асада, правящая партия «Ба'ас», армия и спецслужбы, государственный бюрократический аппарат и новая национальная

³ Perthes V. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1995. P. 133–202.; Quillian N. Syria and the New World Order (Durham Middle East Monographs Series). Hardcover – May 1, 1999. P. 160–170.; Hinnebusch R. Asad's Syria and the New World Order: The struggle for regime survival // Middle East Policy. 1995. P. 80–86.

⁴ См.: George A. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY: Zed Books, 2003; Wedeen L. Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1999.

буржуазия. Они обладали надежными каналами управления государством, были способны защитить режим в случае необходимости и обеспечивали в целом мирное сосуществование правящих элит. При Х. аль-Асаде в Сирии действовала двухуровневая система организации власти. Внешне функционировала стандартная управленческая структура во главе с правительством, рядом контролируемых государством институтов, которые действовали в рамках установленной иерархической системы, освященной конституцией и идеологическими установками Партии Арабского Социалистического Возрождения (ПАСВ)⁵. Эти государственные институты включали администрацию президента, парламент (Народный Совет), Совет министров. В партии существовала своя властная иерархия и собственные органы управления. Наряду с этим в Сирии действовали общественные и профессиональные организации, представлявшие интересы различных слоев сирийского населения: профсоюзы, ремесленные, крестьянские ассоциации, студенческие союзы, женские организации. Эти «формальные» государственные и общественные институты служили средством легитимации властвующей элиты и эффективным инструментом социальной и экономической мобилизации масс. Такая система позволяла власти привлекать новых сторонников, доказавших свою преданность и лояльность режиму, постепенно продвигая их к реальным центрам власти. Наряду с этой «формальной» структурой действовал реальный механизм власти, представленный высшим руководством спецслужб и армии, теми, от кого на деле зависели стабильность и будущее режима. Военные

⁵ Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., ИВ РАН, 2011; Rabinovich I. Syria under the Ba'th 1963–1966. The Army-Party Symbiosis. Jerusalem, 1972. P. 57, 76; Seymour M. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt // Middle Eastern Studies. January 1970. Vol. 6. № 1. P. 38–39.

занимали ключевые позиции в правящей иерархии⁶. Их властные полномочия могли быть не прописаны в конституции, но они обладали огромным политическим влиянием и силой, являясь своеобразными скрепами правящей элиты. Работа «формального» госаппарата осуществлялась в двух плоскостях: административной и партийной. Каждые четыре года партийные организации избирали депутатов на съезд ПАСВ, который формировал новый состав высших партийных органов: Центральный Комитет (90 членов) и Региональное Руководство (21 член). Административно-управленческий аппарат должен был теоретически работать параллельно с ПАСВ. На практике он находился под ее полным контролем. Каждые четыре года в парламент избиралось 250 депутатов. ПАСВ осуществляла руководство партиями, входившими в состав Народного Совета, где ей принадлежало около 60% мест. Остальные места принадлежали так называемым независимым кандидатам. По конституции парламент называл кандидатуру на пост президента. Однако вначале она должна была быть утверждена Региональным Руководством ПАСВ⁷. Парламент также принимал законы, утверждал бюджет, одобрял планы хозяйственного развития и ратифицировал международные соглашения. Исполнительная власть включала президента и правительство. По конституции, правительству принадлежала высшая исполнительная и управленческая власть в стране. Президент назначал премьер-министра и других членов правительства, которые отчитывались перед ним и парламентом. В правительстве были представлены различные религиозные общины в соответствии с их долей

⁶ Rubin B., Keany T. A. Armed Forces in the Middle East: Politics and Strategy. L., 2002. P. 117–118.; Eberhard K. Entre jama'a et classe: Le pouvoir politique en Syrie, *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* Année, 1991. P. 211–239.

⁷ Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. См.: Сапронова М. А. Указ. соч. С. 284–312.

в общем составе населения САР. В 1960-х годах алавиты и представители других религиозных меньшинств из периферийных районов Сирии практически не участвовали в работе парламента⁸. Эта диспропорция была исправлена после прихода к власти в Сирии Х. аль-Асада⁹. В Сирии также была разрешена деятельность других партий помимо ПАСВ, представлявших различные коммунистические и насеристские фракции. Эти партии входили в состав Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ), который был создан в САР в 1972 г. во главе с Х. аль-Асадом¹⁰. Во многих случаях решающее слово по ряду ключевых аспектов жизни Сирии принадлежало командирам дивизий, руководству спецслужб, группе политических советников аппарата президента, верхушке алавитского духовенства. Как и Совет обороны, Высший совет алавитских шейхов не афишировал свою деятельность, являясь весьма тонким инструментом в механизме принятия решений. На своих ежемесячных заседаниях верхушка алавитской общины принимала решения по самым деликатным вопросам жизни общины и страны в целом¹¹. Таким образом, президент в республиках Арабского Востока был наделен очень широкими полномочиями в управлении государством: от назначения высших должностных лиц в исполнительных органах власти до роспуска парламента. Обычно он являлся верховным главнокомандующим, а в ряде стран и министром обороны

⁸ Ахмедов В. М. Политический облик режима // *Азия и Африка сегодня*. 1999. № 8. С. 9–16.

⁹ Подробнее о роли алавитов в сирийском обществе см.: Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // *Middle Eastern Studies*, 1984. Vol. 20. № 2. April. Abbas K. Religion and State in Syria. *Asian // Affairs*. 1974. № 5. P. 16–22.

¹⁰ Подробнее о политическом развитии современной Сирии во второй половине XX в. см.: В. М. Ахмедов. *Сирия на рубеже столетий. Власть и политика*. М., 2003. С. 22–29.

¹¹ Kramer M. *Syrias Alawis and Shiism*. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, 1984. P. 13.

одновременно. Будучи лидером правящей партии (Сирия, Египет), президент, используя специфические партийные механизмы, на практике контролировал процесс выборов и формирования депутатского корпуса. По конституции, он мог назначать и смещать правительство, судей, губернаторов провинций, ректоров университетов. В число его властных прерогатив также входили роспуск парламента, издание, утверждение или отклонение законов и решений парламента. В Египте парламент играл более заметную роль в механизме власти, определяемом президентом. Несмотря на это, египетская политическая система так же, как и в Сирии, отличалась значительной статичностью и с трудом поддавалась реформированию. Современная партийная система Египта, созданная при Х. Мубараке, лишь формально являлась многопартийной. Только несколько из официально действовавших 14 политических партий Египта играли заметную роль в политике. Реальная власть находилась в руках пропрезидентской, правящей национально-демократической партии (НДП). Остальные партии служили лишь антуражем, призванным закамуфлировать однопартийность. В первую декаду 2000 г. в стране появились ряд новых оппозиционных партий и движений светского характера. Среди них наиболее заметны были партия «Аль-Хад» («Завтра») и общественное движение «Кифая» («Хватит»), критиковавшие политику властей. Однако они не смогли набрать достаточного политического веса в обществе, чтобы влиять на политику государства. Поэтому, несмотря на то что представители оппозиционных партий получали на выборах значительное число мест в законодательных органах, на деле ни одна из этих партий, даже объединившись во фракцию с другими, не могла соперничать с правящей партией в принятии решений. Несмотря на отрицательную динамику парламентского представительства,

партия обладала необходимым числом голосов, чтобы изменять конституцию, гарантировать принятие парламентом нужных президенту законов и уверенно обеспечить переизбрание президента на новые сроки правления. Правительство формировалось под прямым патронажем президента. Таким образом, разделение властей в Египте практически отсутствовало, а институт президента обладал неограниченной монополией на власть¹². Однако именно сильное государство и авторитарные методы управления смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики и обеспечить политическую стабильность после достижения арабскими странами политической независимости.

Начавшиеся в 1970–1980-е годы процессы экономических реформ и частичной политической либерализации как ответ на вызов проблем общественно-экономического развития и расширявшихся международных экономических связей способствовали некоторому ослаблению авторитарных методов правления. Отсутствие видимых кардинальных перемен в Сирии при Х. аль-Асаде совсем не означало, что жизнь в стране стояла на месте. В целях расширения базы своей социальной поддержки режим расширил участие в парламенте представителей суннитских бизнес-элит, особенно дамасских и халебских бизнес-сообществ. Президент стремился модифицировать существовавшую «формулу власти» в сторону наделения «фасадных» структур большим объемом реальных полномочий не только на стадии реализации принятых конкретных установок, но и на этапе разработки решений¹³. Египет как ключевая страна арабского мира достаточно

¹² Ахмедов В. М. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006. С. 299–313.

¹³ Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. С. 29–30.

рано подвергся процессам модернизации и глобализации¹⁴. При Г. Насере в 1960-е годы Египет связывал модернизацию с утверждением своей центральной роли в регионе. В 1970 годы при А. Садате в Египте резко выросли исламистские настроения, увеличилось число различных исламских обществ. А. Садат объявил шариат, по Конституции 1971 г., одним из главных источников законодательства. В конечном счете А. Садат пал жертвой покушения, организованного членами одной из таких исламистских организаций, действовавших в армейской среде. Сменивший А. Садата в 1980 г. президент Х. Мубарак проводил более взвешенную политику. Не меняя в целом прежних контуров политической системы Египта и курса своего предшественника, Х. Мубарак стремился добиться согласия с разными социально-политическими силами внутри страны. Х. Мубарак продолжил политику индустриализации Египта. Однако в условиях, когда более 50% местного производства было национализировано, это легло тяжелым бременем на государственный сектор. Национальный частный капитал традиционно предпочитал сферу услуг, транспорт, коммерцию, банковское дело. Х. Мубарак стремился консолидировать средние слои, чтобы не допустить размывания среднего класса как одной из опор власти. Однако в условиях непростого социально-экономического положения Египта восстановление социальных гарантий для неимущих за счет перераспределения части богатств буржуазно-бюрократической элиты представлялось весьма сложной задачей. Это могло также потребовать сокращения расходов на модернизацию с учетом непрерывно растущего населения. К тому же резкие шаги в данной

¹⁴ Подробнее о процессах модернизации см.: Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman; L.: Univ. Of Oklahoma press, 1991. P. 269.

области могли нарушить социально-политический баланс, являвшийся залогом стабильности власти в Египте¹⁵.

Конец XX в. был отмечен ростом кризисных явлений в экономике и политике арабских стран, обострением этнических и конфессиональных противоречий, усилением межарабских разногласий. Указанные обстоятельства побуждали власти этих стран начать пересматривать прежние политические концепции и вносить коррективы в планы развития. Лидеры большинства государств региона были вынуждены признать, что, несмотря на огромные доходы от экспорта нефти и вне зависимости от декларируемой модели развития, им не удалось обеспечить быстрый переход преимущественно традиционной экономики к постиндустриальной стадии развития и тем самым ликвидировать отставание от ведущих промышленно развитых государств Запада. Более того, экономическая и политическая подконтрольность многих государств региона США и ведущим западноевропейским странам значительно возросла после первой войны в Персидском заливе 1991 г. и распада СССР. Таким образом, в силу объективных и субъективных причин правящие арабские элиты, да и общество в целом, оказались не готовы принять как западные модели социально-экономической и политической модернизации, так и советские «идеологемы» типа некапиталистического развития и социалистической ориентации. Процессы экономической модернизации при всей их непоследовательности и замедленности оказывали в конечном итоге определенное воздействие на политические системы арабских стран. Это хорошо видно на примере арабских монархий, где, несмотря на сильный дух консерватизма в политике, арабские лидеры были вынуждены постепенно реформировать

¹⁵ Springbord R. Mubarak's Egypt: Fragmentation of the Political Order. Boulder, Colo: Westview Press, 1989. P. 101–103.

традиционную структуру политических систем, расширяя права и свободы граждан и повышая роль исполнительных органов власти. Тем не менее институт монарха по-прежнему оказывал определяющее влияние на деятельность законодательных, исполнительных и судебных институтов в арабских монархиях. В Саудовской Аравии после войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. власти стали все больше испытывать на себе давление как внутри страны, так и со стороны внешних сил, прежде всего США, требовавших провести хотя бы косметические реформы. В марте 1992 г. саудовские власти предприняли ряд важных мер¹⁶. Король Фахд издал так называемый «Основной закон», который был призван определить структуру и работу правительства. Подобный шаг был предпринят впервые в истории королевства. Основные положения этого документа закрепляли сложившийся порядок вещей в виде признания законности монархии и превосходства исламских законов. Одновременно декларировались более широкие права граждан страны, как того требовала оппозиция. Однако в документе не содержался какой-либо механизм реализации этих прав на практике. Был создан Консультативный Совет, который институализировал традиционно принятую в стране систему консультаций (шура) при принятии решений. В полномочия Совета входило обсуждение и оценка основных направлений внутренней и внешней политики, а также разработка новых законов. Король Фахд не назначал членов первого состава Совета. Однако с августа 1993 г. эта практика изменилась. Члены Совета назначались королем, что на практике открывало перед монархом и его ближайшим окружением широкие возможности для использования этого государственного института в интересах правящей саудов-

¹⁶ Cordesman A. Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Law Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change. CSIS. Washington, 2002. P. 6.

ской верхушки. Тем более что заседания Совета проходили в закрытом режиме, а его полномочия ограничивались исключительно советнической ролью. Поэтому, несмотря на укрепление регулирующей роли государства в политике, на деле сохранялась тенденция отчуждения государства от общества. В 2000-х годах правящая семья несколько изменила социальный облик Совета, назначив туда больше представителей частного бизнеса и научных кругов королевства. Однако эти группы населения не отражали подлинных настроений широкой саудовской общественности. На практике Совет выполнял больше мобилизационные функции, чем представительские¹⁷.

Со второй половины 1990-х годов усилилась вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации на фоне изменения геополитической ситуации в регионе. В арабских странах ускорились процессы смены власти и активизировались попытки изменить характер политических систем. В то же время многие шаги арабских руководителей в этом направлении отличались крайней противоречивостью, случайностью и по многим параметрам оказывались несостоятельны. Процесс формирования новых контуров политических систем арабо-мусульманских стран Ближнего Востока проходил в острой борьбе крупных социально-политических сил региона. В этих условиях некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались политические движения ислама. Исламские реформаторы, пользовавшиеся все большей поддержкой народных масс, стремились построить политическую систему, основанную на принципах сочетания базовых элементов демократии (народовластия, парламентской демократии, партийного плюрализма, широких прав и сво-

¹⁷ Fandy M. Saudi Arabia and the Politics of Dissent. N.Y., 1999. P. 50–60.

бод человека, коллективности самоуправления) и исламских ценностей. При этом их приверженность демократическим ценностям Запада представлялась весьма спорной¹⁸. Эти организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носило по большей части ограниченный и опосредованный характер. С другой стороны, как показывали выборные кампании в ряде арабских стран, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские оппозиционные политические партии, будь-то запрещенные или легализованные. Последние, будучи встроены властями в структуру квазиполитических объединений типа «народных фронтов» под руководством партии власти, служили внешним «демократическим» обрамлением однопартийных по сути режимов. В результате они испытывали острый кризис политической самоидентификации, а в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство. В Сирии по мере укрепления режима личной власти Х. аль-Асада ПАСВ оказывалась лишенной реальных директивных прерогатив. Ее влияние на формирование политического курса режима неуклонно падало. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этническими и конфессиональными узами, факторами личной лояльности Х. аль-Асаду. Хотя президент управлял Сирией от имени ПАСВ, экономическая и политическая системы власти в САР уже не так жестко соотносились с баасистской идеологией и принципами общественного согласия под эгидой партии в качестве политического авангарда. На самом деле

¹⁸ Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly. L., 1993. Vol. 14. № 3. P. 605.

желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зачастую являлось более важным моментом, определявшим ход событий, по сравнению с партийной доктриной. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы безопасности¹⁹. Руководителям Алжира, Ливии, арабских монархий Персидского залива удавалось до некоторой степени обеспечивать социальный мир, используя высокие цены на энергоносители. Однако большинству ближневосточных правителей было все труднее «покупать» лояльность своего населения. Успехи религиозных политических движений и партий по сравнению с их либеральными светскими соперниками на выборах в Ираке, Египте, Палестине, Ливане напугали сторонников форсированной демократизации как на Западе, так и в самих арабских странах. Явные провалы трансатлантической «цивилизаторской» миссии в Афганистане, Ираке, Ливане и Палестине породили в кругах арабской правящей элиты законные опасения за свою собственную судьбу и будущее их государств. Стремление Запада навязать арабо-мусульманским государствам Ближнего Востока свои либеральные и демократические ценности в качестве универсальной модели общественного устройства вызывало ответную реакцию, воплощавшуюся в возрождении и консолидации незападной идеологии, стремящейся построить общество по своим, отличным от Запада, образцам. К тому же ни на Западе, ни на Ближнем Востоке не имелось ясного и устойчивого понимания того, какими могут и должны стать арабо-мусульманские страны в результате демократизации, каким будет их новое руководство и какую политику оно станет проводить. В ряде случаев это привело к тому, что в отдельных странах региона «де-

¹⁹ Seale P. K. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. O.: University of California Press, 1990. P. 420–440.

мократический проект» если и не потерпел крах, то явно застопорился. С другой стороны, усиливавшаяся взаимозависимость различных государств и регионов мира в условиях глобализации и интернационализации общественного развития, ускорения основных экономических, социальных и политических процессов подталкивала арабские страны к поиску современных моделей развития, невозможных без модернизации экономических и политических структур. При этом сохранялись специфика, самобытность и многовариантность их моделей развития. После прихода к власти в Сирии в 2000 г. Б. аль-Асад стремился провести целый комплекс социально-политических и экономических преобразований, направленный на модернизацию, но не коренное изменение действующей политической системы. Сохраняя неизменными в целом рамки прежней системы, Б. аль-Асад тем самым получил возможность осуществлять поэтапную программу реформ без видимой угрозы нарушения баланса сил в правящей элите и социальных потрясений в обществе. Б. аль-Асад и его команда технократов сделали своим приоритетом экономическую и административную реформу. На самом деле успех экономических преобразований во многом зависел не только от административной реформы, но и требовал также широкой политической либерализации, чтобы создать привлекательный инвестиционный климат в Сирии. С учетом складывавшейся обстановки вокруг САР такая демократизация была невозможна без контроля сверху и достижения согласия в правящих элитах страны на основе некоторой доли консерватизма в сочетании с умеренно либеральными реформаторскими воззрениями²⁰.

В канун «Арабской весны» большинство арабских стран переживали переходный, индустриализующийся, характер раз-

²⁰ Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. ИВ РАН, МГИМО МИД РФ. М., 2005. С. 56–179.

вития. На практике многие арабские страны были внутренне политически раздроблены. Власть в них аккумулировалась в руках различных кланов и властных команд: партийно-бюрократических, силовых, олигархических, региональных, этнических, конфессиональных, племенных. Их население было склонно олицетворять свою безопасность и благополучие не столько с институтами государства, сколько с родством или принадлежностью к одному из таких кланов или команд. Это предполагало создание не столько демократических режимов, сколько государства, ориентированного на модернизацию экономики и социальное развитие. Действительно, универсальные демократические ценности не могли быть восприняты в большинстве стран региона, где в среднем 30–40% населения жили на 2 доллара в день, а 5–7% владели 50% национального дохода, 50% жителей были неграмотны, 20 млн человек – безработные. Из 95 млн экономически активного населения арабских стран 50% были заняты в сфере услуг и неорганизованном (теневом) секторе экономики, 31% – в сельском хозяйстве и только 19% – в промышленности²¹.

Таким образом, без достижения в обществе национального согласия и единства элит в поддержке целей социально-экономической модернизации, наличия у них возможностей осуществить их, справиться с указанными трудностями вряд ли бы удалось. Поэтому на переходном этапе развития в арабских странах сформировался отчетливый общественный запрос на сильное, социально ответственное государство, которое могло бы обеспечить эффективный контроль как за ходом реформ, так и за процессом демократизации. Ответ на чаяния народных масс принесла «Арабская весна», которая круто изменила ход развития политических систем арабских стран Ближнего Востока.

²¹ Bloomberg, 28.06.2005; The New York Times, 07.09.2005; Аль-Ахрам, 08.03.2005; Mena Report, 21.04. 2005.

Литература

Ахмедов В. М. Политический облик режима // Азия и Африка сегодня. 1999. № 8. С. 9–16.

Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003. 170 с.

Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. ИВ РАН, МГИМО МИД РФ. М.: ИВ РАН, МГИМО МИД РФ, 2005. 179 с.

Ахмедов В. М. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. ИВ РАН, МГИМО МИД РФ//Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006.

Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: ИВ РАН, 2011. 237 с.

Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003. 327с.

Bloomberg 28.06.2005; The New York Times, 07.09.2005; Аль-Ахрам, 08.03.2005; Mena Report, 21.04.2005.

Cordesman A. Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Low Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change. CSIS. Washington, 2002. 50 p.

Eberhard K. Entre jama'a et classe: Le pouvoir politique en Syrie, Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée Année. 1991.

Hinnebusch, R. Asad's Syria and the New World Order: The struggle for regime survival // Middle East Policy. 1993. P. 80–86.

George A. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY: Zed Books, 2003. 206 p.

Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991. 366 p.

Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // Middle Eastern Studies. 1984. Vol. 20. № 2.

Fandy M. Saudi Arabia and the Politics of Dissent. N.Y., 1999. 272 p.

Kalidar A. Religion and State in Syria // Asian Affairs. 1974. № 5.

Kramer M. "Syria's Alawis and Shi'ism." In Shi'ism, Resistance and Revolution // Ed. by Martin Kramer. Boulder, Colo: Westview Press, 1987.

Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly. L., 1993. Vol. 14. № 3.

Perthes V. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1995. 298 p.

Rabinovich, I. Syria under the Ba'th 1963–1966. The Army-Party Symbiosis. Jerusalem, 1972. 276 p.

Rubin, B. K. Thomas A. Armed Forces in the Middle East: Politics and Strategy. L., 2002. 267p.

Seale P. Asad of Syria: The Struggle for the Middle East. O.: University of California Press, 1990. 540 p.

Seymour M. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt // Middle Eastern Studies. 1970. Vol. 6. № 1.

Springbord R. Mubarak's Egypt: Fragmentation of the Political Order. Boulder, Colo: Westview Press, 1989. 307 p.

Quillian N. Syria and the New World Order (Durham Middle East Monographs Series). Hardcover. 1999. 376 p.

Wedeem L. Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, L.: University of Chicago Press. 1999. 251 p.

Глава 17

Иран и кризис в САР: региональные измерения*

Начавшийся весной 2011 г. кризис в САР эскалировал проблему противостояния Ирана и Израиля на Ближнем Востоке. В начале сирийского конфликта Тель-Авив спокойно относился к действиям ИРИ по поддержке режима Б. аль-Асада. Иран направил в САР подразделения Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и части регулярной армии (Артеш), нарастил силы шиитских милиций за счет привлечения бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана. Подобная активность Ирана не могла остаться незамеченной в Израиле. Усиление позиций ИРИ и ливанской «Хезболлы» в Леванте спровоцировало ответные действия Израиля и вывело ирано-израильское противоборство на новый уровень.

Сражения в сирийском небе

С момента начала сирийских событий в 2011 г. Израиль нанес по сирийской территории около 300 ударов с воздуха и суши¹. В воздушной войне приняли участие ВВС Израиля, ВВС и ПВО Сирийской арабской армии (САА), иранские беспилотные летательные аппараты (БПЛА). В результате

* Авторы главы: В. М. Ахмедов, ORCID ID: 0000-0002-4952-2964.; А. В. Абросимов, ORCID – 0009-0006-7732-4849.

¹ Аль-Хамид Т. Израиль-Иран ва-т-тагйир аль-истратиджий [Израиль-Иран ... смена стратегии]. 01.02.2023. URL: <https://aawsat.com./home/article/4130901/> (дата обращения: 10.03.2023). На араб. яз.

израильских авиаударов в начале 2018 г. были уничтожены несколько батарей сирийских ПВО и иранских военных объектов. В мае 2018 г. Израиль нанес удар по 1-й бронетанковой дивизии ВС САР в районе Кисва (пригород Дамаска). Иран выпустил 20 ракет по израильским позициям на Голанских высотах. В ответ израильская авиация атаковала иранские цели в районах Дамаска, Кунейтры и Деръа, нанеся более дюжины ударов по военным объектам Ирана и «Хезболлы». Весной 2019 г. израильские налеты на Сирию продолжились. Очередной удар по северным районам Алеппо причинил ощутимый ущерб иранским складским помещениям и инфраструктурным объектам аэропорта, которыми активно пользовалась «Хезболла». В конце 2021 г. Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство новой военной базы в районе Абу Камаль на правом берегу Евфрата. После серии израильских ударов по иранским объектам в САР Иран рассредоточил руководящие кадры КСИР, «Хезболлы» и шиитских милиций в различных районах Сирии. К середине лета 2021 г. Иран, по некоторым данным, располагал 277 опорными пунктами, укрепрайонами и базами в 12 провинциях САР². В феврале 2022 г. Иран заметно расширил поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. К началу 2023 г. подконтрольные Ирану районы сирийской территории выросли. Иранское присутствие в них отличалось разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики. Массированное военное присутствие Ирана в САР

² На'аме А. Ба'ада-ль-имам-али-иран-табни-ка'ида-сания-шарк-дейр-эз-зор-аль-сурийя [После имам али Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в Сирии]. //Араби. 21.28.10.2021. URL: [https:// www. arabi21.com/story/1394178/](https://www.arabi21.com/story/1394178/) (дата обращения: 24.11.2021). На араб. яз.

обеспечило Тегерану успех в экономической сфере. Иран добился самых выгодных контрактов на восстановительные работы в Сирии в стратегически важных районах страны³. Одновременно Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Работа по укреплению иранских позиций в САР велась в рамках кампании по изменению демографии сирийского социума.

Война спецслужб

Ирано-израильское противостояние обострилось летом 2022 г. после массированной бомбардировки израильской авиацией Дамасского аэропорта. Между Тель-Авивом и Тегераном развернулась тайная война без «красных линий», жертвами которой стали старшие офицеры элитных подразделений армии, служб безопасности и высокопоставленные гражданские специалисты, занятые в сферах ядерных технологий. В 2022 г. был убит начальник управления специальных операций КСИР в Сирии и Ираке. Тегеран провел серию удачных операций в Ираке, в ходе одной из которых была обезврежена израильская агентура в Эрбиле (Ирак). Со своей стороны, специальный отряд израильских снайперов убил в Багдаде нескольких офицеров КСИР⁴. Во второй половине июня 2022 г. был снят с поста начальника разведки КСИР генерал Хусейн Тайиб. Ряд экспертов считали, что отставка Х. Тайиба была вызвана провалом операции КСИР в Стамбуле и убийством нескольких высокопоставленных иранских офицеров. Отставка Х. Тайиба знаменовала собой начало масштабных кадровых перестановок в иранских силовых структурах на уровне высшего и среднего командно-

³ Special Report. Six signs confirm Iran is repositioning in Syria.//Jusoor 3 April. URL: <https://www.jusoor.co/details/> (accessed: 13.04.2022).

⁴ Харб-джавасис-иранийя-исраильийя-фи-т-туркийя. Редакционная. [Израильско-иранская шпионская война в Турции]. 23.06.2022. URL: <https://alquds.co.uk/> (дата обращения: 08.07.2022). На арб. яз.

го состава. Тегеран планировал перестроить организационную структуру КСИР, других силовых ведомств, приведя ее в соответствие с новыми задачами и приоритетами в сферах безопасности и внешней политики ИРИ⁵.

География смертоносных акций «Моссад» и КСИР расширилась и охватила Аравийский полуостров, Турцию, Ирак, Северный Кавказ. Израильское присутствие на Кавказе рассматривалось в Иране как потенциальная угроза национальной безопасности и территориальной целостности ИРИ. Израиль мог использовать свое стратегическое преимущество для осуществления террористических акций в отношении иранских ученых-ядерщиков. Иран не исключал возможность создания военного альянса Турции и Израиля в Азербайджане. В октябре 2021 г. Иран провел военные маневры вблизи пограничной территории с Азербайджаном, что, естественно, вызвало негативную реакцию Баку и Анкары⁶. В середине декабря 2021 г. глава израильской разведки публично пообещал, что он не допустит появления у Ирана ядерного оружия. С аналогичным заявлением выступил и президент Израиля И. Герцог, который подчеркнул, что в случае провала переговоров в Вене Израиль сделает свой выбор самостоятельно.

Аль-Джарида-такшафу-маляф-раис-»аль-мосад»-ли-байден-би-ша'ан-иран.Редакционная⁷. Примерно в это же время на одном из предприятий в иранском городе На-

⁵ Маза-яа'ани-аль-карап-гейр-муфаджи'а-би-иб'ад-каид-мухабарат-фи-файлак-аль-харас-аль-ираний...? Редакционная [Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР]. 23.06.2022. URL: <https://raialyoum.com/>(дата обращения: 06.06.2022). На араб. яз.

⁶ Иран-тахш'а-вужуд-хизб-алла-аль-исраилийя-ал-худудха-аш-шималийя. Редакционная [Иран опасается присутствия израильской Хезболлы на своих северных границах]. 10.07.2022. URL: <https://alarab.co.uk/>(дата обращения: 06.08.2022). На араб. яз.

⁷ Аль-Джарида раскрывает Дж. Байдену досье главы «Мосад» по Ирану. 07.12.2021. URL: <https://www.aljarida.com/articles/1638813289975756>(дата обращения: 16.12.2021). На араб. яз.

танз (Исфахан) произошел взрыв. По данным иранских источников, в воздушное пространство Ирана проникли неопознанные БПЛА, которые могли принадлежать Израилю. Несмотря на все усилия, иранские системы ПВО «Bavar-373», «С-300» и поднятые в воздух ВВС КСИР не смогли поразить неопознанные БПЛА, которые беспрестанно около часа совершали несколько облетов территории вокруг Натанза⁸. В начале октября 2021 г. на своем сайте КСИР поместил угрозы в адрес властей Бахрейна в связи с визитом министра иностранных дел Израиля в Манаму. По оценке иранских военных, Израиль стремился превратить Бахрейн и ОАЭ в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана⁹. Воздушные атаки Израиля стали «привычным» элементом сирийского конфликта. Дамаск, Тегеран, другие участники сирийских событий не могли остановить израильские авиаудары. С другой стороны, Тель-Авив не обеспечил надежную защиту своей безопасности от растущей военной угрозы ИРИ и «Хезболлы» с территории Сирии, Ливана и Палестины¹⁰.

Таким образом, в продолжающейся около 10 лет «воздушной войне» Ирана и Израиля в Сирии возникла тупиковая ситуация в плане достижения конечного результата конфликта, приемлемого для обеих сторон.

⁸ Маджид М. Масадир-ли-ль-кабас-таират-мусейира-ихтаракат-аджва-иран [Источники Аль-Кабас: беспилотники нарушили воздушное пространство Ирана]. 08.12.2021. URL: <https://www/alqabas.com/article/5870214/> (дата обращения: 20.12.2021). На араб. яз.

⁹ Хамуд Ю. Халь-татахаваль-бахрейн-ли-с-саха-т-аль-джадида-ли-сыраъа бейна исраиль-ва-ль-иран. [Превратится ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном?] 13.07.2021. URL: <https://alkhaleejonline.net/> (дата обращения: 21.07.2021). На араб. яз.

¹⁰ Аль-Мактари Б. Дипломасия-т-дарура-фи-ль-иттифак-ас-са'удий-аль-ираний... [Вынужденная дипломатия в ирано-саудовском соглашении...] // Аль-Арабий. 24.03.2023. URL: <https://alaraby.co.uk/opinion/> (дата обращения: 28.03.2023). На араб. яз.

Весеннее обострение

Весной 2023 г. ирано-израильский конфликт достиг критической точки. В марте 2023 г. выросла частота и интенсивность ударов израильских ВВС по иранским целям в Сирии. Главной задачей ударов являлся не уход Ирана из Сирии, а снижение уровня иранского военного присутствия и блокирование поставок оружия ливанской «Хезболле». В середине марта 2023 г. израильская авиация нанесла удар по одному из центральных районов сирийской столицы, где проходила встреча военного представителя «Исламского Джихада», члена ПБ организации А. аль-Аджура с сирийскими и иранскими силовиками¹¹. В январе 2023 г. беспилотники ВВС Израиля нанесли удар по военным предприятиям в районе Исфахана (Иран)¹². Таким образом, Тель-Авив давал понять, что теперь его основной целью являются не столько проиранские шиитские милиции в Сирии, сколько военные объекты на иранской территории. Одновременно Тель-Авив продемонстрировал, что по-прежнему располагает неплохими позициями в иранских специальных службах. Израильские атаки на военные объекты в Исфахане свидетельствовали о значимых коррективах в стратегии Израиля и США в отношении Ирана. В свою очередь, Тегеран подготовил ответные удары силами БПЛА по военным объектам Израиля и США в Ливане, Сирии, Ираке, Афганистане, Азербайджане¹³.

¹¹ Ля-ривая-с-сурийя-камиля-ва-ля-на'алиян-исраиль... Редакционная. [Ни полного сирийского рассказа, ни заявления Израиля ...]// Рай аль-Яум. 20.02.2023. URL: <https://raiaiyom.com/> (дата обращения: 11.03.2023). На араб. яз.

¹² Таукит-мадрус-ли-ль-хужум-аль-исраилий-аля-мунша'ат-васат-иран. Редакционная. [Выбрано время для израильской атаки на предприятия в центре Ирана]//Равабит 31.01.2023. URL: <https://rawabetcenter.com/archives/157118/> (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.

¹³ Антуан А. Б. Ма-хия-аль-хиярат-аль-саляса-амам-иран-ли-рад'а аля-ль-худ-жум-аль-исраилий-фи-исфахан. [Три варианта иранского ответа на израильскую атаку в Исфахане] 30.01.2023. URL: <https://raiaiyom.com/> (дата обращения: 09.02.2023). На араб. яз.

Иранские специальные службы разоблачили более 10 агентов израильской разведки «Моссад», действовавших на иранской территории¹⁴. Отряды исламского сопротивления (прежде всего «Хезболла») завершили создание объединенных командных штабов для проведения совместных боевых операций против израильской армии и Вооруженных сил США в регионе. Сложившаяся в ирано-израильском противостоянии ситуация была чревата рисками новой войны на Ближнем Востоке. Действительно, иранские руководители были не готовы мириться с ударами израильской авиации по иранским военным объектам на территории третьих стран, тем более – внутри Ирана. Ставка на начавшиеся в сентябре 2022 г. протестные движения, проблемы в экономике, вызванные режимом санкций, иллюзии политической изоляции ИРИ могли оказаться несостоятельными. В сложившейся ситуации Тегеран усиливал меры безопасности внутри страны и укреплял военное присутствие, в том числе сил Исламского Сопротивления (ИС), в арабских странах Ближнего Востока. Попытки использования израильскими ВВС аэродромов на территории соседних Ирану арабских стран для нанесения удара по военным целям внутри ИРИкратно увеличивали риски распространения ирано-израильской вооруженной конфронтации на весь регион и ставили под удар американских военных в Персидском заливе, Ираке и Сирии. В свою очередь, израильское правительство Б. Нетаньяху не могло мириться с иранскими ответными мерами, особенно если их целью становилось гражданское население Израиля, как это было в Турции, Аргентине (2022 г.). Успехи ИРИ в работе над ядерной программой могли побудить Израиль к более решительным действиям против ядерных объектов Ирана,

¹⁴ Рейхан И. Хужум-исфахан: амрика-тарф'а-аль-аса-фи-важх-иран[Атака на Исфахан: Америка размахивает дубинкой перед лицом Ирана. 01.02.2023. URL: <https://asasmedia.com/news/395500/> (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.

чтобы отбросить иранскую программу на десятилетия назад. Поставки Тегераном Москве беспилотников превратили Иран в глазах США и ЕС в фактического участника конфликта на Украине и угрозу европейской безопасности. Сохраняющаяся конфронтация России и Запада на Украине, которая складывалась не в пользу Вашингтона, могла побудить США выйти за рамки стратегии ограниченного конфликта с Ираном и открыто поддержать израильские удары по Ирану¹⁵. В то же время Израиль и Иран воздерживались от шагов, которые могли спровоцировать крупномасштабный вооруженный конфликт в регионе. Тель-Авив и Тегеран стремились капитализировать в своих интересах потенциал позитивных подвижек в развитии ситуации на Ближнем Востоке. После нормализации ирано-саудовских отношений в марте 2023 г. Государственный департамент США назначил нового посла в Эр-Рияде. Назначение получил Майкл Ратни (Michael Ratney), который считается одним из архитекторов «Авраамских соглашений». В январе–марте 2023 г. официальные СМИ КСА и других членов ССАГПЗ активно продвигали тему мирной Арабской инициативы, принятую на саммите в Бейруте в 2002 г. как основу арабо-израильского урегулирования. Ключевой идеей инициативы было решение палестинской проблемы на основе создания двух государств в Палестине. С учетом последних подвижек в общеарабской позиции по вопросу сирийской нормализации в пользу Дамаска и Тегерана Тель-Авив оказывался в непростой ситуации. Израиль не мог пренебречь политическими дивидендами от «Авраамских соглашений» 2020 г. Следование прежним курсом на треках палестино-израильского урегулирования и конфронтации с ИРИ мог-

¹⁵ Абу Зухри А. Иран-ва-любнан-ва-китаъа-газза-ва-ль-харб-аль-исраилий-аль-мухтамала. [Иран, Ливан и сектор Газа..., и возможная война Израиля]. 04.03.2023. URL: [https://palltimeps.ps/post/354610/\(дата обращения: 20.03.2023\)](https://palltimeps.ps/post/354610/(дата%20обращения%2020.03.2023)). На араб. яз.

ло надолго отложить осуществление планов Тель-Авива по нормализации отношений с КСА и расширению сотрудничества с другими членами ССАГПЗ. На самом деле арабийские монархии с опасением относились к перспективе появления ядерного оружия у Тегерана. Но еще больше они боялись быть втянутыми в ирано-израильскую войну на Аравийском полуострове¹⁶.

США были не готовы поддержать массированную военную операцию Израиля против Ирана. В случае крупномасштабного ирано-израильского конфликта арабские партнеры США в Персидском заливе могли скорее, нежели Израиль, оказаться в прицеле иранской авиации. Новая война на Ближнем Востоке в условиях противостояния с Россией на Украине могла бы губительно сказаться на американской экономике. И наоборот, налаживание каналов связи с Ираном в условиях отсутствия ядерной дипломатии и эскалации ближневосточного конфликта может иметь решающее значение в процессе управления кризисом. После восстановления отношений с КСА Иран отработывал алгоритмы взаимодействия с Королевством в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене. Тегеран принял участие в инициированном КСА процессе сбалансированной калибровки властной конфигурации в Ливане¹⁷. Тегеран поддержал сделанное в марте 2023 г. заявление министра финансов КСА о планах Королевства увеличить объем инвестиций в Иран в рамках развития двустороннего экономического сотрудничества. В интересах развития отношений с государствами Западной

¹⁶ Аль-Раба М. Инытафат-кубра-би-ль-минтака-ва-джунун-исраилий-любнан-янтазыр-барис2.[Серьезные подвижки в регионе и израильский «психоз». Ливан в ожидании «Париж-2»]16.03.2023. URL: <https://www.almodon.com/politics/> (дата обращения: 20.03.2023) На араб.яз.

¹⁷ Аль-Мактари Б. Дипломасия-т-дарура-фи-ль-иттифак-ас-са'удий-аль-ираний... [Вынужденная дипломатия в ирано-саудовском соглашении...]. 24.03.2023. URL: <https://alaraby.co.uk/opinion/> (дата обращения: 28.03.2023). На араб.яз.

Европы официальные иранские представители сделали заявление о готовности Ирана возобновить переговорный процесс по иранскому атому в Вене. Однако развитие событий в Сирии, Ливане, Палестине в начале апреля 2023 г. продемонстрировало преждевременность утверждения о начале процесса разрядки в ирано-израильском противостоянии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функциональность Версальско-Вашингтонской системы была ограничена расхождением позиций среди ведущих акторов по вопросу о принципах и подходах, положенных в основу выстраиваемого мирового порядка, зафиксированного в ходе работы учредительных конференций.

Проблемой межвоенной системы была дробность позиций основных участников. Европейские великие державы предпочитали действовать в соответствии с привычным *Modus operandi*. Метрополия навязывала зависимым территориям заданную политическую программу, в случае необходимости применяя инструменты принуждения. Однако полного возврата к своеобразному «Ancien Régime» в мировой политике не произошло. Необходимость модернизации подходов к контролю над новоприобретенными зависимыми территориями продемонстрировало введение мандатного режима управления, предусматривавшего установление опеки Лиги Наций. Великобритания пыталась восстановить баланс сил, обеспечивающий первенство империи в контроле над ситуацией. Франция испытывала трудности в обеспечении дееспособной системы сдерживания идей реванша в Европе, что в конечном счете приведет Париж ко все возрастающей зависимости от Лондона. Соединенные Штаты находились на распутье. Сильные изоляционистские настроения американских избирателей

предотвратили участие США в работе Совета Лиги Наций с самого начала деятельности международной организации. Внутренняя политика связывала внешнеполитическую активность с локальными сиюминутными интересами штатов или влиятельных игроков. Американские государственные деятели, обладавшие стратегическим виденьем грядущего изменения политической карты мира, предпринимали шаги по перехвату Соединенными Штатами лидерской роли у Великобритании. Неизменной линией Вашингтона оставалось давление на Токио с целью ограничения экспансионистских амбиций Японии на Азиатском континенте. Американским представителям было трудно отказаться от цивилизаторской миссии США на Востоке. Они считали, что время европейских колониальных порядков проходит, мир под руководством США придет к благосостоянию. Принцип «открытых дверей и равных возможностей» был основным инструментом взлома позиций великих держав, боровшихся за свои сферы интересов. Для Вашингтона это была удобная позиция, учитывая неоспоримые преимущества экономического, политического и ресурсного характера, которыми исторически располагали США у себя на континенте, что обеспечивало американское доминирование в экономике.

Либеральная риторика президента США В. Вильсона простимулировала импульсы к возрождению национального политического самосознания на Востоке, который причинил много беспокойства старым колониальным империям. Восточные народы могли быть восприимчивыми сразу нескольких подходов в мировой политике в методах достижения независимости: американский либерализм, левое движение, воодушевленное успехами в появлении первого социалистического государства – СССР, паназиатский дискурс японской империи. За каждым из подходов стояла заинтересованная держава в репликации своего видения

основ выстраивания справедливого нового мира. Подобное положение дел создавало угрозу сохранения стабильности в Версальско-Вашингтонской системе. В этот период проявляется конкуренция методов в реализации внешней политики, выстраиваемых в соответствии с подходами, характерными для размежевавшихся парадигм международных отношений. В межвоенный период восточные страны преимущественно находились под влиянием политики великих держав, которые определяли основные пункты международной повестки дня. В нарастающих противоречиях между великими державами незападные акторы увидели шанс в возможности обретения независимости или, по крайней мере, большей автономии и защите своих прав.

Особая роль Японии в судьбе Версальско-Вашингтонской системы определяется историческим развитием японской государственности, оказавшейся вовлеченной в международную повестку дня с середины XIX в. Успех многолетнего проекта по модернизации страны преобразовал политическую жизнь Японии по канонам Запада. Следуя во внешней политике магистральным путем эпохи империализма, Япония вошла в клуб «великих держав». Япония выделяется на общем фоне западных акторов тем, что, добившись статуса великой державы, помимо отстаивания национальных интересов в русле традиционной политики, смогла предложить альтернативу западному порядку. Пробные шаги прозвучали на Парижской конференции, а в 30-е годы XX в. Токио активно продвигал идеи единства незападного сообщества наций под просвещенным руководством империи Восходящего солнца в соответствии с концепцией «восемь углов мира под одной крышей». В первое десятилетие существования межвоенной системы Япония пыталась добросовестно соответствовать установленным правилам игры, что нашло свое отражение в общем виде в так называемом

периоде «демократии Тайсё» и в «дипломатии Сидэхара», в частности в вопросах внешней политики. Великая депрессия стала тем рубежом, после которого в стране началось «чрезвычайное время». Япония перешла к активной экспансии на континенте, что вызвало реакцию соперничающих держав. Политика Японии в Китае выявила столкновение разных версий интерпретации устава Лиги. Япония повернула против США ее же аргумент о праве наций на самоопределение при создании квазигосударства Маньчжоу-Го. Японская империя выступила застрельщиком в процессе ликвидации межвоенного режима, инициировав свой выход из Лиги Наций, будучи одним из постоянных членов Совета Лиги и державой-основательницей организации.

Турция, занимая положение в стратегически важном регионе мира, обеспечивала связанность Европы с Азией и смогла найти верный баланс в выстраивании отношений с великими державами, что в итоге дало возможность ей избежать участия во Второй мировой войне. Проведение политики с позиций реализма позволило Анкаре реализовывать задачу национального строительства нового турецкого государства после коллапса Османской империи. Мировой экономический кризис разрушил привлекательный образ, выстраиваемый в рамках Версальско-Вашингтонской системы мира. Для значительной части мира тоталитарные формы правления становились инновационным ответом на кризис в мировой экономике и в мировой политике. Эрозия режима ограничения гонки вооружений на море предвещала скорое начало мирового конфликта.

Архитекторы Версальско-Вашингтонской системы допустили просчет при создании механизмов функционирования нового мирового порядка. Лига Наций не могла обеспечить безусловной реализации принятых резолюций. Ценность организации для ее членов подверглась девальвации в усло-

виях кризиса. Достигнутый в ходе переговоров компромисс среди великих держав, обеспечивший успешное завершение Парижской мирной конференции, одновременно создавал неизлечимый порок системы международных отношений. Большое число акторов, ущемлённых в интересах или с точки зрения достоинства нации, готовило условия для получения компенсации. Равнодушие лидеров мира к претензиям Веймарской республики способствовало подрыву авторитета демократического республиканизма в Германии. Державы-ревизионисты системы международных отношений своей политикой дестабилизировали обстановку.

В 30-х годах XX в. сумма противоречий в интересах акторов набрала критическую массу, что проявилось в активной милитаризации и увеличении конфликтов, неумолимо приближавших мир к глобальной войне.

Изучение истории функционирования Версальско-Вашингтонской системы приобретает особую актуальность в наши дни. Несправедливость в отношении предоставления суверенитета азиатским народам, неготовность великих держав воспринимать аргументы другой стороны, противоречивость доктринальных установок, отсутствие подлинного равноправия заложили основы краха системы и привели к скатыванию мира в пламя войны. Взаимодействие международного сообщества в тот период имеет не только негативный опыт. Созданный режим многостороннего ограничения «гонки вооружений» в военно-морской сфере является успешным примером реализации мер по снижению конфликтного потенциала в 20-е годы XX в. Анализ обстоятельств заключения соглашения по ограничению военно-морских сил позволяет прогнозировать возможность установления режима контроля над стратегическими вооружениями в условиях установления новой многополярности в XIX в. Версальско-Вашингтонская система демонстрирует

пример разнообразного взаимодействия акторов в многополярном мире, роста значения идеологического дискурса в мировой политике, выхода на сцену новых акторов и трансформации роли прежних ведущих игроков. Глубокое понимание причин, приведших межвоенную систему к потере дееспособности, может позволить избежать фатальных ошибок в будущем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Обращение президента Соединенных Штатов, произнесенное на совместном заседании двух палат Конгресса, 8 января 1918 года¹

8 января 1918 года

Джентльмены из Конгресса: Еще раз, как и неоднократно ранее, представители Центральных империй заявили о своем желании обсудить цели войны и возможные основы всеобщего мира. В Брест-Литовске продолжались переговоры между представителями России и представителями Центральных держав, к которым было привлечено внимание всех воюющих сторон с целью выяснения: возможно ли распространить эти переговоры на генеральную конференцию в отношении условий мира и урегулирования. Российские представители представили не только совершенно определенное изложение принципов, на основе которых они были бы готовы заключить мир, но и столь же

¹ Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Supplement 1. The World War by United States. Editor Joseph V. Fuller General, Editor: Tyler Dennett United States Government Printing Office Washington, 1933. P. 12–17.

определенную программу конкретного применения этих принципов. Представители Центральных держав, со своей стороны, представили план урегулирования, который, хотя и был гораздо менее определенным, казался допускающим вольное толкование, пока не была добавлена их конкретная программа практических терминов. Эта программа вообще не предлагала никаких уступок ни суверенитету России, ни предпочтениям населения, от судьбы которого она зависела, но, одним словом, означала, что Центральные империи должны были сохранить каждый фут территории, оккупированной их вооруженными силами, – каждую провинцию, каждый город, каждую выгодную позицию – в качестве постоянного дополнения к своим территориям и своей власти. Есть разумное предположение, что общие принципы урегулирования, которые они первоначально предложили, исходили от более либеральных государственных деятелей Германии и Австрии, людей, которые начали ощущать силу мысли и цели своих народов, в то время как конкретные условия фактического урегулирования исходили от военных лидеров, которые не думали ни о чем, кроме как сохранить то, что они получили. Переговоры были прерваны. Российские представители были искренни. Они не могли принимать во внимание подобные предложения о завоевании и господстве.

Весь инцидент полон значения. Он также полон недоумения. С кем имеют дело российские представители? От имени кого говорят представители Центральных империй? Говорят ли они от имени большинства своих соответствующих парламентов или от имени партий меньшинства, того военного и империалистического меньшинства, которое до сих пор доминировало во всей их политике и контролировало дела Турции и балканских государств, которые сочли себя обязанными стать их союзниками в этой войне?

Российские представители настаивали, очень справедливо, очень мудро и в истинном духе современной демократии, на том, что конференции, которые они проводили с государственными деятелями Германии и Турции, должны проводиться при открытых, а не закрытых дверях, и аудиторией должен был быть весь мир, как и хотелось. Тогда, кого же мы слушали? Тех, кто излагает дух и намерения резолюций германского рейхстага от 9 [19] июля прошлого года, дух и намерения либеральных лидеров и партий Германии, или тех, кто сопротивляется и бросает вызов этому духу и намерениям и настаивает на завоевании и порабощении? Или на самом деле мы слушаем и то, и другое, непримиримое, находящееся в открытом и безнадежном противоречии? Это очень серьезные и содержательные вопросы. От ответа на них зависит мир во всем мире.

Но, каковы бы ни были результаты переговоров в Брест-Литовске, какова бы ни была путаница в советах и целях, в высказываниях представителей Центральных империй, они снова попытались ознакомить мир со своими целями в войне и снова бросили вызов своим противникам, чтобы они сказали, каковы их цели и какой вид урегулирования они сочли бы справедливым и удовлетворительным. Нет веских причин, по которым на этот вызов нельзя было бы не ответить, и ответить с предельной откровенностью. Мы этого не ждали. Не раз, а снова и снова мы излагали миру всю нашу мысль и цель, не только в общих чертах, но каждый раз с достаточным определением, чтобы было ясно, какие окончательные условия урегулирования обязательно должны вытекать из них. В течение прошлой недели г-н Ллойд Джордж высказался с восхитительной откровенностью и в восхитительном духе в адрес народа и правительства Великобритании. Среди противников Центральных держав нет путаницы в советах, нет принципов

альной неопределенности, нет расплывчатости в деталях. Единственная скрытность в советах, единственное отсутствие бесстрашной откровенности, единственная неспособность сделать определенное заявление о целях войны лежит на Германии и ее союзниках. Вопросы жизни и смерти зависят от этих определений. Ни один государственный деятель, имеющий хоть малейшее представление о своей ответственности, не должен ни на мгновение позволять себе продолжать это трагическое и ужасающее пролитие крови и истощение национального достояния, если он не уверен вне всякой вероятности, что объекты жизненно важных жертв являются неотъемлемой частью самой жизни общества и что люди, от имени которых он выступает, считают их такими же правильными и обязательными как и он.

Более того, есть голос, призывающий к этим определениям принципа и цели, который, как мне кажется, более волнующий и убедительнее, чем любой из множества волнующих голосов, которыми наполнен беспокойный воздух мира. Это голос русского народа. Он повержен ниц и, казалось бы, почти беспомощен перед мрачной мощью Германии, которая до сих пор не знала ни снисхождения, ни жалости. Их власть, по-видимому, пошатнулась. И все же их душа не покорна. Они не уступят ни в принципе, ни в действии. Их представление о том, что правильно, что для них гуманно и благородно принимать, было изложено с откровенностью, широтой взглядов, великодушием духа и общечеловеческим сочувствием, которое должно вызвать восхищение каждого друга человечества; и они отказались изменить своим идеалам или покинуть других, чтобы самим быть в безопасности. Они призывают нас сказать, чего мы желаем, в чем наши цели и наш дух отличаются от их; и я верю, что народ Соединенных Штатов хотел бы, чтобы я ответил с предельной простотой и откровенностью. Верят в это их нынешние

лидеры или нет, мы искренне желаем и надеемся, что может быть открыт какой-то способ, с помощью которого мы сможем удостоиться чести помочь народу России обрести их величайшую надежду на свободу и упорядоченный мир.

Нашим желанием и целью будет, чтобы мирные процессы, когда они начнутся, были абсолютно открытыми и, чтобы они не включали и не допускали впредь никаких тайных договоренностей любого рода. День завоеваний и усиления прошел; прошел также день секретных соглашений, заключенных в интересах отдельных правительств и, вероятно, в какой-то неожиданный момент нарушивших мир во всем мире. Именно этот счастливый факт, теперь очевидный для каждого общественного деятеля, чьи мысли больше не витают в ушедшей эпохе, позволяет каждой нации, чьи цели согласуются со справедливостью и миром во всем мире, признать сейчас или в любое другое время цели, которые она имеет в виду.

Мы вступили в эту войну, потому что имели место нарушения права, которые задели нас за живое и сделали жизнь нашего собственного народа невозможной, если они не будут исправлены и мир раз и навсегда не будет защищен от их повторения. Следовательно, в том, что мы требуем в этой войне, нет ничего особенного для нас самих. Цель состоит в том, чтобы сделать мир пригодным и безопасным для жизни; и особенно в том, чтобы сделать его безопасным для каждой миролюбивой нации, которая, подобно нашей, хочет жить своей собственной жизнью, создавать свои собственные институты, быть уверенной в справедливости и честном обращении других народов мира в противовес силе и эгоистичной агрессии. Все народы мира, по сути, являются партнерами в этом деле, и со своей стороны мы очень ясно видим, что, если справедливость не восторжествует над другими, она не восторжествует и над нами.

Таким образом, программа мира во всем мире является нашей программой; и эта программа, единственно возможная программа, как мы ее видим, заключается в следующем:

I.

Открытые мирные соглашения, заключенные открыто, после которых не должно быть никаких негласных международных договоренностей любого рода, но дипломатия всегда должна осуществляться откровенно и на виду у общественности.

II.

Абсолютная свобода судоходства по морям, за пределами территориальных вод, как в мирное, так и в военное время, за исключением случаев, когда моря могут быть закрыты полностью или частично в результате международных действий по обеспечению соблюдения международных соглашений.

III.

Устранение, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установление равных условий торговли между всеми странами, согласившимися на мир и объединившими свои усилия для его поддержания.

IV.

Даны и приняты адекватные гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до минимума, соответствующего внутренней безопасности.

V.

Свободное, непредубежденное и абсолютно беспристрастное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при решении всех подобных вопросов суверенитета интересы соответствующего населения должны иметь равный вес со справедливыми притязаниями правительства, права которого должны быть определены.

VI.

Освобождение всех русских территорий и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит наилучшее и беспрепятственное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной возможности для независимого определения ее собственного политического развития и национальной политики и гарантирует ей искренний прием в сообщество свободных наций под эгидой институтов по ее собственному выбору; и, что более чем приветствуется, помощь любого рода, в которой она может нуждаться и которую она сама может пожелать. Отношение к России со стороны братских стран в предстоящие месяцы станет серьезным испытанием их доброй воли, их понимания ее нужд в отличие от их собственных интересов, а также их разумного и бескорыстного сочувствия.

VII.

Бельгия, с этим согласится весь мир, должна быть освобождена и восстановлена без каких-либо попыток ограничить суверенитет, которым она пользуется вместе со всеми другими свободными нациями. Никакой другой отдельный акт не послужит так, как этот, восстановлению доверия между народами к законам, которые они сами установили и определили для управления своими отношениями друг с другом. Без этого целительного акта вся структура и действенность международного права будут навсегда подорваны.

VIII.

Вся территория Франции должна быть освобождена, захваченные части восстановлены, и зло, причиненное Франции Пруссией в 1871 году в вопросе Эльзас-Лотарингии, которое нарушало мир во всем мире в течение почти пятидесяти лет, должно быть исправлено, чтобы мир мог быть снова обеспечен в интересах всех.

IX.

Изменение границ Италии должно быть произведено в соответствии с четко различимыми национальными признаками.

X.

Народам Австро-Венгрии, чье место среди наций мы хотим видеть защищенным и гарантированным, следует предоставить самую свободную возможность автономного развития.

XI.

Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы; оккупированные территории восстановлены; Сербии предоставлен свободный и безопасный доступ к морю; и отношения различных балканских государств друг с другом должны определяться дружеским советом в соответствии с исторически сложившимися рамками лояльности и национальности; и должны быть даны международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности различных балканских государств.

XII.

Турецким частям нынешней Османской империи должен быть гарантирован надежный суверенитет, но другим народам, которые сейчас находятся под турецким владычеством, должна быть гарантирована несомненная безопасность жизни и абсолютно беспрепятственная возможность автономного развития, а Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями.

XIII.

Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать территории, населенные бесспорно польским населением, которому должен быть

гарантирован свободный и безопасный доступ к морю, и чья политическая и экономическая независимость и территориальная целостность должны быть гарантированы международным пактом.

XIV.

Всеобщее объединение наций должно быть сформировано на основе специальных соглашений с целью предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как большим, так и малым государствам.

В отношении этих существенных исправлений ошибок и утверждений правоты мы чувствуем себя близкими партнерами всех правительств и народов, объединившихся против империалистов. Нас не могут разделять интересы или цели. Мы будем вместе до конца.

За такие договоренности и пакты мы готовы бороться и будем продолжать бороться до тех пор, пока они не будут достигнуты; но только потому, что мы желаем права на победу и справедливого и стабильного мира, который может быть обеспечен только путем устранения главных провокаций к войне, которые устраняет эта программа. У нас нет зависти к величию Германии, и в этой программе нет ничего, что могло бы его ослабить. Мы не ставим ей в вину никаких достижений или отличий в учебе или тихоокеанской предприимчивости, которые сделали ее послушной список очень ярким и достойным зависти. Мы не хотим причинять ей вред или каким-либо образом блокировать ее законное влияние или власть. Мы не желаем сражаться с ней ни оружием, ни враждебными торговыми соглашениями, если она желает объединиться с нами и другими миролюбивыми нациями мира в рамках соглашений о справедливости, законах и честных отношениях. Мы желаем ей только одного – занять место равенства среди народов

мира, – новый мир, в котором мы сейчас живем, – вместо места господства.

Мы также не берем на себя смелость предлагать ей какие-либо изменения в ее институтах. Но необходимо, мы должны откровенно сказать, и это необходимо в качестве предварительного условия для любых разумных отношений с ней с нашей стороны, чтобы мы знали, от имени кого выступают ее представители, когда они говорят с нами, будь то от имени большинства в рейхстаге или от имени военной партии и людей, чьим кредо является имперское господство.

Сейчас мы, конечно, говорили в терминах, слишком конкретных, чтобы допускать какие-либо дальнейшие сомнения или вопросы. Очевидный принцип проходит через всю программу, которую я изложил. Это принцип справедливости по отношению ко всем народам и национальностям и их право жить на равных условиях свободы и безопасности друг с другом, независимо от того, сильны они или слабы. До тех пор, пока этот принцип не будет положен в основу, никакая часть структуры международного правосудия не сможет устоять. Народ Соединенных Штатов не мог действовать по какому-либо другому принципу; и отстаиванию этого принципа он готов посвятить свою жизнь, свою честь и все, что у него есть. Наступил моральный апогей этой кульминационной и окончательной войны за свободу человека, и он готов подвергнуть испытанию свои собственные силы, свою высшую цель, свою честность и преданность.

Приложение 2

Декларация Бальфура¹

Министерство иностранных дел,
2 ноября 1917 года

Уважаемый лорд Ротшильд,

Имею честь передать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы довели эту Декларацию до сведения Сионистской федерации.

Искренне Ваш,
Артур Джеймс Бальфур.

¹ Balfour Declaration 1917// [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (дата обращения: 23.07.2023).

Приложение 3

Извлечение¹ из Мирного договора между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокола (Версальский договор)²

Высокие Договаривающиеся Стороны, принимая во внимание, что для развития сотрудничества между народами и для гарантии их мира и безопасности, важно принять некоторые обязательства не прибегать к войне, поддерживать в полной гласности международные отношения, основанные на справедливости и чести, строго соблюдать предписания международного права, признаваемые отныне действительным правилом поведения правительств, установить господство справедливости и добросовестно соблюдать все налагаемые Договорами обязательства во взаимных отношениях организованных народов, принимают настоящий Статут, который учреждает Лигу Наций.

Статья 1

Первоначальными Членами Лиги Наций являются те из Подписавшихся, имена которых значатся в Приложении к настоящему Статуту, а также Государства, равным образом названные в Приложении, которые приступят

¹ В извлечении приводятся материалы из Мирного договора в части, касающейся создания основ межвоенной системы международных отношений и стран Востока.

² Версальский мирный договор / Полный пер. с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. Москва: Изд. Литиздата НКВД, 1925. С. 7–15, 57–63, 98, 102–104.

к настоящему Статуту безо всяких оговорок, посредством декларации, сданной в Секретариат в течение двух месяцев по вступлении в силу Статута, о чем будет сделано оповещение другим Членам Лиги.

Все государства, доминионы или колонии, которые управляются свободно и которые не указаны в Приложении, могут сделаться Членами Лиги если за их допущение выскажутся две трети Собрания, поскольку ими будут даны действительные гарантии их искреннего намерения соблюдать международные обязательства и поскольку они примут положения, установленные Лигой касательно их военных, морских и воздушных сил и вооружений.

Всякий Член Лиги может, после предварительного, за два года, предупреждения, выйти из Лиги, при условии, что он выполнил к этому моменту все свои международные обязательства, включая и обязательства по настоящему Статуту.

Статья 2

Деятельность Лиги, как она определена в настоящем Статуте, осуществляется Собранием и Советом, при которых состоит постоянный Секретариат.

Статья 3.

Собрание состоит из Представителей Членов Лиги.

Оно собирается в установленное время и во всякий другой момент, если того требуют обстоятельства, в месте пребывания Лиги или в таком: другом месте, какое может быть назначено. Собрание ведает все вопросы, которые входят в сферу действия Лиги или которые затрагивают всеобщий мир. Каждый Член Лиги может насчитывать не более трех Представителей; в Собрании и располагает лишь одним голосом.

Статья 4.

Совет состоит из Представителей Главных Союзных и Объединившихся Держав, а также из Представителей

четырёх других Членов Лиги. Эти четыре Члена Лиги назначаются по усмотрению Собрания и в те сроки, которые оно пожелает избрать. Впредь до первого назначения Собранием, Представители Бельгии, Бразилии, Испании и Греции являются Членами Совета.

С одобрения большинства Собрания, Совет может назначать других Членов Лиги, представительство которых в Совете будет с тех пор постоянным. Он может, с такого же одобрения, увеличивать число Членов Лиги, которые будут избраны Собранием, чтобы быть представленными в Совете.

Совет собирается, когда того требуют обстоятельства, и, по меньшей мере, один раз в год, в месте пребывания Лиги или в таком другом месте, которое может быть назначено.

Совет ведаёт все вопросы, входящие в сферу действия Лиги или затрагивающие всеобщий мир.

Всякий Член Лиги, не представленный в Совете, приглашается посылать для присутствия в нем Представителя, когда в Совет вносится вопрос, особенно затрагивающий его интересы.

Каждый Член Лиги, представленный в Совете, располагает лишь одним голосом и имеет лишь одного Представителя.

Статья 5.

Поскольку не имеется определённо противоположных постановлений настоящего Статута или положений настоящего Договора, решения Собрания: или Совета принимаются единогласно Членами Лиги, представленными в собрании.

Всякие вопросы о порядке производства, возникающие на собраниях Собрания или Совета, включая назначение Комиссий, на которые возлагается расследование особых

случаев, разрешаются Собранием или Советом и решение выносится большинством Членов Лиги, представленных на собрании.

Первое собрание Собрания и первое собрание Совета состоятся по созыву Президента Соединенных Штатов Америки.

Статья 6.

Постоянный Секретариат устанавливается в месте пребывания Лиги. Он включает в себе Генерального Секретаря, а также необходимых секретарей и необходимый персонал.

Первый Генеральный Секретарь указан в приложении. Впоследствии Генеральный Секретарь будет назначаться Советом с одобрения большинства Собрания.

Секретари и персонал Секретариата назначается Генеральным Секретарем с одобрения Совета.

Генеральный Секретарь Лиги является по должности Генеральным Секретарем Собрания и Совета.

Расходы Секретариата несут Члены Лиги в пропорции, установленной для Международного Бюро Всемирного Почтового Союза.

Статья 7.

Местом пребывания Лиги устанавливается Женева.

Совет может во всякий момент решить установить его во всяком другом месте.

Все должности в Лиге или в состоящих при ней учреждениях, включая Секретариат, одинаково доступны мужчинам и женщинам.

Представители Членов Лиги и ее агенты пользуются при исполнении своих обязанностей дипломатическими привилегиями и дипломатическим иммунитетом.

Здания и земельные участки, занятые Лигой, ее учреждениями или под ее собрания, неприкосновенны.

Статья 8.

Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.

Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, подготавливает планы этого ограничения в целях рассмотрения; вынесения решения различными Правительствами. Эти планы должны составить предмет нового рассмотрения, а, в случае надобности, пересмотра, по меньшей мере, каждые десять лет. После их принятия различными Правительствами, предел вооружений, установленный таким образом, не может быть превышаем без согласия Совета.

Принимая во внимание, что частное производство снаряжения и военного материала вызывает серьезные возражения, Члены Лиги поручают Совету дать заключение о мерах, способных устранить его пагубные последствия, учитывая нужды Членов Лиги, которые не могут изготовлять снаряжение и военный материал, необходимые для их безопасности.

Члены Лиги обязуются обмениваться самым откровенным и исчерпывающим образом всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны.

Статья 9.

Постоянная Комиссия будет образована для дачи Совету своих заключений о выполнении постановлений статей 1 и 8 и, общим образом, военных, морских и воздушных вопросах.

Статья 10.

Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целость и существующую политическую независимость всех Членов Лиги, В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства.

Статья 11.

Определенно объявляется, что всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо, или нет, кого-либо из Членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций. В подобном случае Генеральный Секретарь немедленно созывает Совет по требованию всякого Члена Лиги.

Кроме того, объявляется, что всякий Член Лиги имеет право, дружественным образом, обратить внимание Собрания или Совета на всякое обстоятельство, способное затронуть международные отношения и, следовательно, грозящее поколебать мир или доброе согласие между нациями, от которого мир зависит.

Статья 12.

Все Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Совета. Они соглашаются еще, что они ни в каком случае не должны прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или доклада Совета.

Во всех случаях, предусмотренных этой статьей, решение третейских судей должно быть вынесено в течение разумного срока, а доклад Совета должен быть составлен в течение шести месяцев, считая со дня представления спора на его рассмотрение.

Статья 13.

Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, по их мнению, быть разрешенным третейским судом, и если этот спор не может быть удовлетворительно урегулирован дипломатическим путем, то вопрос будет полностью подвергнут третейскому разбирательству.

Объявляются принадлежащими к числу вопросов, вообще подлежащих третейскому разрешению, споры, которые относятся к толкованию какого-либо договора, ко всякому вопросу международного права, к наличию всякого факта, который, будучи установлен, составил бы нарушение международного обязательства, или к объему и способу возмещения, следуемого за такое нарушение.

Третейским судом, которому передается дело, является Суд, указанный Сторонами или предусмотренный в их предшествовавших соглашениях.

Члены Лиги обязуются выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против Члена Лиги, который будет с ними сообразоваться. В случае невыполнения решения, Совет предлагает меры, которые должны обеспечить действие решения.

Статья 14.

Совету поручается изготовить проект Постоянной Палаты Международного Суда и представить его Членам Лиги. Эта Палата будет ведать все споры международного характера, которые Стороны передадут ей. Она будет давать также консультативные заключения по всем спорам и по всем вопросам, которые будут внесены в нее Советом или Собранием.

Статья 15.

Если между Членами Лиги возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, и если этот спор не будет подвергнут третейскому разбирательству, предусмотренно-

му в статье 13, то Члены Лиги соглашаются представить и о Совету. Для этого достаточно, чтобы один из них указал на этот спор Генеральному Секретарю, который принимает все меры для полного расследования и рассмотрения.

В кратчайший срок Стороны должны сообщить ему изложение их позиций и всеми относящимися сюда фактами и оправдательными документами Совет может распорядиться об их немедленном опубликовании.

Совет прилагает усилия к тому, чтобы обеспечить урегулирование спора. Если ему это удастся, то он публикует в той мере, в какой сочтет нужным, изложение, передающее факты, соответствующие разъяснения и условия этого урегулирования.

Если спор не мог быть урегулирован, то Совет составляет и публикует доклад, принятый либо единогласно, либо по большинству голосов, для осведомления об обстоятельствах спора, а также решения, предлагаемые им, как наиболее справедливые и наиболее подходящие к случаю.

Всякий Член Лиги, представленный в Совете, может равным образом публиковать изложение фактов, относящихся к спору и свои собственные выводы.

Если доклад Совета принят единогласно, причем голоса Представителей Сторон не учитываются при установлении этого единогласия, то Члены Лиги обязуются не прибегать к войне против всякой Стороны, которая сообразуется с выводами доклада.

В том случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его Членами, кроме Представителей всякой Стороны в споре, Члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим ими сохранения права и правосудия.

Если одна из Сторон утверждает и если Совет признает, что спор касается вопроса, предоставляемого междуна-

родным правом исключительно ведению этой Стороны, то Совет констатирует это в докладе, не предлагая, однако, какого-либо решения. Совет может, во всех случаях, предусмотренных в настоящей статье, внести спор в Собрание. Собрание должно будет заниматься рассмотрением спора также и по ходатайству одной из Сторон; Это ходатайство должно быть представлено в течение четырнадцати дней, считая с момента, когда спор внесен в Совет.

Во всяком деле, переданном Собранию, постановления настоящей статьи и статьи 12, относящиеся к действиям и полномочиям Совета, равным образом применяются к действиям и полномочиям Собрания. Установлено, что доклад, составленный Собранием с одобрения Представителей Членов Лиги, представленных в Совете, и большинства других Членов Лиги, за исключением в каждом случае Представителей Сторон, имеет ту же силу, как и доклад Совета, единогласно принятый его Членами, кроме Представителей Сторон.

Статья 16.

Если Член Лиги прибегает к войне, в противность обязательств, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается, как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет.

В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным Правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать

в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

Члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении экономических и финансовых мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие проистечь из них потери и неудобства. Они, равным образом, оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Статут. Они принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

Может быть исключен из Лиги всякий Член, оказавшийся виновным в нарушении одного из обязательств, вытекающих из Статута. Исключение выносится голосами всех остальных Членов Лиги, представленных в Совете

Статья 17.

В случае спора между двумя государствами, из которых лишь одно является Членом Лиги или из которых ни одно не входит в нее, государство или Государства, посторонние Лиге, приглашаются подчиниться обязательствам, лежащим на ее Членах в целях урегулирования спора, на условиях, признанных Советом справедливыми. Если это приглашение принимается, то применяются постановления статей 12–16, с соблюдением изменений, сочтенных Советом необходимыми.

После посылки этого приглашения, Совет открывает расследование об обстоятельствах спора и предлагает такую меру, которая кажется ему лучшей и наиболее действительной в данном случае.

Если приглашенное государство, отказываясь принять на себя обязанности Члена Лиги в целях урегулирования

спора, прибегнет к войне против Члена Лиги, то к нему применимы постановления статьи 16.

Если обе приглашенные Стороны отказываются принять на себя обязанности Члена Лиги в целях урегулирования спора, то Совет может принять всякие меры и сделать всякие предложения, способные предупредить враждебные действия и привести к разрешению конфликта.

Статья 18.

Всякие международные договоры или международные обязательства, заключаемые в будущем Членом Лиги, должны быть немедленно зарегистрированы Секретариатом и опубликованы им возможно скоро. Никакие из этих международных договоров или обязательств не сделаются обязательными, пока не будут зарегистрированы.

Статья 19.

Собрание может от времени до времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир.

Статья 20.

Члены Лиги признают, – каждый, поскольку то его касается, что настоящий Статут отменяет все обязательства или соглашения *inter se*, несогласные с его условиями, и торжественно обязуются подобных в будущем не заключать.

Если до своего вступления в Лигу Член взял на себя обязательства, несовместимые с условиями Статута, то он должен принять немедленные меры к освобождению себя от этих обязательств.

Статья 21.

Международные обязательства, такие, как договоры о третейском разбирательстве, и ограниченные пределами известных районов соглашения, а также доктрина Монро,

которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего Статута.

Статья 22.

Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благосостояние и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации, и подобает включить гарантии осуществления этой миссии в настоящий Статут.

Лучший метод практически провести этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые, в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения, лучше всего в состоянии взять на себя эту ответственность и которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве Мандатария и от имени Лиги

Характер мандата должен различаться сообразно степени развития народа, географического положения территории, ее экономических условий и всяких других аналогичных обстоятельств.

Некоторые области, принадлежавшие ранее Османской империи, достигли такой степени развития, что их существование, в качестве независимых наций, может быть временно признано, под условием, что советы и помощь Мандатария будут направлять их управление впредь до момента, когда они окажутся способными сами руководить собой. Пожелания этих областей должны быть прежде всего приняты в соображение ими выборе Мандатария.

Степень развития, на которой находятся другие народы, особенно народы Центральной Африки, требует, чтобы

Мандатарий взял на себя управление территорией на условиях, которые, запрещая такие злоупотребления, как торговля рабами, торговля оружием и торговля алкоголем, будут гарантировать свободу совести и религии без иных ограничений, кроме тех, которые может наложить сохранение публичного порядка и добрых нравов, и кроме воспрещения воздвигать укрепления или военные или морские базы и давать военное обучение туземцам, если это не делается для полицейской службы и защиты территории, которые будут обеспечивать также другим Членам Лиги условия равенства обмена и торговли.

Наконец, есть территории, такие, как Юго-Западная Африка и некоторые острова Южной части Тихого Океана, которые вследствие малой плотности своего населения, своей ограниченной поверхности, своей отдаленности от центров цивилизации, своей географической смежности с территорией Мандатария, или других обстоятельств, не могли бы лучше управляться как по законам Мандатария, в качестве составной части его территории, с соблюдением, в интересах туземного населения, предусмотренных выше гарантий.

Во всех случаях Мандатарий должен посылать в Совет ежегодный доклад касательно территорий, которые ему поручены.

Если степень власти, контроля или управления, подлежащих осуществлению Мандатарием, не составляла предмета предшествовавшего соглашения между Членами Лиги, то по этим пунктам последует определенное постановление Совета.

Постоянной Комиссии будет поручено принимать и рассматривать ежегодные доклады Мандатариев и давать Совету свое заключение по всяким вопросам, относящимся к выполнению мандатов.

Статья 23.

С соблюдением постановлений международных соглашений, которые существуют в настоящее время или будут заключены впоследствии, и в согласии с ними, Члены Лиги:

а) приложат усилия к обеспечению и сохранению справедливых и гуманных условий труда для мужчины, женщины и ребенка на своих собственных территориях, а также и во всех странах, на которые распространяются их торговые и промышленные отношения, и к учреждению и содержанию с этой целью необходимых международных организаций;

б) обязуются обеспечить справедливый режим для туземного населения на территориях, подчиненных их управлению;

поручают Лиге общий контроль над соглашениями по поводу торга женщинами и детьми, торговли опиумом и другими вредными веществами;

поручают Лиге общий контроль над торговлей оружием и снаряжением со странами, в которых контроль над этой торговлей необходим в общих интересах;

примут необходимые постановления, чтобы обеспечить гарантию и сохранение свободы сообщений и транзита, а также справедливый режим для торговли всех Членов Лиги, причем условлено, что особые потребности местностей, разоренных в течение войны 1914–1918 годов, должны быть приняты во внимание;

приложат усилия, чтобы принять меры международного порядка для предупреждения болезней и борьбы с ними.

Статья 24.

Все международные бюро, ранее учрежденные коллективными договорами, будут, под условием согласия Сторон, поставлены под руководство Лиги. Всякие другие международные бюро и всякие комиссии по урегулированию дел

международного значения, которые будут созданы впоследствии, будут поставлены под руководство Лиги.

По всем вопросам международного значения, регулируемым общими соглашениями, но не подчиненным контролю международных комиссий или бюро, Секретариат Лиги должен будет, если Стороны того потребуют и Совет на то согласится, собирать и сообщать всякие нужные сведения и оказывать всякое необходимое и желательное содействие.

Совет может постановить о включении в расходы Секретариата расходов всякого бюро или комиссии, поставленных под руководство Лиги.

Статья 25.

Члены Лиги обязуются поощрять и облегчать учреждение и сотрудничество добровольных национальных организаций Красного Креста, надлежаще разрешенных, имеющих задачей улучшение здравоохранения и предупредительную борьбу с болезнями и смягчение страданий населения

Статья 26.

Поправки к настоящему Статуту будут вступать в силу по их ратификации теми Членами Лиги, Представители которых составляют Совет, и большинством тех, Представители которых образуют Собрание.

Всякий Член Лиги волен не принять поправок, внесенных в Статут, в таковом случае он перестает входить в состав Лиги.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ЛИГИ НАЦИЙ, ПОДПИСАВШИЕ ДОГОВОР.

Соединенные Штаты Америки, Гаити, Бельгия, Геджас, Боливия, Гондурас, Бразилия, Италия, Британская Империя, Япония, Канада, Либерия, Австралия, Никарагуа, Южная

Африка, Панама, Новая Зеландия, Перу, Индия, Польша, Китай, Португалия, Куба, Румыния, Эквадор, Сербо-Хорватско-Словенское Государство, Франция, Сиам, Греция, Чехо-Словакия, Гватемала, Уругвай.

**ГОСУДАРСТВА,
ПРИГЛАШЕННЫЕ ПРИСТУПИТЬ К СТАТУТУ**

Аргентина, Нидерланды, Чили, Персия, Колумбия, Сальвадор, Дания, Швеция, Испания, Швейцария, Норвегия, Венесуэла, Парагвай.

**II. ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЛИГИ НАЦИЙ.**

Почтенный Сэр Джемс Эрик Друммонд, Командор Ордена Михаила и Георгия, Кавалер Ордена Бани.

* * *

**КИТАЙ
Статья 128.**

Германия отказывается в пользу Китая от всяких привилегий и преимуществ, вытекающих из постановлений Заключительного Протокола, подписанного в Пекине 7 сентября 1901 года, и из всяких дополняющих его приложений, нот и документов. Она отказывается, равным образом, в пользу Китая от всяких требований о вознаграждении, в силу названного Протокола, за время после 14 марта 1917 года.

Статья 129.

Со вступлением в силу настоящего Договора Высокие договаривающиеся Стороны будут применять каждая, по-скольку то ее касается:

1. Соглашение от 29 августа 1902 года, относящееся к новым китайским таможенным тарифам;

2. Соглашение от 27 сентября 1905 года, относящееся к Ван-Пу, и временное дополнительное соглашение от 4 апреля 1912 года.

Однако Китай не будет более обязан предоставлять Германии те льготы или привилегии, на которые он давал ей согласие в этих Соглашениях.

Статья 130.

С соблюдением постановлений Отдела VIII настоящей Части, Германия уступает Китаю все те постройки, набережные и пристани, казармы, форты, оружие и военное снаряжение, корабли всех родов, радиотелеграфные установки и другую публичную собственность, принадлежащую Германскому Правительству, которые расположены или могут находиться в германских концессиях в Тянь-Цзине и в Хань-Коу или в других частях китайской территории.

Условлено, однако, что здания, служащие как дипломатические или консульские резиденции или канцелярии, не включены в упомянутую выше уступку; кроме того, никакие меры не будут приняты Китайским Правительством в целях распоряжения германской публичной или частной собственностью, расположенной в Пекине в так называемом квартале Миссий, без согласия дипломатических представителей тех держав, которые при вступлении в силу настоящего Договора, остаются участницами Заключительного Протокола от 7 сентября 1901 года.

Статья 131.

Германия обязуется возвратить Китаю в двенадцатимесячный срок по вступлении в силу настоящего Договора все астрономические инструменты, которые ее войска захватили в Китае в 1900–1901 годах.

Германия обязуется равным образом оплатить все расходы, которые могут возникнуть в целях этого возвращения,

включая сюда расходы по разборке, упаковке, перевозке, установке в Пекине и покрытию страхования.

Статья 132.

Германия соглашается на отмену полученных от Китайского Правительства контрактов, на которых покоятся в настоящее время германские концессии в Хань-Коу и Тянь-Цзине.

Китай, которому возвращено полное осуществление его суверенных прав на упомянутые территории, изъявляет свое намерение открыть их для международного проживания и торговли. Он заявляет далее, что отмена контрактов, на которых покоятся в настоящее время эти концессии, не должна нарушать прав собственности граждан Союзных и Объединившихся Держав, держателей участков в этих концессиях.

Статья 133.

Германия отказывается от всяких претензий к Китайскому Правительству или к какому-либо из Союзных или Объединившихся Правительств по поводу интернирования в Китае германских граждан и их репатриации. Она отказывается, равным образом, от всяких претензий по поводу захвата в Китае германских судов, ликвидации и секвестра, распоряжения германскими имуществами, правами и интересами в этой стране или контроля над ними, начиная с 14 августа 1917 года. Это постановление не должно, однако, нарушать прав сторон, заинтересованных в выручке от какой-либо из этих ликвидаций, каковые права регулируются постановлениями Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

Статья 134.

Германия отказывается в пользу Правительства Его Британского Величества от имущества Германского Государства в Британской концессии Шеймин в Кантоне. Она отказы-

вается в пользу Французского и Китайского Правительств, совместно, от собственности на немецкую школу, находящуюся во французской концессии в Шанхае.

СИАМ.

Статья 135.

Германия признает потерявшими силу с 22 июля 1917 года всякие договоры, конвенции или соглашения, заключенные ею с Сиамом, вместе с могущими проистечь из них правами, правооснованиями или привилегиями, а также от всякого права консульской юрисдикции в Сиаме.

Статья 136.

Всякие имущества и всякая собственность Германской Империи или Германских Государств в Сиаме, за исключением зданий служащих как Дипломатические или консульские резиденции или канцелярии, перейдут безвозмездно в полную собственность Сиамского Правительства.

С имуществами, собственностью и частными правами германских граждан в Сиаме будет поступлено согласно с постановлениями Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

Статья 137.

Германия отказывается за себя или своих граждан от всяких претензий к Сиамскому Правительству по поводу захвата германских кораблей, ликвидации германских имуществ или интернирования германских граждан в Сиаме. Это постановление не должно нарушать прав сторон, заинтересованных в выручке от каждой из этих ликвидаций, каковые права регулируются постановлениями Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

* * *

МАРОККО.

Статья 141.

Германия отказывается от всяких прав, правооснований или привилегий, вытекающих к ее выгоде из Алжезираского Генерального Акта от 7 апреля 1906 года, Франко-германских соглашений от 9 февраля 1909 года и от 4 ноября 1911 года. Все договоры, конвенции, соглашения или контракты, заключенные ею с Шерифской Империей, считаются отмененными с 3 августа 1914 года.

Ни в каком случае Германия не может ссылаться на эти акты, и она обязуется не вмешиваться никаким образом в переговоры, которые могут иметь место между Францией и другими Державами относительно Марокко.

Статья 142.

Германия заявляет о согласии на все последствия установления признанного ею протектората Франции в Марокко и об отказе от режима капитуляций в Марокко.

Этот отказ будет действителен с 3 августа 1914 года.

Статья 143.

Шерифское Правительство будет иметь полную свободу действий для урегулирования положения германских граждан в Марокко и условий их поселения.

Лица, находящиеся под германским покровительством, германские семсары и германские мохалаты, будут рассматриваться, как переставшие с 3 августа 1914 года пользоваться привилегиями, связанными с этими качествами и будут подчинены общим законам.

Статья 144.

Все имущества и вся собственность Германской Империи и Германских Государств в Шерифской Империи переходят по праву к Махзену без всякого вознаграждения.

В этом отношении имущества и собственность Германской Империи и Германских Государств будут рассматриваться, как включающие в себя всю собственность Короны, Империи и Германских Государств, а также частные имущества бывшего Германского императора и других лиц королевских домов.

Со всеми движимыми и недвижимыми имуществами, принадлежащими в Шерифской Империи германским гражданам, будет поступлено согласно с Отделами III и IV Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

Горные права, которые могли бы быть признаны за германскими гражданами Третьим Судом, установленным в силу марокканского горного устава, составят предмет денежной оценки, которая будет истребована у третейского судьи: эти права разделят, вслед за тем, участь имуществ, принадлежащих в Марокко германским гражданам.

Статья 145.

Германское Правительство обеспечит передачу лицу, которое будет указано Французским Правительством, акций, представляющих долю Германии в капитале Марокканского Государственного Банка. Стоимость этих акций, указанная Репарационной Комиссией, будет уплачена этой Комиссии, чтобы быть занесенной на кредит Германии в счет сумм, должных за репарации. Германскому Правительству будет надлежать вознаградить в связи с этим своих подданных.

Эта передача будет иметь место без ущерба уплате долгов, которые могли быть у германских граждан по отношению к Марокканскому Государственному Банку.

Статья 146.

Марокканские товары будут пользоваться при ввозе в Германию, режимом, применяемым к французским товарам.

ЕГИПЕТ.

Статья 147.

Германия заявляет, что она признает протекторат, провозглашенный над Египтом Великобританией 18 декабря 1914 года, и отказывается от режима капитуляций в Египте.

Этот отказ будет действителен с 4 августа 1914 года.

Статья 148.

Все договоры, конвенции, соглашения или контракты, заключенные Германией с Египтом, считаются отмененными с 4 августа 1914 года.

Ни в каком случае Германия не может ссылаться на эти акты, и она обязуется не вмешиваться никаким образом в переговоры, которые могут иметь место между Великобританией и другими Державами относительно Египта.

Статья 149.

До вступления в силу египетского законодательства о судостроительстве, устанавливающего палаты с полной юрисдикцией, будут приняты меры, путем декретов Его Высочества Султана, к отправлению юрисдикции над германскими гражданами или имуществами британскими консульскими судами.

Статья 150.

Египетское Правительство будет иметь полную свободу действий для урегулирования положения германских граждан в Египте и условий их поселения.

Статья 151.

Германия дает свое согласие на отмену декрета, изданного Его Высочеством Хедивом 28 ноября 1904 года, относительно Комиссии Египетского Публичного долга или на изменения, которые Египетское Правительство может счесть желательным внести в него.

Статья 152.

Германия соглашается, поскольку то ее касается, на передачу Правительству Его Британского Величества прав,

сообщенных Его Императорскому Величеству Султану Конвенцией относительно свободы судоходства по Суэцкому каналу, подписанной в Константинополе 29 октября 1888 года.

Она отказывается от всякого участия в Египетском Санитарном, Морском и Карантинном Совете и соглашается, поскольку то ее касается, на передачу египетским властям прав этого Совета.

Статья 153.

Все имущества и вся собственность Германской Империи и Германских Государств в Египте переходит по праву к Египетскому Правительству без вознаграждения.

В этом отношении имущества и собственность Германской Империи и Германских Государств будут рассматриваться, как включающие в себя всю собственность Короны, Империи и Германских Государств, а также частные имущества бывшего германского императора и других лиц королевских домов.

Со всем движимым и недвижимым имуществом, принадлежащим в Египте германским гражданам, будет поступлено согласно с Отделами III и IV Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

Статья 154.

Египетские товары будут пользоваться при ввозе в Германию режимом, всякого применяемым к британским товарам.

ТУРЦИЯ И БОЛГАРИЯ.

Статья 155.

Германия обязуется признать и принять всякие соглашения, которые Союзные и Объединившиеся Государства заключат с Турцией и Болгарией относительно каких-либо прав, интересов и привилегий, на которые Германия или Герман-

ские граждане могли бы претендовать в Турции и в Болгарии и и которые не составляют предмета постановлений настоящего Договора.

ШАНДУНЬ.

Статья 156.

Германия отказывается в пользу Японии от всех своих прав, правооснований и привилегий, касающихся в особенности территории Киао-Чау, железных дорог, копей и подводных кабелей, которые она приобрела в силу договора, заключенного ею с Китаем 6 марта 1898 года, и всяких иных актов, касающихся Шандунской провинции.

Все германские права на железную дорогу от Циндао до Цинанфу, включая ее ветки и вместе с принадлежностями всякого рода, вокзалами, складами, материальной частью и подвижным составом, копиями, учреждениями и материалом для эксплуатации копей, приобретаются и остаются приобретенными Японией со всеми связанными с ними правами и привилегиями.

Подводные кабели Германского Государства, от Циндао до Шанхая и от Циндао до Чифу, со всеми связанными с ними правами, привилегиями и собственностью, равным образом остаются приобретенными Японией, свободными и чистыми от всяких повинностей.

Статья 157.

Права на движимость и недвижимость, которыми Германское Государство владеет на территории Киао-Чау, а также все права, на которые оно могло бы претендовать вследствие работ или улучшений, или вследствие произведенных прямо или косвенно расходов, касающихся этой территории, приобретаются и остаются приобретенными Японией, свободными и чистыми от всяких повинностей.

Статья 158.

Германия передаст Японии в течение трех месяцев, которые последуют за вступлением в силу настоящего Договора, всякого рода архивы, реестры, планы, правооснования и документы, касающиеся гражданского, военного, финансового, судебного или иного управления территории Киао-Чау, в каком бы месте они ни находились.

В тот же срок Германия оповестит Японию о всех договорах, соглашениях или контрактах, касающихся прав, правооснований или привилегий, указанных в двух предшествующих статьях.

* * *

Статья 246.

В течение шести месяцев, которые последуют за вступлением в силу настоящего Договора, Германия должна будет возвратить Его Величеству Королю Геджаса подлинный Коран, принадлежавший Халифу Осману и захваченный в Медине турецкими властями для поднесения бывшему императору Вильгельму II.

Так как череп Султана Макауа был захвачен в германском протекторате Восточной Африки и перевезен в Германию, то он будет, в тот же срок, передан Германией Правительству Его Британского Величества.

Передача этих предметов будет произведена в таком месте и на таких условиях, которые установят Правительства, которым они должны быть возвращены.

* * *

Статья 257.

В отношении бывших германских территорий, включая колонии, протектораты и подвластные земли, управляемые мандатарием по статье 22 части I (Лига Наций) настоящего

Договора, ни территория, ни Держава-Мандатарий, не будут нести никакой части в уплате Долга Германской Империи или Германских Государств.

Все имущества и собственность, принадлежащие Германской Империи или Германским Государствам, расположенные на этих территориях, будут переданы в то же время, как и территории, Державе-Мандатарии, в качестве таковой, и никакой платеж не будет произведен и никакая сумма не будет занесена на кредит этих Правительств в силу этой передачи.

В смысле настоящей статьи, имущества и собственность Германской Империи или Германских Государств будут рассматриваться, как заключающие в себе всю собственность Короны, Империи, Государств и частные имущества бывшего Германского Императора и иных лиц королевских домов.

Статья 258.

Германия отказывается от всякого представительства или участия, которые какие-либо договоры, конвенции или соглашения обеспечивали ей самой или ее гражданам в управлении или контроле комиссий, агентств и государственных банков и во всяких иных международных финансовых и экономических организациях по контролю или управлению, действующих в каком-либо из Союзных и Объединившихся Государств, в Австрии, в Венгрии, в Болгарии или в Турции или во владениях и подвластных землях названных выше государств, а также в бывшей Российской Империи.

Статья 259.

1. Германия обязуется передать в месячный срок, считая со вступления в силу настоящего Договора, таким властям, которые могли бы быть указаны Главными Союзными и Объединившимися Державами, сумму золотом, которая

должна была быть внесена в Рейхсбанк на имя Административного Совета Оттоманского Публичного Долга, как гарантия первого выпуска кредитных билетов Турецкого Правительства.

2. Германия признает свое обязательство производить ежегодно, в течение двенадцатилетнего периода, платежи золотом, которые условлены по бонам Германского Казначейства, внесенным им в разное время на имя Административного Совета Оттоманского Публичного Долга, как гарантия второго выпуска кредитных билетов Турецкого Правительства и последующих выпусков.

3. Германия обязуется передать в месячный срок, считая со вступления в силу настоящего Договора, таким властям, которые могли бы быть указаны Главными Союзными и Объединившимися Державами, золотой фонд, образованный в Рейхсбанке или в ином месте, как эквивалент остатка золотого аванса, предоставленного 5 мая 1915 года Административным Советом Оттоманского Публичного Долга Императорскому Оттоманскому Правительству.

4. Германия обязуется передать Главным Союзным и объединившимся Державам права, которые она может иметь на сумму золотом и серебром, переданную ею Турецкому Министерству Финансов в ноябре 1918 года, как аванс по срочному платежу в мае 1919 года, в уплату турецкого внутреннего займа.

5. Германия обязуется передать в месячный срок, считая со вступления в силу настоящего Договора, Главным Союзным и Объединившимся Державам всякие суммы золотом, переданные Германии или ее гражданам в качестве залога или дополнительного обеспечения по случаю займов, данных Германией или ее гражданами Австро-Венгерскому Правительству.

6. Германия подтверждает свой отказ, предусмотренный статьей XV Перемирия от 11 ноября 1918 года, от пользования всеми условиями, включенными в Бухарестский и Брест-Литовский Договоры и дополнительные договоры, без того, чтобы был нанесен ущерб статье 292 Части X (Экономические Положения) настоящего Договора.

Она обязуется передать по принадлежности либо Румынии, либо Главным Союзным и Объединившимся Державам всякие денежные документы, деньги, ценности и векселя или товары, которые она получила во исполнение названных выше Договоров.

7. Все какие-либо наличные суммы и денежные документы, ценности и товары, которые должны быть сданы, уплачены или переданы в силу условий настоящей статьи, будут употреблены Главными Союзными или Объединившимися Державами сообразно порядку, который должен быть определен впоследствии названными Державами.

Статья 260.

Не затрагивая отказа Германии в силу настоящего Договора от прав, принадлежащих ей или принадлежащих ее гражданам, Репарационная Комиссия будет иметь право в годичный срок, считая со вступления в силу настоящего Договора, потребовать, чтобы Германия приобрела всякие права или интересы германских граждан во всяких общепользовных предприятиях или во всяких концессиях в России, в Китае, в Австрии, в Венгрии, в Болгарии, в Турции, во владениях и подвластных землях этих государств или на территории, которая, принадлежав Германии или ее союзникам, должна быть уступлена или взята в управление мандатарием в силу настоящего Договора; Германское Правительство, с другой стороны, должно будет в шестимесячный срок, считая со дня предъявления требования, передать репарационной Комиссии совокупность этих прав

и интересов и всех прав и интересов, которыми Германия может сама обладать.

Германия будет нести обязанность вознаградить своих граждан, лишенных таким образом имущества, и Репарационная комиссия занесет на кредит Германии по счету сумм, должных по титулу репараций, суммы, соответствующие стоимости переданных прав и интересов, как она будет установлена Репарационной Комиссией. Германское Правительство в шестимесячный срок со дня вступления в силу настоящего Договора должно будет сообщить Репарационной Комиссии список всех относящихся к сему прав и интересов, как приобретенных, так и ожидаемых или еще не реализованных, и откажется в пользу Союзных и Объединившихся Держав, от своего имени и от имени своих граждан, от всяких указанных выше прав и интересов, которые не были бы упомянуты в названном выше списке.

Статья 261.

Германия обязуется передать Союзным и Объединившимся Державам все свои требования к Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции и, в особенности, те, которые проистекают или проистекут для нее из выполнения обязательств, принятых ею по отношению к этим Державам в течение войны.

Приложение 4

Договор четырех держав¹

Трактат между США, Британской империей, Францией
и Японией касательно их островных владений
и островных территорий в Тихом океане,
подписанный в Вашингтоне 13 декабря 1921 г.

I. Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются уважать в своих взаимоотношениях право каждой из них на свои островные владения и островные территории в районе Тихого океана.

II. Если указанные выше права подвергаются опасности в силу наступательных действий какой-либо другой державы, Высокие Договаривающиеся Стороны войдут во взаимный, полный и откровенный обмен мнениями для того, чтобы достигнуть соглашения о наиболее действительных мерах, долженствующих быть принятыми, каждой в отдельности или всеми совместно, в связи с требованиями создавшегося положения.

III. Настоящий трактат останется в силе в течение десяти лет со дня вступления его в силу, и после истечения указанного периода он будет продолжать оставаться в силе, причем, однако, за каждой из Высоких Договаривающихся

¹ Текст на англ. яз. (перевод, отв. ред. – Д. М.) [Электронный ресурс]
URL: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/1922v1/tr1921.htm>
(дата обращения: 16.07.2022).

Сторон останется право прекратить его действие с уведомлением за двенадцать месяцев вперед.

IV. Настоящий Договор должен быть ратифицирован как можно скорее в соответствии с конституционными нормами Высоких Договаривающихся сторон и вступит в силу после передачи ратификационных грамот, которая состоится в Вашингтоне, и после этого соглашение между Великобританией и Японией, которое было заключено в Лондоне 13 июля 1911 года, прекращает свое действие. Правительство Соединенных Штатов направит всем подписавшим державам заверенную копию протокола передачи ратификационных грамот на хранение.

Настоящий Договор на французском и английском языках будет храниться в архивах правительства Соединенных Штатов, и его должным образом заверенные копии будут переданы этим правительством другим Договаривающимся Сторонам.

Приложение 5

Договор между Соединенными Штатами Америки, Британской Империей, Францией, Италией и Японией, подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 г.¹

Соединенные Штаты Америки, Британская Империя, Франция, Италия и Япония:

Желая внести вклад в дело всеобщего мира и сократить бремя гонки вооружений;

Решили с целью выполнения этих целей заключить соглашение, чтобы ограничить свои военно-морские вооружения, и для этого назначили полномочных представителей;

Президент Соединенных Штатов Америки:

Чарлза Эванса Хьюза,

Генри Кэбота Лоджа,

Оскара В. Андервуда,

Элайху Рута,

граждан Соединенных Штатов;

Его величество Король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и Британских заморских доминионов, Император Индии:

Высокопочтимого Артура Джеймса Балфура, Лорда-Президента Тайного Совета;

¹ Текст на англ. яз./перевод, отв. ред. – Д. М. [Электронный ресурс] URL:http://www.navweaps.com/index_tech/tech-089_Washington_Naval_Limitation_Treaty_1922.php (дата обращения: 16.07.2022).

Высокочтимого барона Ли Фэйрхэма, Первого
Лорда Адмиралтейства;
Высокочтимого сэра Окланда Кэмпбелла Джедде-
са, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Сое-
диненных Штатах Америки;

и

от доминиона Канада:

Высокочтимого сэра Роберта Лэйрда Бордена;
от Австралийского содружества:
Сенатора, высокочтимого Джорджа Фостера Пир-
са, министра внутренних дел и территорий;
от доминиона Новая Зеландия:
Высокочтимого сэра Джона Уильяма Салмонда,
судью Верховного суда Новой Зеландии;
от Южноафриканского Союза:
Высокочтимого Артура Джеймса Балфура;
от Индии:
Высокочтимого Валингмана Санкаранараяну
Сринивасу Састри члена индийского Государ-
ственного Совета;

Президент Французской Республики:

Г-на Альбера Сарро, депутата, министра колоний;
Г-на Жюля Ж. Жуссерана, Чрезвычайного и Пол-
номочного Посла в Соединенных Штатах Амери-
ки, кавалера Большого креста национального ор-
дена Почетного легиона;

Его Величество Король Италии:

Досточтимого Карло Шанцера, сенатора королев-
ства;
Досточтимого Витторио Роланди Риччи, сенатора
королевства, Чрезвычайного и Полномочного По-
сла в Вашингтоне;

Досточтимого Луиджи Альбертини, сенатора королевства;

Его Величество Император Японии:

Барона Томосабуро Като, министра военно-морского флота, кавалера первого класса Имперского ордена Восходящего Солнца с большой лентой и цветов Павловнии;

Барона Кидзюро Сидехару, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Вашингтоне, кавалера первого класса Имперского ордена Восходящего Солнца; Г-на Масандао Ханихару, вице-министра иностранных дел, кавалера второго класса Имперского ордена Восходящего Солнца;

Которые, сообщив друг другу свои полномочия и находясь в здравом уме и хорошей памяти, согласились в следующем:

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЕННО-МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Статья I

Договаривающиеся стороны соглашаются ограничить свои военно-морские силы в соответствии с настоящим договором.

Статья II

Договаривающиеся стороны могут сохранить в указанном порядке крупные корабли, перечисленные в Главе II, часть 1. Со вступлением в силу настоящего договора и при выполнении условий этой статьи, все другие построенные и строящиеся крупные корабли США, Британской Империи и Японии должны быть утилизированы в порядке, указанном в Главе II, часть 2.

В дополнение к крупным кораблям, перечисленным в Главе II, часть 1, США могут завершить и сохранить два корабля типа «Зап. Вирджиния», в настоящее время находящиеся в постройке. По завершении этих кораблей, корабли «Северная Дакота» и «Делавер» должны быть утилизированы в порядке, указанном в Главе II, часть 2.

Британская империя может, в соответствии с таблицей замены Главы II, часть 3, построить два новых больших корабля стандартным водоизмещением не более 35 000 т (35 560 метрических тонн) каждый. По завершении указанных двух кораблей, корабли «Сандерер», «Король Георг V», «Аякс» и «Центурион» должны быть утилизированы в порядке, указанном в Главе II, часть 2.

Статья III

При выполнении условий Статьи II, Договаривающиеся стороны должны свернуть текущие программы строительства крупных кораблей, никакие крупные корабли не могут быть построены или приобретены Договаривающимися сторонами за исключением замещающего тоннажа, который может быть построен или приобретен в порядке, указанном в Главе II, часть 3.

Корабли, замененные согласно Главе II, часть 3, должны быть утилизированы как указано в части 2 этой Главы.

Статья IV

Суммарный замещающий тоннаж крупных кораблей Договаривающихся сторон не должен превышать в стандартном водоизмещении:

- для США – 525 000 т (533 400 метрических тонн);
- для Британской Империи – 525 000 т (533 400 метрических тонн);
- для Франции – 175 000 т (177 800 метрических тонн);
- для Италии – 175 000 т (177 800 метрических тонн);
- для Японии – 315 000 т (320 040 метрических тонн).

Статья V

Договаривающиеся стороны не могут приобретать или строить сами или в рамках своей юрисдикции крупные корабли со стандартным водоизмещением, превышающим 35 000 т (35 560 метрических тонн)

Статья VI

Крупные корабли Договаривающихся сторон не могут нести орудия калибром более 16 дюймов (406 мм).

Статья VII

Суммарный тоннаж авианосцев Договаривающихся сторон не может превышать в стандартном водоизмещении:

для США – 135 000 т (137 160 метрических тонн);

для Британской Империи – 135 000 т (137 160 метрических тонн);

для Франции – 60 000 т (60 960 метрических тонн);

для Италии – 60 000 т (60 960 метрических тонн);

для Японии – 81 000 т (82 296 метрических тонн).

Статья VIII

Замена авианосцев может быть осуществлена только в порядке, указанном в Главе II, часть 3, при условии, что весь тоннаж авианосцев, построенных или строившихся на 12 ноября 1921 г., считается экспериментальным и может быть заменен в рамках лимита водоизмещения, указанного в статье VII, независимо от его возраста.

Статья IX

Договаривающиеся стороны не могут приобретать или строить сами или в рамках своей юрисдикции авианосцы со стандартным водоизмещением, превышающим 27 000 т (27 432 метрических тонн).

Однако любая из Договаривающихся сторон может, при условии, что суммарный тоннаж авианосцев не превышен, построить не более двух авианосцев

со стандартным водоизмещением не более 33 000 т (33 528 метрических тонн), и в целях экономии любая из Договаривающихся сторон может использовать с этой целью два крупных корабля, которые в противном случае будут утилизированы согласно требованиям статьи II. Вооружение авианосцев, стандартное водоизмещение которых превышает 27 000 т (27 432 метрических тонн) должно соответствовать требованиям статьи X, за исключением того, что суммарное число орудий при условии, что калибр любого из них превышает 6 дюймов (152 мм), за исключением зенитных орудий и орудий калибра не более 5 дюймов (127 мм), не должно превышать восьми.

Статья X

Авианосцы Договаривающихся сторон не могут нести орудия калибра более 8 дюймов (203 мм). Без ущерба для требований Статьи IX, если авианосец несет орудия, превышающие 6 дюймов (152 мм), то общее количество орудий, за исключением зенитных орудий и орудий калибра не более 5 дюймов (127 мм), не должно превышать 10. Если вооружение не включает орудия калибра более 6 дюймов (152 мм), число орудий не ограничено. В любом случае, число зенитных орудий и орудий калибра не более 5 дюймов (127 мм) не ограничивается.

Статья XI

Договаривающиеся стороны не могут приобретать или строить сами или в рамках своей юрисдикции боевые корабли других классов, кроме крупных кораблей и авианосцев, со стандартным водоизмещением, превышающим 10 000 т (10 160 метрических тонн). Корабли, не построенные специально как боевые и не мобилизованные правительством в мирное время для боевых целей, которые выполняют роль транспорта или другие вспомогательные

функции для ведения боевых действий и не являются боевыми кораблями, не подлежат ограничениям по этой статье.

Статья XII

Корабли Договаривающихся сторон, заложенные в дальнейшем, кроме крупных кораблей, не должны нести орудия калибра более 8 дюймов (203 мм).

Статья XIII

За исключением случаев, оговоренных с Статье IX, никакой корабль, предназначенный для утилизации данным Договором, не может быть снова перестроен в боевой корабль.

Статья XIV

Запрещаются любые приготовления на гражданских судах в мирное время с целью установки на них вооружения для перестройки их в боевые корабли, за исключением необходимого укрепления палубы для установки орудий калибра не более 6 дюймов (152 мм).

Статья XV

Ни один корабль, построенный в рамках юрисдикции Договаривающихся сторон для стран, не участвующих в Договоре, не может превышать ограничения этого Договора для кораблей того же типа, строящихся странами или для стран, участвующих в Договоре, при условии, что стандартное водоизмещение авианосцев, строящихся для стран, не участвующих в Договоре, не превышает 27 000 т (27 432 метрических тонны).

Статья XVI

Если для стран, не участвующих в Договоре, в рамках юрисдикции одной из Договаривающихся сторон осуществляется постройка боевых кораблей, Договаривающаяся сторона должна оповестить другие Договаривающиеся стороны о дате подписания контракта и дате закладки, а

также давать им информацию, касающуюся кораблей, указанных в Главе II, части 3, секции I (b), (4) и (5).

Статья XVII

В случае, если Договаривающаяся сторона будет вовлечена в войну, она не будет использовать в качестве боевого корабля любой корабль, который находится в постройке в рамках юрисдикции этой стороны или другой Договаривающейся стороны и не введен в строй.

Статья XVIII

Каждая из договаривающихся сторон обязуется не дарить, не продавать и не передавать путем обмена любой боевой корабль таким образом, что он может стать боевым кораблем во флотах любых иностранных государств.

Статья XIX

США, Британская Империя и Япония обязуются соблюдать статус-кво относительно укреплений и военно-морских баз на их территориях и владениях, указанных ниже:

(1) Островные владения, которые США имеют сейчас и приобретут в будущем, за исключением (a) владений, прилежащих к побережью США, Аляски и Зоны Панамского канала (не считая Алеутских островов) и (b) Гавайских островов.

(2) Гонконг и островные владения, которыми Британская Империя владеет сейчас и возможно приобретет в будущем в Тихом океане восточнее 110° восточной долготы, за исключением (a) владений, прилежащих к побережью Канады, (b) Австралийского Содружества и его Территорий и (c) Новой Зеландии.

(3) Следующие островные территории и владения Японии в Тихом океане: Курильские острова, острова Бонин, Амами-Осима, острова Лучу, Формоза и Пескадоры и другие островные территории и владения в Тихом океане, которые Япония, возможно, приобретет в будущем.

Поддержание статус-кво, согласно вышеуказанным условиям, подразумевает, что на указанных территориях и владениях не будут построены укрепления и военно-морские базы, не будут предприниматься меры по увеличению существующих мощностей по ремонту и обслуживанию морских сил и не будет усилена береговая оборона. Эти ограничения не касаются обычного ремонта и замещения изношенного вооружения и оборудования на военно-морских и военных объектах в мирное время.

Статья XX

Правила определения замещаемого тоннажа, указанного в Главе II, части 4, применяются к кораблям всех договаривающихся сторон.

ГЛАВА II. ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ ДОГОВОРА. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ

Часть 1. Крупные корабли, которые могут быть оставлены Договаривающимися сторонами

В этой части перечислены корабли, которые согласно Статье II могут быть оставлены Договаривающимися сторонами.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ У США

	Тоннаж
Maryland	32 600
California	32 300
Tennessee	32 300
Idaho	32 000
New Mexico	32 000
Mississippi	32 000

Arizona	31 400
Pennsylvania	31 400
Oklahoma	27 500
Nevada	27 500
New York	27 000
Texas	27 000
Arkansas	26 000
Wyoming	26 000
Florida	21 825
Utah	21 825
North Dakota	20 000
Delaware	20 000
Общий тоннаж	500 650

По завершении строительства двух кораблей типа «Зап. Вирджиния», утилизации кораблей «Сев. Дакота» и «Делавер», как указано в Статье II, общий тоннаж, оставшийся у США, будет равен 525 850 т.

**КОРАБЛИ,
КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ
У БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

	Тоннаж
Royal Sovereign	25 750
Royal Oak	25 750
Revenge	25 750
Resolution	25 750
Ramilies	25 750

Malaya	27 500
Valiant	27 500
Barham	27 500
Queen Elizabeth	27 500
Warsprite	27 500
Benbow	25 000
Emperor of India	25 000
Iron Duke	25 000
Marlborough	25 000
Hood	41 200
Renown	26 500
Repulse	26 500
Tiger	28 500
Thunderer	22 500
King George V	23 000
Ajax	23 000
Centurion	23 000
Общий тоннаж	580 450

По завершении строительства двух новых кораблей и утилизации кораблей «Сандерер», «Кинг Джордж V», «Аякс» и «Центурион», как указано в Статье II, общий тоннаж, оставшийся у Британской Империи будет равен 558 950 т.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ У ФРАНЦИИ

	Тоннаж
Bretagne	23 500

Lorraine	23 500
Provence	23 500
Paris	23 500
France	23 500
Jean Bart	23 500
Courbet	23 500
Condorect	18 900
Diderot	18 900
Voltaire	18 900
Общий тоннаж	221 170

Франция может заложить новый тоннаж в 1927, 1929 и 1931 гг., как указано в части 3, секция II.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ У ИТАЛИИ

	Тоннаж
Andrea Doria	22 700
Caio Duilio	22 700
Conte Di Cavour	22 500
Giulio Cesare	22 500
Leonardo Da Vinci	22 500
Dante Alighieri	19 500
Roma	12 600
Napoli	12 600
Vittorio Emanuele	12 600
Regina Elena	12 600
Общий тоннаж	182 800

Италия может заложить новый тоннаж в 1927, 1929 и 1931 гг., как указано в части 3, секции II.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ У ЯПОНИИ

	Тоннаж
Mutsu	33 800
Nagato	33 800
Hiuga	31 260
Ise	31 260
Yamashiro	30 600
Fu-So	30 600
Kirishima	27 500
Haruna	27 500
Hiyei	27 500
Kongo	27 500
Общий тоннаж	301 320

Часть 2. Правила утилизации боевых кораблей

Следующие правила определяют утилизацию боевых кораблей согласно Статьям II и III.

I. Утилизируемый корабль должен быть поставлен в такие условия, которые исключают его боевое применение.

II. Это может быть достигнуто следующими путями:

(a) Постоянное затопление корабля;

(b) Разрушение корабля, которое должно включать разрушение или удаление всех механизмов, бойлеров и вооружения, и всего бронирования палуб, бортов и днища.

(c) Использование корабля исключительно в роли корабля-мишени. В этом случае должны быть выполнены требования пункта III этой части, за исключением подпункта (б),

в той части, которая необходима для использования корабля в качестве движущейся мишени, и за исключением подпункта (7). Договаривающиеся стороны не могут одновременно использовать более одного крупного корабля в этих целях.

(d) Из остальных кораблей, подлежащих утилизации по настоящему Договору в 1931 г. или позднее, Франция и Италия могут каждая оставить по два морских корабля в качестве учебных, то есть для обучения артиллерийской и торпедной стрельбе. Франция может оставить два корабля типа «Жан Барр», а Италия – «Данте Алигьери» и еще один корабль типа «Джулио Чезаре». Франция и Италия обязуются удалить и разрушить их боевые рубки и не использовать указанные корабли в качестве боевых.

III.

(a) За исключением специально оговоренных в статье IX случаев, корабль, подлежащий утилизации, должен быть немедленно подвергнут первой стадии утилизации, которая обеспечивает невозможность его использования в военных целях.

(b) Считается, что корабль невозможно использовать в военных целях, когда удалены или уничтожены другим способом:

(1) все орудия и их необходимые части, посты управления огнем и вращающиеся часть всех барбетов и башен;

(2) все механизмы гидравлических и электрических установок;

(3) все инструменты управления огнем и дальномеры;

(4) все боеприпасы, взрывчатые вещества и мины;

(5) все торпеды, боеголовки и торпедные аппараты;

(6) все установки беспроволочной телеграфии;

(7) боевая рубка и вся вертикальная броня или, как альтернатива, все основные механизмы двигательной установки; и

(8) все посадочные и взлетные платформы и другое авиационное оборудование.

IV. Периоды, в течение которых производится утилизация, следующие:

(а) Для кораблей, которые утилизируются по пункту 1 статьи II, работы по обеспечению невозможности использования кораблей в военных целях согласно пункту III этой части будут завершены в течение 6 месяцев со дня вступления в силу данного договора, а утилизация завершена в течение 18 месяцев с того же дня.

(б) В том случае, если корабли будут утилизированы согласно второму и третьему параграфам Статьи II или согласно Статье III, работы по приведению корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние в соответствии с параграфом III этой части должны быть начаты не позднее даты завершения строительства его преемника и закончены в течение шести месяцев с этой даты. Корабль должен быть полностью утилизирован в соответствии с параграфом II этой части в течение восемнадцати месяцев с момента ввода в строй его преемника. Если, однако, готовность нового корабля задерживается, то работы по приведению старого корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние в соответствии с параграфом III этой части должны быть начаты в течение четырех лет со времени закладки киля нового корабля и закончены в пределах шести месяцев с этой даты, а старый корабль должен быть в конце концов утилизирован в соответствии с параграфом II этой части в течение восемнадцати месяцев с момента начала работ по приведению его в непригодное для дальнейшего военного использования состояние.

Часть 3. Замена

Замена крупных кораблей и авианосцев должна проводиться согласно правилам Секции I и таблицам Секции II этой Части.

СЕКЦИЯ I. ПРАВИЛА ЗАМЕНЫ

(а) Крупные корабли и авианосцы, достигшие двадцати лет с момента завершения строительства, могут, за исключением, предусмотренным в Статье VIII и в таблицах в Секции II этой Части, быть заменены вновь построенными, но в пределах ограничений Статьи IV и Статьи VII. Закладка киля вновь строящихся кораблей, за исключением, предусмотренным в Статье VIII и в таблицах в Секции II этой Части, должна быть произведена не ранее, чем через семнадцать лет со времени ввода в строй заменяемого корабля, при условии, что ни один крупный корабль, замещающий, как определено в Секции II этой Части, за исключением упомянутых в третьем параграфе Статьи II кораблей, не будет заложен на протяжении десяти лет с 12 ноября 1921 г.

(b) Каждая Договаривающаяся сторона будет сообщать другим Договаривающимся сторонам следующую информацию:

(1) Названия крупных кораблей и авианосцев, подлежащих замене;

(2) Дату государственной регистрации заменяющего тоннажа;

(3) Дату закладки киля заменяющего тоннажа;

(4) Стандартное водоизмещение в тоннах и метрических тоннах каждого закладываемого корабля и его измерения, а именно: длина по ватерлинии, максимальная ширина по ватерлинии или под ней, средняя осадка при стандартном водоизмещении;

(5) Дата завершения каждого нового корабля и его стандартное водоизмещение в тоннах и метрических тоннах и его размерения, а именно: длина по ватерлинии, максимальная ширина по ватерлинии или под ней, средняя осадка при стандартном водоизмещении в момент завершения.

(с) В случае потери или гибели крупного корабля или авианосца в результате несчастного случая, он может быть немедленно заменен вновь строящимся в соответствии с лимитами водоизмещения, предписанными Статьями IV и VII и в соответствии с другими условиями настоящего Соглашения, а программа очередной замены должна быть в соответствующей мере расширена.

(d) Никакие сохраняемые крупные корабли или авианосцы не должны проходить реконструкцию, кроме как с целью обеспечения средств защиты от атак с воздуха и из-под воды, соответствующую следующим правилам: Договаривающиеся стороны могут для этой цели оборудовать существующие корабли булями или блистерами или дополнительным палубным бронированием от атак с воздуха таким образом, что вызванный этими действиями рост водоизмещения не превысит 3000 тонн (3048 метрических тонн) для каждого корабля. Никакие изменения в вертикальном бронировании, в калибре, числе или типе установок главного вооружения не разрешаются кроме:

(1) Франция и Италия в пределах увеличения водоизмещения, разрешенного для булей, могут усилить бронирование или увеличить калибр орудий на существующих крупных кораблях таким образом, чтобы он не превышал 16 дюймов (406 мм) и

(2) Британской Империи будет разрешено в случае с «Ринауном» завершить начатые, но временно приостановленные изменения в бронировании.

СЕКЦИЯ II. ЗАМЕНА И УТИЛИЗАЦИЯ КРУПНЫХ КОРАБЛЕЙ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Год	За- кладка	Завер- шение	Корабли, подлежащие утилизации (в скобках указан возраст)	Оставшиеся корабли	
				Доют- ланд- ские	По- стют- ланд- ские
			Maine (20), Missouri (20), Virginia (17), Nebraska(17), Georgia (17), New Jersey (17), Rhode Island (17), Connecticut (17), Louisiana (17), Vermont, (16), Kansas (16), Minnesota (16), New Hampshire, (15), South Carolina (13), Michigan (13), Washington (0), South Dakota (0), Indiana (0), Montana (0), North Carolina (0), Iowa (0), Massachusetts (0), Lexington (0), Constitution (0), Constellation (0), Saratoga (0), Ranger (0), United States (0)*	17	1
1922		A, B**	Delaware (12), North Dakota (12).	15	3
1923				15	3
1924				15	3
1925				15	3
1926				15	3
1927				15	3
1928				15	3
1929				15	3
1930				15	3

1931	C, D			15	3
1932	E, F			15	3
1933	G			15	3
1934	H, I	C, D	Florida (23), Utah (23), Wyoming (22)	12	5
1935	J	E, F	Arkansas (23), Texas (21), New York (21)	9	7
1936	K, L	G	Nevada (20), Oklahoma (20)	7	8
1937	M	H, I	Arizona (21), Pennsylvania (21)	5	10
1938	N, O	J	Arizona (21), Pennsylvania (21)	4	11
1939	P, Q	K, L	New Mexico (21), Idaho (20)	2	13
1940		M	Tennessee (20)	1	14
1941		N, O	California (20), Maryland (20)	0	15
1942		P, Q	2 корабля типа «Зап. Вирджиния»	0	15

* Соединенные Штаты могут оставить «Орегон» и «Иллинойс» для небоевых целей после выполнения условий части 2, III(b).

** 2 корабля типа «Зап. Вирджиния».

Примечание. Буквами А, В, С, D и т. д. обозначены крупные корабли в пределах 35 000 т стандартного водоизмещения, заложенные и завершенные в указанные годы.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Год	Заклад-ка	За-вер-шение	Корабли, подлежащие утилизации (в скобках указан возраст)	Оставшиеся корабли	
				Дюют-ланд-ские	Постют-ланд-ские
			Commonwealth (16), Agamemnon (13), Dreadnought (15), Bellerophon (12), St. Vincent (11), Inflexible (13), Superb (12), Neptune (10), Hercules (10), Indomitable (13), Temeraire (12), New Zealand (9), Lion (9), Conquerer (9), Monarch (9), Orion (9), Australia (8), Agincourt (7), Erin (7), 4 строящихся или проектируемых.*	21	1
1922	A, B**			21	1
1923				21	1
1924				21	1
1925		A, B	King George V (13), Ajax (12), Centurion (12), Thunderer (13)	17	3
1926				17	3
1927				17	3
1928				17	3
1929				17	3
1930				17	3
1931	C, D			17	3
1932	E, F			17	3

1933	G			17	3
1934	H, I	C, D	Iron Duke (20), Marborough (20), Emperor of India (20), Benbow (20)	13	5
1935	J	E, F	Tiger (21), Queen Elizabeth (20), Warsprite (20), Barham (20)	9	7
1936	K, L	G	Malaya (20), Royal Sovereign (20)	7	8
1937	M	H, I	Revenge (21), Resolution (21)	5	10
1938	N, O	J	Royal Oak (22)	4	11
1939	P, Q	K, L	Valiant (23), Repulse (23)	2	13
1940		M	Renown (24)	1	14
1941		N, O	Ramillies (24), Hood (21)	0	15
1942		P, Q	A (17), B (17)	0	15

* Британская Империя может оставить «Колоссус» и «Коллингвуд» для небоевых целей после выполнения условий части 2, III(b).

** Два 35 000-тонных корабля в стандартном водоизмещении.

Примечание. Буквами A, B, C, D и т. д. обозначены крупные корабли в пределах 35 000 т стандартного водоизмещения, заложенные и завершающиеся в указанные годы.

ФРАНЦИЯ

Год	Заклад-ка	Завершение	Корабли, подлежащие утилизации (в скобках указан возраст)	Оставшиеся корабли	
				Доютландские	Постютландские
1922				7	0
1923				7	0
1924				7	0
1925				7	0
1926				7	0
1927	35 000 т			7	0
1928				7	0
1929	35 000 т			7	0
1930		35 000 т	Jean Bart (17), Courbet (17)	5	*
1931	35 000 т			5	*
1932	35 000 т	35 000 т	France (18)	4	*
1933	35 000 т			4	*
1934		35 000 т	Paris (20), Bretagne (20)	2	*
1935		35 000 т	Provence (20)	1	*
1936		35 000 т	Lorraine (20)	0	*
1937				0	*
1938				0	*
1939				0	*
1940				0	*
1941				0	*
1942				0	*

* В пределах ограничений тоннажа, количество не обозначено.

Примечание. Франция также сохраняет право использовать распределение тоннажа крупных кораблей так, как она сочтет целесообразным, подчиняясь исключительно ограничению, чтобы водоизмещение отдельных кораблей не превысило 35 000 т и чтобы общий тоннаж крупных кораблей находился в пределах, определяемых настоящим Соглашением.

ИТАЛИЯ

Год	Закладка	Завершение	Корабли, подлежащие утилизации (с скобках указан возраст)	Оставшиеся корабли	
				Долго-ландские	Посту-ландские
1922				6	0
1923				6	0
1924				6	0
1925				6	0
1926				6	0
1927	35 000 т			6	0
1928				6	0
1929	35 000 т			6	0
1930				6	0
1931	35 000 т	35 000 т	Dante Alighieri (19)	5	*
1932	45 000 т			5	*
1933	25 000 т	35 000 т	Leonardo da Vinci (19)	4	*
1934				4	*
1935		35 000 т	Guilio Cesare (21)	3	*
1936		45 000 т	Conte di Cavour (21), Duilio (21)	1	*
1937		25 000 т	Andrea Doria (21)	0	*

* В пределах ограничений тоннажа, количество не обозначено.

Примечание. Италия также сохраняет право использовать распределение тоннажа крупных кораблей как она сочтет целесообразным, подчиняясь исключительно ограничению, чтобы водоизмещение отдельных кораблей не превысило 35 000 т и чтобы общий тоннаж крупных кораблей находился в пределах, определяемых настоящим Соглашением.

ЯПОНИЯ

Год	За-клад-ка	Завер-шение	Корабли, подлежащие утилизации (в скобках указан возраст)	Оставшиеся ко-рабли	
				Доют-ланд-ские	Постют-ланд-ские
			Hizen (20), Mikasa (20), Kashima (16), Katori (16), Satsuma (12), Aki (11), Settsu (10), Ikoma (14), Ibuki (12), Kurama (11), Amagi (0), Akagi (0), Kaga (0), Tosa (0), Takao (0), Atago (0). Запроектированные программой 8 кораблей не заложены.*	8	2
1922				8	2
1923				8	2
1924				8	2
1925				8	2
1926				8	2
1927				8	2
1928				8	2
1929				8	2

1930				8	2
1931	A			8	2
1932	B			8	2
1933	C			8	2
1934	D	A	Kongo (21)	7	3
1935	E	B	Hiyei (21), Haruna (20)	5	4
1936	F	C	Kirishima (21)	4	5
1937	G	D	Fuso (22)	3	6
1938	H	E	Yamashiro (21)	2	7
1939	I	F	Ise (22)	1	8
1940		G	Hiuga (22)	0	9
1940		H	Nagato (21)	0	9
1942		I	Mutsu (21)	0	9

* Япония может оставить «Сикисиму» и «Асахи» для небоевых целей после выполнения условий части 2, III(б).

Примечание. Буквами A, B, C, D и т. д. обозначены крупные корабли в пределах 35 000 т стандартного водоизмещения, заложенные и завершенные в указанные годы.

ЗАМЕЧАНИЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ КО ВСЕМ ТАБЛИЦАМ СЕКЦИИ II

Выше описан порядок, согласно которому корабли должны быть утилизированы в соответствии с их возрастом. Понятно, что, когда начнется замена кораблей согласно этим таблицам, порядок утилизации может быть изменен каждой Договаривающейся стороной по своему усмотрению при условии, что эта Сторона будет утилизировать каждый год указанное выше число кораблей.

Часть 4. Определения

Для целей настоящего Соглашения, следующие выражения должны пониматься в смысле, определенном в этой Части.

КРУПНЫЙ КОРАБЛЬ

Крупный корабль, в отношении кораблей, которые будут построены в будущем, определяется как боевой корабль, не авианосец, стандартное водоизмещение которого превышает 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), или который несет орудия калибром более 8 дюймов (203 мм).

АВИАНОСЕЦ

Авианосец определяется как боевой корабль со стандартным водоизмещением более 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), спроектированный исключительно с целью нести самолеты. Он должен быть сконструирован так, чтобы самолет мог взлетать с него и садиться на него, и не должен нести более мощное вооружение, чем разрешенное для него Статьей IX или Статьей X.

СТАНДАРТНОЕ ВОДОИЗМЕЩЕНИЕ

Стандартное водоизмещение – это водоизмещение полностью оснащенного и укомплектованного командой корабля, готового к выходу в море, включая все вооружение и боеприпасы, оборудование, продовольствие и пресную воду для команды, различные запасы и принадлежности, установленные по условиям военного времени, но без топлива и запаса питательной воды на борту.

Слово «тонна» в данном Договоре, исключая его употребление в выражении «метрическая тонна», понимается как тонна, равная 2240 фунтам (1016 килограммов).

Законченные корабли должны сохранить имеющиеся в настоящее время показатели водоизмещения в соответствии с их национальной системой измерения. Однако Стороны, выражающие водоизмещение в метрических

тоннах, должны будут для применения настоящего Соглашения рассматриваться как обладатели только эквивалентного водоизмещения в тоннах, равных 2240 фунтам.

Водоизмещение кораблей, которые будут закончены когда-либо в будущем, должно быть оценено в определенных здесь стандартных условиях.

ЧАСТЬ III. РАЗЛИЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья XXI

Если в течение срока действия настоящего Соглашения требования национальной безопасности любой из Договаривающихся Сторон в части военно-морских вооружений, по мнению этой Стороны, будут существенно затронуты любым изменением обстоятельств, Договаривающиеся Стороны по просьбе такой Стороны встретятся на конференции для пересмотра условий Соглашения и внесения поправок по взаимному согласию.

Ввиду возможных технических и научных достижений, Соединенные Штаты после консультаций с остальными Договаривающимися Сторонами примут меры к проведению конференции всех Договаривающихся Сторон, которая должна собраться как можно скорее после истечения восьми лет со вступления в силу настоящего Соглашения, чтобы рассмотреть, какие изменения, если они понадобятся, необходимо внести в Соглашение, учитывая подобные достижения.

Статья XXII

Всякий раз, когда любая из Договаривающихся Сторон будет вовлечена в войну, которая, по ее мнению, затрагивает военно-морскую составляющую ее национальной безопасности, такая Сторона может после уведомления других Договаривающихся Сторон приостановить на период военных действий свои обязательства согласно настоящему

Соглашению, кроме Статей XIII и XVII, при условии, что эта Сторона уведомит другие Договаривающиеся Стороны, что характер опасности требует такой приостановки.

Остальные Договаривающиеся Стороны должны будут в таком случае собраться вместе, чтобы рассмотреть, какие временные изменения, если таковые будут необходимы, должны быть внесены в Соглашение между ними. Если таковые консультации не приведут к соглашению, заключенному должным образом в соответствии с конституционными методами соответствующих Сторон, любая из упомянутых Договаривающихся Сторон может, уведомив другие Договаривающиеся Стороны, приостановить на период военных действий свои обязательства согласно настоящему Соглашению, кроме Статей XIII и XVII.

После прекращения военных действий Договаривающиеся Стороны встретятся на конференции, чтобы рассмотреть, какие изменения, если они необходимы, должны быть внесены в условия настоящего Соглашения.

Статья XXIII

Настоящее Соглашение остается в силе до 31 декабря 1936 года, и в случае, если ни одна из Договаривающихся Сторон не уведомит за два года о дате, с которой она намерена выйти из соглашения, оно должно оставаться в силе до истечения двух лет с даты, когда будет получено уведомление о выходе из соглашения одной из Договаривающихся Сторон, после чего действие Соглашения должно закончиться для всех Договаривающихся Сторон. Такое уведомление должно быть передано в письменной форме правительству Соединенных Штатов, которое должно немедленно передать заверенные копии уведомления другим Сторонам и уведомить их о дате его получения. Уведомление будет считаться переданным и вступающим в силу с этой даты. В случае, если уведомление о выходе

из соглашения будет передано правительством Соединенных Штатов, оно должно быть передано дипломатическим представителям в Вашингтоне остальных Договаривающихся Сторон и будет считаться переданным и вступающим в силу с даты передачи указанным дипломатическим представителям.

В течение одного года с даты вступления в силу уведомления о выходе из соглашения, поступившего от любой из Сторон, все Договаривающиеся Стороны должны встретиться на конференции.

Статья XXIV

Настоящее Соглашение должно быть ратифицировано Договаривающимися Сторонами в согласии с их конституционными методами и должно вступить в силу в день обмена ратификациями, который должен состояться в Вашингтоне как можно скорее. Правительство Соединенных Штатов передаст другим Договаривающимся Сторонам заверенную копию протокола обмена ратификациями.

Настоящее Соглашение, французский и английские тексты которого оба являются подлинными, должно остаться на хранении в архиве правительства Соединенных Штатов, а должным образом заверенные копии его будут переданы этим правительством другим Договаривающимся Сторонам.

В подтверждение чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящее Соглашение в городе Вашингтон в шестой день февраля тысяча девятьсот двадцать второго года.

Приложение 6

**Трактат между США, Бельгией, Брит. империей,
Китаем, Францией, Италией, Японией, Нидерландами
и Португалией касательно
кит. тамож. тарифа (6 февр. 1922 г.)¹**

Статья 1. После того, как представители договар. держав приняли в 4й день февр. 1922 г., в г. Вашингтоне, резолюцию, включенную в качестве приложения к настоящей статье, в целях пересмотра кит. тамож. пошлин, дабы сделать эти пошлины равнозначными действительной 5% пошлине *ad valorem* соответственно существующим трактатам, заключенным Китаем и другими нациями, договар. державы настоящим подтверждают сказанную резолюцию и обязуются принять тарифные ставки, имеющие быть установленными в результате подобного пересмотра. Сказанные тарифные ставки имеют вступить в силу возможно скорее, но не ранее чем через два месяца после их публикации.

Статья 2. Немедленные шаги должны быть приняты на специальной конференции для подготовки путей к быстрой отмене *ликина*² и для выполнения других условий, изложенных в ст. 8 трактата между Великобрит. и Китаем от

¹ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). Москва: Институт востоковедения, 1927. С. 207–208.

² *Ликин* – название внутренних таможенных пошлин в Китае.

5 сент. 1902 г. в целях взимания дополнительных пошлин, предусмотренных в этих статьях. Специальная конференция будет составлена из представителей подписывающих держав и тех других держав, которые пожелали бы участвовать в настоящем трактате или к нему присоединиться, соответственно постановлениям ст. 8, притом на протяжении времени, достаточном для того, чтобы их представители могли принять участие. Она соберется в Китае в течение трех месяцев со дня вступления в силу настоящего трактата, в день и в место по указанию кит. правительства.

Статья 3. Специальная конференция, предудказанная в ст. 2, рассмотрит вопрос о временных правилах, имеющих быть установленными впредь до отмены ликина, и об исполнении других постановлений, изложенных в статьях договоров, упомянутых в ст. 2; она разрешит взимание дополнительных пошлин с предметов ввоза, подлежащих таможенному обложению, причем ей будет принадлежать установление срока, с которого будут взиматься эти пошлины, а также и правила о том, в каких случаях и на каких условиях они будут взиматься.

Дополнительные пошлины будут состоять из однообразной ставки в 21/2% *ad valorem*, с тем, однако, что в отношении некоторых предметов роскоши, которые, по мнению специальной комиссии, могут вынести больше обложение без чрезмерного затруднения торговли ими, общий размер пошлины может быть увеличен, но не должен превышать 5% *ad valorem*.

Статья 4. (О дальнейшем порядке «вслед за немедленным пересмотром таблицы ввозных пошлин Китая, упомянутым в ст. 1» пересмотра названной таблицы сначала через 4, затем через каждые 7 лет).

Статья 5. Во всех вопросах, касающихся таможенных пошлин, будет существовать действительное ра-

венство в режиме и в возможностях для всех договар. держав.

Статья 6. Настоящим признается принцип равенства ставок таможенных пошлин, взимаемых на всех сухопутных и морских границах Китая. Предусмотренная в ст. 2 специальная комиссия должна будет принять меры к тому, чтобы дать этому принципу практическое действие; причем, разрешается делать справедливые компенсации в тех случаях, когда подлежащая отмене таможенная привилегия была дана за какое-нибудь местное экономическое преимущество. До этого всякое увеличение тамож. пошлин, вытекающее из пересмотра тарифа, а равно всякая дополнительная пошлина, установленная в будущем в силу настоящего трактата, будет взиматься в одинаковой ставке *ad valorem* на всех сухопутных и морских границах Китая.

Статья 7. Сбор за транзитный перевоз устанавливается в размере 21/2% *ad valorem* впредь до вступления в силу правил, предусмотренных в ст. 2.

Статья 8. Державы, не подписавшие настоящего трактата, правительства коих ныне признаны подписавшими державами, и действующие трактаты коих с Китаем предусматривают ввозной и вывозной тарифы, не превышающие 5% *ad valorem*, будут приглашены присоединиться к настоящему трактату. (Формальное осуществление возлагается на Соед. Штаты соответственно ст. 8 предшеств. трактата).

Статья 9. Постановления настоящего трактата заменят все постановления договоров между Китаем и подлежащими договар. державами, несовместимые с таковым, за исключением постановлений, предоставляющих право наибольшего благоприятствования.

Статья 10. Настоящий трактат будет ратифицирован договар. державами в соответствии, с конституционными

методами каждой из них и воспримет силу со дня сдачи на хранение ратификаций, что будет иметь место в Вашингтоне возможно скорее.

Приложение 7

**Договор между Соединенными Штатами и другими
державами, предусматривающий отказ от войны как
инструмента национальной политики. Подписан в
Париже 27 августа 1928 г.¹**

(Пакт Бриана–Келлога)

27 августа 1928 г.

Президент Германского государства, президент Соединенных Штатов Америки, его величество король Бельгии, президент Французской республики, его величество король Великобритании, Ирландии и заморских британских территорий, император Индии, его величество король Италии, его величество император Японии, президент Польской республики, президент Чехословацкой республики;

Глубоко чувствуя лежащий на них торжественный долг оказания содействия благополучию человечества;

Будучи убеждены, что наступил момент для откровенного отречения от войны как орудия национальной политики для того, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие в настоящее время между их народами, были увековечены;

¹ Kellogg-Briand Pact 1928. Treaty between the United States and other Powers providing for the renunciation of war as an instrument of national policy. Signed at Paris, August 27, 1928. [Электронный ресурс] URL:https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kbpact.asp (дата обращения: 23.07.2023).

Будучи убеждены, что всяких изменений в их взаимных отношениях можно добиваться только мирными средствами и что они должны осуществляться в установленном порядке и мирным путем, и что всякая нижеподписавшаяся держава, которая впредь будет пытаться проводить свои национальные интересы, прибегая к войне, должна быть лишена преимуществ, вытекающих из настоящего договора;

Питая надежду, что воодушевленные их примером все другие нации мира присоединятся к этим гуманитарным усилиям и, примкнув к настоящему договору с момента вступления его в силу, дадут своим народам возможность также воспользоваться его благодетельными постановлениями, объединяя таким образом цивилизованные нации мира в общем отречении от войны как орудия их национальной политики,

Постановили заключить договор и с этой целью назначили в качестве своих полномочных представителей, а именно: Президент Германского Государства:

Г. Доктора Густава Штресмана, министра иностранных дел;

Президент Соединенных Штатов Америки:

Почтенного Фрэнка Б. Келлога, государственного секретаря;

Его Величество Король Бельгийцев:

Г. Поля Гиманса, министра иностранных дел, государственного министра;

Президент Французской Республики:

Г. Аристиды Бриана, министра иностранных дел;

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, Император Индии:

За Великобританию и Северную Ирландию и все части Британской Империи, которые не являются самостоятельно членами Лиги Наций:

Достопочтенного лорда Кэшендена, Канцлера Герцогства Ланкастерского, временно исполняющего обязанности статс-секретаря по иностранным делам;

За Доминион Канаду:

Достопочтенного Виллиама Лаиона Мэкензи Кинг, премьер-министра и министра внешних дел;

За Австралийское Содружество:

Почтенного Александра Джона Маклахлана, члена Федерального исполнительного совета;

За Доминион Новую Зеландию:

Почтенного сэра Христофера Джемса Парра, Верховного комиссара Новой Зеландии в Великобритании;

За Южно-Африканский Союз:

Почтенного Джакобуса Стефануса Смита, Верховного комиссара Южно-Африканского Союза в Великобритании;

За Свободное Ирландское Государство:

Г. Виллияма Томаса Кострэва, Председателя Исполнительного совета;

За Индию:

Достопочтенного лорда Кэшендена, Канцлера Герцогства Ланкастерского, временно исполняющего обязанности статс-секретаря по иностранным делам;

Его Величество Король Италии:

Графа Гаэтано Манцони, своего Чрезвычайного и Полномочного посла в Париже;

Его Величество Император Японии:

Графа Утида, Члена Тайного Совета;

Президент Польской Республики:

Г. А. Залесского, министра иностранных дел;

Президент Чехословацкой Республики:

Г. Доктора Эдуарда Бенеша, министра иностранных дел;

которые после обмена своими полномочиями, признанными в порядке и в должной форме, согласились относительно нижеследующих статей:

Статья I. Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов по принадлежности, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики

Статья II. Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что урегулирование или разрешение всех споров или конфликтов, которые могли возникнуть между, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах.

Статья III. Настоящий Договор будет ратифицирован Высокими Договаривающимися Сторонами, указанными во вступительной части, в соответствии с требованиями их конституций по принадлежности, и он войдет в силу между ними, как только все ратификационные грамоты будут сданы на хранение в Вашингтоне.

Настоящий договор, как только он вступит в силу, как это предусмотрено в предыдущем абзаце, останется открытым так долго, как это потребуется для присоединения к нему других держав мира. Каждый документ, устанавливающий присоединение державы, будет депонирован в Вашингтоне, и договор немедленно после депонирования вступит в силу в отношениях между присоединяющейся державой и другими договаривающимися державами.

Правительству Соединенных Штатов будет надлежать снабдить каждое правительство, указанное в вводной части к пакту, и каждое правительство, которое присоединится впоследствии к настоящему договору, заверенными

копиями настоящего договора и каждого документа ратификации или присоединения.

Правительству Соединенных Штатов будет надлежать также сообщать телеграфно всем названным правительствам каждый документ о ратификации или присоединении немедленно после депонирования этих документов.

В удостоверение чего подлежащие Уполномоченные подписали настоящий Договор, составленный на французском и на английском языках, причем оба текста имеют равную силу, и приложили к нему свои печати.

Учинено в Париже, двадцать седьмого августа тысяча девятьсот двадцать

восьмого года.

(Следуют подписи полномочных представителей)

Заверено как подлинная копия подписанного оригинала, переданного на хранение правительству Соединенных Штатов Америки.

Фрэнк Б. Келлог
Государственный секретарь
Соединенных Штатов Америки

Приложение 8

Извлечение¹ из Договора об ограничении и сокращении военно-морских вооружений (Лондонский военно-морской договор 1930 года)²

Президент Соединенных Штатов Америки, президент Французской Республики, Его Величество Король Великобритании, Ирландии и британских доминионов за морями, император Индии, Его Величество король Италии и Его Величество Император Японии,

Желая предотвратить опасности и уменьшить бремя, присущее конкурентоспособным вооружениям, и

Желая продолжить работу, начатую Вашингтонской военно-морской конференцией, и способствовать постепенному осуществлению общего ограничения и сокращения вооружений,

Приняли решение заключить Договор об ограничении и сокращении военно-морских вооружений и соответственно назначили своих полномочных представителей:

ЧАСТЬ I

Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются не осуществлять свои права на установку килей для замены

¹ Часть 5 и приложения не публикуются.

² Papers relating to the foreign relations of the United States, 1930. Vol. I. Editor: Joseph V. Fuller General Editor: Tyler Dennett. United States Government Printing Office, Washington, 1945. P. 107–126.

кораблей основного тоннажа в течение 1931–1936 годов включительно, как это предусмотрено в главе II, части 3 Договора об ограничении военно-морских вооружений, подписанного между ними в Вашингтоне 6 февраля 1922 года и именуемого в настоящем Договоре Вашингтонским договором.

Это положение не наносит ущерба распоряжению, касающемуся замены случайно потерянных или уничтоженных кораблей, содержащемуся в пункте (с) раздела I части 3 главы II указанного Договора.

Франция и Италия могут, однако, построить замещающий тоннаж, который они имели право заложить в 1927 и 1929 годах в соответствии с положениями указанного Договора.

Статья 2

1. Соединенные Штаты, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Япония распоряжаются следующими крупными кораблями, как предусмотрено в этой статье:

США	Великобритания	Япония
USS Florida USS Utah USS Arkansas или USS Wyoming	HMS Benbow HMS Iron Duke HMS Marlborough HMS Emperor of India HMS Tiger	Hiei

(а) С учетом положений подпункта (b) вышеуказанные корабли, если они не переоборудованы для целевого использования исключительно в соответствии с пунктом II (с) части 2 главы II Вашингтонского договора, подлежат утилизации следующим образом:

Один из кораблей, подлежащих утилизации Соединенными Штатами, и два из тех, которые подлежат ути-

лизации Соединенным Королевством, должны быть приведены в негодность для военной службы в соответствии с пунктом III (b) части 2 главы II Вашингтонского договора в течение двенадцати месяцев с момента вступления в силу настоящего Договора. Эти корабли должны быть окончательно списаны в соответствии с пунктом II (a) или (b) указанной части 2 в течение двадцати четырех месяцев с момента вступления указанного договора в силу. В случае второго из кораблей, подлежащих утилизации Соединенными Штатами, и третьего и четвертого из кораблей, подлежащих утилизации Соединенным Королевством, указанные сроки составляют восемнадцать и тридцать месяцев соответственно с момента вступления в силу настоящего Договора.

(b) Из кораблей, подлежащих утилизации в соответствии с этой статьёй, следующие могут быть сохранены для учебных целей:

со стороны Соединенных Штатов: USS Arkansas или USS Wyoming.

со стороны Великобритании: HMS Iron Duke.

со стороны Японии: Hiei.

Эти корабли должны быть приведены в состояние, предписанное в разделе V Приложения II к части II настоящего Договора. Работа по приведению этих кораблей в требуемое состояние должна начаться, в случае Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, в течение двенадцати месяцев, а в случае Японии - в течение восемнадцати месяцев с момента вступления в силу настоящего Договора; работа должна быть завершена в течение шести месяцев по истечении вышеупомянутых сроков.

Любой из этих кораблей, который не будет сохранен для учебных целей, будет приведен в негодность для военной службы в течение восемнадцати месяцев и, наконец, сдан

на слом в течение тридцати месяцев после вступления в силу настоящего Договора.

2. При условии любой утилизации крупных кораблей, которая может потребоваться в соответствии с Вашингтонским договором в результате строительства Францией или Италией нового тоннажа, упомянутого в статье 1 настоящего Договора, все существующие крупные корабли, упомянутые в главе II, часть 3, раздел II Вашингтонского договора и не указанные выше для утилизации, могут быть сохранены в течение срока действия настоящего Договора.

3. Право на замену не теряется из-за задержки с установлением нового тоннажа, и старый корабль может быть сохранен до замены, даже если он подлежит утилизации в соответствии с главой II, частью 3, разделом II Вашингтонского договора.

Статья 3

1. Для целей Вашингтонского договора определение авианосца, данное в главе II, часть 4 указанного Договора, настоящим заменяется следующим определением:

Выражение «авианосец» включает любой военный надводный корабль, независимо от его водоизмещения, предназначенное для конкретной и исключительной цели перевозки воздушных судов и сконструированное таким образом, что с него можно запускать воздушные суда и на него садиться.

2. Установка посадочной платформы или палубы для взлета на крупном корабле, крейсере или эсминце, при условии, что такой корабль не был спроектирован или приспособлен исключительно как авианосец, не влечет за собой отнесения любого судна, оборудованного таким образом, к категории авианосцев.

3. Ни один крупный корабль, существовавший на 1 апреля 1930 года, не должен быть оборудован посадочной платформой или палубой.

Статья 4

1. Ни один авианосец водоизмещением 10 000 тонн (10 160 метрических тонн) или менее стандартного, на котором установлено орудие калибром более 6,1 дюйма (155 мм), не должен приобретаться или строиться ни одной из Высоких Договаривающихся сторон или для нее.

2. С момента вступления в силу настоящего Договора в отношении всех Высоких Договаривающихся сторон ни один авианосец водоизмещением 10 000 тонн (10 160 метрических тонн) или менее стандартного, оснащенный орудием калибра более 6,1 дюйма (155 мм) в пределах юрисдикции любой из Высоких Договаривающихся сторон не должен строиться.

Статья 5

Авианосец не должен проектироваться и строиться для несения более мощного вооружения, чем то, которое разрешено статьей IX или статьей X Вашингтонского договора, или статьей 4 настоящего Договора, в зависимости от обстоятельств.

Независимо от того, что в упомянутых статьях IX и X упоминается калибр 6 дюймов (152 мм), вместо него используется калибр 6,1 дюйма (155 мм).

ЧАСТЬ II

Статья 6

1. Правила определения стандартного водоизмещения, предписанные в главе II, часть 4 Вашингтонского договора, применяются ко всем надводным военным кораблям каждой из Высоких Договаривающихся Сторон.

2. Стандартное водоизмещение подводной лодки – это надводное водоизмещение корабля в полном составе (за исключением воды в неводонепроницаемой конструкции) полностью укомплектованного людьми, двигателями и снаряжением, готового к выходу в море, включая все вооружение и амуницию, оборудование, экипировку, провизию для экипажа, различные припасы и орудия любого описания, которые предназначены для перевозки на войне, но без топлива, смазочного масла, пресной воды или водяного балласта любого вида на борту.

3. Каждый боевой корабль ВМС должен оцениваться по его водоизмещению, когда он находится в стандартном состоянии. Слово «тонна», за исключением выражения «метрические тонны», следует понимать как тонну в 2240 фунтов (1016 килограмм).

Статья 7

1. Ни одна подводная лодка, стандартное водоизмещение которой превышает 2000 тонн (2032 метрических тонны) или с орудием калибра более 5,1 дюйма (130 мм), не должна приобретаться или строиться какой-либо из Высоких Договаривающихся сторон или для них.

2. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может, однако, сохранить, построить или приобрести максимальное количество из трех подводных лодок стандартного водоизмещения, не превышающего 2800 тонн (2845 метрических тонн); эти подводные лодки могут нести орудия калибром не выше 6,1 дюйма (155 мм). В рамках этого числа Франция может сохранить одно уже спущенное на воду боевое подразделение водоизмещением 2880 тонн (2926 метрических тонн) с орудиями калибром 8 дюймов (203 мм).

3. Высокие Договаривающиеся Стороны могут сохранить подводные лодки, которыми они владели на 1 апреля

1930 года, имеющие стандартное водоизмещение не более 2000 тонн (2032 метрических тонны) и вооруженные орудиями калибра более 5,1 дюйма (130 мм).

4. С момента вступления в силу настоящего Договора в отношении всех Высоких Договаривающихся сторон ни одна подводная лодка, стандартное водоизмещение которой превышает 2000 тонн (2032 метрических тонны) или с орудием калибра более 5,1 дюйма (130 мм), не должна строиться в пределах юрисдикции любой из Высоких Договаривающихся сторон, за исключением случаев, предусмотренных в пункте 2 настоящей статьи.

Статья 8

При условии соблюдения любых специальных соглашений, которые могут привести к их ограничению, следующие корабли освобождаются от ограничений:

(а) надводные боевые корабли ВМС стандартным водоизмещением 600 тонн (610 метрических тонн) и ниже;

(б) надводные боевые корабли ВМС водоизмещением более 600 тонн (610 метрических тонн), но не более 2000 тонн (2032 метрических тонны) стандартным водоизмещением, при условии, что они не обладают ни одной из следующих характеристик:

(1) вооруженные орудием калибром более 6,1 дюйма (155 мм);

(2) вооруженные более чем четырьмя орудиями калибра более 3 дюймов (76 мм);

(3) предназначены для запуска торпед;

(4) рассчитаны на скорость более двадцати узлов.

(с) надводные корабли ВМС, специально не построенные как боевые корабли, которые используются для выполнения обязанностей флота, или в качестве транспортов войск, или каким-либо иным образом, кроме боевых

кораблей, при условии, что они не обладают ни одной из следующих характеристик:

(1) вооруженные орудие калибром более 6,1 дюйма (155 мм);

(2) вооруженные более чем четырьмя орудиями калибра более 3 дюймов (76 мм);

(3) предназначены для запуска торпед;

(4) рассчитаны на скорость более двадцати узлов;

(5) защищены броневой плитой;

(6) спроектированы или оборудованы для запуска мин.;

(7) приспособлены для приема самолетов на борт с воздуха;

(8) установлены более одного пускового устройства для самолетов на центральной линии; или по два на каждом борту;

(9) если они оснащены какими-либо средствами запуска воздушных судов в воздух, спроектированы или приспособлены для эксплуатации в море более трех воздушных судов.

Статья 9

Правила замены, содержащиеся в Приложении I к настоящей части II, применимы к военным кораблям стандартным водоизмещением не более 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), за исключением авианосцев, замена которых регулируется положениями Вашингтонского договора.

Статья 10

В течение одного месяца после даты закладки и даты достройки соответственно каждого военного судна, за исключением крупных кораблей, авианосцев и судов, освобожденных от ограничений в соответствии со статьей 8, заложенных или достроенных ими или для них после вступления в силу настоящего Договора, Высокие Дого-

варивающиеся Стороны передадут каждой из других Высоких Договаривающихся Сторон информацию, подробно изложенную ниже:

(а) дата закладки киля и следующие сведения:

классификация корабля;

стандартное водоизмещение в тоннах и метрических тоннах;

основные размеры, а именно: длина по ватерлинии, крайний борт на уровне ватерлинии или ниже;

средняя осадка при стандартном водоизмещении;

калибр самого большого орудия.

(b) дата завершения вместе с приведенными выше сведениями, относящимися к кораблю на эту дату.

Информация, которая должна предоставляться в случае крупных кораблей и авианосцев, регулируется Вашингтонским договором.

Статья 11

С учетом положений статьи 2 настоящего Договора, правила утилизации, содержащиеся в Приложении II к настоящей Части II, применяются ко всем военным кораблям, подлежащим утилизации в соответствии с указанным Договором, и к авианосцам, определенным в статье 3.

Статья 12

1. При условии соблюдения любых дополнительных соглашений, которые могут изменять, между заинтересованными Высокими Договаривающимися сторонами, списки в Приложении III к настоящей Части II, специальные суда, указанные в них, могут быть сохранены, и их тоннаж не включается в тоннаж, подлежащий ограничению.

2. Любой другой корабль, построенный, приспособленный или приобретенный для обслуживания целей, для которых используются эти специальные корабли, должно учитываться в тоннаже соответствующей боевой категории

в соответствии с характеристиками корабля, если только такой корабль не соответствует характеристикам кораблей, освобожденных от ограничений согласно статье 8.

3. Япония может, однако, заменить минные заградители «Aso» и «Tokiwa» двумя новыми до 31 декабря 1936 года. Стандартное водоизмещение каждого из новых кораблей не должно превышать 5000 тонн (5080 метрических тонн); их скорость не должна превышать двадцати узлов, а другие их характеристики должны соответствовать положениям пункта (b) статьи 8. Новые корабли должны рассматриваться как особые корабли, и их тоннаж не должен быть отнесен к тоннажу какой-либо категории комбатантов. «Aso» и «Tokiwa» должны быть утилизированы в соответствии с разделом I или II Приложения II к настоящей Части II после завершения строительства новых судов.

4. «Asama», «Yakumo», «Izumo», «Iwate» и «Kasuga» подлежат утилизации в соответствии с разделом I или II Приложения II к настоящей Части II, когда первые три корабля класса «Kuma» будут заменены новыми кораблями. Эти три корабля класса «Kuma» должны быть приведены в состояние, предписанное в подпункте (b)2 раздела V Приложения II к настоящей Части II, и должны использоваться в качестве учебных кораблей, и их тоннаж впоследствии не должен включаться в тоннаж, подлежащий ограничению.

Статья 13

Существующие корабли различных типов, которые до 1 апреля 1930 года использовались в качестве учебных кораблей или блокшивов, могут быть сохранены в немореходном состоянии.

ЧАСТЬ III

Президент Соединенных Штатов Америки, Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских

доминионов за морями, император Индии и Его Величество Император Японии согласились между собой с положениями настоящей Части III:

Статья 14

Количество боевых кораблей военно-морского флота Соединенных Штатов, Британского Содружества Наций и Японии, за исключением крупных кораблей, авианосцев и всех кораблей, освобожденных от ограничений в соответствии со статьей 8, ограничено в течение срока действия настоящего Договора, как предусмотрено в настоящей Части III, и, в случае специальных кораблей, как предусмотрено в статье 12.

Статья 15

Для целей настоящей части III определение категорий крейсеров и эсминцев должно быть следующим:

Крейсеры.

Надводные военные корабли, отличные от крупных кораблей или авианосцев, стандартное водоизмещение которых превышает 1850 тонн (1880 метрических тонн), или с орудием калибра более 5,1 дюйма (130 мм).

Категория крейсеров делится на две подкатегории следующим образом:

(а) крейсера, несущие орудие калибром более 6,1 дюйма (155 мм);

(b) крейсера, несущие орудия калибром не выше 6,1 дюйма (155 мм).

Эсминцы.

Надводные военные корабли, стандартное водоизмещение которых не превышает 1850 тонн (1880 метрических тонн), с орудием калибра не выше 5,1 дюйма (130 мм).

Статья 16

1. Общий тоннаж в категориях крейсеров, эсминцев и подводных лодок, который не должен быть превышен на 31 декабря 1936 года, приведен в следующей таблице:

Класс	США	Британское Содружество наций	Япония.
Крейсеры (а) с орудиями калибра более 6,1 дюйма (155 мм).	180 000 тонн (182 880 метрических тонн)	146 800 тонн (149 149 метрических тонн)	108 400 тонн (110 134 метрических тонны)
Крейсеры (б) с орудиями кали- бра 6,1 дюйма (155 мм) или менее	143 500 тонн (145 796 метрических тонн)	192 200 тонн (195 275 метрических тонн)	100 450 тонн (102 057 метрических тонн)
Эсминцы	150 000 тонн (152 400 метрических тонн)	150 000 тонн (152 400 метрических тонн)	105 500 тонн (107 188 метрических тонн)
Подводные лодки	52 700 тонн (53 543 метриче- ских тонны)	52 700 тонн (53 543 метриче- ских тонны)	52 700 тонн (53 543 метриче- ских тонны)

2. Корабли, на долю которых приходится общая сумма, указанная в предыдущей таблице, подлежат постепенной утилизации в течение периода, заканчивающегося 31 декабря 1936 года.

3. Максимальное количество крейсеров подкатегории (а) должно быть следующим: для Соединенных Штатов – восемнадцать; для Британского Содружества наций – пятнадцать; для Японии – двенадцать.

4. В категории эсминцев не более 16% от общего числа всех строимых эсминцев могли иметь стандартное водоизмещение, превышающее 1500 тонн (1 524 метрические тонны). Эсминцы, завершенные или строящиеся по состоянию на 1 апреля 1930 года, превышающие этот процент, могут быть сохранены, но никакие другие эсминцы, водоизмещение которых превышает 1500 тонн (1524 метрических тонны) стандартного водоизмещения, не должны

строиться или приобретаться до сокращения до таких 16%.

5. Не более двадцати пяти процентов разрешенного общего тоннажа в категории крейсеров может быть оснащено посадочной платформой или палубой для самолетов.

6. Подразумевается, что подводные лодки, упомянутые в пунктах 2 и 3 статьи 7, будут учитываться как часть общего тоннажа подводных лодок соответствующей Высокой Договаривающейся стороны.

7. Тоннаж любых кораблей, сохраняемых в соответствии со статьями 13 или утилизируемых в соответствии с Приложением II к части II настоящего Договора, не включается в тоннаж, подлежащий ограничению.

Статья 17

Передача, не превышающая десяти процентов, разрешенный общий тоннаж категории или подкатегории, в которую должен быть произведен перевод, разрешается между крейсерами подкатегории (b) и эсминцами.

Статья 18

Соединенные Штаты планируют достроить к 1935 году пятнадцать крейсеров подкатегории (a) общим тоннажем 150 000 тонн (152 400 метрических тонн). Для каждого из трех оставшихся крейсеров подкатегории (a), которые Соединенные Штаты имеют право построить, они могут заменить 15 166-тонные (15 409 метрических тонн) крейсера подкатегории (b). В случае, если Соединенные Штаты построят один или более из таких трех оставшихся крейсеров подкатегории (a), шестнадцатый блок не будет заложен ранее 1933 года и не будет достроен ранее 1936 года; семнадцатый блок не будет заложен ранее 1934 года и не будет достроен ранее 1937 года; восемнадцатый блок не будет заложен ранее 1935 года и не будет достроен ранее 1938 года.

Статья 19

За исключением случаев, предусмотренных в статье 20, тоннаж, установленный для любой категории, подлежащей ограничению в соответствии со статьей 16, не должен превышать сумму, необходимую для достижения максимально разрешенного тоннажа данной категории или для замены кораблей, которые становятся «устаревшими» до 31 декабря 1936 года. Тем не менее, для крейсеров и подводных лодок, которые «устарели» в 1937, 1938 и 1939 годах, а также для эсминцев, которые «устарели» в 1937 и 1938 годах, может быть установлен восстановительный тоннаж.

Статья 20

Несмотря на правила замены, содержащиеся в приложении I к части II:

(a) «Frobisher» и «Effingham» (Соединенное Королевство) могут быть утилизированы в течение 1936 года. За исключением крейсеров, строящихся по состоянию на 1 апреля 1930 года, общий тоннаж крейсеров, подлежащих замене, в случае Британского Содружества наций, до 31 декабря 1936 года, не должен превышать 91 000 тонн (92 456 метрических тонн).

(b) Япония может заменить «Тата» новым кораблем, строительство которого будет завершено в течение 1936 года.

(c) В дополнение к замене эсминцев, ставших «устаревшими» до 31 декабря 1936 года, Япония может заложить в каждом из 1935 и 1936 годов не более 5200 тонн (5283 метрических тонны) для замены части кораблей, которые стали «устаревшими» в 1938 и 1939 годах.

(d) Япония может ожидать замены в течение срока действия настоящего Договора путем закладки подводных лодок водоизмещением не более 19 200 тонн (19 507 ме-

трических тонн), из которых не более 12 000 тонн (12 192 метрических тонны) должны быть завершены к 31 декабря 1936 года.

Статья 21

Если в течение срока действия настоящего Договора требования национальной безопасности любой Высокой Договаривающейся Стороны в отношении военных кораблей, ограниченных частью III настоящего Договора, по мнению этой Стороны, будут существенно затронуты новым строительством любой Державы, отличной от тех, которые присоединились к Части III настоящего Договора, эта Высокая Договаривающаяся Сторона уведомит другие Стороны Части III об увеличении, которое требуется произвести в ее собственном тоннаже в рамках одной или нескольких категорий таких военных судов, указав, в частности, предлагаемые увеличения и причины по этой причине и имеет право произвести такое увеличение. После этого другие Участники части III настоящего Договора будут иметь право произвести пропорциональное увеличение указанной категории или категорий; и указанные другие Стороны незамедлительно проконсультируют друг друга по дипломатическим каналам относительно сложившейся таким образом ситуации.

ЧАСТЬ IV

статья 22

В качестве установленных норм международного права принимаются следующие:

(1) В своих действиях в отношении торговых судов подводные лодки должны соответствовать нормам международного права, которым подчиняются надводные суда.

(2) В частности, за исключением случаев упорного отказа остановиться по надлежащему вызову или активного

сопротивления посещению или обыску, военный корабль, будь то надводный корабль или подводная лодка, не может потопить или вывести из строя торговое судно без предварительного размещения пассажиров, экипажа и судовых документов в безопасном месте. С этой целью судовые шлюпки не рассматриваются как безопасное место, если безопасность пассажиров и экипажа не обеспечивается, при существующих морских и погодных условиях, близостью суши или присутствием другого судна, которое в состоянии принять их на борт.

Высокие Договаривающиеся Стороны приглашают все другие Державы выразить свое согласие с вышеуказанными правилами.

Приложение 9

Извещение о выходе из Лиги Наций¹

27 марта 1933 года

На основании абзаца 3 статьи 1 Устава Лиги Наций 27 марта 1933 года императорское правительство через своего министра иностранных дел направило генеральному секретарю Лиги Наций следующее извещение о выходе Японии из Лиги Наций. Ниже приводится текст извещения:

«Императорское правительство считает, что национальная политика империи, стремящаяся обеспечить мир на Востоке и сделать вклад в дело мира во всем мире, идентична миссии и духу Лиги Наций, которая ставит своей целью обеспечение мира и спокойствия между всеми странами. Императорское правительство с радостью может отметить, что за прошедшие тринадцать с лишним лет Япония в качестве страны – учредительницы Лиги Наций и постоянного члена Совета Лиги Наций содействовала достижению этой высокой цели. Никто не может опровергнуть тот факт, что за этот период Япония, не в меньшей степени, чем любая другая страна, принимала активное и чистосердечное участие в работе Лиги Наций. В то же время императорское правительство считает, что для обеспечения мира во всех районах земного шара необходимо, учитывая нынешнее международное положение, применение Устава Лиги Наций в соответствии с

¹ История войны на Тихом океане. Т. I. Агрессия в Маньчжурии. С. 368–369.

действительным положением в каждом из этих районов. Императорское правительство убеждено, что, только базируясь на таком справедливом курсе, Лига Наций может рассчитывать на осуществление своей миссии и повышение ее авторитета.

Когда в сентябре 1931 года японо-китайский инцидент был передан на рассмотрение Лиги Наций, императорское правительство, целиком исходя из изложенного выше убеждения, на Совете Лиги Наций и в ряде других случаев неоднократно заявляло о том, что Лига Наций должна найти справедливый и соответствующий путь для разрешения этого инцидента, что для того, чтобы внести подлинный вклад в дело укрепления мира на Востоке и поднять свой престиж, Лига Наций должна правильно уяснить действительную ситуацию в данном районе и применить свой Устав в соответствии с этой ситуацией. Императорское правительство, в частности, со всей силой подчеркивало, что, поскольку Китай не является единым государством, а его внутреннее положение и международные связи отличаются крайней сложностью, запутанностью и своеобразием, общепринятые принципы и обычаи международного права, являющиеся всеобщими нормами в международных отношениях, к нему не применимы. Поэтому в настоящий момент необходимо продумать и установить для данного случая особые международно-правовые нормы.

Однако в результате семнадцатимесячного обсуждения этого вопроса в Лиге Наций выяснилось, что большинство стран – членов Лиги Наций либо не уяснили действительного положения на Востоке, либо не обращают на него должного внимания. Мало того, выяснилось, что между Японией и этими странами возникли серьезные разногласия по поводу применения и особенно толкования Устава Лиги Наций, а также других договоров и принципов международного права. В результате принятый 24 февраля сего года чрезвычай-

чайной сессией Лиги Наций доклад комиссии не учитывает того, что у Японии нет иных намерений, кроме обеспечения мира на Востоке, и является крайне ошибочным в оценке фактов и основанных на них выводах. Он, в частности, предполагает, что действия японской армии во время инцидента 18 сентября и позднее не были результатом права на самооборону, и игнорирует тот факт, что ответственность за напряженность ситуации накануне инцидента и ухудшение положения после него целиком лежат на Китае. Поэтому доклад ведет к возникновению новых осложнений в политической ситуации на Востоке. Игнорируя факт создания государства Маньчжоу-Го и порицая позицию Японии, признавшей это государство, указанный доклад разрушает основы стабильности на Востоке. Его рекомендации, в частности, ни в коей мере не могут способствовать обеспечению спокойствия на Востоке, о чем подробно изложено в разъяснении императорского правительства от 25 февраля сего года.

Суммируя все вышеизложенное, императорское правительство пришло к выводу, что при рассмотрении японо-китайского инцидента большинство стран – членов Лиги Наций, очевидно, считает, что уважение неприменимых формул важнее обеспечения подлинного мира, что защита беспочвенных теорий важнее искоренения причин будущих конфликтов. Императорское правительство, учитывая также наличие серьезных расхождений между Японией и большинством стран – членов Лиги Наций по вопросу о толковании Устава Лиги и других договоров, вынуждено признать, что Япония и Лига Наций полностью расходятся во взглядах на политику сохранения мира, в частности на основной курс обеспечения мира на Востоке. Учитывая все это, императорское правительство считает невозможным дальнейшее участие Японии в Лиге Наций и на основании абзаца 3 статьи 1 Устава Лиги заявляет о своем выходе из последней».

Приложение 10

Основные принципы национальной политики¹ (принято советом пяти министров 7 августа 1936 года)

I. Основа нашего государственного правления состоит в том, чтобы, базируясь на великом принципе, устанавливаемом взаимоотношения между императором и его подданными, укрепить внутригосударственную основу, обеспечить осуществление миссии империи в области внешней политики, превратить империю номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии, обеспечить мир на Востоке и внести тем самым свой вклад в дело обеспечения спокойствия и благоденствия всего человечества, осуществив таким образом идеалы, завещанные нам со дня создания современного японского государства.

Учитывая внутреннее и международное положение, империя считает главным в своей национальной политике обеспечение с помощью координированных действий дипломатии и военных кругов своих позиций на восточно-азиатском континенте и расширение продвижения на юг. Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа

¹ История войны на Тихом океане. Т. II. Японо-китайская война. С. 342–344.

истинного сосуществования и сопроцветания является воплощением духа императорского пути и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизирующей силы в Восточной Азии.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве – такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами.

4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей. Продвижение наших сил в эти районы следует осуществить постепенно, мирными средствами, всячески избегая шагов, которые могут подействовать возбуждающе на другие страны. Таким путем, наряду с завершением строительства государства Маньчжоу-Го, мы сможем обеспечить дальнейшее усиление нашей государственной мощи.

II. Все внешние и внутренние мероприятия следует осуществлять в соответствии с вышеуказанными основными принципами национальной политики. Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза;

б) военные приготовления во флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана.

2. Наша внешняя политика должна быть обновлена. Ее главная задача – содействовать осуществлению основных принципов национальной политики. В целях обеспечения успешной дипломатической деятельности, военные круги должны избегать открытых действий и оказывать ей помощь тайно.

3. Для обновления и улучшения деятельности политико-административного аппарата, обеспечения финансово-экономической политики и разрешения других вопросов управления в соответствии с основными принципами национальной политики предлагается провести следующие мероприятия:

а) создать единое общественное мнение внутри страны и руководить им; укреплять решимость народа; найти выход из чрезвычайного положения;

б) внести соответствующие улучшения в работу административного аппарата и экономических организаций с тем, чтобы развить необходимые для осуществления национальной политики отрасли производства и торговли;

в) принять соответствующие меры для стабилизации жизни народа, его физического укрепления и идейного оздоровления;

г) осуществить необходимые мероприятия для скорейшего развития воздушного и морского транспорта;

д) ускорить обеспечение автаркии в деле удовлетворения нужд обороны и промышленности необходимыми ресурсами и важнейшими видами сырья;

е) наряду с обновлением дипломатического аппарата, укрепить информационно-пропагандистские органы, усилить дипломатическую активность и культурную деятельность за границей.

Приложение 11

Соглашение против коммунистического «Интернационала» (антикоминтерновский пакт)¹

(подписано 25 ноября 1936 года в Берлине,
опубликовано 27 ноября 1936 года)

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического «интернационала» (так называемого «коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам,

будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического «интернационала» во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире,

и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического «интернационала», консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

¹ История войны на Тихом океане. Т. II. Японо-китайская война. С. 344–346.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического «интернационала», принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати следующие лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года.

Дополнительный протокол

При подписании Соглашения против коммунистического «интернационала» полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического «интернационала», а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического «интернационала»;

б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действу-

ющего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического «интернационала» или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения, указанного в пункте «а» сотрудничества между соответствующими властями обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического «интернационала».

Составлен в Берлине 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года.

Секретное соглашение, прилагаемое к Антикоминтерновскому пакту

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая,

что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического «интернационала» и намерено использовать для этого свои вооруженные силы,

и будучи убеждены в том, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире,

в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы спо-

способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического «интернационала» и имеет одинаковый с ним срок действия.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах
25 ноября 1936 года, или 25 ноября 11 года Сёва.

Приложение 12

Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита – Крейги»)¹

24 июля 1939 г.

В результате переговоров, имевших место между нами, начиная с 15 июля 1939 г. было согласовано следующее заявление, которое должно быть опубликовано одновременно в Токио и Лондоне в понедельник 24 июля:

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные действия в широком масштабе, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им, или выгодные их противникам. Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей, и пользуется этой возмож-

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. в 2 т. М.: Политиздат, 1981. С. 146.

ностью, чтобы в подтверждение своей политики в этом отношении разъяснить британским властям и британским подданным в Китае, что им следует воздерживаться от таких действий и мер.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимов Александр Владимирович – лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. E-mail: mostaady@mail.ru ORCID - 0009-0006-7732-4849. (Глава 17).

Ахмедов Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. E-mail: shamyarabist@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-4952-2964. (Глава 16, Глава 17).

Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru ORCID: 0000-0003-3982-284. (Глава 8).

Веденеев Илья Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. E-mail: ilya.vedeneev@gmail.com ORCID: 0000-0002-8808-9745. (Глава 14).

Воронцов Валентин Александрович – магистрант магистратуры «Мировые аграрные рынки» Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО, группа турецкого языка. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Фе-

дерации (МГИМО) E-mail: valentinvorontsovv@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-5671-0288. (Глава 15).

Графов Дмитрий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. E-mail: graftvc@mail.ru ORCID 0000-0002-7334-5398. (Глава 13).

Кириченко Владимир Павлович – младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. E-mail: black-whit@yandex.ru ORCID ID: 0000-0001-8724-2341. (Глава 11).

Кузьмин Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com ORCID: 0000-0001-9544-1359. (Глава 4).

Ледовская Ольга Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. E-mail: oaled@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4161-3132. (Глава 2).

Малкин Станислав Геннадьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: s.g.malkin@mail.ru ORCID: 0000-0001-9522-7926. (Глава 7).

Миняжетдинов Ильдар Харрасович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения. E-mail: ildarm6@mail.ru (Глава 10).

Милеев Дмитрий Александрович – научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. E-mail: dim.mil@mail.ru ORCID: 0000-0001-6450-7589. (Глава 1, Предисловие, Заключение, Приложения).

Перминова Вера Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. E-mail: verger177@yandex.ru ORCID: 0000-0002-6626-7395. (Глава 3).

Родин Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: enigma9307@mail.ru ORCID ID 0009-0002-5378-5342. (Глава 9).

Сарабьев Алексей Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: alsaraby@ivran.ru ORCID: 0000-0002-9796-2411 (Глава 5).

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Гуманитарного академического университета гуманитарных наук и Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com ORCID ID 0000-0001-7834-5824. (Глава 6).

Шапалов Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, магистрант НИУ Высшая школа экономики. Пермь. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru ORCID 0000-0003-0975-3116. (Глава 12).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Восток в межвоенной системе международных отношений	22
<i>Глава 1. Япония в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений (Д. А. Милеев)</i>	22
<i>Глава 2. Япония и Турция в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений (О. А. Ледовская)</i>	56
<i>Глава 3. Колониальная политика Японии на Тайване после окончания Первой мировой войны: начало «просвещенного правления» (В. А. Перминова)</i>	76
<i>Глава 4. Панмонгольское движение и Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. (С. Л. Кузьмин)</i>	94
<i>Глава 5. Американский антиколониализм на марше: меморандум против мандатной политики Франции в Сирии (А. В. Сарабьев)</i>	116
<i>Глава 6. Британская империя в Восточной Азии, 1922–1939 гг.: проблема сочетания традиционных и новых колониальных практик (Е. Ю. Сергеев)</i>	139
<i>Глава 7. Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности в Британской империи после Великой войны (С. Г. Малкин)</i>	152
<i>Глава 8. Турция во внешней политике Великобритании, Франции и Советского Союза в межвоенный период (А. В. Болдырев)</i>	170

<i>Глава 9. Колониальный вопрос во внешней политике Веймарской республики (Д. В. Родин).....</i>	<i>181</i>
<i>Глава 10. Ирак во внешней политике СССР в 20-е годы XX в. (И. Х. Миняжетдинов)</i>	<i>202</i>
<i>Глава 11. Этноконфессиональные группы и антиправительственные восстания в Ираке (30-е гг. XX в.) (В. П. Кириченко)</i>	<i>241</i>
<i>Глава 12. Будущее Палестины в сибирской прессе 1914–1917 гг. (М. С. Шаповалов)</i>	<i>255</i>
Часть II. Наследие Версальско-Вашингтонской системы в современных международных отношениях.	281
<i>Глава 13. Значение Вашингтонского морского соглашения (1922 г.) для современной проблемы коллективного договора об ограничении стратегических вооружений (Д. Б. Графов).....</i>	<i>281</i>
<i>Глава 14. Курды – жертвы империалистической политики западных держав? (И. Н. Веденеев)</i>	<i>305</i>
<i>Глава 15. Лига Наций – ООН. Опыт урегулирования конфликта между греческой и турецкой общинами на Кипре (В. А. Воронцов).....</i>	<i>338</i>
<i>Глава 16. Особенности эволюции политических систем арабских стран Ближнего Востока (вторая половина XX–начало XXI вв.) (В. М. Ахмедов).....</i>	<i>355</i>
<i>Глава 17. Иран и кризис в САР: региональные измерения (В. М. Ахмедов, А. В. Абросимов)</i>	<i>376</i>
Заключение.....	385
Приложения	391
<i>Приложение 1. Обращение президента Соединенных Штатов, произнесенное на совместном заседании двух палат Конгресса 8 января 1918 года.....</i>	<i>391</i>
<i>Приложение 2. Декларация Бальфура</i>	<i>401</i>

<i>Приложение 3. Извлечения из Мирного договора между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокол (Версальский договор).....</i>	<i>402</i>
<i>Приложение 4. Договор Четырех Держав</i>	<i>431</i>
<i>Приложение 5. Договор Между Соединенными Штатами Америки, Британской Империей, Францией, Италией и Японией, подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 г.</i>	<i>433</i>
<i>Приложение 6. Трактат между США, Бельгией, Брит. Империей, Китаем, Францией, Италией, Японией, Нидерландами и Португалией касательно Кит. тамож. тарифа.</i>	<i>462</i>
<i>Приложение 7. Договор между Соединенными Штатами и другими державами, предусматривающий отказ от войны как инструмента национальной политики. Подписан в Париже 27 августа 1928 г.</i>	<i>466</i>
<i>Приложение 8. Извлечение из Договора об ограничении и сокращении военно-морских вооружений.</i>	<i>471</i>
<i>Приложение 9. Извещение о выходе из Лиги Наций.</i>	<i>487</i>
<i>Приложение 10. Основные принципы национальной политики</i>	<i>490</i>
<i>Приложение 11. Соглашение против Коммунистического «интернационала»</i>	<i>494</i>
<i>Приложение 12. Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита – Крейги»).</i>	<i>498</i>
Сведения об авторах	500

Научное издание

ЗАКАТ НА ВОСТОКЕ

От начала к концу Версальско-Вашингтонской системы

Редактор: *М. С. Грикурова*
Корректор: *М. Я. Колесник*
Дизайнер: *П. А. Трошина*
Верстальщик: *Н. Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные
Подписано в печать 20.12.2023 г. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 500 экз. Заказ № 1775
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12
Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.
Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33